Н.А. НЕКРАСОВ

СОЧИНЕНИЯ

12

КНИГА II

Ник. Некрасов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

*

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

ПИСЬМА

ТОМА 11—15

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — «НАУКА»
1995

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

КНИГА ВТОРАЯ

КРИТИКА
ПУБЛИЦИСТИКА
(КОЛЛЕКТИВНОЕ И DUBIA)
1840—1865

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — «НАУКА»
1995

ББК 84(0)5
Н48

Н $\frac{4702010104-557}{042(02)-95}$ Подписное

ISBN 5-02-028162-X
(т. 12, кн. 2)
ISBN 5-02-027944-7

КРИТИКА 1842—1861

(КОЛЛЕКТИВНОЕ И DUBIA)

1842

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА,

большая волшебная опера в русско-сказочном роде, в пяти действиях. Сюжет из поэмы Пушкина. СПб. 1842. (Либретто)

Автор *оперной поэмы* или, как говорят итальянцы, *libretto*, есть мученик композитора. Это истина, против которой не может быть возражений; истина, в пользу которой красноречивее всего говорят тысячи бестолковых libretto, написанных людьми толковыми и даровитыми. Не всякий знает, до какой степени трудно писать слова для оперы. Поэт, свободный в выборе предмета для своего творчества, не обязанный подчиняться в выполнении своей идеи ничему, кроме личного вкуса и вдохновения, обладающий правом сносить со всех концов обширного царства поэзии красоты в свое произведение, — теряет бо́льшую часть своих преимуществ, как скоро берется за перо с намерением писать libretto. Вольный в выборе и создании характеров (а иногда и не вольный), поэт в выполнении заданной или задуманной темы безусловно должен подчиниться музыканту, и только там, где его собственные идеи совпадают с музыкальными идеями композитора, он может позволять своей фантазии свободный разгул. Во всем остальном он, как говорится, связан по рукам и по ногам. . . В таком печальном положении какой огонь, какое увлечение не охладеет, не испарится? Чья фантазия не ослабеет, не устанет в беспрестанных приискиваньях новых образов, новых оборотов, новых звуков на подставу тех, которые обракованы — не оттого, что в них нет смысла, вкуса или гармонии, но единственно потому, что они *не подходят под музыку*, часто наперед задуманную или даже сочиненную. Вдохновение, которое любит безуслов-

но властвовать своими любимцами, опрометью бежит от дерзкого либреттиста, который в припадке безумного отчаяния деспотически заносит на него руку, — и несчастный либреттист (так, конечно, можно назвать по-русски господ, сочиняющих оперные поэмы), волей-неволей из роскошных чертогов фантазии, из светлого мира поэзии — как раз попадает в темную область галиматьи, с которою, к его несчастию, мир поэзии так же близок, как восторженное состояние человека с безумием, как смешное с великим. . . Нет, г. Башуцкий! Вы ошибались, доказывая, что самое несчастнейшее существо в мире — *водовоз*. Самое несчастнейшее существо в мире — *либреттист*!

Однако ж, несмотря на трудности, какие встречаются при сочинении хорошего libretto, композитор всеми мерами должен избегать libretto уродливого и нелепого. Нет спора, что в опере главное дело музыка, но и libretto, состоя в неразрывной связи с музыкою, имеет своего рода влияние на судьбу оперы: если оно хорошо, то может до некоторой степени способствовать успеху музыки; если плохо, то, наоборот, может повредить ему. Следовательно, очень жаль, что даровитый и почти единственный наш композитор М. И. Глинка выбрал для своей новой оперы libretto бесспорно прекрасное по содержанию (заимствованному из сказки Пушкина), но весьма неудовлетворительное по выполнению. . .

Надобно много и много раз повторить, что libretto новой оперы заимствовано из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», чтоб убедить в том публику. Изложим здесь поподробнее содержание libretto, чтобы не распространяться об нем при разборе музыкальной части оперы, который читатели найдут в этом же нумере.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет гридницу в Киеве.

Великолепный брачный стол. Светозар, сказочный, великий князь киевский (?!! ..), Руслан, Людмила, Фарлаф, Баян, Ратмир, сыновья Светозара, бояре, витязи, хор народа, няни, сенные девушки, стольники, чашники, гридни, отроки — вот толпа, которая поражает зрителей при поднятии занавеса. Все окружают молодую чету — Руслана и Людмилу, хор поет в честь ее:

Нежность подруги *красит* нам свет,
А без взаимности счастия нет!

Светозар прибавляет, благословляя:

Чада родимые! небо *устроит* вам радость, —
Сердце родителя — верный вещун!

Здесь заметно упущение: не сказано, в какую краску «нежность подруги красит нам свет». Впрочем, что за беда — пойдемте далее.

Все веселы. Только Ратмир грустит о своей Хазарии, где он «лишь слухом знал горе», да Фарлаф злится на неудачу своей любви и клянется похитить Людмилу. Вдруг раздается удар «грому» (правописание брошюры), за ним другой, за другим третий, «продолжительный». Затем, как сказано в брошюре, «мрак и похищение Людмилы. Черномор. Оцепенение *зрителей* (?!..)». А затем «мрак постепенно исчезает; приходят мало-помалу в чувства от оцепенения, наведенного волшебством Черномора», и восклицают:

Какое чудное мгновенье! — *и прочая.*

Все поражены и тронуты. Светозар предлагает Людмилу в супруги тому, «чей подвиг будет не напрасен», то есть, говоря без каламбуров, будущему избавителю своей дочери. И затем «идут» удивительные стихи, от которых должны стать в тупик все русские критики:

Ратмир, *потом* Руслан, Светозар *и* Фарлаф.

О, витязи,
Скорее в чисто поле!
Дорог час,
Путь далек, —
Борзый конь
Помчит вас (меня) по воле,
Как в степи
Ветерок.
Чуток он:
На путь вам (мне) *неизвестный*
Без удил
Налетит!

Мы не помним ничего подобного в либреттном мире со времени следующих китайских стихов:

Как туча серая найдет,
То сильный дождь пойдет,
Когда ж на землю он падет
То сам собой пройдет.

(Из оперы «Агнесса»).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет пещеру. Действие начинается рассказом, который, слава богу, почти целиком взят у Пушкина. Читатели, верно, помнят поэтическую историю гордой Наины, которая двукратно отвергла любовь Финна, сперва пастуха, потом героя, а под старость, очарованная чудным зельем, влюбилась в него до безумия. Финн сообщает Руслану, кто похитил Людмилу и так утешает его:

Спокойся, витязь, — злобы сила
Не победит княжны твоей.
Тебе верна твоя Людмила;
Твой враг *бессилен перед ней.*

Утешение всегда бывает горько!.. Театр переменяется и представляет пустынное местоположение, где ведут речь Наина и Фарлаф. Фарлаф трусит и почти готов отказаться от надежды владеть Людмилою. Наина приказывает ему идти домой и ждать ее:

Руслана победить,
Людмилой овладеть
Тебе я помогу.

Фарлаф в восторге уходит в «замок дедов».

Затем «пустынное местоположение» превращается в «пустыню». «Вдали туман. Разбросано оружие, копья, щит, шлем и мечи». Руслан поет превосходную арию на слова Пушкина:

О поле! поле! кто тебя
Усеял мертвыми костями? — *и прочая.*

«Туман рассеивается и является огромная голова». В диких стихах пересказывает она Руслану о том, как брат ее, «волшебник, злой Черномор чудною силой в длинной браде был одарен»; о том, как он, злодей, отделил ее, голову, от огромного туловища мечом-кла-

денцом и о том, как Руслан, в свою очередь, может тем же мечом-кладенцом отрубить Черномору «браду».

Как ни плохи стихи о «браде», нельзя, однако ж, порицать их слишком строго, потому что в наших операх бывали и такие:

> В закон, в закон, в закон себе поставим
> *Для ра, для ра,* для радостей лишь жить,
> Другим, другим, другим мы предоставим
> *Без го, без го,* без горя век тужить.
>
> (Из «Роберта-Дьявола»).

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Волшебный замок Наины. После хора волшебных дев, подвластных Наине, Горислава остается одна и поет каватину, в которой высказывает тоску и сожаление об измене Ратмира, прежнего своего любовника. По уходе ее является Ратмир и жалуется, что у него «тоскует кровь»

> И в памяти зажглась забытая любовь.

Балет. Является Горислава и хор дев, потом Руслан. Здесь Ратмир и Руслан, очарованные волшебством Наины, забывают свою клятву отыскать Людмилу и почти готовы предаться любви и веселию, — вдруг является Финн:

> Прочь обольщенья! прочь замок обмана!

И замок превращается в лес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Театр представляет волшебные сады Черномора. Людмила грустит «вдали от милого в неволе». С отчаяния она хочет броситься в воду. Ундины не допускают ее. Невидимый хор уговаривает ее «покориться судьбы веленьям» и не грустить. Из цветов выходят волшебные девы и стараются утешить ее. Балет. Она неутешна.

(*Адажио*)

Ах! ты доля, долюшка,
Доля моя горькая,
Рано мое солнышко
За ненастной тучею,
За грозою скрылося!
Не видать мне более
Ни родного батюшки,
Ни драгова витязя!
Тосковать мне, девушке,
В безотрадной долюшке!

Является роскошно убранный стол. Золотые и серебряные деревья ведут курант. Людмила отказывается есть и пить:

Не нужно мне твоих даров, ни скучных песен,
Ни пиров!
Назло, *в мучительной истоме*,
Умру среди твоих садов!

Вот как варварски музыка поступает с самыми лучшими стихами там, где они не подходят под мерку!

«Людмила падает в обморок, над ней спускается прозрачный шатер, три волшебные девы ухаживают за ней». Является «свита Черномора, потом и сам Черномор, которого браду несут арапы на подушке. Людмила приходит в себя и обнаруживает негодование. Чтобы развлечь княжну, по мановению Черномора́ начинаются танцы». Звук трубы, зовущий Черномора на поединок с Русланом, прекращает их. Хор поет:

Погибнет, погибнет нежданный пришлец!
Пред грозной гордыней волшебного замка
Немало погибло богатырей.

Руслан вцепляется в бороду Черномора. Черномор увлекает его на воздух. Хор продолжает:

О чудо!..
Что видим!..
Где витязь
Нашелся,
Способный
Сразиться
С волшебником
Мощным?

Подлинно, каких стихов не начитаешь в libretto!

Руслан является победителем; «брада» Черномора обвита около его шлема. Он бросается к Людмиле, но, увы! — злой волшебник погрузил ее в усыпление. Руслан старается разбудить ее — напрасно! Горислава и Ратмир поют ему в утешение:

Скорей *на полдень* пойдем,
И там, на киевском поле
Кудесников сильных сзовем
И к жизни княжну *возведем*.

Счастливый путь!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

«Театр представляет долину; *признаки* вблизи расположенного поезда. Лунная ночь.» Ратмир приличным образом уведомляет публику, что «Руслан забылся тяжким сном близ очарованной Людмилы». Вдруг — увы! — «духи ночей» снова похитили Людмилу, и Руслан исчез вслед за нею. Является Финн и дает Ратмиру волшебный перстень, которым можно вывести Людмилу из усыпления. Долина превращается в гридницу. В глубине спящая Людмила. За нею хор и оркестр. Светозар и Фарлаф, выдавший себя за избавителя Людмилы, дивятся ее бесчувственному положению и тоскуют. Являются Руслан, Ратмир, Горислава. Фарлафа уличают; Людмилу посредством кольца оживляют, все счастливы. Занавесы гридницы раскидываются. Вдали виден древний Киев. Народ радостно стремится к князю, затем хор, в котором особенно замечательны следующие стихи:

Радость
Боги
Ныне
Дали
Нам!

Нет сомнения, что это стихи! В противном случае мы должны допустить, что М. И. Глинка писал свою прекрасную музыку на прозу, что артисты пели прозу, что публика слушала вместо стихов прозу, что libretto оперы в прозе — чего по законам оперным и человеческим допустить невозможно. . . Итак, это стихи, но стихи в новом роде, честь изобретения которого принадлежит

автору libretto. Впрочем, он не исчерпал еще всей глубины своего блистательного открытия; мы сделали в нем важное усовершенствование, которое спешим опубликовать, покуда нас не предупредили. Мы придумали способ писать стихи еще короче. Возьмем для примера ту же мысль и изложим ее по нашей методе:

Ра
Дость
Бо
Ги
Да
Ли
Нам!

И это стихи! . . Не правда ли? . . Стихи! конечно стихи! . . Ну так уж и это, должно быть, стихи:

Р
А
Д
О
С
Т
Ь
Б
О
Г
И, — *и пр<очая>.*

Не возражайте! Если это не стихи, то и стихи автора либретто — не стихи, что, как вы сами согласились, противно законам оперным и человеческим! . . И чем же эти стихи страннее, н⟨а⟩пр⟨имер⟩, этих, кажется, из «Фра-Диаволо»:

Ка, ки, какими, *глаза,* глазами
Он гля, он гля-дит на меня!

Разница очень небольшая: здесь автор для наполнения порожних мест ввел *склады,* не имеющие отдельно никакого значения; мы зашли немного далее — *в азбуку*!

Впрочем, мы уже говорили вначале, что за трудностью писать хорошие оперные поэмы у нас вошло в обычай сочинять удивительные вещи; следовательно, не должно удивляться никакой прозе, никаким стихам, встречаемым в оперных поэмах! . . Жаль только, повторяем, что лучший композитор наш М. И. Глинка вывел

по такой ужасной канве свои музыкальные цветы, — они стоили бы канвы гораздо лучшей. . .

У нас есть только одна оперная поэма, вполне достойная своего назначения. Всякий догадается, что мы разумеем «Жизнь за царя» барона Розена. Еще доныне памятны нам ее звучные поэтические стихи, подобные, например, следующим:

Высок и свят наш царский дом,
И крепость божия кругом!
Под нею сила Руси целой,
А на стене в одежде белой
Стоят крылатые вожди, —
Так, недруг, близко не ходи!

Покажите нам в «Руслане и Людмиле» хоть один такой стих (разумеется, кроме тех, которые целиком взяты у Пушкина)!

1843

СТАТЕЙКИ В СТИХАХ

Без картинок. Том II. С. Петербург. В тип. К. Жернакова. 1843. В 16-ю д. л. 40 стр.

Читатели, может быть, не забыли маленькой книжечки, изданной каким-то шутником под названием «Статейки в стихах, без картинок», — книжечки, которую один петербургский журнал, вероятно, нуждавшийся в материале для «забавы» своих читателей, почти всю сполна перепечатал под видом рецензии и тут же обругал ее, чтоб прикрыть такою стратагемою невинное похищение, произведенное им в ущерб бедному издателю книжечки. Как бы то ни было, но издатель, видно, не робкого десятка — не боится, что означенный журнал вторично без его спроса и ведома перепечатает его книжечку, — он выпустил второй *том* ее, поместив в нем «философическую сказку» «Жизнь и люди» и «Говоруна, или Записки петербургского жителя Ф. А. Белопяткина». В «Сказке» к *Духу жизни* являются разные покойники, претендующие на вечную жизнь, и рассказывают дела свои. Вот, например, что говорит *Помещик*:

Я в своей деревне. . .
То есть вот как славно жил,
Что дрожали все оконницы,
Как с друзьями я кутил.
Утром на поле отъезжее —
И гоняю там коня!
Все чиновники заезжие
Отъедались у меня,
Да зато уж хоть исправника,
Так не струшу я, ей-ей! . .
Надо, что ли, вам забавника, —
Распотешу всех гостей.
Над моими анекдотцами

Надрывался весь уезд,
А завод-то с иноходцами
Каждый так, кажись, и съест.
Да и сам поесть я промаху,
Право слово, не давал, —
И настойку на черемуху
Персонально наливал.
Пью с друзьями — так испарина
Вот и валит, хоть не верь.
Уж, ей-ей, такого барина
Не сыскать нигде теперь.
Я заморской тарабарщине
Не учился никогда! . .
Девки круглый год на барщине
Да такие, что беда! . .
На крестьян моих, мошенников,
Дворня дюжая моя
Извела немало веников.
Как же, хамова семья,
Не на то ль они родилися,
Чтобы барину служить?
А туда же норохтилися
Для себя копить и жить!
И за то они, разбойники,
Как прибрал меня Творец,
Вот как выли по покойнику,
Растащивши погребец. . .

Смешны также *Важный человек* и *Чиновник*, явившиеся к *Духу жизни*. *Чиновник* говорит про себя:

Я сам в моей ничтожности
Не только в свете *жил*,
Но даже по возможности
Отечеству служил.
На службу собираюся
Часам я к девяти
И так всегда стараюся,
Чтоб раньше всех прийти.
Бывало, в отделении
Смирнее всех сижу,
Со страхом и почтением
На старших я гляжу.
Пишу всегда внимательно,
Никак не обернусь
И доверху, так тщательно,
Как должно застегнусь.
Мне с чувством в дни воскресные
Начальник руку жал,
И каждый писарь в крестные
Отцы наверно звал.
Со славой самой прочною
Я ревностно служил
И пряжку беспорочную

За XXX лет носил.
Я в жизнь словечка грубого,
Ей-Богу, не сказал
И сторожа беззубого
Любезным называл.
Начальник отделения
Подчас начнет ругать —
Что ж делать? . . Без сомнения,
Смириться — и молчать.
(Другой — один нахальствует,
А крикнешь и притих),
На то он и начальствует,
Чтоб взыскивать с других.
Я в рынок и лабазникам
Всегда долги платил,
В театр ходил по праздникам,
Бесчинства не любил.
Смотрел, что поучительно,
Актрисам не мигал,
Служил неукоснительно,
Стихов не сочинял.
Конечно, приходилося
И мне грустить порой,
И странно сердце билося
Чувств новых полнотой;
Грудь ныла от томления,
И не спалося в ночь, —
Но это наваждение
Я гнал тот час же прочь.
Меня ветчинка сочная
В могилу низвела,
И пряжка беспорочная
От смерти не спасла.
Я временное жительство
С почетом покидал, —
Его превосходительство
За гробом выступал. . .

Не боясь быть похожими на упомянутый нами журнал, умеющий жить чужим добром, выписываем еще строфу г. Белопяткина о Рубини:

Я в пост как бы на станции
Задержанный скучал,
Да, к счастию, из Франции
Рубини прискакал.
От чувства безотчетного
Вдруг всякий присмирел,
Как в зале Благородного
Собранья он запел.
На голову курчавую,
Во всех концах земли
Увенчанную славою,
Все взоры навели,

И звуки изумрудные
Впивали жадно в грудь.
То были звуки чудные, —
Он пел не как-нибудь!
Высокое художество
И выразить нет слов!
Я слышал в жизни множество
Отличнейших певцов, —
Съезжаются на старости
Они со всех сторон,
Ревут как волки в ярости,
А все не то, что он!
Начнет в четыре голоса,
Зальется, как река,
А кончит тоньше волоса,
Нежнее ветерка.
По свету благодарному
Об нем не даром гул,
Мне даже, титулярному,
Он сердце шевельнул!
С ним пела не отличная
Певица Остергард.
Ей, право, бы приличнее
Петь в зале Энгельгард. . .

Вся эта шуточная болтовня, в которой есть, как видно из выписанных нами стихов, нечто и повыше болтовни, несравненно умнее многих водевильных острот и куплетов, заслуживающих себе громовые аплодисманы и вызовы от посетителей Александрынского театра.

1844

БОЯРИН ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ БАСЕНОК

Трагедия в пяти актах в стихах. Соч⟨инение⟩ Н. Кукольника

Наконец, 3-го апреля, на другой день по открытии Александринского театра, разыграна была знаменитая драма г. Кукольника «Боярин Ф⟨едор⟩ В⟨асильевич⟩ Басенок». Знаменитая, говорим мы, потому что о «Басенке», еще до появления его на сцену и в печати, было много говорено и писано в изданиях, которые технически называются «приятельскими». Предвидим вопрос читателя: «Что ж это за драма? Хуже ли она тех, за которые пред автором когда-то печатно падал на колени какой-то критик и восклицал: „*Великий Гете! великий Кукольник*!“, или лучше? И что в ней особенно замечательно? Чем она лучше, чем хуже?». На все эти вопросы мы постараемся сделать, по возможности, удовлетворительные ответы.

Сначала о содержании драмы.

Автор взял ту эпоху русской истории, когда уделы — это ненасытное чудовище, в продолжение долгих лет почти ни на минуту не перестававшее терзать наше отечество, — начали клониться к упадку. Но как болезнь при конце, за которым следует или выздоровление, или смерть, бывает обыкновенно сильней и терзательней, так и чудовище, не раз заливавшее святую Русь реками ее собственной крови, при последнем издыхании своем обнаруживало свирепства неслыханные. Героем этой эпохи является Димитрий Шемяка.

Драма г. Кукольника начинается ослеплением великого князя московского Василия Васильевича, прозванного от этого Темным. Шемяка объявляет себя великим князем московским; руководимые страхом или

личными расчетами удельные князья один за другим преклоняют колени пред похитителем престола и присягают ему в верности; не преклоняет колен один Басенок. Он упрекает Шемяку в злодействе, и разгневанный Шемяка повелевает заключить Басенка в темницу. Басенок берет цепи, становится на колени и произносит клятву в верности отечеству и законному государю. Конец первого действия.

Во втором акте — тюрьма. В ней Басенок, прикованный к камню, разговаривает с тюремным приставом. Является Галка, *«дурак Димитрия Шемяки»*, — пошлое и донельзя истасканное в драмах лицо мстителя, прикидывающегося шутом, и объявляет, что Шемяка освободит Басенка, если Басенок согласится уступить ему жену свою Наташу. Надобно знать, что Наташа выдана за Басенка насильно и любит Шемяку, с которым чуть-чуть год тому назад не убежала от мужа, когда в Москве был *«трус земли»*; но Басенок ничего этого не знает и считает супругу свою невинною голубицею. Поэтому известие Галки приводит его в бешенство; он схватывает одною рукою Галку за горло, а другою поднимает молот. Но не бойтесь, — убийства не воспоследствует: в течение пяти актов Басенок беспрестанно замахивается, но дело тем и кончается. Убедившись в измене Наташи, Басенок сначала хочет свободы, потом не хочет ее за ту страшную цену, которую назначил Шемяка, потом опять хочет, потом опять не хочет. «И не нужно!» — восклицает пристав, разбивая цепи. Почуяв свободу, Басенок выхватывает из рук сторожа молот и, помахивая им, кричит:

О, я прощусь с Шемякой и Наташей. . .
Целуйтесь, я несу вам поцелуй. . .
Любитесь, я вас смертью сочетаю. . .

Однако ж не пугайтесь! Он хвастает. Не убить ему ни Шемяки, ни Наташи: драма только приближается еще к третьему акту.

Посторонитесь! лев ушел из клетки,
Бык с бойни сорвался, —

восклицает Басенок, и с этим словом *«бык»*, он же Басенок, помахивая молотом, убегает. Сцена, которую мы теперь рассказали, чрезвычайно натянута и беспредельно скучна. Вообще таков весь второй акт.

Декорация переменяется: Наташа ждет к себе Шемяку, убранная в ганзейские парчи и новгородский жемчуг. Является Шемяка; любовники воркуют как голубки. В то время как Наташа бросается к Шемяке на грудь, слышен за дверью рев сорвавшегося с бойни быка: «Отворите! . .». Смятение. Наташа с нянею Кузминишною в отчаянии. Шемяка прячется в горенку. Вбегает бык и замахивается молотом на Наташу, но опять только замахивается. Хотя Наташа для драмы решительно не нужна, но убийства не совершилось: Басенок только проклял ее и ушел, очень довольный собою. Конец второго акта.

Третий акт — в Галиче. Шемяка осажден и близок к погибели: *«Московские бояре Василию в соборе поклялись лишить Шемяку воли и уделов»*. Шемяка, думая, что дурак Галка нелицемерно предан ему, дал дураку пузырек яда с секретным поручением пробраться в московский стан и отравить Басенка. Но отравление не удалось: Басенок отнял пузырек у дурака. Постойте: пузырек ему пригодится. Потом Шемяка подсылает лазутчика умертвить Басенка, но лазутчика схватывают и заключают в оковы. Но здесь опять *«бык с бойни сорвался»*: является на сцену Басенок и объявляет Шемяке прощение Василия Темного и разрешение «сидеть на Галиче спокойно». Потом Басенок, чрез посредство боярина Ощеры, просит Шемяку возвратить ему жену Наташу, но Шемяка упорствует. Для разрешения спора является Наташа и говорит:

Я здесь! Возьмите! В монастырь ли, в яму,
Мне все равно, но только не к нему.
Я ненавижу Басенка: он вор,
Он на чужой жене женился силой! . .
Прости, Димитрий, бог тебе поможет
Завистников крамольных одолеть. . .

Басенок уступает Наташу Шемяке, и третий акт оканчивается.

В четвертом акте — золотая палата, трон и против него обитые бархатом скамьи. На трон усаживают «слепотствующего» великого князя московского Василия Темного, а на скамьях раполагаются бояре. Дело в том, что Шемяка с помощию некоторых удельных князей и татар опять угрожает Москве. После продолжительных совещаний великий князь назначает Басенка послом для

усмирения «заблудшихся братий» словами мира. Басенок прощается и, обращаясь к Иоанну, малолетнему сыну Василия Темного, произносит:

Ты — во младенчестве Самсон могучий,
Ты — в отроках премудрый Соломон!
В твоих руках срастется, оживет
Разбитый труп державы Ярослава!
В твоей Москве воскреснет Византия,
Империя восточная восстанет
И третий Рим закон предпишет миру.

Я у преддверья подвигов твоих
Паду с молитвой за тебя и царство!
Я дел твоих бессмертных не увижу,
Я лягу камнем в здание твое!
Строй, зодчий, строй великую державу!
Вбей под нее железную основу,
На диво свету стены возведи
И увенчай их златом просвещенья!

Четвертому акту, который скучен не в пример прочим, также достаточно скучным, конец. . .

Пятый акт держится на драматической уловке, которая за крайнею старостию изгоняется ныне даже из порядочных водевилей, не только из трагедий, претендующих на литературное достоинство, — пятый акт держится на переодеваньи. Басенок привязывает себе длинную белую бороду, надевает беловолосый парик, а сверх обыкновенного костюма — одежду простолюдина и является в Новгороде Великом, откуда Шемяка грозит «перевернуть Москву вверх дном».

Театр представляет кухню при хоромах князя Димитрия Шемяки. В кухне прохаживается Наташа в одежде стряпухи и горько жалуется на свою долю. Является переряженный Басенок, узнает Наташу, но не узнанный ею, долго не открывается, стараясь ближе ознакомиться с настоящим ее положением. Наташа несчастна. Еще недавно любимая и окруженная всеми благами жизни, она теперь —

Работница Шемяки,
Стряпуха! щти варит на челядь князя,
А иногда и на Шемякин стол.

Здесь, как нельзя более кстати, в ней проявляется раскаяние, сознание долга или, быть может, она только притворяется, как притворялась в первом акте в любви

к мужу, которого потом в глаза назвала ненавистным; но как бы то ни было, простодушный Басенок верит ее словам и даже мирится с ней, утешая себя следующею мыслию:

Земля не наша, так стяжаем небо.

Как, для чего, зачем и почему приходит Шемяка на свою кухню, мы не ведаем, но что точно приходит, мы то знаем наверное. Приходит, и еще не один, с Галкою. Басенок тотчас принимает шутовскую личину. Шемяка влюблен в Аксинью, вдову посадника, но Аксинья отвечает ему ненавистью. Басенок, выдающий себя знахарем, берется приворожить Аксинью к Шемяке. Обрадованный Шемяка уходит, пригласив к себе на пир знахаря.

Перемена декорации. Богато убранная и блистательно освещенная палата. На сцене тьма народа, на первом плане Шемяка и Аксинья. Начинается ворожба: Басенок берет чару, наполняет вином и произносит над нею сказку, которая будто бы должна придать вину волшебную силу. Эту сказку и следующую за ней сцену, которою оканчивается трагедия, мы здесь вполне приведем нашим читателям:

Басенок (*поставя пред собою чашу*)

Чаша добрая,
Чара гладкая,
Ненаглядная.
Глубже моря-окияна,
Ярче солнца красного;
Ты звездою золотой
Стой себе, красуйся,
На гостей поглядывай,
Сказочке прислушайся:
Что скажу, а ты на дно
Бережно укладывай;
Пригодится сказочка. . .

(*Откашливается.*)

В славном городе Антоне, в Волчьем переулке
Жил-был знахарь-самовед с желтой бородою.
Счетом звезды, и песок, и волну морскую
Знал и ведал самовед с желтой бородою;
Он на поясе носил девичье сердечко,
Черный глаз, людской недуг, воровскую совесть. . .
В том же городе Антоне, в том же переулке,
Проживал заезжий гость, молодой царевич;
В сердце у него была вострая заноза.

По ночам, по целым дням плакался царевич
На красавицу-царицу, вдовую соседку. . .
Черных кун да соболей он пригнал к ней стадо;
Все живые, молодые, серебро на шерсти;
Он достал и той парчи, что за бурным морем
Выткал знахарь-самовед из зари небесной;
Вместо пряника принес кованое злато;
Куль живого жемчугу за мешок орехов.
Поглядела, посмотрела вдовая царица,
Усмехнулась, отвернулась, не взяла подарков. . .
Все узнал и осерчал знахарь на царицу.
Снял он с пояса недуг, вдовье снял сердечко,
Истолок их в порошок, заварил настойку.
Той настойки (*вынимает склянку*) я достал малую толику
И в зеленое вино лью мою приправу.

(*Вливает яд, разбивает склянку.*)

Аксинья (*вскакивает*)

Князь, на меня ты западню поставил:
Он — злой колдун!

Гости

Ловите колдуна!

Шемяка

Не трогать! Он мой гость! Не дам в обиду! Докончи сказку!

Басенок (*встав*)

Сказка у конца.

(*Несет чашу князю.*)

Отведай, князь, любовного недуга,
И вдовье сердце забирай в полон. . .

Шемяка (*взяв чашу*)

Аксинья Павловна! Твое здоровье!

Аксинья (*в сильном волнении*)

Он выпьет! Я погибла! Что мне делать?
Не пей, Димитрий Юрьич, то отрава!
Колдун проклятый обманул тебя!

Шемяка (*побледнев*)

Какая мысль! Коварная Москва
На жизнь мою еще не посягала. . .
Теперь, грозу военную завидя,
Послала отравителя к Шемяке. . .

(*Громко.*)

Эй, знахарь! Виночерпий прежде сам
Отведает, потом уж мне подносит! . .

Басенок (*взяв чашу*)

Князь! позволь поколдовать,
Чтоб не прилип ко мне недуг любовный:
Аксиньей не хочу с тобой делиться. . .

(Выходя вперед, про себя.)

Смерть, здравствуй! Пью за жизнь твою, отчизна!
Пью радостно твой мир, твое спасенье!
Цвети, красуйся на моей могиле!
О счастьи и величии твоем
Слух радостный в мой темный гроб проникнет,
И мертвые возрадуются кости. . .

(*Взболтав чашу, громко.*)

Князь, про твое любезное здоровье!

(*пьет*)

Шемяка

Аксинья! Так злодей не пьет отравы;

(берет чашу и тихо Басенку)

А скоро ли подействует?

Басенок

Сегодня!

(*Князь пьет, Аксинья плачет, Басенок с жадностию глядит на князя. Когда Шемяка допивает, Басенок сбрасывает парик и верхнее платье*).

Басенок (*громогласно*)

Да здравствует великий князь Василий!

Все

Боярин Басенок!

(*Шемяка роняет чашу.*)

Басенок

Мы рассчитались!
Женой и смертью братски поделились,
Судьбу Руси решили поединком!
Чудовище! Я отравил тебя. . .

(*Все отступают в ужасе.*)

Шемяка (*побледнев и дрожа всем телом*)

Проклятие!.. Суд божий!.. О, спасите!..

(*Падает перед Басенком без чувств.*)

Басенок

Столы, вина, музыку, плясунов!
Докончим пир, пир общий, пир народный!
Русь празднует смерть Дмитрия Шемяки!
Целуйтесь, люди, братски обнимайтесь!
С победою друг дружку поздравляйте!
Во прахе враг, последний князь удельный!
Свивайте, немцы, праздные знамена
И восвояси с миром возвращайтесь!
Русь! по домам! Ступайте, веселитесь,
Живите, братья милые. . . а я. . .

(*Шатается.*)

Наташа! Я к тебе, моя Наташа!

(*Падает без чувств.*)

Разумеется, новая драма г. Кукольника в сравнении с какою-нибудь «Русскою боярынею» или «Новгородцами» — гениальная вещь; но так, сама по себе, она очень слаба. Басенок, как все герои наших драматических представлений, много говорит и хвастает, а мало делает. Прилично ли, например, порядочному герою (а Басенок представлен героем) так беспощадно хвастать (стр⟨аница⟩ 312):

Нет, Галка, обожжется гость незваный;
От ужаса бояре онемели,
Я разрешу трусливый их язык. . .
Как пламя из бесчувственных кремней,
Я извлеку из них сознанье долга,
Из рук убийц Василия исторгну.

Или через две страницы:

Государыня княгиня,
На эту руку можешь опереться,
Ни князю, ни тебе не изменит!

И подобные фразы Басенок произносит ежеминутно. К концу драмы героический и необдуманно-порывистый характер, который хотел придать Басенку автор, искажается странным переодеваньем. Басенок является жалким и малодушным. Да и к чему вся эта сцена с чарками и чарами, как не для одного эффекта? Если уж Басенок решился умертвить Шемяку, то разве не мог он сделать этого тотчас же по встрече с Шемякою, в кухне, где

притом нашелся бы ему и хороший помощник в лице дурака Галки, ненавидевшего Шемяку? Или, если ему непременно хотелось убийства, разве не мог он, за пиром у Шемяки, каждую минуту вытащить меч, скрытый под платьем, и поразить Шемяку? Нет, нужно был непременно отравление, и притом такое, случая к которому решительно нельзя было предвидеть; а если так, то с каким же намерением Басенок пришел к Шемяке, что же такое Басенок, что же такое, наконец, самая драма с ее эффектнейшею последнею сценою? Натяжка для шекспировского эффекта явная и неловкая! Ох, этот Шекспир!

Наташа, жена Басенка, — лицо совершенно невозможное. Все ее действия — сцепление гнусных клевет и отвратительного лицемерия. Подобные качества, конечно, могут быть в женщине, как и в мужчине, но не так бывают они, как представил г. Кукольник, и не так кончают подобные женщины свое житейское поприще.

Говорить ли о других лицах? Все они, за исключением дурака Галки, являются на сцену для счета, и зритель нисколько не проиграл бы, если б они вовсе не являлись. О Галке мы уже сказали: это тысяча первый *мститель*, разыгрывающий до времени перед ненавистным тираном шутовскую роль. Разница только в том, что этот очерчен гораздо слабее, чем все прежние, и не возбуждает в зрителе нисколько ни участия, ни веселости.

Главный недостаток драмы, которого ни за что не простит г. Кукольнику большинство публики, заключается в том, что она чрезвычайно скучна. До самого пятого акта зрителю приходится хлопать только стихам, которые в «Басенке» большею частию прекрасны. Впрочем, к чести г. Кукольника должно сказать, что он легко мог бы избегнуть этого упрека, и если не избег, то единственно потому, что не хотел прибегнуть ни к каким средствам, кроме данных ему природою.

Роль Басенка играл г. Каратыгин-стар⟨ший⟩ и сыграл с тем искусством и тою безукоризненною отчетливостию, какою всегда отличается игра этого актера. Ему обязана пьеса некоторым успехом и автор вызовом. Во всех сценах, кроме сцены во втором акте, в тюрьме, г. Каратыгин был превосходен. Сцена во втором акте, с прихода дурака Галки до конца, у автора, как мы уже сказали, очерчена очень слабо и притом лишена логической вероятности: что же мог сделать из нее актер, хоть бы и такой, как г. Каратыгин?

Превосходно сыграла г-жа Каратыгина-стар⟨шая⟩ роль Софьи Витольдовны, матери Темного. От каждого слова ее так и веяло злостью, ненавистью и проклятием. Жаль, что роль Софьи нисколько не вяжется с драмою и зритель оставляет ее без внимания, тогда как на г-жу-то Каратыгину и можно было только обращать внимание, когда уходил со сцены г. Каратыгин. Г-н Смирнов 1-й был хорош в роли Шемяки.

Остальные актеры и актрисы — г-жа Самойлова 2-я, Копылова, Гусева, г⟨оспода⟩ Григорьев 1-й, Громов и др⟨угие⟩ играли как всегда. Не было ничего особенно хорошего, но и ничего особенно дурного. Нам очень жаль было смотреть на г. Сосницкого в роли дурака Галки: при всем даровании и при всем старании, которое было очевидно, он ничего не мог сделать из своей роли. Но и никакой актер из этой пустой и пошлой роли ничего бы не сделал.

Замечательно еще следующее обстоятельство: Василий Темный, в лице г. Григорьева 1-го, явился на сцену старцем лет 65-ти, а супруга его Мария, в лице г-жи Копыловой, явилась женщиною лет 25-ти. Подобные противоречия у нас нередки. Мы еще помним, как в первом акте «Эсмеральды», отделенном от пролога пятнадцатью годами, некоторые лица (из женщин) являются не только в том самом виде, в каком являлись в прологе, но и в тех самых костюмах. Это, конечно, забавно, но совсем неестественно, а естественность — одно из главных условий театра. Между тем как легко избегнуть подобных противоречий! Если например, актриса не знает, в каком возрасте представляемое ею лицо должно явиться на сцену, ей стоит только спросить у режиссера! . .

СТАРИННАЯ СКАЗКА ОБ ИВАНУШКЕ-ДУРАЧКЕ,

рассказанная московским купчиною Николаем Полевым. Цена 30 коп. сереб., продается везде, даже и на Апраксином дворе. Лета 1844. В друкарне Матвея Ольхина в городе Петербурге

После долговременных неусыпных трудов на журнальном, историческом, критическом, повествовательном и драматическом поприщах почтенный Николай

Алексеевич Полевой, помнится, в 1842 году для рассеяния себя среди многоразличных серьезных занятий и для удовольствия публики написал и выпустил в свет прекуриозную книжечку под длинным заглавием, которого теперь не припомнить вполне; знаем только, что в нем главную роль играли *Были, Небылицы, Свет, Люди и Деньги,* потом сочинение называлось философическим, юмористическим, сатирическим и, наконец, в довершение очарования, красовалось на обертке знаменитое и многовнушающее имя — Балакирев. Да, почтенный Николай Алексеевич Полевой, выступая в свет с шуткою, хотя и философически-наставительною и глубоко остроумною, но все же не более как с шуткою, — не хотел поставить на ней имени, украшающего «Историю русского народа», «Аббадонну», три тома «Очерков русской литературы» и с лишком дюжину драм, которые ставят автора в глазах восторженной публики если не выше, то и не ниже Шекспира, этого колосса английской драматургии, — и скромно прикрылся именем *Балакирева.* Однако ж инкогнито было непродолжительно; вы знаете, что для любимых публикою писателей так же трудно скрыть свое имя, как трудно не знаменитым и не любимым сделать его известным. Вспомните автора «Веверлея» или — что к нам гораздо ближе — вспомните *автора повести «Муж под башмаком».* Уж он ли не маскировался, называя себя то *«дворянином Кукареку»*, то *П. М.*, то *автором повести «Муж под башмаком»*, а между тем все мы очень хорошо знаем, что он в самом-то деле ничего более, как автор нескольких плохих повестей. Любопытству человеческому нет пределов! Но здесь дело произошло гораздо проще и совсем иначе; тайну обнаружило нетерпение. Чье? каким образом? Объявление о выходе книги в свет не выдержало и в нетерпеливом желании поделиться с публикою усладительной тайною крупными буквами известило, что *Балакирев* есть не кто иной, как автор «Истории русского народа». Вы, верно, помните это событие и потому рассказывать его в подробности не для чего. Это объявление известного имени, казалось бы, должно было придать книжечке новое достоинство в глазах публики, но ... тайна от нас закрыта! Мы знаем только, что обещано было продолжение таких книжечек, и продолжение не явилось. Причину неуспеха юмористической шутки почтенного Н. А. Полевого трудно выразуметь и еще труднее

высказать. Казалось, все было соединено в этой книге, чтоб появлением ее в свете произвести восторг публики: прекрасные большею частию политипажи, великолепный фронтиспис, на котором золотыми литерами было написано магическое слово *«Деньги»*, заманчивое, с хозяйственной предусмотрительностию придуманное заглавие, удачно подобранные эпиграфы, заглавия статей, наконец, самые статьи — труд опытного и заслуженного сочинителя, — все это не оставляло малейшего сомнения в успехе книги и, однако ж, увы! — случилось совсем иначе! Глубокая горесть, которой не могли скрыть все истинные друзья литературы, при таком странном невнимании публики к труду известного литератора, здесь очень понятна и уважительна. Как бы рассердясь (и основательно) на холодный прием публики «Былей и небылиц», почтенный Николай Алексеевич Полевой не дарил ее более юмористическим текстом с поли-типажами, хотя, как мы уже сказали, и было обещано продолжение. Наконец, в нынешнем благополучном 1844 году он снова решился выдать книгу с политипажами, но уже — странная вещь! — не с своим, а только с подновленным текстом. Что же он переделал и подновил?

Почтенный Николай Алексеевич Полевой, как всякому известно, всегда был во главе всех полезных литературных нововведений; он ввел у нас способ делать оригинальные драмы из иностранных пьес, перенося даже вымыслы Шекспира и Вальтера Скотта на почву древнерусской жизни так удачно, что не всегда возможно доискаться первообраза; он придумал тот удивительный способ составлять истории, которым впоследствии так ловко воспользовался г. Булгарин в своем «Суворове», — способ легкий, верный, выгодный для самой публики, способ, при помощи которого одна и та же история может быть историею десяти героев, смотря по надобности. И мало ли еще знаем мы полезных нововведений, которыми обязана наша литература почтенному Николаю Алексеевичу Полевому? Другие только ему подражали и часто гораздо удачнее его пользовались этими нововведениями, но честь изобретения их всегда оставалась и останется за почтенным Николаем Алексеевичем. Это скажет всякий даже самый жаркий противник его. Вот и нынче с выходом в свет «Сказки об Иванушке Дурачке» литература обязана благодарностию ему же, почтенному Николаю Алексеевичу Полевому за новое открытие.

Заметив, что новые книги даже с политипажами совсем не обращают на себя внимания публики, чему разительным доказательством послужил неуспех «Былей и небылиц», достойных лучшей участи, — почтенный Николай Алексеевич Полевой подумал, подумал и открыл новый способ заинтересовать публику. «Не хотите читать новых книг, — читайте старые книги в новом виде!». Сказано — сделано, — перед нами известная русская «Сказка об Иванушке Дурачке», переделанная *московским купчиною* Николаем Полевым. Не знаем, почему опыты новооткрытого способа начались именно с русских сказок, но не можем не удивляться изобретательности почтенного Николая Алексеевича Полевого.

«Но, — скажете вы, — что тут мудреного? Переделывать старые книги!» — Оно так, дело очень простое, когда вам сказали, и мы уверены, что найдутся люди, которые воспользуются им не хуже почтенного Николая Алексеевича Полевого, но яйцо ставится тоже очень просто, а кто умел поставить его? Нет. Коломбы не родятся сотнями и даже десятками. Вы можете и опять возразить вопросом: «К чему поведет переделка старых книг наново, особенно народных сказок, и для чего публике нашей подделка под простонародный сказочный склад, когда она имеет те же самые сказки, написанные настоящим простонародным складом? .. «Этак, — скажете вы, — кто-нибудь начнет переделывать русские народные песни! Ведь это значит — переливать из пустого в порожнее! Что выиграет литература? Что выиграет публика?» Оно так, но что же прикажете делать, когда ни забавные книги с политипажами, ни «драматические сочинения и переводы», ни краткие и пространные истории с политипажами и без политипажей не привлекают внимания публики и не заставляют ее, как бывало, читать, перечитывать и зачитывать до лоскутков в короткое время по огромному изданию? Быть может, вы спросите: хорошо ли переделана сказка об Иванушке Дурачке? Вопрос до того трудный, что мы разрешить не беремся. Мы можем только представить образчик:

«Послушайте, добрые люди, начинается сказка об Иванушке Дурачке. Тянется облако по широкому поднебесью, ходит вихорь по дремучему лесу, а сказка гуляет между людьми добрыми. Хитра русская сказка. Прибауток у нее, что у красной девицы в косе лент разноцветных. Приговорок у нее, что у пьяницы праздников, — что

день, то праздник; выпить захотелось — и праздник на дворе, а кто празднику рад, тот до света пьян, в обед хмелен, вечером опохмеляется, назавтра от головы лечится, а послезавтра нового праздника ждет, не дождется. А коли ты начал сказку слушать, так все равно, что в честной беседе на почетном месте сел, — чем обносят, от того не отнекивайся, держи круговую порядком, пей до дна, а уж как домой добраться — сам рассуждай. Мы не из многого бьемся, люди добрые, — из *спасиба*. Не будьте на него скупы да наперед и не загадывайте, о чем мы вам станем рассказывать. А расскажем мы простую сказку об Иванушке Дурачке, да только не заморском, а с русскою дурью, тою дурью, что похитрей иного немецкого ума, разуму сестра сведеная, догадке кума, а шутке сватья. Если понял, так про себя смекай, а другому не говори. Вот вам присказка, а за тем поклон — ступай, душа, на раздолье, слово на приволье, сказка на рассказ.

В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять морей, в тридесятом королевстве, за Китайскою стеною, за Солнечными горами, за Эфиопскою пучиною, на молочном море с кисельными островами стоял город, и царствовал в том городе царь Горох с царицей Морковью. Много было у него мудрых бояр, богатых князей, сильных, могучих богатырей, а простого войска без одного сто тысяч человек. Жили в том городе всякие люди, купцы честные бородатые и плуты хитрые тароватые, ремесленники немецкие, красотки шведские, пьяницы русские, а в слободах пригородных мужички-крестьяне землю пахали, хлеб засевали, муку мололи, на базар возили, а выручку пропивали. В одной из слобод стояла хата старая, а жил в ней старик с тремя сыновьями Фомой, Пахомом да Иваном. Хитер был старик, а не только умен, да где-то случись ему быть с бесом; поразговорился он с ним, подпоил его и выведал у него многие и великие тайны и начал делать такие чудеса, что соседи прозвали его знахарем, иные называли колдуном, а другие величали шутовым кумом. Чудеса делал старик великие: сушит ли кого зазноба сердечная, поклонись только ему — даст корешок какой-то, и красная девица не отойдет от тебя; пропажа ли сделалась — поворожит на воде — бери только ярыжку земского да и ступай по краденое к вору как по положеное, берегись только, чтобы ярыжка не утащил. А болести всякие лечил старик — как рукой снимал: даст какого-нибудь заморского зелья, а не то просто водой спрыснет либо обдунет три раза, и пойдешь здоровый, что встрепаный. Вот, как ни хитер был старик, а только того не угораздил, чтобы дети по нем пошли. Двое-то еще были таки туда и сюда, не то, что чересчур умны, не то, что чересчур плуты, а так — середка на половину: вперед не забегали, сзади не отставали. И женились они, и детей нажили, и жили, как жилось, — ни шатко, ни валко, ни на сторону. Старик, смотря на них, радовался, да и какой отец не радуется на детей — хоть дурни, да все своя рубаха к телу ближе чужой и холщевая кажется лучше пестрядинной. А третий сын женат не был, да старик об нем не заботился, потому что третий сын его был дурачок, простота сердечная, трех перечесть не умел, только пил да ел, да спал, да на печи лежал. Так что же о таком человеке заботиться, — проживет лучше умного! А впрочем Иван был такой смирный, что воды не замутит; попроси опояску, а он и кафтан отдаст, возьми рукавицы, так он и шапкой впридачу поклонится, за что все Ивана любили и звали его Иванушкою Дурачком, а *Дурачок* — оно, конечно, сродни *дураку*, но все-таки поласковее».

Вот еще несколько строк, в которых можно ознакомиться с настоящим характером Иванушки Дурачка.

«В те поры, как съезжались попробовать удали женихи царевны, и братья Иванушки Дурачка вздумали идти посмотреть, что там делается. Собираются, а Иванушка Дурачок говорит: „Возьмите и меня с собою!“ — Ну, дурак, — отвечали ему братья, — сиди дома да кур стереги! Куда тебе! „Вестимо“, — сказал он, пошел в курятник и залег там. А как ушли его братья — побрел Иванушка Дурачок в чистое поле, на широкое раздолье, крикнул молодецким голосом, свистнул богатырским посвистом: „Гей ты, Сивка-бурка, вещий каурка! стань передо мной, как лист перед травой!“ И вот конь удалый бежит, земля дрожит, из очей пламя пышет, из ушей — дым столбом. Молвил он человеческим языком: „На что я тебе надобен?“ Иванушка Дурачок в одно ушко влез, умылся, причесался, наелся, напился, а в другое ушко вылез такой молодец, что и в книгах не писано, а не только воочью не видано. И сел он на своего доброго коня, бил его по крутым ребрам плеткою шелка Шемаханского, и конь его разъяряется, от земли подымается выше леса стоячего, ниже облака ходячего, большие реки вплавь плывет, малые хвостом застилает, между ног горы пропускает. Прискакал Иванушка Дурачок к терему царевны Бактрианы, взвился ясным соколом, через тридцать венцов перескочил, только двух не достал и умчался вихрем пролетным. Народ шумит: „Лови! Держи!“ Царь выскочил, царица ахнула, народ дивуется.

Воротились братья Иванушки Дурачка и между собой разговаривают: „Уж был молодец — только двух венцов не достал!“ — Братья, да ведь это я был! — говорит им Иванушка Дурачок. „Молчи ты, дурацкая рожа! тебе ль быть — лежи на печи да ешь калачи!“»

Почтенный Николай Алексеевич Полевой, конечно, не нуждается в нашем одобрении; несмотря на то, мы не можем не воздать вторично похвалы его изобретательности и не отметить в нашей библиографии в предупреждение могущих возникнуть впоследствии споров, что он был *первый*, переделавший русскую народную сказку. На задней стороне обертки находится известие, которому не можем не порадоваться: в скором времени поступит в продажу вторая сказка под заглавием «Об Иване-Царевиче и Царь-Девице, гуслях-самогудах, скатерке-хлебосолке, сапогах-самоходах и шапке-невидимке». Прекрасно! .. Продолжайте, почтенный Николай Алексеевич, подвизаться на этом новом, вами открытом поприще, не смущаясь возгласами завистников и недоброжелателей, которые, быть может, закричат, что это изобретение нисколько не обогатит нашу литературу и что, следовательно, от него нельзя ожидать никакой пользы.

СОЧИНЕНИЯ КНЯЗЯ В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Издание книгопродавца Андрея Иванова. Санкт-Петербург. 1844. В типографии Эдуарда Праца. Три части. В 8-ю д. л. В I-й IX и 390; во II-й — 436, в III-й — 374.

Нынешний год был одним из бесплоднейших в русской литературе. Припомните, о чем говорили с вами журналы в своих библиографических отделениях: учебники да адрес-календари, «стихотворения» начинающих поэтов, вроде «Мужичка с ноготок», и прозаические начатки вроде «Наказанного Колдуна», «Года за границей» и «Битвы русских с кабардинцами», две красивые книжки с картинками, потом *«брехня»*, брехня русская, белорусская, чернорусская, польская, венгерская, чешская... Нынешний год только и богат был «брехнею» (так, сами вы еще помните, называлась в древние времяна «народная славянская поэзия»), но публике, к сожалению, вовсе не понравились рассказы стародавних брехунов, и она читала одни журналы, да и в журналах в продолжение истекших девяти месяцев явилось очень немного сколько-нибудь замечательных произведений...

И вдруг среди этого литературного застоя, среди этой глухой и безотрадной пустоты является произведение, проникнутое живою и умною мыслью, действительным убеждением, согретое чувством, блестящее умом, талантом и образованностью... как тут не порадоваться? как не благодарить судьбу? как не поздравить публику и самого себя?.. Самого себя мне поздравить особенно весело, потому что после непрестанных восьмимесячных бесед о пустых произведениях — поговорить об умной и дельной книге — больше чем счастие.

Первая часть «Сочинений князя Одоевского» называется «Русскими ночами» и есть попытка написать драму, «которой предметом была бы не участь одного человека, но участь общего всему человечеству ощущения, проявляющегося разнообразно в символических лицах». Действие начинается на бале, где, между прочим, находится один из героев этой драмы — Ростислав. Блестящие люстры, хрупкие вазы, словом, все удобства жизни, а за окном дикая природа, холодом, бурею, смертью грозящая человеку, — все это на-

водит его на мысль: «Что было бы с нами, если б не случилось на свете умного человека, который выдумал строить дома, вставлять рамы и топить печи?» От этих мыслей он перешел мало-помалу к более важным и наконец остановился на мысли о просвещении. Так как развитие вопросов, возникших в нем по поводу этой мысли, составляет дальнейшее содержание «Русских ночей», то мы и выпишем, о чем рассуждал Ростислав:

«Просвещение! Наш XIX век называют просвещенным, но в самом ли деле мы счастливее того рыбака, который некогда, может быть, на ⟨этом⟩ самом месте, где теперь пестреет газовая толпа, расстилал свои сети? Что вокруг нас?

Зачем мятутся народы? Зачем как снежную пыль разносит их вихорь? Зачем плачет младенец, терзается юноша, унывает старец? Зачем общество враждует с обществом и еще более с каждым из своих собственных членов? Зачем железо рассекает связи любви и дружбы? Зачем преступление и несчастие считается необходимою буквою в математической формуле общества?

Являются народы на поприще жизни, блещут славою, наполняют собою страницы истории и вдруг слабеют, приходят в какое-то беснование, как строители вавилонской башни — и имя их с трудом отыскивает чужеземный археолог посреди пыльных хартий.

Здесь общество страждет, ибо нет среди его сильного духа, который бы смирил порочные страсти, а благородные направил ко благу.

Здесь общество изгоняет гения, явившегося ему на славу, — и вероломный друг в угоду обществу предает позору память великого человека.

Здесь движутся все силы духа и вещества; воображение, ум, воля напряжены, время и пространство обращены в ничто, пирует воля человека, а общество страждет и грустно чует приближение своей кончины.

Здесь в стоячем болоте засыпают силы, как взнузданный конь, человек прилежно вертит все одно и то же колесо общественной махины, каждый день слепнет более и более, а махина полуразрушилась, — одно движение молодого соседа — и исчезло стотысячелетнее царство.

Везде вражда, смешение языков, казни без преступлений и преступления без казни, а на конце поприща — смерть и ничтожество. Смерть народа... страшное слово!

Закон природы! — говорит один.

Форма правления! — говорит другой.

Недостаток просвещения! — говорит третий.

Излишество просвещения!

Отсутствие религиозного чувства!

Фанатизм!

Но кто вы, вы, гордые истолкователи таинства жизни? Я не верю вам и имею право не верить! Нечисты слова ваши, и под ними скрываются еще менее чистые мысли.

Ты говоришь мне о законе природы, но как угадал ты его, пророк непризнанный? Где твое знамение?

Ты говоришь мне о пользе просвещения? ⟨Но твои руки окровавлены!

Ты говоришь мне о вреде просвещения?!⟩ Но ты косноязычен, твои мысли не вяжутся одна с другою, — природа темна для тебя, — ты сам не понимаешь себя!

Ты говоришь мне о форме правления? Но где та форма, которою ты доволен?

Ты говоришь мне о религиозном чувстве? Но смотри: черное платье твое опалено костром, на котором терзался брат твой; его стенания невольно вырываются из твоей гортани вместе с твоею сладкою речью.

Ты говоришь мне о фанатизме? Но смотри: душа твоя обратилась в паровую машину. Я вижу в тебе винты и колеса, но жизни не вижу!

Прочь, оглашенные! нечисты слова ваши, — в них дышат темные страсти! Не вам оторваться от житейского праха, не вам проникнуть в глубину жизни! В пустыне души вашей веют тлетворные ветры, ходит черная язва и ни одно чувство не оставляет незараженным!

Не вам, дряхлые сыны дряхлых отцов, просветить ум наш. Мы знаем вас как вы нас не знаете, — мы в тишине наблюдали ваше рождение, ваши болезни и предвидим вашу кончину; мы плакали и смеялись над вами, мы знаем ваше прошедшее... но знаем ли свое будущее?»

К Ростиславу присоединяются еще несколько приятелей, и все они отправляются к Фаусту. Фаустом называли они приятеля своего, который держал у себя черную кошку, по несколько дней сряду не брил бороды, любил рассматривать в микроскоп козявок, дуть в плавильную трубку и пр⟨очее⟩. Постоянным предметом бесед этих молодых людей, мыслящих, образованных и пытливых, сделались вопросы, составляющие постоянный предмет философии и доселе ею не решенные. Главный из них очень прост по-видимому и очень короток: *«зачем мы живем?»*

Ростислав, Виктор, Вячеслав — больше слушают; Фауст больше говорит и *читает* — читает рассказы, более или менее поразительные, в подтверждение мнений, которые отстаивает. Все эти рассказы очень занимательны, написаны живым, увлекательным языком и читаются с большим удовольствием. Самый разговор, несмотря на строгую серьезность предмета, веден так живо, умно и ловко, что нисколько не утомляет читателя. Много дельных, глубоких и верных идей рассыпано в этих «Русских ночах», составляющих содержание первой части. Видно, что автор много читал и еще более думал. Он нередко ловит на противоречиях самых глубоких и прославленных мыслителей, высказывает блестящие и смелые пред-

положения, между которыми много светлых и неоспоримо истинных, много остроумных. Встречаются и такие, в которых не всякий согласится с автором. В рассуждениях своих Фауст приходит к следующему результату:

«Запад произвел все, что могли произвесть его стихии, — но не более; в беспокойной ускоренной деятельности он дал развитие одной и задушил другие. Потерялось равновесие, и внутренняя болезнь Запада отразилась в смутах толпы и в темном беспредметном недовольстве высших его деятелей. Чувство самосохранения дошло до щепетливого эгоизма и враждебной предусмотрительности против ближнего; потребность истины — исказилась в грубых требованиях осязания и мелочных подробностях; занятый вещественными условиями вещественной жизни, Запад изобретает себе законы, не отыскивая в себе их корня; в мир науки и искусства перенеслись не стихии души, но стихии тела, потерялось чувство любви, чувство единства, даже чувство силы, ибо исчезла надежда на будущее; в материальном опьянении Запад предает на кладбище мыслей своих великих мыслителей и топчет в грязь тех из них, которые сильным и святым словом хотели бы заклясть его безумие».

А из всего этого, по мнению Фауста, следует, что для достижения полного гармонического развития основных общечеловеческих стихий Западу нужен *славянский Восток*, где найдет он частию свои же силы, сохраненные и умноженные, найдет историческую жизнь, верование в возможность счастья не одного большого числа, но в счастие *всех* и *каждого* и пр⟨очее⟩, и пр⟨очее⟩ (*смотр⟨и⟩ стр⟨аницы⟩ 386, 387 и 388 первой части*).

«Все хорошо, — сказал Виктор, когда Фауст замолчал, — но что же нам между тем остается делать?

— Ждать гостей и встретить их с хлебом и солью.

Вячеслав. — А потом надеть учительский колпак и рассадить гостей по скамьям...

Фауст. — Нет, господа, для этого вам еще надобно выйти из состояния брожения, которое осталось от прививки; подождать той минуты, когда гармонически улягутся все стихии, вас образующие, когда вы, подобно Ломоносову, будете черпать изо всех чаш, забыв, которая своя, которая чужая, — эта минута не далека. — А между тем не худо приготовиться к принятию дорогих гостей — наших старых учителей, прибрать горницу, наполнить ее всем нужным для жизни, чтобы ни в чем не было недостатка, и самим принарядиться и тщательно позаботиться о своих меньших братьях, наприм⟨ер⟩, хотя передать им в руки науку, чтоб они не зевали по сторонам; не худо подчас и бичом сатиры, по примеру предков, стегнуть мышей, которые забираются в дом, не спросясь хозяина; вообще, своего не чуждаться, чужого не бояться, а пуще всего хорошенько протереть собственные наши очки и помнить, что вся штука не в одной оправе, а также, что и лучшее стекло не годно, когда его затянет плесенью.

Вячеслав. — Все, что я могу сказать, c'est quil y a quelque chose à faire...

Виктор. — Я подожду парового аэростата, чтобы посмотреть тогда, что будет с Западом...

Ростислав. — А у меня так не выходит из головы мысль сочинителей рукописи: „Девятнадцатый век принадлежит России!“»

В *пятьдесят шесть лет*, оставшиеся до истечения девятнадцатого века, многому, конечно, суждено совершиться на земном шаре; может быть, разрешатся и вопросы, составляющие содержание «Русских ночей», а покуда спасибо автору и за догадки, между которыми, как мы уже сказали, есть смелые и весьма остроумные...

Принимаясь за вторую часть «Сочинений князя Одоевского», читатель изумлен неожиданно: перед ним уже не тот серьезный и важный собеседник, который спускался с ним на дно самых запутанных и многозначительных вопросов, — но живой, блестящий, веселый рассказчик, так же умно и так же проницательно вглядывающийся в ежедневные явления действительной жизни, как развивавший ее теорию. Повести, составляющие содержание второй части, были все напечатаны в разное время в журналах и альманахах. В свое время они производили значительный эффект в публике, заставляли плакать или смеяться, — то же действие произведут они на читателя и теперь. Не все из них равны по достоинству, но самая слабая в отношении к произведениям кн. Одоевского могла бы занять первое место между произведениями писателя менее даровитого. Тонкая наблюдательность, игривый и заманчивый рассказ, умеренная и благоприличная шутка, знание жизни и людей, уменье представить слабости и пороки описываемого характера с тем добродушием, которое располагает читателя скорее к состраданию, чем к презрению и ненависти, — вот блестящие качества, которыми отличаются повести кн. Одоевского и благодаря которым эти повести так увлекательны, милы, трогательны, забавны. Прибавьте к этому, что каждая из них имеет свой оригинальный характер, свою физиономию, которая не допустит вас смешать повесть кн. Одоевского с повестью другого автора, — качество, доказывающее могучую и самобытную личность и возможное только у писателя, имеющего свой взгляд на вещи и свои убеждения...

Вы знаете, что сфера действительности не составляет предела творческой деятельности автора. Иногда (и до-

вольно часто) он вводит вас в тот фантастический мир, населенный духами и привидениями, где так вольно гулять фантазии, но где также при даровании менее сильном и менее находчивом всего легче споткнуться. Но дарование автора всегда почти является на помощь ему, вооруженное всеми своими средствами, в самые критические минуты и выручает его очень счастливо даже и в тех случаях, где холодный положительный ум совершенно бы потерялся. Не скроем, однако ж, что нам более нравятся повести кн. Одоевского, основанием которых служит действительность, и мы думаем, что из всего, к чему способно разнообразное и богатое силами дарование автора, способность живо и ярко изображать действительность мŏгла бы принести самые дорогие и блестящие плоды.

В третьем томе «Сочинений кн⟨язя⟩ Одоевского» напечатана, между прочим, «домашняя драма» под названием «Хорошее жалованье, приличная квартира, стол, освещение и отопление». Сколько ума, наблюдательности, тонкого знания жизни, сколько глубокой и страшной иронии в одной этой драме! Одно такое произведение могло бы составить иному прочную и завидную известность. Содержание очень просто. В семейство, где отец пуст, важен и плутоват, мать — женщина, которой лет угадать нельзя, кокетничающая своими ножками, сын — избалованный дерзкий мальчик с ухватками взрослого негодяя — в такое семейство нужен *учитель*. И вот с рекомендательным письмом в руке является юноша благородный и робкий, бедно и дурно одетый, не умеющий ни стать, ни сесть. Отец семейства делает ему, окончившему курс в университете, экзамен из чистописания и правописания и находит, что он в том и другом «очень слаб». Мать начинает с ним кокетничать и прямо делает ему вопросы: женат ли он? не имеет ли намерения жениться? не влюблен ли? Молодой человек, озадаченный отцом семейства, уже потерял всякую надежду получить место, но Глафира Ильинишна успокаивает его словами: «О, не бойтесь, — он таков только с вида, любит покричать, поважничать, но, впрочем, будьте спокойны, — он ни во что, *ни во что* не вмешивается; вы будете знать одну меня; что вам нужно, чем вы недовольны — идите прямо ко мне... (*показывая на дверь*). Вот эта дверь *всегда будет для вас отворена.* Да подвиньтесь поближе...» Неошибочная догадка поражает

благородного юношу, — а тут приходит сын и говорит без обиняков: «Слушай, если хочешь у нас оставаться, так будь по-моему, а не по-ихнему». Мысль быть льстецом при отце, угодником при сыне и при матери приводит его в ужас; он готов бежать... Но ему приходит на память черный хлеб, грубый хозяин, требующий за квартиру, нетопленая квартира и, заглушив в душе *остатки школьных бредней,* он бросается в дверь, которую отворяет ему горничная Глафиры Ильинишны...

И он погиб! Погиб благородный и теплый юноша бесславно и неизбежно! Осквернились чистые порыванья и заглохли без следа и возврата! Растленная душа... в пошлом довольстве бесплодно погасла. Но, впрочем, что говорим мы? В нас, кажется, тоже заговорили «остатки прошлых школьных бредней»? Можно ли называть человека погибшим, когда вдруг после нищеты и холода он очутился в теплой и светлой квартире, почувствовал себя хозяином пяти тысяч в год жалованья? Но этого мало? через десять лет — он уже имеет двести тысяч капиталу и прекрасное место с жалованьем, столовыми и квартирными. Правда, большую часть денег достал он, женившись на Марье Ивановне в угодность своему «благодетелю», а другую имеет в виду по векселям с прежнего своего ученика, которому давал деньги за жидовские проценты на уплату карточных долгов, прикрываясь именем «подставного». Но старик умрет — и он сделается обладателем Марьи Ивановны; Ванюшка получит наследство и заплатит ему по векселям. «Ну вот, — говорит он, — и философия! Что она значит? — Сущий вздор! Думал ли, гадал ли я когда-нибудь, сидя в моем пестрядинном халате, что я... я — и на таком месте! и такое жалованье! Да, я, я скоро буду значительным лицом! Тьфу! чудеса в этой жизни происходят! Ну, Ксенофонт Григорьевич! Право, не дурно! Правда! дороженько пришлось... унижение, такое унижение, что подумать страшно! нет, нет, да и загрызет в сердце... нечего сказать, подлость, ужасная подлость...»

А между тем эти редкие вспышки сознания уже не мешают ему обделывать свои дела успешным образом, яснее сказать — мошенничать на все руки. Через тридцать лет с того дня, как переступил порог дома своего «благодетеля», он уже сам сделался владельцем этого дома, разорил и довел до самоубийства прежнего своего ученика и завладел всем его имуществом. Он уже

человек значительный, имеет двух дочерей, но дочери от него бегают. Вот монолог, в котором он весь перед вами — обрюзглый шестидесятилетний старик, сухой и пресыщенный, но все еще жадный и думающий найти в деятельности внешней успокоение какой-то непонятной тревоги.

«Измов (*с книгою в руках*). Так! убежали! (*дочери*) видеть меня не могут! прекрасно, нечего сказать! я даже на них навожу ужас... Проклятая книга! . . (*бросает ее на пол*). Точно как будто кто-нибудь ей рассказал всю жизнь мою... ничто, ничто не забыто... и прежние мечты, и первые приемы, и богатство, и этот несчастный... Ох! страшный призрак! ⟨вижу его⟩, вижу, как будто он передо мною... бедный, бедный Ванюша! вот он на коленях ползает, вымаливает у меня кроху от отцовского добра...(*с хохотом*) „Ничего не бывало! Сам проигрался, сам и плати! ведь знал, что у тебя ни гроша за душою... зачем же играл? Вперед наука!“ — А там, там пистолетный выстрел — размозженный череп... ужас! ужас! . . Ах, если б я мог уснуть! — И все исчезло! все умерло, и я — один, один — вокруг лишь кучи золота... Ну, что ж! ничто не переменилось... Я опять в той же комнате, — в той же, в которую едва смел войти, робкий, простодушный, чистый, невинный, когда было так тяжело и... так легко на душе... но все это вздор! бредни! мечта! — теперь я уж не то — я богат, я очень богат, я силен; передо мной робеют... мне кланяются — пестрядинного халата и в помине нет, на мне бархат, да! бархат! . . Что ж, ведь я счастлив... надобно пользоваться своим счастием... а не унывать, — ведь я могу и еще разбогатеть... есть чем заняться (*показывая на стол с бумагами*) — ведь здесь не гроши, не рубли, — здесь мильйоны! ге! ге! (*развертывает пакеты, лежащие на столе*). Требная ведомость! посмотрим: сто тысяч чистого барыша... ну! только-то, — я, признаюсь, ожидал больше; не из чего было и рук марать. Это что еще? „Я сейчас только из чужих краев и спешу, почтеннейший Ксенофонт Григорьевич, препроводить к вам настоящий пирог Perigueux — сам на руках вез, уверяю вас!“... Подлец! все добивается, чтоб его в часть принял...что за лакей! — рад ноги у меня лизать! — А! собственноручная записка князя: „...надеюсь, почтенный и любезный друг, — вы не откажете отобедать со мною с глаза-на-глаз... удобнее будет обо всем переговорить...“ — Давно бы так, ваше сиятельство! ⟨...⟩ видно, понадобился пестрядинный халат? . . то-то же!»

Он бы и еще продолжал жизнь очень самодовольно, если б один негодяй, который прежде помогал ему плутовать, не вздумал и себя успокоить на старости и не потребовал от Измова двухсот тысяч. Негодяй так ловко все устроил, что нужно было или отдать двести тысяч, или самому ждать беды. Это вместе с другим очень важным несчастием так взбесило Измова, который ласкал себя гордою мыслию, что никто не в состоянии его переплутовать, что почтенный человек этот подвергся смертельному удару.

Все лица в этой драматической сцене натуральны и являются перед вами как живые. С замечательным искусством изображен, между прочим, характер «кабинетного гостя» — гостя, какого не дай бог никому принимать у себя!

А «Живой мертвец», эта беспощадная сатира на современное общество, каждое слово которой хватает за сердце, бросает в жар и холод... Сколько глубокой иронии в одной этой повести!.. Но указывать поодиночке на каждую повесть кн. Одоевского было бы долго и напрасно, — их должно читать, читать и читать, что теперь и делает русская публика...

«Сочинения князя Одоевского» изданы прекрасно.

МОИ ЗАПИСКИ

1. *Сказка о Иване купеческом сыне и о ларчике с трурубчиками, о коте Мерлюке и о собаке Хорте, рассказанная тем самым человечком, который под балаганами ящик со стеклышками показывает, по-немецки камер-обскуру. Санкт-Петербург. 1844. В 16-ю д. л. 48 стр.*

С тех пор, как господин Полевой рассказал сказку об «Иванушке-дурачке», люди всякого звания и всякого ремесла, грамотные и полуграмотные, пустились рассказывать сказки; даже *человечек*, показывающий под балаганами камер-обскуру, увлекся духом подражательности и, говоря высоким слогом, «принес свою лепту на алтарь отечественного просвещения», то есть описал «*баталию* при тетушке *Наталии*, как горшки *воевали*, три корчаги в полон *взяли*, как всякие люди на базаре *торгуют* и *воруют*, горло *дерут* и мошенников *берут*». Мы предсказывали, разбирая «Иванушку-дурачка», что г. Полевой найдет себе много подражателей. И вот теперь, как видите, предсказание наше оправдалось. Подражатели явились. Сказка, рассказанная *тем самым человечком, который под балаганом ящик со стеклышками показывает*, ничем не отличается от сказки об «Иванушке-дурачке», и те, которым понравилась последняя, прочтут с удовольствием и первую. Даже творение *того самого человечка* некоторым принесет гораздо более на-

слаждения, потому что оно писано *рифмованною* прозою. Правда, при нем нет картинок, но рифмованная проза «того самого человечка» стоит каких угодно картинок. «В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель, в тридесятом королевстве, в городе *великом*, всякими людьми *набитом* жил был Иван, купеческий сын, по отце наследник один; он на базаре торговал, по алтыну на рубль выручал; а товар у него покупали и молодые паробки, и сидельцы рядские, и служители царские, и девушки красные, очи у *которых* ясные, и старушки почтенные, уму-разуму ученые». И так далее, всё в том же роде и складе.

УЧЕБНАЯ КНИГА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ИЛИ ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ПРОЗЕ И СТИХАХ,

с присовокуплением правил риторики и пиитики и обозрение (?) *истории русской литературы, изданная* Н. Гречем. *Издание третье, исправленное и дополненное. Четыре части. Санкт-Петербург. В типографии К. Жернакова. 1844. В 8-ю д. л. 360, 316, 387 и 334 стр.*

Все в мире движется; рушатся старые системы, почитавшиеся непреложными, и рождаются новые; движется земля вокруг солнца, имеет, как недавно доказано, свое движение самое солнце; наконец, даже история г. Кайданова, в последние годы жизни ее автора, являлась в свет не иначе, как «исправленною» и «дополненною»... Не движутся только «Английский милорд Георг», «Приключение Мирамонда», грамматика и арифметика Меморского и, наконец, грамматика и все учебники русского языка г-на Греча. Сюда должно отнести и «Учебную книгу русской словесности», несмотря на то, что на первой странице третьего издания всех частей четко напечатано: «Издание третье, исправленное и дополненное», исправленное и дополненное! чем — дополненное? выписками или *избранными местами* из печатных книг? .. как исправленное? .. А вот как. Начнем с первой страницы. Вникните, пожалуйста; дело идет о риторике.

§ 1. Человек, употребляя дар слова, может иметь одну из следующих целей: 1) сообщить другим свои мысли, 2) управлять их волею и деяниями и 3) действовать на их чувство и воображение.

§ 2. Проза, проистекая из разума, говорит о мире действительном, об истинах, относящихся к пользе житейской и нравственной. Поэзия, рождаясь в воображении и чувствах, действует на душу вымыслами, облеченными в изящную форму. Прозаик, стараясь постигнуть действительную природу, описывает ее. Поэт творит свой мир идеальный и действительный мир изображает украшенным игрою фантазии.

§ 3. Правила писать прозою заключаются *в риторике*. В пиитике излагаются правила поэзии и стихотворства.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Общие правила риторики

§ 4. Риторика заключает в себе правила излагать изустно или на письме мысли свои, сообразно с предположенною целию. Цель сия, как видно из § 1, может быть двоякая, теоретическая и практическая: в первом случае имеет намерение действовать только на ум человека, в последнем и на *волю* его. От сего происходит разделение прозы на *низшую* и *высшую*. Первая служит только для сообщения другим наших мыслей; последняя, называемая иначе красноречием, составляет переход от собственно прозы к поэзии, ибо употребляет для достижения цели своей все средства, действуя на мысли, волю и воображение; и пр⟨очая⟩ и пр⟨очая⟩.

Глава первая

О предмете или содержании сочинения

1. *Об изобретении или выборе*

§ 6. Предмет сочинения избирается самим пишущим или предлагается ему другим: в обоих случаях для приискания приличных к изображению его материалов потребно *собственное размышление*.

§ 7. Для успешного размышления о предмете полезно наблюдать следующие правила: 1) Представить в уме своем предмет, о котором идет дело, сколь можно яснее и очевиднее. 2) Заниматься сим предметом исключительно и обдумывать оный с терпением, всячески преодолевая слабость или упрямство своих способностей. Впрочем, должно предаваться влечению мыслей своих с некоторою смелостию и не пугаться при первой неудаче. 3) Приготовиться к размышлению чтением, но с осторожностию, чтобы *рабски* не повторять чужих мыслей...

В «Учебной книге» г. Греча есть, как мы будем иметь честь доказать, и не такие вещи, но мы на первый раз выписали именно эти, не отличающиеся ничем, кроме необыкновенной пустоты строки, потому... потому что один знакомый наш тоже пишет риторику, и мы желали бы знать ваше мнение о ней сравнительно

с риторикою г. Греча, для чего и приводим начало из сочинения нашего знакомого:

КРАТКИЕ ПРАВИЛА РИТОРИКИ И ПИИТИКИ

Вступление

§ 1. Человек, как высшее существо на земном шаре, снабжен даром слова, который он может употреблять для различных целей, а именно: 1-е, он может сообщать другим, подобным себе тварям, свои мысли; если же своих не имеет, то чужие; а если не имеет и сих последних, то, 2-е, может управлять умами, волею и поведением или поступками других; если не может сего, то, 3-е, действовать на их воображение или чувство; а если уже и сего не может, то, 4-е, может употреблять оный дар на что и как ему заблагорассудится. В первых двух случаях язык его есть не иное что, как *проза*, а в последних *поэзия*.

§ 2. *Проза*, выходя или изливаясь из разума, говорит о мире прозаическом, существенном, насущном, полезном как в гражданском, так и в семейном быту и в различных обстоятельствах жизни; *поэзия* же, рождаясь в воображении, изображает мир пиитический, т. е. небывалый, несуществующий, не приносящий никакой пользы и облеченный в изящные формы. Из сего следует, что *прозаик*, стараясь понять действительный мир, описывает его так, чтоб можно было извлечь всевозможные из того выгоды; *поэт* же творит или делает миры на свой собственный счет и оттого часто ходит без сапог.

§ 3. Правила о *прозе* заключаются в риторике, а о *поэзии* — в пиитике.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РИТОРИКА

Общие правила

§ 4. Цель *риторики*, как показано в § 1, есть двоякая: или сообщать другим мысли, или, когда их нет, действовать на волю человека. Из сего очевидно, что *проза* разделяется на *низкую* и *высокую*. *Низкая* проза служит только для сообщения другим мыслей; высокая, называемая иначе *красноречием*, служит для убеждения других и достижения в жизни различных полезных целей.

Глава первая

Об изобретении предмета сочинения

§ 5. Предмет сочинения избирается или самим сочинителем, или заказывается ему другим посторонним лицом; но, во всяком случае, сочинитель для изложения и распространения его должен употребить *свой собственный ум и размышление*.

§ 6. Для успешного размышления о предмете полезно употреблять следующие правила: 1) представить себе умственно, какую пользу и выгоду может доставить избранный предмет; 2) не забыть ничего

такого, что может возвысить его цену, и обдумывать это с терпением, стараясь всячески преодолевать все могущие встретиться препятствия; 3) за недостатком своих средств, можно прибегнуть к заимствованию их, посредством чтения, из других писателей; но делать сие осторожно.

Ну, что вы скажете? Нам кажется, что знакомый наш нисколько не уступает г. Гречу, и, сверх того, на стороне его риторики удобопонятность, которой недостает в некоторых параграфах риторики г. Греча и которая в учебной книге дело не последнее: чего доброго — дети не поймут иногда самого необходимого и понятного!..Но забудем риторику нашего знакомого, о которой успеем еще поговорить, когда она выйдет, и возвратимся к риторике г-на Греча, которая выходит в свет уже третий раз. Вот глава об описаниях.

§ 13. *Цель* описания есть изображение предстоящей вещи для сообщения другим ясного о ней понятия или для отличения ее от подобных. Описывать предмет значит изображать его вид и *сношения с другими предметами.*

О, стул, на котором я сижу!.. Скажи мне, не имеешь ли ты *сношений* вот с этою кушеткою, и если имеешь, то какие? — я поспешу описать их по всем правилам риторики г. Греча и приложить здесь в подтверждение слов нашего риторика, что *предметы имеют между собою сношения...* А самое определение описания, как оно вам нравится? Ведь по нем выходит, что и паспорт есть литературное произведение — *сочинение описательное,* потому что в нем описываются нос, брови, губы, глаза известного «субъекта» для *«сообщения другим ясного о нем понятия и для отличения его от подобных».* Многостороннейшее определение, под которым можно разуметь и *все* и *ничего* — как кому угодно!

§ 57. *Цель* (!) каждого сочинения состоит в том, *чтоб оно было понимаемо читателями* (!!?).

Удивительно, полно и верно!.. Итак, при сочинении всех книг, которыми доныне г. Греч подарил русскую литературу, он добивался только, чтоб сочиняемое им было понимаемо читателями... Понятно теперь, почему все его «Черные женщины», «Поездки в Германию», «Письма с дороги» и другие романы и путешествия так чужды всякого содержания, всякого интереса, всякой цели и так пусты и бледны. Он, повторяем, старается

только о том, чтоб они были понятны читателям, чему научает и юношество в своей «Учебной книге», — и старания его, как вы знаете, увенчались полным успехом: читатели так хорошо поняли с первого раза его сочинения, что перечитывать их не сочли нужным. Скажем г. Гречу, что быть понятным не есть *цель* сочинения, а необходимое его *качество*; цели же бывают различные, смотря по тому, каков сочинитель. — Далее говорится, что для того, чтоб сочинение было понятно, «нужно, чтоб оно было написано *правильно, ясно, определенно,* в *порядке*, и *свежо* и притом *приятно»*. На это скажем, что в разбираемом нами сочинении г. Греча нет ни одного из этих качеств, исключая разве правильности (грамматической), и между тем оно нам понятно, чрезвычайно понятно!

Говоря о чистоте языка, г. Греч называет слова: *треснуть, сварганить, бахвалить* и некоторые другие — *низкими и подлыми*... За что такая немилость?.. Не довольно ли было бы назвать их *тривиальными*, а эпитеты «низкие» и «подлые» оставить как вовсе не идущие к делу? И чем же эти бедные слова хуже слов — *льстить, подличать, изгибаться, пресмыкаться* и тому подобных? Всё это, по нашему мнению, гораздо *ниже*, чем *треснуть, сварганить* и пр⟨очее⟩.

«*Провинциальные* слова суть те, которые употребляются только в некоторых областях России, например, *понос* ⟨то есть⟩ попутный ветер».

Переходим к «характеру слога». — «*Проза*, или язык, служащий для изображения предметов существующих, истинных, бывает: *философическая, историческая* и *риторическая*». Положим, так. — «Характер *философической* прозы есть: связность, рассудительность, определенность, спокойствие; *исторической*: ясность, сообразность с предметом, простота, краткость; *риторической*: пылкость, возвышенность»... Из этого определения следует, что в *философической прозе* не нужны ни ясность, ни *сообразность с предметом*, ни *краткость*, а в *исторической* — ни *связность*, ни *рассудительность*, ни *определенность*, ни *спокойствие*; что же касается до прозы *риторической*, то попробуйте, милые юноши, вы, которые будете учиться по этому прекрасному курсу, попробуйте нагородить дичи, в которой была бы *пылкость* и *возвышенность*, и смело подавайте вашему учителю, — это будет... проза *риторическая*! Не ваша

вина, если тут не будет ни связи, ни последовательности, ни рассудительности, ни бледнейшего смысла, — не ваша вина; от вас требуют только *пылкости* и *возвышенности*!

«Характер слога *делового* (говорит г. Греч) составляет ясность, определенность, краткость, твердость; *письмовного* — естественность, приличие предмету, легкость и живость». — Из этого определения познания учащегося юношества обогатятся сведениями, что *в письмовном* слоге не нужно ни *ясности*, ни *определенности*, ни *краткости*, а в *деловом* — ни *естественности*, ни *приличия предмету*, и т⟨ому⟩ п⟨одобное⟩.

§ 97. Вообще слог разделяется на *низкий*, *средний* и *высокий*: 1) В низком слоге употребляются выражения простые, общепонятные, не требующие в читателях большого образования и действующие вообще на всякого здравомыслящего человека, не воспламеняя притом его воображения. 2) Средний слог занимает воображение, но не в превосходной степени. Выражение и обороты в нем гораздо живее; в нем говорит не один холодный рассудок, но и чувство. 3) Высокий слог сильно действует на воображение, представляет смелые и разительные картины, отвергает обыкновенные обороты, употребляет новые и смелые выражения и пр⟨очая⟩.

Каковы определения? .. О, юноши, в какое вы поставлены странное положение! .. Здравый смысл говорит вам, что всякий слог, кроме никуда не годного и бессмысленного, может действовать и на чувство и на воображение, а печатная книга учит вас, что это свойства только *среднего* слога — вам кажется, что обязанность всякого слога быть понятным каждому здравомыслящему человеку, а печатная книга говорит вам, что на здравомыслящего человека может действовать только *низкий* слог! .. Вообще, говоря об определениях г. Греча, мы должны повторить одно и то же. Сочинитель берет признаки предмета вообще и делит их между частностями этого предмета, варьируя иногда однозначащими словами, в тщетных усилиях прикрыть пустоту и бестолковость своих определений; от этого у него беспрестанно выходят правила, вроде следующего: «Род человеческий разделяется на мужчин и женщин. Отличительные свойства мужчин суть: *нос, губы, глаза, уши*; отличительные свойства женщин суть: *ноги, руки, органы слуха и зрения*».

§ 99. Всякое сочинение пишется для того, чтоб оно было *произнесено* или *прочитано*.

Ради бога, найдите мне что-нибудь во всей подлунной, что могло бы сравниться с пустотою этого определения! Я буду искренно благодарен. И к чему ведут такие определения, повторяющиеся, как видно из наших доказательств, ежеминутно? Чему научатся из них дети, которым пришлось бы учиться по таким определениям? Не тому ли же, чему научился бы сапожный подмастерье, если б хозяин, вместо указаний, как шить сапоги, повторял ему беспрестанно: *«Всякие сапоги шьются для того, чтобы они были изношены»*?

§ 101. Письменное изображение мыслей, составляющих одно связное целое, имеющее целию изображать предметы существенные и истинные и действовать на разум человека, — называется *прозаическим сочинением*.

«Онегин» Пушкина, говоря словами г. Греча, есть *письменное изображение мыслей, составляющих одно связное целое, имеющее целию изображать предметы существенные и истинные и действовать на разум человека*; стало быть, и «Онегин» есть *прозаическое* сочинение? .. Нет! .. «Онегин» — произведение поэтическое, и не потому только, что писан стихами, но и потому, что это *письменное изображение мыслей* в высшей степени художественно.

Теперь о письмах.

§ 108. В письме, как и во всяком другом сочинении, *должно* быть одно господствующее чувство, которым определяется главный *тон* его. В сем случае *более должно обращать внимания на расположение души того, к кому пишем, нежели следовать собственному*, ибо нередко может случиться, что предмет, приносящий нам удовольствие, возбуждает чувство совершенно противное.

И умно и удобоисполнимо! Пиша письмо к кому бы то ни было, я должен писать не то, что у меня на душе, а то, что придется по расположению души того, к кому пишу... Положим и так, только каким же образом узнаю я расположение души того, кто находится от меня за тысячу верст, и как буду избегать предметов, противных ему, когда их не знаю? .. Вот мне теперь почему-то особенно нравятся яблоки, а почтенному читателю, может быть, в эту же минуту, при одной мысли о них, делается тошно... Буду ли я виноват, написав ему о яблоках? .. О, без сомнения! Иначе что же бы такое

была глава о письмах г. Греча, что бы такое была вся его «Учебная книга русской словесности»?..

«Общие правила при сочинении писем суть: 1) помнить, к *кому* и о *чем* пишешь...» — Общие правила при употреблении пищи суть: помнить, что пищу должно класть в *рот*, жевать *зубами*, а не ногами, и *проглатывать*. «Предметы, важные для того, к кому пишем, помещать в начале, а касающиеся до нас самих — впоследствии»... «*Примечание*. В русском языке форма обращения в письмах есть следующая: к высшим нас — *милостивейший государь*, *милостивейшая государыня*; к равным — *милостивый государь*; к низшим — *милостивый государь мой*».

У меня были два приятеля: Иван Иваныч и Иван Никифорыч (не тот Иван Иваныч, у которого была славная бекеша, и не тот Иван Никифорыч, который любил лежать в натуре, а другие); сорок лет прожили они душа в душу; на сорок первом году Иван Иваныч написал к своему другу приглашение выпить рюмку водки, которое начиналось так: «Милостивый государь мой, Иван Никифорыч». Прочитав эту записку, Иван Никифорыч заболел и был близок к смерти: «*Мой*, повторял он в бреду горячки, *мой*! Да чем я хуже его? разве я ниже его чином? Разве я не такой же дворянин... дворецкий его, что ли я? однодворец какой-нибудь, а?». Еще не успев совершенно оправиться от болезни, Иван Никифорыч полетел в город и подал просьбу на злейшего врага и поносителя своего, Ивана Иваныча. Друзья сделались свирепейшими врагами... и всё отчего?.. Оттого, что Иван Иваныч не читал «Учебной книги русской словесности» г. Греча и не знал, что равный к равному должен писать просто: *милостивый государь*... Преклонись же, юношество, перед книгою г. Греча и заучи это золотое правило хорошенько! Оно спасет тебя от многих зол, которые отравляли жизнь отцов твоих...

§ 114. По содержанию своему, которое изменяется до бесконечности, письма бывают: 1) *Деловые*, относящиеся к главе о деловых бумагах. 2) Сочиняемые по требованию *благопристойности*, как-то: *посвятительные*, *поздравительные*, *соболезновательные*, *благодарственные* и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩.

Что делает бездарный и навязчивый человек, являющийся с какой-нибудь наполненной лестью бес-

смыслицей по прихожим богатых с просьбою посвятить им свою рукопись?.. Ничего более, как он стремится исполнить долг *благопристойности*: написать во что бы то ни стало *посвятительное* письмо к своей книге... Так как в таких «письмах обыкновенно нет сильного или *искреннего* чувства, то сочинение их затруднительнее прочих», — говорит г. Греч, и вслед за тем принимается учить, как писать такие письма. Трикраты счастливо ты, грядущее на смену нам поколение! Мы не имели такого учителя, и если довольно сильны в сочинении писем, где нет ни искреннего чувства, ни истины, ни... словом, в сочинении писем поздравительных, посвятительных, соболезновательных, благодарственных, просительных... и всяких других, — то мы до всего этого должны были доходить собственным умом. Теперь всё это приведено в систему, и ты, грядущее поколение, можешь даже отпустить в бессрочный отпуск и *ум*, и *сердце*, потому что ум и сердце, по словам г. Греча (см⟨отри⟩ § 114), нужны только в письмах *дружеских*, — а где же в нашем веке друзья?..

Вот еще несколько правил, которые, по мнению г-на Греча, необходимо соблюдать при сочинении писем. Мы не будем делать на них замечаний — работа так легка и приятна, что читатели потрудятся сделать их сами:

§ 116. В заключении письма полагаются уверения в нашем почтении, дружестве и проч. Заключение сие может быть в связи с окончанием содержания письма. Можно придать сему заключению особенные обороты, но всячески должно убегать натяжки и принужденности.

Примечание. И в заключении, как в приступе, наблюдаются введенные обычаем формы. В письмах к знатным особам пишут: *светлейший князь* или сиятельнейший граф (а если эта знатная особа не *князь* и не *граф?*), *Вашей светлости* (*сиятельства*) всепокорнейший слуга, и т. д. К высшим пишут: *имею честь пребыть с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию, с истинным высокопочитанием* и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩, смотря по нашему к ним отношению; к равным: *с истинным почтением и преданностию*; к низшим просто: *пребываю с почтением* и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩. Впрочем, и сии формы изменяются до бесконечности.

Затем на 130 страницах приводятся *примеры* (чего? — не сказано и добраться нельзя, потому что тут есть и письма, и драматические сцены, и отрывки из повестей и романов), нахватанные у разных хороших и плохих авторов, а потом две странички, на которых толкуется, что при описании чего-нибудь «надлежит избирать пред-

меты отличные, проходить молчанием маловажные, *которые могли бы повредить изяществу картины*». Галиматья, которой не советую тебе верить, любезное юношество! Если ты будешь описывать только *предметы отличные*, выпуская все, что может *повредить изяществу картины*, то никогда не дашь понятия о целом; другими словами — описание твое никуда не будет годно. Не верь также, будто «характеры *совершенно обыкновенные* не могут быть занимательны». Ничего не может быть обыкновеннее Акакия Акакиевича, Ивана Иваныча и Ивана Никифорыча и всех героев «Ревизора» и «Горя от ума», а между тем неужели эти характеры не занимательны?..

В этом почти и заключается глава об описаниях. За нею опять следуют *примеры* (и опять неизвестно — чего) на 80 страницах, а за примерами — глава под названием: «Сочинения исторические».

§ 141. История есть повествование об истинных явлениях и делах физического и нравственного мира.

Вы, милостивый государь и читатель (не смею прибавить *мой*), имеете обыкновение лечиться от бессонницы русскими книгами и журналами, за которые исправно высылаете деньги книгопродавцам; я имею обыкновение держать спину дугой и конфузиться, когда со мной встретится господин благонамеренной и значительной наружности, а вот этот молодой человек каждый день наведывается в покривившийся деревянный домик с дымно-серыми занавесками, — все это явления и истинные и не находящиеся вне явлений физического и нравственного мира, — принадлежат ли они к истории?.. — Нет, любезное юношество! не принадлежат они ни к какой истории, и не отыщешь ты их даже в истории г. Кайданова, ни в «Истории русского народа» г. Полевого (в последней, может быть, потому, что она не кончена). Далее, в главе под названием «Сочинения исторические» сказано: «На русском языке есть хорошие переводы *учебных книг* всеобщей истории и некоторые другие удачные опыты (например: Всеобщая история г. Кайданова)»... Вот что называется — попасть ловко! Удачный опыт!.. Чего же больше? Зачем писать еще?.. Вольно было г. Смарагдову тратить напрасно время. Кстати заметим, что о труде г. Смарагдова

в этом *исправленном* и *пополненном* издании не сказано ни словечка, как будто его и не существует!..

За главой об «Исторических сочинениях» тянутся по обыкновению *примеры*, которыми первая часть и оканчивается. Таким образом, в этой первой части, состоящей из 360 стр⟨аниц⟩, примеры занимают 296 стр⟨аниц⟩, а правила 64 стр⟨аницы⟩, — мы разочли с дипломатическою точностию...

Вторая часть уже прямо начинается «примерами», которые тянутся непрерывно до 84 стр⟨аницы⟩; но о ней и о двух остальных поговорим в следующем нумере.

* * *

Во второй части, состоящей из 339 страниц, собственно г. Гречем сочинено только 19 страниц; остальные 320 замещены примерами, набранными с такою же ловкостью и осмотрительностью, как и в первой. На 19-ти страницах, сочиненных г. Гречем, рассказываются правила, как писать рассуждения, речи, деловые бумаги, рецензии, — правила столь же достолюбезные и глубокие, как и все те, которых образчики привели мы в первой статье. Особенно замечательна глава о деловых бумагах. Вся она состоит из доказательств, что министры между собою должны переписываться *высоким* слогом; важнейшие и средние присутственные места — *средним*, а *низкий* слог употрябляется «в низших присутственных местах и в военных канцеляриях»!

В третьей части дело идет о поэтах, поэзии, поэтических гениях. Не хотите ли знать, что такое поэтический гений?

«*Гением поэтическим* называем обладание в высшей степени теми умственными способностями, которыми достигается цель поэзии». — Каково определение гения? Какие же это способности, которыми достигается цель поэзии? и какая это цель? — Ничего не известно! Далее: «От гения строго отличается *талант*; гений создает новые поэтические творения; талант обладает сею способностью в меньшем размере, и не столько творит сам, сколько счастливо и искусно подражает существующим уже творениям». — Решительно чудеса! Талант *строго* отличается от гения: в чем же строгость? В том, что гений создает *новые* творения, а талант *обладает этою способностью в меньшем размере*. Прошу покорно

рассчитать с математической строгостью расстояние гения от таланта! Это все равно, что сказать: гений есть нечто великое, а талант то же самое, только поменьше. Гений творит сам, доходит «собственным умом», как говорит Гоголь, а талант *счастливо* подражает ему. Что значит *счастливо* подражать? Ловко брать у другого и — прятать концы? — Хотите ли знать, какие минуты называются *поэтическим вдохновением*? «Те, в которые душа поэта воспламеняется и действует, в которые гений его творит» (!!!). Это напоминает нам две замечательные вывески двух цирюльников-соперников, существующие в городе Херсоне; на одной написано: *«Здесь живот цырульник Ицко: он кров отворает и другые дела делает»*; а на другой — *«Сдесь цирюлнек Хайло, который действует в разных случаях»*. Когда душа поэта воспламеняется, она, по уверению г. Греча, тоже действует и, конечно, в разных случаях... Это он называет *поэтическим вдохновением* и прибавляет, что без него «поэт не произведет ничего значительного». «Низшая степень поэтического вдохновения *может назваться* расположением к поэзии». Еще чудо! Если поэтическим вдохновением называются те *минуты*, в которые душа поэта воспламеняется (т‹о› е‹сть› горит, пылает), то низшею степенью этого вдохновения, естественно, должно назвать то время, в которое душа приготовляется к воспламенению, но еще не горит, т‹о› е‹сть› когда наложат в нее дров, но еще не зажгут... Удивительно хорошо, а главное — понятно и облегчительно для юношества! Ему не нужно долго думать над определениями! — Что такое вдохновение? — «Вдохновение есть то, когда душа поэта поет». — Прекрасно! А что делает в это время его гений? — «Гений его в это время пляшет». — Превосходно! А что называется расположением к поэзии? — «Расположением к поэзии называется все то, что ниже вдохновения» и т‹ак› д‹алее›. Из этого видно, что, пожалуй, можно о каждой науке, не учась ей, написать огромные книги! Раз мне снилось, что я должен держать экзамен из астрономии, которой никогда не учился. Дело было *нужное* и спешное. Сначала я недоумевал: как держать экзамен, когда я ничего, решительно ничего не знаю. Но потом пришли другие мысли: я думал — все ж таки я знаю, что астрономия толкует о небесных телах, что на небе есть звезды, луна, солнце; что земля обращается вокруг солнца и проч‹ее›, и проч‹ее›. Я много

знаю! С этими мыслями я пошел на экзамен и удивил всех своими познаниями. Проснувшись, я смеялся нелепости сна, не подозревая в простоте души своей, что такие чудеса могут случиться и наяву!..

Но далее. Что такое *триолет*? «Триолет есть игрушка в стихотворстве; он состоит из осьми стихов, равной меры и на две рифмы; четвертый стих есть повторение первого, а седьмой и осьмой повторение первого и второго. Предметом его бывает изображение нежной или острой мысли... Размер его предоставляется на произвол автора». А что такое *рондо*? «Рондо требует соблюдения особенной наружной формы. В сем стихотворении должны быть две рифмы, и начальное слово каждого куплета должно повторяться в окончании оного. *Рондо* состоит обыкновенно из трех или четырех куплетов. В русской поэзии сии стихотворения встречаются редко». Это самые драгоценные сведения, которые можно почерпнуть из всей третьей части, рассуждающей о *пиитике*. Из примеров особенно приятен следующий:

> Ты в мрачном октябре родилась — не весною,
> Чтоб сетующий мир утешен был тобою.
>
> *Карамзин.*

Четвертая часть начинается рассуждением о поэзии драматической.

§ 149. Драматическая поэзия отличается от эпической тем, что не повествует о совершившемся происшествии, а представляет оное совершающимся пред нашими глазами, и что поэт не говорит сам, а заставляет говорить *вымышленные* (!?..) лица...

Почему же непременно *вымышленные*?

§ 162. *Трагедия* есть драматическое представление героического и трагического действия.

§ 164. Герой трагедии падает под ударами судьбы. *Характер его должен быть не самый добродетельный и не самый порочный*, волнуемый страстию, которая вводит его в заблуждение и проступок, а потом подвергает справедливому возмездию.

§ 165. Лица трагедии должны благородством и величием соответствовать важности действия, и потому обыкновенно действуют в ней цари и вельможи. Между тем это не необходимо; страсти те же у всех людей, судьба равно карает все звания; только люди низкого звания *не могут участвовать в делах важных и великих, не могут возбудить большого сочувствия в зрителях.*

А Минин — разве он не был человеком низкого звания и разве не участвовал в делах *важных* и *великих*? а Меньшиков? а Сусанин?

Заметим, что г. Греч не первый преподает такие литературные правила!.. В доброе старое время, к остаткам которого принадлежит г. Греч, иначе и не рассуждали, и один из тогдашних критиков серьезно нападал на Пушкина за то, что герой одной из его поэм *какой-то* армянин!

§ 166. *Страсть*, представляемая в наших трагедиях, есть обыкновенно любовь, ибо высшая степень ее в отчаянии и в борении с препятствиями, весьма выгодна для представления на театре; но трагик может пользоваться и другими страстями: так, например, греки представляли в трагедиях своих все *сильные страсти*!..

Все сильные страсти! Удивительно определенно, а главное — многосторонне; известное дело — каких не бывает сильных страстей!..

§ 170. Первые правильные трагедии писал на русском языке *Сумароков*. Преемником его был *Княжнин*, а первый из писателей русских в сем роде есть *Озеров*. В новые времена удачно писали в сем роде *Кукольник, Хомяков, Ободовский*.

Что это? верить ли глазам?.. А г. Полевой?.. Неужели нет г. Полевого?.. Да как же это?.. да почему?.. Неужели, по мнению г. Греча, г. Полевой не замечательный драматург? Не может быть! И потом, зачем бы тут Кукольник, Хомяков, Ободовский... Ободовский — драматург не столько сочиняющий, сколько *заимствующий*, и не столько заимствующий, сколько переводящий... И, упомянув о нем, не упомянуть о г. Полевом!!! Чему приписать такое странное обстоятельство?.. Забыт, очевидно забыт! И вот слава мира сего!

§ 179. Героем драмы бывает обыкновенно человек, живущий в обществе и борющийся с коварством и злобою людей, отличающийся кроткими семейственными и гражданскими добродетелями, мужеством и терпением в перенесении бедствий, и наконец побеждающий препятствия силою праводушия и невинности.

Как будто герой драмы не может быть сам коварен, злобен, и тот не годится в герои драмы, кто не отличается кроткими семейственными и гражданскими добродетелями?.. Что за охота делать определения там, где их

никто не просит от сочинителя, особенно при той ловкости, с какой г. Греч делает определения?

Но перестанем следить за г. Гречем и перейдем прямо к тому, что называет он «Обозрением истории русской литературы». Здесь особенно замечательны краткие оценки русских писателей — живых и умерших. Мы выпишем некоторые из этих характеристик, дозволяя себе делать, где покажется нужным, свои замечания.

«*Гнедич* оказал великую услугу словесности русской переводом Гомеровой „*Илиады*", в размере подлинника».

«*Пнин* — сочинитель прекрасных нравственных од и других мелких стихотворений». — Ломоносов тоже сочинитель прекрасных нравственных од и других мелких стихотворений: чем же отличается от него Пнин?

«*Сумароков* (Панкратий) написал несколько комических повестей в стихах».

«*Макаров*, хороший прозаик, острый критик, способствовал к водворению чистого вкуса и приятного слога в нашей литературе».

«*Буринский*, молодой писатель с большим талантом, переводчик Вергилия, умер слишком рано для упрочения своей славы».

«*Милонов*, даровитый поэт, написал несколько сатир, посланий, элегий и т. п., отличающихся чувством, остроумием и прекрасным слогом».

«*Пушкин* (Василий Львович) — сочинитель басен, посланий и т. п. стихотворений, отличающихся легкостию и приятностию слога».

«*Ильин* — автор двух прекрасных драм: „*Лиза*, или *Торжество благодарности*" и „*Великодушие*, или *Рекрутский набор*"; он обязан своим успехом близкому изображению сельских нравов и естественному разговорному слогу. Хороши также драмы *Иванова*».

«*Перовский*, под вымышленным именем *Антония Погорельского* написал прекрасный роман: „*Монастырка*"».

«*Ушаков* написал несколько умных романов и повестей». — Лажечников также написал несколько умных романов и повестей, какое же различие между им и Ушаковым?..

«*Козлов*, поэт-слепец, сочинил повесть „*Наталья Долгорукая*" и несколько превосходных лирических стихотворений». — Пушкин также *сочинил* повесть «*Евгений Онегин*» и несколько превосходных лирических

стихотворений: кто же из них выше и как отличить их друг от друга?

«Повести *Марлинского* заслуживают внимания свежестью картин, оригинальностью взглядов и живостью слога, не всегда умеренного чистым вкусом». — О чьих повестях нельзя сказать того же самого?

«*Беницкий*, рано похищенный смертию, оставил несколько повестей, отличающихся наблюдательностию, сатирическим духом и прекрасным слогом». — Это же самое можно сказать и о графе Соллогубе: написал-де несколько повестей, отличающихся наблюдательностью, сатирическим духом и прекрасным слогом, и о многих других: читатели как о Беницком, так и о всех других останутся в прежнем неведении...

«*Бунина*, хорошая писательница русская, оставила прекрасные стихотворения дидактические и лирические». — Преплохая бумагомарательница, не написавшая на своем веку ни одного путного стихотворения.

«*Барон Дельвиг* писал песни простонародные и другие лирические стихотворения, с чувством и простотою, слогом приятным и легким». — Кто уже теперь не кричит громко, что простонародные песни Дельвига не больше, как подделка под русские народные песни, а для «Учебной книги» г. Греча они еще по-прежнему — самородное золото!..

«*Баратынский* известен небольшими романтическими поэмами и стихотворениями лирическими, в которых выражается *нежное чувство* изящными стихами»... *Нежное чувство*?.. Итак, Баратынский — поэт нежного чувства?.. А мы, признаемся, считали его поэтом мысли, преимущественно перед многими русскими поэтами. Как же мы ошибались!.. Вот точно так же ошибаемся мы, должно быть, и в князе Шаликове, почитая его поэтом *нежного чувства*: вероятно он-то и есть поэт мысли, поэт думы пытливой и глубокой, беспрестанно силившейся высказаться и ни на минуту не покидавшей поэта!

«*Грибоедов*, автор единственной русской комедии „*Горе от ума*“, отличающейся оригинальностью характеров, блестками ума и наблюдательности и прекрасными стихами, затверженными на память во всей России». — И только!

«*Лермонтов*, молодой писатель с необыкновенными дарованиями, в прозе написал роман „*Герой нашего вре-*

мени“ и в стихах несколько превосходных лирических пьес. Ранняя смерть прекратила жизнь его, много обещавшую отечественной словесности»... «*Буринский* (как сказано выше у г. Греча), молодой писатель с *большим* талантом, переводчик Вергилия, умер слишком рано для упрочения своей славы»... Какое же различие между Лермонтовым и Буринским? Один писатель с *необыкновенным*, другой с *большим* талантом; один писал роман и несколько лирических стихотворений, другой переводил Вергилия; оба умерли слишком рано для упрочения своей славы, — какое же, повторяем, между ними различие? Никакого, решительно никакого! И Буринский и Лермонтов — писатели совершенно одинакового достоинства и одинаковой важности для литературы! К ним принадлежит также «*Веневитинов*, лирический поэт с *редкими* дарованиями; умер в *цвете лет*, не успев вполне употребить их в пользу литературы». Разница только в том, что Веневитинов был не с *необыкновенным*, как Лермонтов, и не с *большим*, как Буринский, талантом, а с *редкими дарованиями*, и еще в том, что он умер, «*не успев вполне употребить своих способностей в пользу литературы*», тогда как Буринский умер «*слишком рано для упрочения своей славы*», а Лермонтову «*смерть прекратила жизнь, много обещавшую отечественной словесности*»...

«Квитка, под именем *Грицко Основьяненки*, писал забавные малороссийские романы». Лажечников, скажем мы, под своим собственным именем, писал русские исторические романы... Да что ж из этого? к чему это ведет? что определяет? кого характеризует?..

«*Кольцов*, даровитый сын природы, написал несколько прекрасных лирических стихотворений»... Вы, конечно, не станете спорить со мной, если я назову Шиллера также даровитым сыном природы и скажу, что он написал несколько прекрасных лирических драм... Какое же различие между Шиллером и Кольцовым? или оба они равны?..

«*Батюшков* писал прекрасные стихотворения в роде лирическом и повествовательном. Он не имеет мечтательности романтиков, умерен в порывах своих; строг в расположении и исполнении, богат чувствованиями и мыслями и отличается слогом правильным, твердым и благородным». О ком из сколько-нибудь замечательных писателей нельзя сказать всего этого? Перечтите, пожа-

луйста, внимательнее эту характеристику. Есть ли тут хоть одно слово, которое не относилось бы столько же к Жуковскому, к Лермонтову, к Пушкину, к кому вам угодно, сколько и к Батюшкову. Можно ли неопределеннее отозваться об одном из замечательнейших наших писателей?

«*Князь Шаховской* обогатил русскую сцену и литературу многими сочинениями и переводами в драматическом роде». — Сумароков, а в позднейшее время г. Ободовский также обогатили русскую сцену и литературу многими сочинениями и переводами в драматическом роде. Какая же между ними разница?

«*Хомяков*, писатель с умом, вкусом, образованием и талантом, написал две трагедии „*Ермак*“ и „*Дмитрий Самозванец*“. Но был несравненно счастливее в своих лирических стихотворениях». — Что такое *был несравненно счастливее*? Что такое писатель *с умом*? разве бывают еще писатели *с глупостью*?.. Конечно, бывают, но не о них речь.

«*Языков* — поэт лирический, владеющий стихом с необыкновенным искусством». — Вместо *Языкова* поставьте фамилию любого поэта, пишущего гладкие стихи, и выйдет то же самое. Куда же годится эта характеристика Языкова, если только общее место, брошенное без мысли и наудачу, можно назвать характеристикой!

«*Хмельницкий — талантливый* драматический писатель, отличающийся *особенною чистотою, естественностию и легкостию слога как в стихах*, так и в прозе». — Во-первых, если г. Хмельницкий и талантливый писатель, то в этом нужно поверить г. Гречу на слово, потому что из сочинений г. Хмельницкого скорее можно вывесть заключение совершенно противное. Пьесы такого достоинства, какие писал г. Хмельницкий, теперь наводняют сцену Александринского театра, и над этими пьесами все смеются, а называть за них талантливыми их авторов никому не приходит и в голову. Во-вторых, с чего взял г. Греч, что г. Хмельницкий отличается особенною чистотою, естественностию и легкостию слога как в стихах (заметьте — *как в стихах*), так и в прозе?.. Такую похвалу можно сделать только Грибоедову, ибо из всех русских комедий только «Горе от ума» написана стихами, отличающимися особенною чистотою, естественностию и лег-

костию. Что ж касается до стихов г. Хмельницкого, то вот каковы эти стихи:

Судя *по всем вещам*, я твердо убежден,
Что я к чему-нибудь великому рожден!
Не помню где... читал я анекдот прекрасной,
Что кто-то из *морских* в час бури *преужасной*
Пристал к земле, дотоль незнаемой никем.
Он поселился там, и кончилося тем,
Что вскоре жители решились меж собою
Республики своей избрать его главою.

В этих стихах, которых язык тяжел и книжен, остроумие натянуто и аляповато, трудно увидеть что-нибудь, кроме претензий на легкость, естественность и остроумие, и каким образом удалось г. Гречу отыскать тут достоинства, равные стиху Грибоедова, — мудрено догадаться!

«*Булгарин* первый отважился написать русский роман («*Иван Выжигин*»), имел в том успех совершенный и проложил дорогу всем новым романистам. Небольшие повести Булгарина, картины нравов и легкие статьи сатирические дают ему почетное место в литературе». — Еще 1799 году вышел в Петербурге роман, в двух частях, заключающих в себе с лишком 360 стр⟨аниц⟩, под следующим заглавием: «*Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества*», *повесть, написанная А. Измайловым. Цена 1 руб⟨ль⟩ 50 коп⟨еек⟩. В Санкт-Петербурге. В привилегированной типографии Вильковского, 1799 года.* Кто возьмет на себя труд прочесть этот роман, тот увидит, что «Выжигин» не только не был на Руси первым романом, но даже и романом сколько-нибудь оригинальным, потому что форма «Выжигина», манера остроумия, нападки на сутяжничество, воспитание и т⟨ому⟩ п⟨одобное⟩ — все это с рабскою точностию скопировано с «Евгения», и так как оригинал всегда бывает лучше подражания, то и не удивительно, что «Евгения» и теперь еще можно пробежать с любопытством, тогда как при одной мысли о «Выжигине» самые крепкие читатели засыпают на двадцать четыре часа сряду. Что касается до почетного места, на которое, по мнению г. Греча, дают г. Булгарину право его сочинения, то об этом г. Греч волен думать что ему угодно.

«*Загоскин* сочинил несколько хороших комедий в прозе и в стихах: „*Благородный театр*“, „*Добрый малый*“, „*Недовольные*“ и т. п.» — Шекспир сочинил несколько хороших трагедий в стихах и прозе, — есть ли какое-нибудь различие между г. Загоскиным и Шекспиром или нет никакого?

«*Лажечников — счастливый* романист: его „*Последний Новик*“ и „*Ледяной дом*“ по справедливости обратили на себя внимание отечественной публики». — Что такое *счастливый* романист? и что хотел этим сказать г. Греч? То ли, что романы г. Лажечникова плохи, но обязаны своим успехом какому-то особенному счастию?.. Но в таком случае зачем уже было говорить, что его романы *по справедливости* заслужили внимание публики?.. Нет, г. Греч по своему обыкновению не хотел ничего сказать!

«*Вельтман* написал несколько прекрасных романов, отличающихся умом и наблюдательностию». — Вальтер Скотт написал также несколько романов, отличающихся умом и наблюдательностию: определяет ли эта фраза сколько-нибудь того или другого?

«*Гоголь*, талант необыкновенный и самостоятельный, пишет комедии («Ревизор», «*Женихи*» (?) — вероятно «*Женитьба*»?), романы («*Мертвые души*»), повести («*Рассказы Пасичника*») и т⟨ому⟩ п⟨одобное⟩, в которых видны редкий дар наблюдения и *юмор, иногда слишком комический*». — Что такое *юмор, иногда слишком комический*?

«*Граф Соллогуб* принадлежит к числу *самых счастливых* повествователей...» — Что такое самый счастливый повествователь? И почему Лажечников только *счастливый* романист, а граф Соллогуб *самый счастливый* повествователь?.. Или в этом только их различие?

«*Бенедиктов*, лирический поэт с необыкновенным дарованием, занимает одно из самых почетных мест в нашей литературе». — Удивительно верно и определенно!

«*Князь Одоевский* пишет хорошим слогом повести, светские и фантастические, и детские сказки». — Жорж Занд пишет хорошим слогом романы и повести из современной французской жизни. Второе столько же определяет Жоржа Занда, сколько первое князя Одоевского.

«*Павлов* издал несколько повестей, отличающихся оригинальностию и наблюдательным *духом*». — Князь

Одоевский, о котором сейчас шла речь, также написал несколько повестей, отличающихся оригинальностию и наблюдательным духом, — чем же эти два писателя разнятся один от другого?

«*Полевой* (Николай) написал (?) „*Историю русского народа*“, „*Русскую историю для детей*“, „*Историю Петра Великого*“ и „*Историю Суворова*“...». Если бы г. Греч хоть на миг захотел отступить от своей неопределенности в определениях, ему следовало бы сказать: Полевой *не дописал* «Истории русского народа», ибо известно, что «История» эта стала на половине и вот уже сколько лет не двигается вперед ни на шаг. «Сверх того принес он (Полевой) отечественной словесности существенную пользу своими критическими трудами в разных журналах. Романы его „*Клятва при гробе господнем*“, „*Синие и зеленые*“, повести, драмы и водевили дают ему право на почетное место в нашей нынешней литературе». — Именно так, особенно драмы и водевили, да правда — кстати уж, и критические труды и романы... Одно другого стоит!

«*Погодин* занимался с успехом критическим разбором материалов к разным периодам русской истории и преимущественно отстаивал славу и *самое существование Нестора*, которые старался поколебать *Каченовский*». — Почему бы уж кстати не упомянуть здесь и о дорожных записках г. Погодина, назвав его при сем удобном случае счастливым туристом? Оно было бы полнее!

«Из писателей, приведенных выше, успешно занимались русскою историею: Булгарин, написавший (здесь опять при большей осмотрительности следовало бы сказать — *недописавший*) „*Россию в историческом, статистическом* и литературном *отношении*“; *Пушкин*, сочинивший „*Историю Пугачевского бунта*“». — Как здесь кстати рядом имена этих двух историков!

На этом и остановимся. Что это такое? Слова, слова, слова!.. Предоставляем судить читателю, что может быть более пусто, неопределенно, беспорядочно этого набора слов, величающего себя великолепным титлом: «Учебной книги русской словесности»?..

1847

⟨ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА⟩ «МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ СБОРНИК НА 1847 ГОД»

...Теперь следует познакомить читателя с «Тремя критическими статьями» г. *Имрек*. Здесь разбираются следующие книги: 1) «Вчера и сегодня», литературный сборник, составленный графом Соллогубом, книжка первая (вышла в начале 1845 года); 2) «Опыт истории русской литературы», соч⟨инение⟩ А. Никитенко, книжка первая (вышла в начале 1846 года); 3) «Петербургский сборник», изданный г. Некрасовым (вышел в начале 1846 года). Почему теперь только разбираются книги, иные с лишком год, а иные уже и с лишком два года тому назад вышедшие в свет? Потому, конечно, что автору негде было напечатать разбора их ранее? Нет, гораздо после всех этих книг вышел первый том «Московского сборника», и, конечно, критические статьи г. Имрек могли бы так же удобно поместиться в первом томе, как поместились и во втором. Причина другая: не явились они ранее потому, что *«Москва никогда не гонялась за современностию внешнею и случайною»*, — так говорит редактор «Сборника» в примечании. Теперь, видите ли, когда эти книги давным-давно прочтены публикою, а иные и забыты, для них настала *современность не внешняя и не случайная*, и Москва, то есть г. Имрек, спешит отдать о них отчет. Но и тут еще не все: причина не в одном похвальном качестве *Москвы*, которое выставляет в таком блестящем свете редактор «Сборника» для своего оправдания, но и в одном дурном качестве *Петербурга*, который, по словам г. Имрек, неутомим потому, что *«петербургские литераторы сочли за нужное избавиться от тяжести мысли и труда, сбросили ее и быстро, налегке помчались по*

поприщу литературы». Вот потому-то, как вы теперь ясно видите, и опоздали критические статьи г. Имрек! Г-н Имрек не хотел сбросить с себя тяжести мысли и труда, а «все то, — говорит он, — что условлено мыслию и внутренним трудом, совершается не так легко и *скоро*; мысль умеряет эту быстроту, и внутренняя деятельность часто замедляет внешнюю, как отсутствие внутренней деятельности бывает, наоборот, причиной многой деятельности внешней. Гораздо легче *строчить всякий вздор* (это опять комплимент так называемым петербургским литераторам), марать бумагу, править корректуры и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩, *нежели прочесть внимательно что-нибудь и о чем-нибудь не шутя подумать*». Драгоценные строки!.. Из них видим: 1) что статьи г. Имрек обусловлены мыслью и внутренним трудом; 2) что в г-не Имрек до того простирается избыток внутренней деятельности, что замедляет внешнюю; 3) что г. Имрек не пишет вздору, не марает бумагу, а читает внимательно и *думает не шутя*... Есть добродушие обезоруживающее! Начать оправдываться в какой-то вине, впрочем, мнимой (потому что никто не обязывал г-на Имрек писать статьи свои скорее, — он мог писать их, пожалуй, десять лет и даже не писать вовсе), и кончить такими похвалами самому себе, — что вы скажете на это, читатели? не позавидуете ли вы автору, потому что думать так о себе — истинное счастье, неизменное, несокрушимое... Любовь изменяет, слава порастает терниями, богатство истрачивается, и после всего остается в человеке утомление, апатия, недоверие к самому себе, внутреннее недовольство... гадко! Но чем уничтожите вы счастье, почерпаемое человеком в глубоком сознании своих достоинств? Такой человек вечно ясен и горд; невозмутимо его довольство... Вы посмеетесь над ним — «зависть!» — говорит он и сильнее убеждается в своем величии, — ничтожеству не завидуют! Скажут ему или он сам догадается, что ничего не делает, — «от избытка внутренних сил», — думает он и проникается новым уважением к самому себе, — избыток внутренних сил — удел не многих! А между тем в голове своей рушит он и созидает мир... Скажет он глупость, а думает, что *бросил семя*, которое должно дать *великие плоды в будущем*. И с каждым годом счастье его увеличивается, потому что увеличивается довольство самим собою, а ведь, говорят, внутреннее-то довольство и есть счастье!

Но скажем несколько слов о статьях г. Имрек, которые после того, что сам он сказал о них, становятся особенно интересными для публики.

Критика на первую книжку «Опыта истории русской литературы» состоит из выписок, вырванных из разных мест книги, с прибавлением к каждой замечаний г. Имрек, которые кажутся ему и справедливыми, и остроумными, и приличными. Какими они нам кажутся, мы, по известным причинам, говорить не станем.

Остановимся только на минуту на выходке г. Имрек о «бороде», где он с умыслом или без умыслу, не поняв слов г. Никитенко, вырванных из книги, обвиняет автора в аристократическом презрении к крестьянскому сословию, которое у нас носит бороду. Считаем не лишним растолковать г-ну Имрек настоящий смысл превратно понятых им слов. Борода бывает двух родов: одна, которую носит наш крестьянин, по обычаю, усвоенному в его звании, и с которою охотно расстается, переходя в другое звание; это борода невинная и достойна уважения по крайней мере столько же, сколько и бритый подбородок... Но была на Руси (и доныне сохранилась, как исключение) другая борода, — борода, за один волосок которой владелец ее готов был положить голову на плаху. Эту бороду преследовал Петр Великий, потому что с ней соединялись невежество, упорство, дикие предрассудки, фанатическое пристрастие к полудикому, старому порядку вещей и исступленная ненависть и ожесточение против всего нового, вводимого усилиями привить на русской почве образованность. Об этой-то последней бороде, говоря о стрельцах, упомянул г. Никитенко в том месте своей книги, которое показалось г. Имрек столь аристократическим. Еще г. Имрек делает подобное же ложное толкование следующим словам г. Никитенко: «владея пищалью не как благородным орудием, а как *дреколием*» и пр⟨очее⟩. Дреколие *по преимуществу* орудие невежества, восставшего против ниспровержения своих диких обычаев и предрассудков, — и в этом-то смысле употреблено здесь это слово. Кажется, просто?

Теперь посмотрим на статью о «Петербургском сборнике». Она обличает другой важный недостаток в г-не Имрек — недостаток памяти, которою так богат г. Хомяков, по уверению «Москвитянина». Но «Москвитянин» говорил, не доказывая, мы же имеем доказательства, которые сейчас представим, почему и почитаем

наше замечание о достойном сожаления недостатке г. Имрек совершенно уместным. Вы помните, г. Имрек сказал, что «петербургские литераторы сочли за нужное избавиться от тяжести *труда* и мысли». По этим словам вы уже не ожидаете в трудах *петербургских литераторов* ни присутствия мысли, ни признака труда. Ошибаетесь. Через десять строк г. Имрек называет «Бедных людей», повесть *петербургского* литератора (г. Достоевского), напечатанную в *Петербурге*, да еще и в «*Петербургском* сборнике», — «художественным произведением», а об авторе говорит, что в «таланте его нельзя сомневаться»... Как так? Да совсем из ума вон! Г-н Имрек забыл, что сказал десятью строками выше... Но погодите, и тем дело не кончилось; память на той же странице сыграла с г. Имрек новую шутку. Ровно через 19 строк он говорит: «Но повесть его (г. Достоевсткого) *решительно не может называться художественным произведением*». Просто несчастье! Признаюсь, теперь я понимаю, почему «Москвитянин» не задумался назвать г. Хомякова «*примечательным человеком и знаменитостью*». Память — великое дело, а если присоединить к ней сведения о винокурении и практическое знание псовой охоты, так вот вам и великий человек! Ровно столько, сколько нужно, — ни больше, ни меньше!.. Разбирая превосходную повесть г. Достоевского «Бедные люди», г. Имрек находит натянутым, что Девушкин обиделся, прочитав «Шинель». Это замечание не доказывает даже, чтоб г. Имрек *думал не шутя*; несомненным остается только то, что он писал три небольшие статейки свои, наполненные наполовину выписками, с лишком полтора года. Но мы уже знаем причину такой медленности: избыток внутренней деятельности мешал ему.

От «Бедных людей» г. Имрек переходит к «Двойнику», второй повести г. Достоевского. Искусственность и манерность слога, которым она написана, разительно доказывается тем, что даже г. Имрек смастерил на слог ее довольно удачную пародию. Вот она. Г-н Имрек продолжает свою критику слогом повести:

«Приемы эти схватить нетрудно; приемы-то эти вовсе нетрудно схватить; оно вовсе нетрудно и незатруднительно схватить приемы-то эти. Но дело не так делается, господа; дело-то это, господа, не так производится; оно не так совершается, судари вы мои, дело-то это. А оно надобно тут, знаете, и тово; оно, видите ли, здесь другое

требуется, требуется здесь тово, этово, как его — другова. А этово-то, другово-то, и не имеется: именно этово-то и не имеется; таланта-то, господа, поэтического-то, господа, таланта этак художественного-то, и не имеется. Да вот оно, оно самое дело-то, то есть настоящее, вот оно как, оно именно так».

А затем сердце читателя опять должно наполниться горьким соболезнованием, если только он сколько-нибудь чувствителен к недостаткам ближнего. Послушайте, какая опять случилась беда, а все проклятая память! Г-н Имрек с похвалою отзывается о статье г. Искандера «Капризы и раздумье» и вслед за тем говорит: «Можно бы сюда отнести и стихотворение г. Некрасова „В дороге"; оно было бы очень хорошо, *если б не было мелочных подделок под русскую речь, как-то*: т о т, э т а и э т и». Оставляя в стороне условную похвалу, делающую, конечно, честь великодушию г-на Имрек, обратим внимание читателя на то, что в стихотворении, о котором говорит г. Имрек, ни разу не употреблено ни «тот», ни «эта», ни «эти». Конечно, это произошло совершенно случайно, потому что избегать с намерением общеупотребительных слов никто не станет, — и стихотворению г. Некрасова и без этих слов ничто не мешает быть преисполненным «мелочных подделок под русскую речь», если г-ну Имрек так угодно; но зачем же такая странная и неблаговидная неправда? Впрочем, пусть г. Имрек успокоится: мы не придадим ей обвинительного характера и не будем по поводу ее уличать его в изобретении небылиц. Мы просто видим в ней слабость, а всякая невольная слабость, — относится ли она к рассудку, к памяти или к чему другому, — извинительна.

Избыток внутренней деятельности, замедляющий, как сознался сам г. Имрек, деятельность внешнюю и ослабляющий, как уже доказано, до невероятной степени память, имеет еще третье очень печальное свойство — сообщать плодам «внешней деятельности» странную горячность, переходящую в неблагопристойную запальчивость... Упомянув без брани еще о переводе «Макбета», г. Имрек все остальное называет балластом и говорит: «Приступим к разбору и этого *хлама*». Прежде всех достается г. Тургеневу:

«О г. Тургенев! Нельзя сказать, чтоб он не совершенствовался, — он был *плох* в первом произведении своем, подавал и в нем надежды и оправдал их: *он пишет постоянно плоше и плоше*. Но что сказать о его „Помещике"? Здесь он превзошел немалые ожидания. Это

произведение *так уж плохо, такой вздор*; так жалко желание острить; так смешно какое-то чувство будто бы превосходства при описании выставляемых им в карикатуре лиц, что лучшая критика — прочесть самое произведение».

Далее г. Имрек называет г. Тургенева «*столичной штучкой*» и наконец заключает так: «Вообще в петербургских литераторах видно чувство аристократического презрения ко всему, что не Петербург, чувство *превосходства*, похожее на аристократическое чувство... как бы сказать... людей *служебных* (?) перед простыми крестьянами...» Нельзя не сознаться: избыток внутренней деятельности затмил здесь г. Имрек не одну память... Мало быть без памяти, чтоб выразиться так, нужно еще лишиться всякого чувства приличия... И после того подобные господа требуют, чтоб уважали их мнения, смотрели на их убеждения и на их деятельность как на что-то почетное по своей искренности и благородной горячности; чтоб спорили с ними серьезно, кротко и терпеливо... И если случалось им выслушать от когонибудь горькую и резкую правду, они жаловались на горечь и резкость ее — подозревали злой умысел, клевету, и долго потом гремел их гнев против жесткой истины, словно против клеветы, и громки и решительны были их приговоры...

Их пристрастие, их ослепление — изумительны... Г-н Тургенев написал рассказ («Хорь и Калиныч»), в котором на первом плане действуют мужики, а на втором помещик. Критик называет рассказ превосходным и восклицает: «Вот что значит прикоснуться к земле и к народу, — вмиг дается сила!»... Тот же г. Тургенев еще прежде написал рассказ в стихах («Помещик»), в котором ровно на столько же прикоснулся к земле и к народу, с тою только разницею, что здесь помещик действует на первом плане, а мужики на втором, — и мы видели, какому ожесточенному порицанию подверг критик поэму г. Тургенева. Если принять в соображение, что оба рассказа довольно близки по мысли своей и направлению и выполнены с одинаковою степенью таланта, то трудно было бы объяснить противоречие г. Имрек. Но дело в сущности просто: в рассказе «Хорь и Калиныч» г. Имрек увидел что-то близкое себе, согласное с его собственным убеждением (хотя мы не знаем, каким образом, потому что, повторяем, рассказ «Хорь и Калиныч» ничем не отличается в направлении своем

от «Помещика»), — и тут вдруг нашелся у г. Тургенева талант, да еще сильный и прекрасный.

Г-н Имрек и подобные ему не могут и не хотят отделить таланта автора от направления его произведений. Не нравится им направление автора — автор бездарен, книга никуда не годная, — и наоборот. Ослепление странное, но не подверженное сомнению, — факты подтверждают его. В нем-то именно скрывается настоящая причина того, что «Москвитянин» так часто объявлял хорошие книги бездарными, а бездарные — превосходными. В нем, может быть, скрывается и самая причина неуспеха «Москвитянина», а также и «Московского сборника»: если за неблагоприятным направлением трудно увидеть достоинства произведения, то за благоприятным еще труднее увидеть его недостатки. Вот причина частого появления в «Москвитянине» плохих прозаических статей и стихотворений. Вот причина избытка подобных статей и в «Московском сборнике»... Осуждая стихи г. Тургенева (и притом лучше) и г. Майкова, «Московский сборник» печатает такие стихи:

Что, мой *светик*-луна,
Что ж ты все *так* одна —
    Одинешенька?
Под парчою, в венце,
Но с раздумьем в лице
    И *бледнешенька*!
Ты невестой глядишь,
Но под блеском таишь
    Скорбь заветную, —
Словно строгий отец
Снарядил под венец
    Безответную.
Грустен путь пред тобой,
Путь в степи голубой
    Без сердечного;
Сколько ходишь ты лет
А попутчика нет
    И нет встречного!
Мне тебя сердцем жаль,
Что зашла в эту даль,
    Светик-душечка,
Для *сердец* и для глаз
Несравненный алмаз,
    Жар-игрушечка!
Для чего по пути
К нам тебе не сойти
Звездной лестницей (?!!)
Погулять по росе,
Показаться в красе

Райской вестницей?
Мы бы горе твое,
Бедовое житье
Порассеяли;
Мы б тебя всей душой
С сладострастной тоской (?!!)
Прилелеяли!
В нашу зыбь-зеркала
Посмотрись, как мила,
Ненаглядная!
В темный лес заверни, —
Улыбнется в тени
Мгла прохладная (!).
Слушай: в чаще ветвей
Молодой соловей
В тишь *полнощную,*
Кроткий свет твой любя,
Все поет про тебя
Песнь роскошную.

Какая неудачная – изысканная и приторная — подделка под народность!.. Найдется ли здесь хоть стих, в котором отозвалась бы живая народная русская речь?.. Как болезненно-неприятно звучат в ухе эти слова, подслушанные у народа, так мастерски, так свободно владеющего ими, — а здесь так неудачно поставленные, угловато и дико выглядывающие из несвободно льющегося, галантерейно обточенного, примазанного и прилизанного стиха!.. *Светик, светик-душечка, жар-игрушечка, одинешенька, бледнешенька*!.. И что за мысль!.. как много в ней родственного с размашистой и величавой народной нашей фантазией!.. «Светик-луна! отчего ты не сойдешь к нам *звездной лестницей — погулять по росе*; мы бы тебя прилелеяли *с сладострастной тоской*». О господин Новый поэт! вы, который с таким удивительным успехом подвизаетесь во всех родах поэзии, — неужели вы не найдете в своем уме ничего, что бы могло быть достойно этого необыкновенного подлинника?.. Перед вами богатый материал... Здесь олицетворяется луна — в женском роде; можете, пожалуй, в своем стихотворении олицетворить ее в мужском; стих «с *сладострастной тоской*» благоволите удержать: он так хорош, что вам, верно, лучше ничего не выдумать, — а все остальное предоставляется вашему воображению...

Господин Новый поэт выступил несколько шагов вперед, стал в приличную позицию, подумал минуту и начал так:

Что, мой месяц-дружок,
Ходишь так одинок
    И скорешенько?..
Ты хоть полон огня,
А глядишь на меня
    Холоднешенько...
Словно барин крутой
Пригрозился бедой
    Горемышному,
И ушел молодец,
Беспаспортный беглец,
    К солнцу пышному...
Ну, не бойся, сойди!
На звездах прикати —
    Без заботушки!
Кроткий свет твой любя,
Мы схороним тебя
    От невзгодушки!..
Мы бы с горя да с бед
Посмеялись на свет
    И поплакали...
Мы бы часик-другой
С сладострастной тоской
    Покалякали...

— Довольно, довольно, г. Новый поэт! Вижу, что вы ни в чем не ударите лицом в грязь!..

Время раскланяться с статьями г. Имрек, которые обогатили нашу опытность полезным наблюдением, — не всякого рода избыток внутренней деятельности может выгодно и приятно отразиться на деятельности внешней: *полнота* иногда *хуже пустоты*.

Здесь же можно бы раскланяться и с «Московским сборником» вообще. Но, может быть, кто-нибудь спросит: отчего же не говорится об отрывке из романа г-жи Павловой, о стихах покойного Языкова и г⟨оспод⟩ Полонского и Аксакова и о прочем?..

Об отрывке из романа К. К. Павловой именно потому не говорится, что по отрывку нельзя судить о целом, несмотря даже на примечание редактора, в котором довольно подробно рассказывается часть содержания будущего романа, что, по нашему мнению, напрасно: не давая никакого понятия о самом романе, потому что дело не в содержании, а в развитии содержания, такая преждевременная откровенность может вредить интересу романа, когда он весь напечатается...

В последнее время г. Языков не писал ничего, кроме посланий к Погодину, к Киреевой, к Гоголю и т⟨ак⟩

д⟨алее⟩. В «Московском сборнике» напечатаны тоже его послания... Отчего такая страсть к посланиям, несмотря на то, что мода на них давно прошла и что при одном слове «послание» так и веет на читателя стариной?.. Г-н Новый поэт сказывал нам, что под старость, когда талант его утратит свою свежесть и силу, он тоже не будет ничего писать, кроме посланий.

«Послания, — говорил он нам, — последнее прибежище людей, у которых не осталось ничего, кроме охоты писать, — этот род дает готовое содержание для стихов, и притом содержание разнообразное, потому что в каждом человеке есть что-нибудь свое, особенное, отличное от других, на что и следует преимущественно налечь в послании... Таким образом, чем обширнее круг вашего знакомства, тем разнообразнее будет ваша поэзия. Стоит только уметь заводить разнообразные знакомства и хорошо сортировать материал — таланта не нужно!..» Впрочем, о посланиях Языкова и посланиях вообще г. Новый поэт обещал нам особенную статейку, с выписками, цитатами, вариантами и образчиками посланий во всех родах... Тогда познакомитесь ближе и с предсмертными посланиями Языкова...

1848

ПЛАЩ, *ПОЭМА* ВАСИЛЬЯ АЛФЕРЬЕВА

С.-Петербург, 1848.

Нет, еще священный огонь поэзии потух не во всех сердцах, еще (хотя, впрочем, очень редко) появляются у нас люди с печатью поэтического избрания на челе, и из уст их выливаются чудные, вдохновенные гимны, которым сам *Новый поэт* может не шутя позавидовать... Г-н Алферьев принадлежит к числу немногих избранных с печатью поэтического избрания на челе. Мы глубоко уважаем *Нового поэта*, во-первых, потому, что он наш сотрудник, во-вторых, потому, что он обладает необыкновенно разнообразным и бойким пером; но истина прежде всего, и мы не можем не сознаться, что теперь *Новый поэт* в лице г. Василья Алферьева находит для себя соперника очень опасного. Имя г. Алферьева является уже не впервые в печати, но произведения, предшествовавшие «Плащу», произведения более или менее замечательные, ничто в сравнении с этой драгоценной поэмой, с этим перлом поэзии... В этой поэме — и неисчерпаемая глубина мысли, и юмор самый ядовитый и мрачный, перед которым ничто юмор Байрона и Ларры, биографию которого читатели прочтут в этой книжке «Современника»... У г. Алферьева страшный юмор!.. Талант нашего друга *Нового поэта*, как мы уже заметили, очень разнообразен, и в этом случае он имеет преимущество перед г. Алферьевым, но зато талант г. Алферьева несравненно более оригинален: *Новый поэт* — писатель остроумный, г. Алферьев — великий юморист; *Новый поэт* более художник, чем мыслитель, г. Алферьев, наоборот, более мыслитель, чем художник; правда, в произведениях *Нового поэта* много любви и чувства, но зато произведения г. Алферьева облиты горечью и жел-

чью... Он дышит непримиримою ненавистью к человеческому роду и с высоты своего поэтического величия беспощадно клеймит своими превосходными стихами нас, бедных и простых смертных.

Герой новой поэмы г. Алферьева человек больной, и болен он странною болезнию, как замечает сам поэт: он грустит везде, даже

И в женских сладостных объятьях,
⟨. . . . .⟩
О чем он так грустил — нет нужды
Про то читателям узнать:
Они, быть может, были б чужды
Его страданья разделять.

Далее говорит поэт:

Никто его *понять не мог*
В толпе друзей его бездушных,
К *высоким* думам равнодушных...
и проч.

Да! такова участь всех великих людей, а в особенности поэтов, подобных г. Алферьеву, — их никто не понимает... Но этот великий непонятый человек отыскал, однако, себе друга... Кто же этот друг? Как бы вы думали?..

Был этот друг *не из людей,* —
Созданий этих лицемерных,
Непостоянных и неверных...
Он был... могучим существом,
С душой, добром обворожонной,
И с *всеобъемлющим* умом...
Короче — *был он плащ суконный*!

Плащ с душой и с всеобъемлющим умом! Как это глубоко и ново!.. И плащ этот был таков, что

Не смел и резвый ветерок
Его затронуть, пролетая...

и с этим плащом страдалец-юноша разделял грусть души своей.

И вот однажды он услышал:

...будто шелест платья,
Перед собой неясный шум
И чьи-то *на себе объятья.*

Перед ним *стоял* его суконный плащ,

К нему кистями прикасаясь
И к ним прижать его стараясь...

И вдруг... о чудо! плащ заговорил:

Мой друг (говорил плащ), мне суждено судьбою
Всю жизнь с людьми не говорить,
Но я умел *своей слезою*
Себе дар слова испросить.
. . . .
Нет, не земного ты начала
Во мне ищи, друг милый мой, —
Не создан я *земной рукой,*
Не из земного матерьяла!..

Вот каков этот плащ!.. Следовательно, он сшит не Шармером и не Сара, потому что у них, при всем их таланте, руки земные; кем же сшит этот чудный плащ?

— Меня седое время сшило, —

отвечает он... Из какой же материи? Сукно — земной материал, следовательно, этот удивительный плащ сшит не из сукна... Плащ смело отвечает и на этот вопрос:

Из туч хаоса я сгущен
Не без особенных стараний...

Да как же сам поэт назвал его сначала суконным плащом... Вот это что-то темновато!.. Потом плащ, сгущенный из туч хаоса, рассказывает свою историю, как он летал

...меж солнцем и землею
Иль меж землею и луною

и смотрел на все наукой,

Но и в науке близорукой...
Свой путь *затменьем* называл...

Далее плащ уверяет, что

Никто к нему не пламенел
Любовью даже временною!
К кому он страстью ни сгорал —
Во всех к себе он видел холод...

что он *глотал воздух душой* и проч⟨ее⟩.

В заключение он спрашивает у юноши-страдальца, то есть у героя поэмы:

Поведай мне, где я сыщу
К себе хоть дружбу, хоть участье,
Когда несчастному плащу
Блеснет приветливое счастье?..
⟨. . . . .⟩
И плащ замолк. И перед ним,
Созданьем этим неземным,
Уже коленопреклоненный
Страдалец-юноша стоит —
И так с душою возрожденной
Ему, рыдая, говорит:
Издай еще хотя два звука!..

Вслед за тем страдалец-юноша умоляет плащ, чтобы он полюбил его как брата

И как не любят меж людьми.

И плащ исполнил его просьбу и полюбил его как брата. Тогда юноша воскликнул, обратясь в негодовании к людям:

О стыд вам, люди, вечный стыд!
Теперь, когда молчит участье,
Чтоб дать страдальцу веру в счастье,
И плащ безгласный говорит.
И я узнал, вотще привета
У душ бесчувственных ища,
Что есть *душа* и у плаща...

Какой глубокий юмор! Люди бездушны, а плащ с душой... Превосходно!

Когда юноша-страдалец подружился с плащом, тогда

Мир перед ним опять зацвел... —

но ненадолго — снова грусть овладела им — и он обращается к плащу и просит его, чтобы плащ указал ему путь блаженства...

И что же! плащ зашевелился,
Кистями шибко замахал,
Как будто он страдальца звал
Или на грудь его стремился,
Но ничего не отвечал,
Хоть слезы выступили градом
На черных складках у него.
И оценил страдалец взглядом
Участье друга своего...

Несмотря на участие друга, страдальцу пришла мысль застрелиться — и он схватился за пистолет... Плащ не допускает его, впрочем, до самоубийства... «Что же? ты *мечтаешь* возвратить меня надежде?» — возражает он плащу...

> Ты пистолет мой ухватить
> Кистями длинными желаешь...
> Уж поздно, поздно, милый друг!

Раздался выстрел... но прежде...

> ...чем от смертной муки
> Он грешный дух свой испустил, —
> На плащ свой взор он устремил...

И *плащ понял этот взгляд*, он *повис на грудь страдальца* —

> И тесно с ним склеился кровью,
> И по скале спустился вниз,
> И рухнул в море вместе с телом,
> И поплыл вдаль с убийцей смелым...

Такою-то страшною катастрофою разрешается эта поэма... Нет, никогда *Новому поэту* не придумать ничего такого оригинального. Г-н Алферьев решительно убил *Нового поэта* своей поэмой о плаще... В этой чудной поэме фантазия переходит за ту черту, когда она уже перестает называться фантазией, а называется другим, более прозаическим именем...

1849

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА

Издание Николая Фумели. *Вечер первый. Одесса, 1849*

Знаете ли, что из всех трудных обязанностей рецензента самая тяжкая — говорить о первом произведении нового писателя, которого талант не выказывается ясно? Не придумаешь, в каком тоне выразить свое мнение: нельзя ни вдаться в крайности, ни держаться золотой середины. Расхвалить — писатель, пожалуй, последующими произведениями не оправдывает отзыва или возмечтает о себе бог знает что и пренебрежет дальнейшим образованием своего таланта (если он есть). Отозваться резко — новая беда, о которой нечего и распространяться; стоит вспомнить только историю лорда Байрона и нашего Пушкина в эпоху появления их «Hours of Idleness» и «Руслана и Людмилы», произведений посредственных, по которым решительно нельзя судить о будущей огромности таланта обоих поэтов. Придерживаться середины — значит нанести удар собственному самолюбию: как, помилуйте, не отгадать, есть ли талант у нового писателя или нет?

Вот в такое-то затруднение поставили нас «Литературные вечера», изданные господином Фумели. Вы поймете, как велико должно быть это затруднение, если ко всему сказанному нами мы прибавим, что «Литературные вечера» есть сборник, в котором помещено пять статей в прозе и шесть стихотворений, принадлежащих семи разным авторам!

Если бы можно было расхвалить или наоборот, так и дело с концом, а теперь приходится объяснять подробно, как, что и почему?

«Литературные вечера» г. Фумели под очень благообразною наружностию, делающею честь и издателю

этого сборника и типографии, где он отпечатан, в содержании своем отмечены печатию местности: статьи, за исключением стихотворений, изображают нравы южных частей России, преимущественно Одессы, и одна переносит воображение читателя в Константинополь. Это достоинство, которым большею частью не могут похвастать наши провинциальные беллетристические произведения; ограниченные числом, почти все они стремятся к описанию или Петербурга и Москвы, или какой-нибудь неопределенной местности. Это достоинство тем более важно, что большинство читателей, вероятно, не знакомо с обычаями и образом жизни Одессы, которую в pendant * Петербургу можно по справедливости назвать миниатюрною южною Пальмирой. Новизна не последняя вещь в литературных произведениях; но поразить новостию характеров, мыслей, не говоря о других капитальных качествах, трудно; и потому тем приятнее в какой-нибудь повести или романе, не рассчитывающих на долговечность, встретить по крайней мере новые места действий, новые нравы людей, хотя не отличающихся оригинальностью, но по крайней мере одетых в новое платье. Только в произведениях, принадлежащих перу талантливых писателей, не скучно видеть вечно серое петербургское небо и прочие известные каждому русскому читателю темы. В этом отношении мы не можем не выразить приятного впечатления, произведенного на нас сборником г. Фумели. Желательно, чтобы вообще наши писатели, знакомые с разнохарактерной местностию и физиономиею нашей необъятной России, почаще переносили наше воображение из Петербурга куда-нибудь в другое место, в Саратов и прочее. Такое желание наше нисколько не должно возбуждать мысли, будто все петербургские типы, все области петербургской жизни уже обработаны достаточно в нашей литературе. Нет, мы слишком далеки от подобного предположения: для истинных талантов, для ума наблюдательного и фантазии творческой еще много нетронутых сторон нашей вседневной жизни, не бросающихся в глаза единственно по своей обыкновенности, от привычки ежеминутно видеть эту жизнь и участвовать в ней лично. Но многими ли талантами, способными подметить эти типы и жизнь и

* соответственно (*франц.*).

воссоздать их во всей полноте и совершенстве, можем мы похвастать?

Обращаемся к «Литературным вечерам». Содержание их следующее: «Памятники русских царей в Таганроге» и «Кичкинэ», восточная быль г. Н. Гербановского; «Вчера и сегодня», рассказ г. Н. Ф.; «Энтузиаст», повесть г. Е. Колбасина; «История торгового дома Фирлич и К°», также повесть г. О. Рабиновича, и шесть стихотворений «Грешница» и «Два сонета» г. А. Беседовского; «Тучка» г. Н. Д....ского и «Моя доля» и «Наездник», принадлежащие неизвестному автору.

В таганрогских «абрисах», как называл свою статью г. Гербановский, заключается описание следующих достопримечательностей Таганрога: дубовой рощи, или, по местному названию, «Дубков», насаженных Петром Великим во время Азовского похода; им же насыпанного острова «Черепахи» и Елизаветинского парка. Вместо того, чтобы удовлетворить любознательности читателя, справедливой и понятной, когда идет речь об именах императоров Петра Великого и Александра, с которыми так тесно связано имя Таганрога, автор ограничился одиннадцатью страничками, где постарался пощекотать воображение без меры набранными риторическими украшениями. Таким образом из статьи его, которой заглавие заставляло ожидать любопытных подробностей исторических и топографических, вышло школьное упражнение, достойное только средних классов гимназии. Почти на каждой строке встречаются напыщенные выражения, под которыми скрывается совершенная пустота.

Для образчика предлагаем несколько самых коротеньких выписок:

«...В те дни, когда стены Азова *стонали* от русских пушек, когда море Азовское *бороздилось* еще одними *враждебными* судами, — в те дни по этому морю плавным, смелым *ходом лебедя* устремилось (куда?) в первый раз русское *суденцо, наскоро сколоченное* на Дону. Оно *склонялось* под белым парусом, *напутствуемое* свежим ветром. Азовские волны *бережно несли на косматых хребтах* своих нежданных гостей (каких, откуда?), *сгибаясь, как спина коня,* не привыкшего к смелому наездничеству...»

«...*Башни росли*, и крепостные стены, *сбегая по отлогостям, рисовались резкими складками*, которые с *любовью целовало разгульное море...*»

«...При въезде в эту аллею встретится вам уединенный домик, *притаившийся* в чаще дерев. *Он чужд готической громадности зданий, дерзко опирающихся на массивные колонны; он не знаком с щегольством современной архитектуры.* В его *деревянной скорлупе, тесной для роскоши, просторной для анахорета,* не заметно ни малейшего *поползновения на изысканность.* Под кровом своим он *заключает* почтенного *ветерана, променявшего тревогу битв на мирную, уединенную жизнь.* Роща, окруженная невысоким барьером, поручена надзору этого почтенного ветерана...»

Так написана почти вся статья г. Гербановского. Кто после этого может сказать, что Марлинский умер? Он жив или по крайней мере ожил на берегах Черного моря, если только дух его не навеял на автора «абрисов» эту тучу тропов и фигур.

Но вы подумаете, может быть, читатель, что г. Гербановский «словечка в простоте не скажет, все с ужимкой»? Напрасно; он умеет говорить чрезвычайно увлекательно, забавно и остроумно. Оттого-то мы и напали на него за риторику, что ему стоит только захотеть, и речь его польется игривым ручьем. Если бы мы видели в нем только человека, упражняющегося в стилистике, то ни слова не сказали бы вам о несчастной манере «уснащения» речи, как говорит Гоголь, громкими словами, трескучими как шумиха. — Нет, прочтите восточную быль «Кичкинэ», и вы согласитесь, что у г. Гербановского есть талант, над развитием которого ему следовало бы похлопотать поприлежнее. Об одном попросили бы мы его: пусть не торопится он писать свои повести, пусть обдумывает он их с бóльшим прилежанием; пусть развивает характеры, вводит какие-нибудь мысли, не избегает подробных описаний турецкой природы, богатых видов Константинополя, вообще незнакомых большинству читателей; но только, хоть ради аллаха, пусть не пестрит он их вычурными выражениями вроде фразеологии таганрогских «абрисов».

Рассказ «Вчера и сегодня» история простая, но крайне незанимательная — и о том, как майор Иван Петрович приехал из крепости Г*, на Кавказе, в Одессу, влюбился в одесскую девицу Анну Александровну, которая с особенною прелестью поет «Черный цвет, мрачный цвет»; о том, как он получил богатое наследство, вышел в отставку и хотел жениться на Анне Александровне; но

не женился, потому что в самый день свадьбы приехал его батальонный адъютант, в которого была влюблена эта же Анна Александровна, и о том, как почтенный Иван Петрович опять вступил в службу и воротился на Кавказ.

Немного занимательнее этого рассказа повесть г. Рабиновича «История торгового дома Фирлич и К°».

В Одессе жил некто Фирлич, бывший маклер, женившийся на хорошенькой девушке Мери. У него есть приятель француз Пуркуа. Все трое сложили свои небольшие капиталы и основали торговый дом под фирмою «Фирлич и К°». Имея необходимость, по недостаточности средств, поддерживать свое предприятие собственным трудом, они распределили свои занятия следующим образом: Фирлич заведывает домом и ездит очень часто на биржу, Пуркуа ведет конторскую переписку, а Мери исполняет должность бухгалтера. Но Мери и Пуркуа не столько ревностные служаки, как может подумать читатель и как думал вначале сам Фирлич. Они любят друг друга и в отсутствие мужа целуются очень часто. Случилось, что раз при возвращении Фирлича домой раздался внезапный громкий стук: Пуркуа, хотевший впопыхах сесть на стул, попал мимо и вытянулся под бюро; Мери покраснела; чернильница полетела на пол. Страшная мысль блеснула в голове Фирлича, и с тех пор он стал присматривать за коварной женой и вероломным другом и почти ничего не видел, потому что и друг и жена держали ухо остро. Наконец Фирлич придумал хитрость. Он продиктовал Пуркуа письмо следующего содержания:

«Милый Шприц!

Мне нужно с вами переговорить наедине: вы догадываетесь о чем. Свидание наше должно быть случайное и осторожно выполненное... Когда пробъет шесть часов, подойдите к театру и притворитесь, будто читаете афишу, приклеенную к колонне. Я подойду с противоположной стороны... Смотрите же, не опоздайте ни одной минутой: от этого зависит многое».

Когда записка была готова, Фирлич подписал ее, отправил француза по делам и, отрезав заглавие и подпись записки, вложил ее в бухгалтерскую книгу своей жены, а сам отправился в казино, находящийся против театра. В шесть часов явилась Мери возле колонны с афишей, а измученный ревностью Фирлич упал без

памяти и впоследствии помешался. А жена, а друг? — спросит читатель. Мери пошла в гувернантки, а Пуркуа отправился в Бухарест, где открыл гостиницу под вывеской «Au petit farceur».

Но капитальное произведение «Литературных вечеров» есть повесть г. Колбасина «Энтузиаст»; говорим капитальное, потому что эта повесть — самая длинная из всех повестей и рассказов этого сборника и в ней заметно всего больше претензии. Тут есть претензия на мысль, на анализ, на оригинальность, на знание человеческого сердца. В какой мере автор действительно обладает достоинствами, которые могут служить оправданием подобной претензии, судить довольно трудно по одному, и еще первому, произведению. И в этом случае мы удержимся от решительного приговора. Скажем одно: повесть г. Колбасина скучна так, что если бы не тяжелая обязанность рецензента, то едва ли мы дочитали бы ее до конца.

Она скучна потому, что содержание ее до того пусто, что не хочется рассказывать. В ней почти нет содержания; но зато есть совершенно ненужные лица, ненужные сцены, которые страшно увеличили объем ее и, ничего не прибавив к занимательности, до крайности утомляют читателя.

В «Литературных вечерах» есть и стихи, но вы знаете, что «Современник» не охотник до стихов или, лучше, такой большой охотник, что предпочитает никогда не читать стихов, никогда ничего не слышать о них, чем иметь дело с стихами не только плохими, но даже посредственными. Надо отдать справедливость стихам «Литературных вечеров»: они гладки, правильны, даже между ними попадаются звучные, но все они с претензией на мысль, а эта мысль или не оригинальна, не нова, или не верна.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Соч⟨инение⟩ Т. Ч. *Выпуск II. Одесса, 1849*

Бывают на свете всякие люди! Бывают и такие, которые вам беспрестанно и много говорят и никогда ничего путного и занимательного не скажут. Бывают и

такие, которые слова свои будто продают — если не на золото, то, по крайней мере, на серебро — и уж если что-нибудь скажут, то выходит и поучительно, и смешно, и остро. Немало нам встречалось и таких людей, которые умеют занимательно говорить только об известного рода предметах: о событиях жизни уличной, семейной, гостиной; говорят они — заслушаешься; а начнут рассуждать о том, что сказали, — скучно, хоть вон из комнаты беги. Бывает и наоборот: иной рассуждает так плавно и убедительно, как хозяин с приказчиком, а начнет рассказывать что-нибудь смешное — только сам смеется, а слушатели чуть не плачут с горя. Эта способность к рассказам дробится до бесконечности. Нам случалось встречать людей, которых странная наблюдательность простирается исключительно на класс животных, но не на человека, хотя и человек есть животное (разумное). Наблюдатели класса животных обращаются при удобном случае все в зрение и слух; способности их напрягаются к уяснению внутреннего мира животных, и им дается талант угадывать незримые ни для одного физиолога тайные пружины действия животных. И это талант, только наблюдатели такого сорта уже совсем не обращают внимания на встречи людей, ни дружелюбные, ни враждебные: они их не занимают.

Таково многообразие и такова дробность и разносторонность человеческих способностей!

В подтверждение нашей мысли приведем новый выпуск «Путевых впечатлений»: у г-жи Т. Ч. есть свой исключительный талант, есть люди или, лучше, разряд людей, которых она очень хорошо умеет описывать. Эти люди относятся к тому сорту жителей, ни городских, ни деревенских исключительно, — потому что они бывают и городскими и деревенскими, хотя это нисколько не изменяет их положения в свете, — которые обыкновенно имеют образование достаточное, чтобы быть в среднем кругу, но не имеют средств быть действующими членами этого круга; эти люди играют роль *пассивную*, или, по-русски, страдательную, то есть они и живут в этом кругу, но сами не действуют, а на них только действуют; они довольствуются тем, что принимают впечатления, но свои желания и помышления должны ограничивать собою, запирать их в своем внутреннем, духовном мире. Мы говорим о разряде людей вот какого рода: о танцевальных учителях, гувёрнантках, компань-

онках — вообще о людях, не имеющих своего достояния и поэтому принужденных необходимостью жить в чужих домах. Этих людей г-жа Т. Ч. знает превосходно. В нашей литературе говаривали иногда об этих людях, но вскользь. Они есть и у самого Пушкина, но вывезены им из Франции, под разными именами: *monsieur l'abbé*, *monsieur* Бопре... В отечестве своем они были парикмахерами, потом где-нибудь — солдатами, потом приехали в Россию *être outchitels*.* Главные слабости этих господ, по сказанию наших самовидцев-литераторов, страсть к женскому полу и любовь к бутылке... Что сначала было приписано французам, то перешло под пером наших искусных баснописцев и на немцев; а с немцев свалили и на русских. Конечно, русские, водворявшиеся в наших повестях под многообъемлющим именем «учителя», не могли быть вывозимы из-за границы авторами этих повестей; но зато догадливая фантазия этих писателей наделяла «учителя» и на родине такими талантами, которые всегда заподозревали его ученое достоинство. Что сначала могло быть правдою, точно так же как и то обстоятельство, что парикмахер мог сделаться *outchitel'*ем, то впоследствии сделалось ложью, а главное — сделалось избитою фразою. Никто не вникал, справедливы ли эти характеры, и не вникал потому, что никто ими не интересовался; виноваты ли они, по ходу повести, — их прогоняли; не виноваты — их заставляли сидеть да молчать, пока наконец в конце или в начале повести... все-таки прогоняли, как *monsieur l'abbé*, — потому что для воспитанника должна же когда-нибудь наступить пора совершеннолетия.

Так и гоняли их в наших повестях до настоящего времени.

Все это говорим мы не к тому, чтобы в повестях г-жи Т. Ч. действующими лицами были одни гувернеры да учители: нет, в настоящем выпуске «Путевых заметок» их даже нет ни одного, но есть герои сродни приведенным нами messieurs ** по своему положению; таковы: Артемий Андреич в повести «Танцевальный учитель», Анна Сергеевна Берг — музыкантша, и Катя в повести «Четверть жизни человеческой». Первый, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ Артемий Андреич, промышлял *танцеваньем*, Анна

* стать учителями (*франц. транскр.*).
** господам (*франц.*).

Сергеевна — *музыкой*, а Катя жила вообще для удовольствия и забавы Веры Павловны. Лица эти знакомы уже читателям по своему положению в наших повестях: но в рассказах г-жи Т. Ч. они согреты новым чувством, взглядом на них более кротким и сострадательным; на их долю выпало несколько сочувствия, выраженного от души, и потому убедительно и тепло.

Возьмите хотя, например, Артемия Андреича. Он танцевальным учителем у Рафаила Фомича и Катерины Петровны; он учит детей их вместе с детьми соседа-помещика Ивана Игнатьича от Марьи Павловны. Он не учил бы этих крикливых и неугомонных детей, если б однажды Катерина Петровна, возвратясь домой не в духе, не сказала Рафаилу Фомичу, что он не заботится о детях и что он не знает, как воспитывать детей.

— Помилуйте, — говорит Рафаил Фомич, — да чем же наши дети хуже других; вы сами выбрали для них *мамзель*.

— Что мамзель! я вам не говорю о гувернантке: *у других* детей есть учителя и для музыки, и для танцев. У других дети и рисуют прекрасно... а наш Аркаша горбится. Поликсеночка кривобока... танцевальный учитель необходим.

Конечно, Рафаил Фомич с сердцем стукнул кулаком по столу и отправился к Марье Павловне ангажировать ее на пай в жалованьи танцевальному учителю, с условием, чтобы танцевальный учитель за то учил и ее детей. У Марьи Павловны то же затруднение, что и у Катерины Петровны: мамзель не смотрела за манерой, ловкостью детей, а только забивала им голову книгами. Тот же недостаток в танцевальном учителе. Рафаил Фомич рад этому обстоятельству; но Марья Павловна говорит, что учителя нанять дорого.

«Вот же, не зная дела, не говорите, Марья Павловна, — отвечает Рафаил Фомич. — Я сам не охотник бросать деньги по-пустому. Учитель-то наш бедняк, знаете, не из иностранцев. Этакой человек малости будет рад, понимаете? И малость эту мы, как близкие соседи, можем разделить между собою: вы заплатите половину, а я другую. Оно не совсем-то справедливо, у меня детей двое, а у вас четверо; но я в том не постою. Танцмейстер будет жить у меня, ведь при нем сын его есть, мальчишка лет девяти. Видите ли, все беспокойство, вся невыгода

на моей стороне. Вы только детей присылайте с мамзелью, всякую неделю два раза».

Торг слажен, и Артемий Андреич со скрипкой начинает выделывать па да выпрямлять шестерых неуклюжих ребят. Самого Артемия Андреича нельзя назвать красивым мужчиной: он уже лет сорока, высок и несколько сутуловат. На голове его торчат местами клочки темных с проседью волос; глаза его тускло светятся из-под крутого лба; толстые губы бессознательно улыбаются. Он одет бедно и неопрятно: желтый изношенный платок с лиловыми полосками несколько раз обвернут около его шеи; голубой, весь в жирных пятнах, жилет выглядывает из-под изношенного сюртука. Бархат на воротнике порыжел и истерся; сапоги подбитые гвоздями, громко стучат. Дети, которых учит танцевать Артемий Андреич, смеются над ним и над сыном его Сашей. Артемий Андреич не обращает внимания на эти насмешки: они уже не первые; но за отца горько страдает сын и чахнет от изнурительной болезни. Между тем вы думаете, что Артемий Андреич всегда был таким, как вы его видите в доме Катерины Петровны?.. Вы очень ошибаетесь.

Если вы хотите видеть, Артемий Андреич покажет вам два протрета. На одном изображен мальчик лет тринадцати, черноволосый, с полными румяными щечками, с небольшими серыми глазами, сверкающими живостью и отвагой: видите, как он бойко смотрит на вас! Синяя курточка, батистовый вышитый воротничек, откинутый небрежно, выказывающий нежный контур шеи ребенка, и одно из тех лиц, которые нередко встречаются у цветущих жизнью и избалованных счастием детей. Танцевальный учитель задумывается над этим портретом, качает головой и спрашивает у Саши:

— Говори правду, Саша: похож этот портрет на меня?

— Нет, папаша, не похож, — отвечает сын.

Тогда Артемий Андреич вынимает из шкатулки другой портрет. То был портрет молодого человека, лет двадцати, не более. Лицо его приятно, хотя и незначительно. Серые глаза глядят задумчиво, черты все дышат юностью; губы, несколько полные, но красные, как коралл, улыбаются грустно и кротко; черный сюртук обрисовывает стройную талию. Над этим портретом танцевальный учитель еще крепче задумывается. Снова он спрашивает сына:

— А этот похож?

— Нет, папаша, — снова отвечает сын, предобродушно и внятно произнося слово «нет».

— Да, нет, не похож теперь, а был похож некогда.

Да, был похож, прибавим и мы, прочтя повесть г-жи Т. Ч. Но это было уже давно. История Артемия Андреича вот какая. Отец его был бедняк, такой же, как и сам Артемий Андреич; он и не помнил даже своего отца; отец и мать умерли, когда он был еще очень мал. Он их почти не знал, а по пятому году взял его к себе крестный отец князь Р... «Вот жизнь-то мне была, — говаривал Артемий Андреич. — Знаете ли, сначала ничего; так только, бывало, князь позовет: начнет говорить, что учиться надо хорошенько, что он между мной и сыном своим не делает никакой разницы, ни в чувствах, ни в заботах о воспитании. Что у нас будут одни учителя, одна комната, все поровну. И в самом деле нас даже одевали одинаково». Дети играли вместе; *monsieur Simon* водил гулять их вместе. Мальчик учился всему понемногу и от этого вообразил, что может писать стихи; а когда написал плохие стихи, вообразил, что он поэт. Тщеславие его подстрекали похвалами. Крестный отец гордился им как вторым сыном, надеясь представить литературную знаменитость, и ставил его в пример своему родному сыну. Сын начал завидовать своему товарищу детства, слыша, как в гостиной одобрительно говорили ему: *bravo, mon jeune ami!* * Крестный отец уехал с сыном за границу и там умер, не успев обеспечить будущности своего крестника, или понадеясь на сердце сына, которого считал другом Артемия Андреича. Но сын не написал Артемию и письма, а поручил узнать через камердинера, что он намерен предпринять. Артемий рассердился. О, молодость, молодость! Впрочем, мудреного нет ничего, что воспитанник князя рассердился. Ему было тогда только двадцать лет. Он решился не просить его помощи и уехал в губернский город. Но, прожив несколько времени, он увидел, что ничего не знает и ничем исключительно заняться не может. Хотел было быть хоть домашним учителем, да экзамена не выдержал; умел только танцевать и пошел в танцевальные учители. И вот он начал переходить из дому в дом... И сделался таким, как мы его застаем у

---

* браво, мой юный друг! (*франц.*).

Рафаила Фомича? Да, но если вы непременно хотите узнать, каким образом это сделалось, то советуем вам прочесть самую повесть. В ней много истины, много теплоты в описании дальнейшей судьбы Артемия Андреича.

Но вот другое лицо второй повести г-жи Т. Ч. — «Четверть жизни человеческой»: мы говорим о Кате. Она дочь бедной музыкальной учительницы, Анны Сергеевны Берг. Мать ее умерла в бедности и от изнурительной болезни. Дочь, Катю, взяли в богатый дом Надежды Александровны, в компаньонки маленькой дочери ее — Вере Павловне. Добрые люди не оставили сироты. И вот Вера и Катя растут вместе. Но кто такая была эта Надежда Александровна и дочь ее Вера? На это отвечаем словами автора:

«Надежда Александровна любила дочь, и как еще! во-первых, она любила ее за то, что она почти красавица в свои одиннадцать лет и обещает быть еще красивей; во-вторых, за то, что из четырех детей она одна у ней осталась. Потом любила ее за то, что ей самой, в неполные тридцать лет, любить было некого и любимой быть некем, хотя Павел Семенович Ремнин и женился на ней двенадцать лет тому назад по любви. Но Павел Семенович был чудовищно толст в свои 38 лет; Павел Семенович через два года после свадьбы несомненно и явно разлюбил жену, чтобы не смешить людей, слывя примерным мужем. Других причин разлюбить Надежду Александровну у него не было ⟨...⟩ И Павел Семенович снова был возвращен свету, дружбе и любви!

Подобный возврат грустно поразил Надежду Александровну. Ей показалось, что от нее отнялась любовь, которая для нее никогда не существовала, что она обманута, предана тем, кого она силилась любить. В чистоте души своей она принимала это усилие за истинную любовь. Но в эти два года она успела разглядеть мужа, успела сознать свое превосходство во всем и тут вдруг видеть, что этот человек ее же отталкивает, над нею же властвует!.. Она была оскорблена своею зависимостью; она бы его оставила, если бы не было Веры.

Но она решилась! она перенесет и сосредоточит все свои привязанности на слабом ребенке. Она могла бы отомстить: ей двадцать лет, она прекрасна, она бы могла собрать вокруг себя толпу, присутствие которой доказало бы мужу, что любовь к ней не невозможна. Но нет, нет!

Она покорится всему, она любила *тебя, Paul*, и презирает вас, Павел Семенович! Обманутая в своих чувствах, она не будет их растрачивать в пустыне, она сольет их в одно великое, святое чувство материнской любви!..

Но вся жизнь человеческая — искусное и непрерывное актерство перед самим собой; услужливо накидываем мы на себя мантию чувств, приводим складки ее в величественную последовательность и тешимся их волнообразным движением, и сытим слух свой их таинственным шорохом! Все природное сначала покрывается, а потом подавляется принятым и приброшенным; мы тонем, тонем в этих складках, скрываемся от своих глаз и наконец не узнаем себя. И до гроба все важно расхаживают в величественной мантии трагических королей и королев; от глаз скрыты деревянные ходули, на которые мы себя втащили, а нога их не чувствует.

Чувства, которые Надежда Александровна душевно оплакивала, существовали только в ее воображении. Она была уверена, что вышла замуж почти по любви, а между тем, если сказать правду, то не любовь, а перспектива ожидающей ее бедности, картина мелких, но невыносимых для ее женственной натуры лишений со стороны жизни и оскорбление со стороны света, ужас одиночества и безотрадной, вечной борьбы с собою — все это, искусно представленное осьмнадцатилетней головке, заставило Надежду Александровну принять предложение Ремнина... Надежда Александровна была тогда совершенно уверена, что и она слишком его любит. Но с той минуты, как Поль сделался Павлом Семеновичем, не только головка, но даже рука ее никогда не опиралась на его плечо. Зато крошечные ручки Веры покрывались поцелуями и слезами.

. Уединяясь в материнском чувстве, она старалась перелить душу, ум и убеждения свои в слабого ребенка...» (стр⟨аница⟩ 127 и след⟨ущие⟩).

И она передала Вере все то, чем сама была наделена, прибавим мы. С такой-то девочкой пошла Катя по пути жизни с тех пор, как поступила в дом Ремниных. Ленивая, слабая и вечно утомленная натура Веры была прямым контрастом с отважною, пылкою, благородною и сострадательной Катей. Вера была богаче и хороша собой; Катя была бедна, а красоту ее составляла только тонкая талия да густые волосы. И им должно жить вместе? — спросите вы. — Да, они будут жить вместе;

но сколько борьбы и столкновений должно случиться между этими характерами, совершенно разнородными, и между этими положениями, из которых одно обусловливает жизнь другого. Но мы смело пускаемся в дальнейший путь с Катей: ведь ее призрела Надежда Александровна, не дала ей скитаться по свету бесприютной сиротой. Вера очень хорошо это понимает. Катя не раз ей говорила: «Ты хороша, ты богата, тебе нечего заниматься тем, что делается вокруг; я, напротив, дело другое: я небогата, я нехороша, во мне нет ничего завидного... не красавица же я... А впрочем я и не могу не думать...». Вера понимает положение Кати; следовательно, нам нечего бояться за Веру: она поступит, как и будет следовать поступить сообразно ее натуре...

В третьей повести, «Поздно», напечатанной в этом выпуске «Путевых впечатлений», мы не находим уже таких характеров: в ней есть и любовь, есть и молодые люди влюбленные, есть три женщины; но мы ни на одной из них не остановимся. Все лица, и мужские и женские, и самые их страсти как-то неопределенны и на них не хочется призадумываться. В этой повести г-жа Т. Ч. совсем не та, которую мы видели в двух предыдущих; поэтому мы не будем и говорить здесь об этой повести.

Возвратимся к первым двум и скажем о них еще несколько слов.

Мы высказали до сих пор только одну мысль, что г-жа Т. Ч. умела выбрать лица и посмотреть на них с той точки, с которой они могут очень заинтересовать читателя. Она взглянула на них поглубже, чем обыкновенно привыкли смотреть на эти лица. Но взгляд на вещь, мысль, которую возбуждает она, еще не составляет всего в повести. Мысль — главное, она — начало всему; но ее нужно развить и обставить другими живыми и характерными лицами, чтобы первоначальная мысль обратилась в повесть, в произведение по крайней мере беллетристическое, если не художественное в строгом смысле. Посмотрим, что для этого сделала г-жа Т. Ч.

Жизнь Артемия Андреича, с тех пор как он сделался танцевальным учителем, не так подробно и ясно изображена, как этого должно было ожидать от начала рассказа. Автор приготовляет читателя к зрелищу довольно обширному и любопытному: как Артемий Андреич из приличного юноши, каким мы видели его

на портрете, сделался тем Артемием Андреичем, который дает уроки танцевания у Рафаила Фомича. Между тем и другим Артемием столько же сходства, сколько и между сюртуками, в которые они костюмированы. Автор заставляет самого Артемия Андреича знакомить с собою читателя в виде рассказа; это уже одно обстоятельство показывает, что в повести этой вы не увидите постепенной жизни танцевального учителя; она не записана со дня на день в повести г-жи Т. Ч.; читатель не переходит с танцевальным учителем из дому в дом, не присутствует с ним на пирушках, где посмеиваются собеседники над Артемием Андреичем; вы не чувствуете вместе с самим действующим лицом всей той горести, которую приносит малоуважаемое общественное положение Артемия Андреича. Рассказ о минувшей судьбе вас трогает, но не может столько тронуть, как жизнь настоящая, действительная. Обрисовка характера танцевального учителя требовала такого рода сцен, какую мы находим в доме Рафаила Фомича; по самой сущности повести читатель должен был жить вместе с Артемием Андреичем, а он узнает судьбу его только из рассказа. Но, повторяем, как ни хорош, как ни интересен этот рассказ, он был бы еще лучше и интереснее, если бы мы видели, как он совершался на самом деле в жизни танцевального учителя.

В самом Артемии Андреиче есть порок, который не представлен автором в надлежащем свете: он стыдится своего ремесла танцевального учителя, как будто лучше его те характеры, с которыми судьба сталкивала его в рассказе г-жи Т. Ч. и которые большую часть жизни сидят на одном месте и отличаются тем, что не только не танцуют, но даже и ходить разучиваются. Не со всеми бывает, что они стыдятся своего занятия; но с Артемием Андреичем, к несчастью, и это было. Сколько страдал он, бедный, и страдал фальшиво! Фальшиво потерпел он много оттого, что никак не мог сильно опереться на мысль, что нет ремесел и занятий позорных и бесчестных, если только выполняют их добросовестно и честно, и что напротив, всякое занятие можно обесчестить, исполняя его наперекор указаниям совести.

В пользу Артемия Андреича скажем, что ему трудно было опереться на это основание, потому что окружающие забыли или, лучше, не умели и не понимали, как поддержать его; они даже сумели унизить его в его

собственном мнении. После рассказа о своей любви к Марии, которая не могла высоко оценить его, потому что он учил ее танцевать, Артемий Андреич спрашивает: «Что ж вам еще рассказывать? О том, как я из дома в дом переходил, как попадал и на таких людей, что меня считали хуже своей легавой собаки; и на таких, которые приказывали за обедом меня обносить блюдом и рюмку вина предлагали только в годовые праздники! И на таких, которые мне делали замечания, что я слишком часто меняю носовые платки! И на таких, которые, заметив во мне страсть к охоте, предлагали мне чуть ли не место доезжачего вместе с званием танцевального учителя, замечая очень простодушно, что одно занятие другому не мешает. И на таких, которые заставляли меня давать уроки в присутствии почти целого уезда и спрашивали тут же у сановитых посетителей: Ну, как вы находите, смыслит он что-нибудь? — на что те качали глубокомысленно головой или важно откашливались». Если бы спросил обо всем этом нас Артемий Андреич, мы, конечно, попросили бы его рассказать о таких встречах, которых мы никогда не видывали в наших повестях и не подозревали их существования. Они по крайней мере могли бы очень заинтересовать нас, потому что, полагаем, и основа повести лежит на этих встречах. Но они не представлены пред взоры читающей публики; а того, чего нет, мы не вправе, впрочем, и требовать.

Возвращаемся к первому: самонеуважению Артемия Андреича.

«— Мысль и чувство, — говорила гувернантка Елена танцевальному учителю, — мысль и чувство возносят нас над унижениями. Кто не внесет в труд свой мысли и чувства, для того труд будет тягостен и унизителен. Всякое искусство облагороживается чувством и мыслью.

— Но я не мог внести мысли и чувства в свое искусство, — сказал танцевальный учитель. — Я ненавидел его, оно давало мне хлеб насущный, но лишило пищи умственной. Я твердо переносил роль танцевального учителя, но никогда не выполнял ее с любовью».

Неправ Артемий Андреич: если его искусство доставляло ему хлеб насущный, он не мог ненавидеть этого искусства, он должен был быть ему благодарен; если он никогда не выполнял роли танцевального учителя с любовью, он не рожден был и браться за нее: только то

и хорошо, что выполняется с любовью. Но как часто мы видим эту бесхарактерность, которая ставит самое себя в фальшивое положение; она не проложит себе дороги, не решится ни на что, идет туда, куда идут все, и на пути своем, без энергии и влечения, вянет и погружается в тину, которой впоследствии уже и не трудится сбрасывать с себя. Если в жизни такие характеры приносят мало пользы, то в повести они могут доставить много материала для писателя; если при своей бесхарактерности такие лица слишком элегичны и монотонны, то писатель должен искать красок в обстановке, в столкновениях с лицами характерными, сознающими то, что они делают, или не делающими ничего, потому что они не сознают ничего. Мир действительный велик и разнообразен, так как не быть в нем занимательности? Немного характера проявил сам Артемий Андреич, живя с людьми; зато те люди, которые жили с Артемием Андреичем, проявили много характера.

Об этом неуважении Артемия Андреича к самому себе так сказала ему Елена:

«Понимаю, вам показалось, что это занятие вас унижает, и вы ни разу не подумали ⟨...⟩ что хлеб насущный достается вам в воздаяние, а не в милость».

И справедливо сказано. Но где же в этой повести фальшивый стыд танцевального учителя? Его нет; бесхарактерность Артемия Андреича не дозволила ему сознать достоинство своего труда, как говорила ему Елена.

Во второй повести мы уже видели иную постановку лиц: там на сцене женщина. Катя живет у Надежды Александровны как компаньонка дочери хозяйки — Веры, сверстницы Кати. Вера и Катя дружны между собою; Надежда Александровна и Вера так деликатны, что они не покажут Кате ее зависимости, ее бедности, ее обязанности к благодетелям, принявшим ее в дом. Но Катя, несмотря на это, чувствует, как она должна быть благодарна людям, призревшим ее. Бегут годы, и детские игры и учебные книги сменяются бальными платьями и разговорами *о нем*. *Он* приехал из Петербурга. Он очень хорош собой, он так же молод, как и они, — что ж мудреного, если он нравится им, а они ему? Это в порядке вещей; но из этого порядка выходит только одно обстоятельство: ему больше нравится Катя, чем Вера. Зато и он нравится больше Кате, чем Вере. Следовательно, между ними воцарилась совершенная спра-

ведливость, а этой справедливости, может быть, суждено было царствовать долго, очень долго, до конца повести, если бы Вера не стала завидовать счастию Кати. Но эта зависть была напрасна по двум уважительным причинам: во-первых, потому, что мать Веры не согласилась бы на брак *с ним*; а во-вторых, потому, что Катя, узнав, что *он* нравился и Вере, решилась отказаться от своей истинной любви в пользу любви Веры, не совсем истинной, несколько эгоистической. Бог знает, как страдала бы Катя из-за своего великодушного пожертвования, если бы он не умер... Однако Катя понимала, что она для Веры сделала много.

Идут годы. Место *его* занимает уездный лекарь, нисколько не страшный, напротив, даже очень увлекательный, с черными глазами и взглядом на жизнь совсем не медицинским, более шиллеровским. Линевский — так звали доктора, — нравится, как и предшественник его на поприще любви — обеим девицам, и Кате и Вере, но на этот раз, однако ж, больше Вере, чем Кате, за что и получает бо́льшую долю любви от Веры, чем от Кати. Следовательно, опять в этом счастливом уголку земного шара живут на основании стро́гой справедливости.

Но для Веры уездный лекарь — не жених, на том основании, что он годится в женихи только для Кати. Поэтому Вера выходит замуж за человека более солидного, за человека с весом и, может быть, с деньгами; Линевскому остается жениться на Кате, что он и не замедлил сделать по своему шиллеровскому характеру. Но прошел год, и положение дел приняло вот такой оборот: Вера увидела, что она не совсем-то любит своего мужа и более наклонна к Линевскому; поэтический доктор, в свою очередь, увидел, что он больше любит Веру, чем Катю. Супруг Веры сам пригласил Линевского лечить жену, изнемогавшую от любви к нему. Катя все это отгадывала нежным женским инстинктом и, умирая, благословила Линевского на жизнь более счастливую, чем та, которую он должен был бы вести с нею. Катя вслед за тем умерла.

Катя в первый раз, когда заметила, что Вере нравится тот же, кто и ей, отказалась от своей, может быть и сильной любви; Вера, которая не хотела выйти за Линевского, хотя и любила его, не задумалась дать волю своему чувству, забыв, что у подруги ее было одно счастие, семейное. Так мы понимаем главный мотив повести.

Справедлива ли эта идея в своем основании? Не думаем. Автор дал полную волю чувству Веры в последней любви ее к Линевскому и, следовательно, отстранил те расчеты ума, которые могли руководить ее в отношении Кати. Допустив в Вере такое развитие того чувства, которое не зависит от холодной расчетливости, он этим самым устранил те отношения, которые хотел положить в основание характера Веры. Если бы Вера из одного кокетства старалась завлечь Линевского и этим холодным соображением нарушить семейный покой Кати, в этом было бы более отчетливости идеи, по нашему мнению. Правда, зная, ка́к мастерски очеркнуты характеры Веры и Надежды Александровны, нельзя сомневаться, чтобы в каждом их действии не было на первом плане мысли о себе, а не о других, чтобы и Вера, — которая могла обойти партию с Линевским, ей предстоявшую, и выбрать для себя более выгодную, — не чувствовала, что она немного себялюбиво вторгается в круг прав Кати; но все-таки дальнейшее развитие ее страсти таково, что заставляет забыть ту мысль, которая могла руководить ею в начале. В этой развязке нет уже той чистоты идеи, какую мы, например, видим в разговоре по возвращении их с бала, в расспросах матери, в очерках материнской любви Надежды Александровны, даже в самом браке Веры. Конец повести не отвечает тем ожиданиям, которые в нас невольно породили новые, мастерски описанные и истинные характеры Веры Павловны и Надежды Александровны, встреченные нами в начале повести; или лучше сказать, развязка не имеет уже того исполнения, искусного по отделке и смелого по идее, которого мы вправе были требовать от таланта автора, судя по началу повести.

Если мы обратимся от общего к частному, то также найдем в таланте г-жи Т. Ч. много прекрасных мест и несколько недостатков. И то и другое мы не скроем, точно так же как мы поступили и при рассмотрении общего плана повестей.

В повестях г-жи Т. Ч. много наблюдательности той жизни, которою она окружена: оттого у нее много оригинальных и очень часто справедливых решений таких вопросов, которые показывают, что она недаром наблюдала жизнь. Хотя бы, например, решение таких вопросов: отчего робкие натуры, осмотрительно развитые воспитанием, чаще всего влюбляются в кузенов, в друзей

детства или в учителей своих меньших братьев? Отчего самолюбивая Надежда Александровна соединила все чувства своего самолюбия над головою своей дочери Веры, когда увидела, что муж не ценит ее достоинств? Или таких: что такое бледность, грусть и постоянно усталый вид Веры? Также хорошо письмо Кати к Вере перед женитьбой Линевского. Во всем этом много прекрасных мыслей и чувств, и поэтому мы любим читать повести г-жи Т. Ч. Точно так же можно указать на много прекрасных мест и в «Танцевальном учителе».

Но что за идея, например, в характере Клары и где ее нашел автор? Вот что такое Клара. Случай свел ее с молодым профессором: это был «человек глубокой учености, прекрасного и доброго имени *и какой-то светлой отточенности идей»*. Этот молодой профессор говорил Кларе о том, «что чувство безотчетное не может существовать; что от способности рассуждать рождается способность чувствовать; что он не хочет любви и находит ее сущим вздором ⟨...⟩ что если бы женщина ему сказала „люблю“, он рассмеялся бы ей в глаза...» Он говорил, одним словом, «о ложности чувств, об уродливости сердечных поверий ⟨...⟩ об искусственном *высилении* наших артистических и поэтических наклонностей...» Каждый из среды окружавшей Клару молодежи представлял для этого профессора только *любопытного субъекта*... Он «изучил только *субъект* и забыл, как необходимо здесь совершенное понимание *человека*». Таким образом Петр Львович — так звали профессора — «казнил своей *разлагательной* наукой все *женственные* верования Клары...» От этого Клара «не могла идти общей жизнью, а для создания особенной у ней недоставало ни силы, ни материалов». Вдобавок Петр Львович написал рассуждение «О зарождении любви в человеческом сердце» и другое — «О любви относительной ⟨...⟩ или О воздаяниях и безвозмездии» — это совершенно убило Клару: она состарилась, ничего не чувствовала, не любила; не жила.

Что это за портрет, который мы старались обрисовать собственными словами автора? Хорош ли этот профессор с «*разлагательной* наукой» и хороша ли Клара, которая, кажется, сама плохо понимает, что ее убило?.. Образованность Петра Львовича и Клары подозрительны, так же как и дурные отзывы ленивых учеников о строгих учителях... Не нужно верить слухам и отзывам посторонних: нужно говорить и писать, что мы сами испытали;

тогда и Петр Львович бросит задуманное им третье рассуждение «Об уме вычитанном и уме самородном, или О системах и жизни действительной».

Нам не нравится еще, что автор часто пересыпает свой безыскусственный рассказ искусственным остроумием в таком роде:

«Прочь *жажда создания внутреннего мира*: вот внешний мир, вечно пестрый и *вечно занимающий*! вот его легкие волнения, вот его торжествующее богатство, его отуманивающие почести, вот его *мелкие романы в формате одной мазурки in quarto * или трех полек in octavo...*** (стр. 165).

«Пылкий ли юноша молил *коленопреклоненный* — та же не внимательно отталкивающая рука» (стр. 166).

«...свет вносит ее в свой круг *скачущей, говорливой* волной...» (стр. 149).

И много еще других фраз, которые доказывают, что автор еще слишком многое поэтизирует, не в меру своим прочим героям.

⟨ВВЕДЕНИЕ К «ОБОЗРЕНИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1849 ГОД»⟩

С наступлением 1850 года кончилась первая половина XIX столетия, ознаменованная лицами, которым равных можно искать только ⟨в⟩ тумане древности, событиями, достойными пера красноречивого и суровоглубокомысленного Тацита, неслыханными усовершенствованиями во всех отраслях цивилизации. Если справедливо, что всегда приход нового года заставляет людей задуматься, оглядываясь на прожитое время и усиливаясь прозреть в будущем то мгновение, разделяющее старый сорок девятый от нового пятидесятого года, есть одно из приличнейших для самой глубокой задумчивости. Перу, пишущему эти строки (не во гнев перу Тацита), крайне хотелось бы вылить на бумагу все мысли, засевшие в его раскепе, нарисовать несколько картин из светлых сторон жизни протекшего полустолетия и бросить несколько сарказмов всему, чем гордый, скептический,

* в четвертую долю (*лат.*).
** в восьмую долю (*лат.*).

промышленный, умственный девятнадцатый век занимает свое минувшее пятидесятилетие, — раскрыть все, что есть в нем загадочного и таинственного, как странствование жида, наказанного вечною жизнию.

Но, увы!.. обозревателю литературы 1849 года из огромного тома всемирной истории нашего века отведено только несколько строк, из всех результатов жизни целого столетия отсчитаны только произведения нашего отечества, появившиеся в течение одного года. Уголок скромный! Но, предлагая настоящее обозрение, «Современник» остается в полной уверенности, что читатели, ради любви своей к русской литературе, поймут намерение редакции остановить их внимание на том, что прошедший год сложил в этом уголке. Это извинение не фраза, которою мы бы желали задобрить читателей в пользу этой статьи. Нет, в наше время, когда так часто повторяются жалобы на бедность русской литературы, пускаясь говорить о ней, нельзя не бояться холодности читателей. Это не фраза, потому-то мы и предприняли составить это обозрение именно с целию показать, что упреки в бедности, так часто расточаемые нашей словесности, несправедливы; что те, кто выражает их, находятся под влиянием предубеждения, не совсем основательного. Пусть не подумает кто-нибудь, что мы хотим поддерживать парадокс, который может разрушиться от первого возражения. Вся предлежащая статья будет доказательством нашей мысли. Одним из главных доводов к обвинению литературы в бедности служит почти исключительное сосредоточие всей ее деятельности в нескольких журналах.

Мы остановимся на нем и рассмотрим, действительно ли это явление может служить доказательством бедности современной русской словесности. Это обстоятельство очень важно, потому что рассмотрение поведет нас прямо к объяснению того значения, которое наши журналы, а следовательно и наша литература, имеют в настоящее время.

Известно, что литература может существовать только там, где есть читатели. Если и можно было бы допустить возможность появления писателей без публики, то обратное предположение: читателей без авторов — не может иметь места. Развитие литературной деятельности предполагает в государстве существование такого класса, который, пользуясь обеспеченным состоянием и имея

много свободного времени, был бы многочислен. Потребность умственных занятий может быть значительною только в этом классе; только в душе находящихся в среде его людей, свободной от заботы о завтрашнем дне, может возникнуть желание знать как можно более, поддержанное возможностию быть удовлетворенным. Во всяком другом классе, не пользующемся подобным довольством в материальной жизни, умственные занятия составляют или роскошь, или специальность. Если это роскошь, то она есть жертва на счет первых нравственных потребностей жизни; если это специальность, то она есть жертва, приносимая для улучшения самых средств материального существования. Для пояснения этих положений приведем в пример богатого помещика, имеющего целию не только прослыть, но и быть в самом деле порядочным образованным человеком; скромного чиновника, который живет одним жалованьем и не находит наслаждения вечно проводить свои вечера за карточным столом; педагога, которого познания составляют его единственный капитал, своими процентами удовлетворяющий все его житейские надежды. Для первого литература есть потребность, легко удовлетворяемая, для второго она есть роскошь, принадлежащая к числу исключительных наслаждений, для третьего — необходимый предмет знания. Класс людей, пользующихся материальным довольством и притом понимающих необходимость образованной жизни, немногочислен везде, тем более у нас, пришедших позднее других народов Европы на поприще цивилизации, между тем как многочисленность этого разряда необходима для обеспечения литературного труда, который, подобно всякого рода работе, требует вознаграждения.

Было время, что литературный труд не считался трудом производительным, и все, предававшиеся ему, причислялись, по суду статистики, к категории потребителей; даже было время, что вообще находили постыдным полагать ему оценку денежную. Многие писатели наперерыв стремились отдавать свои сочинения в журналы и альманахи из одного высшего желания увидеть свое имя в печати. Многие из них доводили свое бескорыстие до того, что, издавая свои произведения на собственный счет, несли добровольные убытки. Оттого в это былое время для того, чтобы попасть в разряд литераторов, необходимо было им иметь состояние, или

отличаться огромным талантом, или при обыкновенных дарованиях работать даром. В образованных странах Европы давно поняли невозможность оставаться под гнетом этой поставленной самой действительностию дилеммы. Наша очередь пришла позднее. Мы не станем излагать в исторической последовательности развитие литературного труда, а остановимся на той эпохе, когда правильное образование, его начало, так сказать, входит в наши права.

Честь радикального преобразования у нас литературного труда принадлежит книгопродавцу Смирдину. Предпринятое им издание журнала «Библиотека для чтения» было основанием этого преобразования. Каким важным явлением было это издание пятнадцать лет тому назад, мудрено себе представить без близкого знакомства с тогдашнею журналистикою.

Круг русских литераторов незадолго до этого времени был разделен на множество мелких кружков; каждый находил своего представителя в каком-нибудь журнале; потому журналов было много, но все они были страшно тонки и большею частию крайне плохи. Каждый отличался каким-нибудь особенным оттенком, который в настоящее время показался бы не только очень странным, если бы показать его в своем собственном свете, но даже смешным, если бы потомкам прилично было издеваться над давно умершими предками. Что касается до нас, то мы не можем без уважения смотреть на эти тощие журналы, или повременные издания, как они назывались тогда на техническом литературном языке. Их бледно-розовые, темно-синие, желтовато-зеленые, просто желтые, просто зеленые, серые, неопределенного цвета обертки, их не обрезанная по краям нечистая бумага, немного превосходившая достоинством картузную, их крупный, разгонистый шрифт, их бойкие и туманные романтические и неловко сложенные в скучно-суровые классические стихотворения, их повести с вечным «продолжением впредь», их никогда не оканчивающиеся романы с героями и героинями, выкроенными по Ричардсону или Радклиф, заносчивый тон их политических статей — все это возбуждает теперь невольную улыбку. Однако, видя эти журналы, покрытые старою пылью, в книжных лавках и старинных библиотеках, мы всегда ощущаем какое-то грустно-сладкое чувство: вся эта груда бумаги была полна жизни, любви к

знанию, изяществу, страстей, разнообразных, глубоких, истлевших скоро, может быть, от той силы, с которою они проявились наружу. Это чувство можно сравнить с тем, которое вы ощущаете, когда смотрите на фамильные портреты, покрытые копотью времени, изображающие свирепых предков, и думаете, где бились эти некогда живые люди, за что, где сложили свои буйные головы, кого любили они, над чем трудились...

Все эти журналы, не исключая самых достойных и наиболее пользовавшихся уважением публики, имели небольшое число подписчиков. Оттого и работа сотрудников не могла быть выгодною; оттого и умирали эти повременные издания от неизбежной чахотки, — умирали они, не оплаченные читателями и, в свою очередь, не уплачивая подписчикам нужного числа книжек, или являлись с надписью: «№№ 22, 23, 24» — на одной книжке, распухнувшей от неимоверного усилия редакторов как-нибудь отделаться от предпринятого издания.

Очевидно, такое состояние журналистики, описанное нами в немногих словах, не могло быть продолжительным. Ей предстояло решить вопрос: быть или не быть, и если быть, то на каких условиях? Эти условия, в сущности, должны были заключаться во взаимном совмещении выгод как подписчиков, так издателей и сотрудников журнала. Отсюда возникли:

необходимость предложить публике чтение, которое по количеству и качеству помещаемых в журнале статей значительно превышало бы цену подписки;

необходимость предложить сотрудникам достаточную плату за работу и, следовательно, возможность привлечением огромного числа подписчиков доставить выгоды самому издателю.

Очевидно, журнал стал в категорию торговых предприятий.

«Библиотека для чтения» взялась выполнить эти три связанные между собой задачи при помощи пожертвованного издателем капитала и при сотрудничестве всех известных и полуизвестных писателей того времени.

Публика отвечала на это предприятие пятитысячным числом подписчиков. Успех неслыханный в нашей журналистике!

Замечательно, однако, впечатление, произведенное этим новым журналом в нашей литературе. Небольшим извлечением из любопытной статьи г. Шевырева мы

постараемся напомнить нашим читателям это впечатление и вместе с тем покажем, как был неясен взгляд даже литераторов на вновь принятое нашею словесностию направление. Эта статья была помещена под названием «Словесность и торговля» в журнале «Московский наблюдатель», которого издание было предпринято в Москве под редакциею г. Андросова, но, основанное на началах литературного бескорыстия, рушилось очень скоро.

Автор, обращаясь в начале статьи к своему другу, говорит: «Ты хочешь отдать себе отчет в том, какую мысль выражает русское слово в настоящую минуту нашего существования?» — и тотчас же, под влиянием какого-то насмешливо-неприятного чувства, находит, что предлагать вопрос в таком виде — значит выходить на слишком возвышенную точку, на «Шимборазо критики», и потому просит спуститься на землю. Здесь первый бросающийся ему в глаза предмет есть «Библиотека для чтения». Ее называет автор «огромным пульсом нашей словесности».

«Но что такое „Библиотека для чтения“? — спрашивает автор. „Библиотека для чтения“ есть просто пук ассигнаций, превращенный в статьи, чрезвычайно разнообразные, прекрасные, но более плохие, редко занимательные и часто скучные».

Без сомнения, такое определение может показаться слишком материальным и в то же время крайне недостаточным, если вспомнить, что при начале издания «Библиотеки» в ней приняли участие все знаменитости тогдашней русской литературы, не исключая самого г. Шевырева, который поместил в ней одну из лучших статей этого журнала и бесспорно самое лучшее произведение своего плодовитого пера, — мы подразумеваем характеристику папы Сикста V. Но автор не желал смотреть на словесность иначе, как глазами материалиста; журналы стали казаться ему не литературными предприятиями, имевшими целию успехи науки и эстетическое наслаждение, а спекуляциями чисто торговыми. В его глазах «Библиотека для чтения» была владетельницею пяти тысяч душ подписчиков. Продолжая бросать тот же материальный взгляд на окружавшие его предметы, он остановил его на тогдашних литераторах и не мог избавиться от намерения уязвить их сатирическою выходкою:

«Вот едет литератор в новых санях, — ты думаешь, это сани. Нет это статья „Библиотеки для чтения“, получившая вид саней, покрытых медвежьею полостью, с богатыми серебряными когтями. Вся эта бронза, этот ковер, этот лак, чистый и опрятный, — все это листы дорого заплаченной статьи, принявшие разные образы санного изделия. Литератор хочет дать обед и жалуется, что у него нет денег. Ему говорят: „Да напиши повесть — и пошли в «Библиотеку», вот и обед“».

Так встречена была первая решительная попытка дать верное обеспечение литературному труду. Если автор этой статьи и был прав в отношении к коммерческому стремлению вновь возникшего журнала, то нельзя не пожалеть, что он достаточно не проникнулся мыслию о правильности начала, на котором должна была с той же поры основаться русская журналистика и вообще русская литература, — начала, которого «Библиотека» была тогда новым и единственным представителем; нельзя не пожалеть, что вместо преследования, впрочем, не слишком бойким сарказмом частного явления он не занялся развитием этого начала. Между тем ему было бы нетрудно бросить верный взгляд на это нововведение, — ему следовало только, оставаясь на своей же материальной точке зрения, снять черные очки и посмотреть вокруг себя светлыми глазами беспристрастного человека. И что тем более досадно, что автор был возле истины, видел ее, но увлекся не горячим желанием показать ее всем, а каким-то желчным чувством, внушенным огромностью успеха «Библиотеки для чтения». Нападая на этот журнал в том, что было ложного в его направлении, автор более хотел ему противодействовать, чем содействовать тому, что было благого в предприятии Смирдина.

Вследствие этого неприязненного чувства литературный мир показался г. Шевыреву «ломбардом», которого героем был книгопродавец.

Напрасно он в последней половине статьи своей хотел уверить читателей, что в вознаграждении авторского труда он видит успех, усовершенствование; в его псевдоматериальном взгляде сквозь мрачные стекла очков сквозил луч туманного идеализирования; стоя на своей земной точке, он порывался унестись в прошедшее мечтательно бескорыстное время нашей литературы.

«Правда, — говорит он, — торговое направление нашей литературы служит для нас утешительным свидетельством того, как с каждым годом все более и более разливается образование по народу русскому; как потребность книг становится ощутительнее; как публика наша, ревнительная к просвещению, алчущая умственной пищи, великодушно награждает всякое (?) литературное предприятие, всякий труд, даже иногда и не стоящий ее награды. Благодаря этой жажде к образованию звание литератора сделалось у нас не только почетным званием, но и званием выгодным. Теперь литератор не есть уже бесприютный бобыль нашего общества. Литератор есть уже капиталист, которого умственный капитал имеет еще ту выгоду, что не может никак подвергаться вычислениям и временным условиям торгового баланса, который вдруг, неожиданно дает *несбыточные* проценты, — одним словом, литератор у нас получает собственность».

Слова эти могли бы быть совершенно справедливы, если бы автор сообразил, что недостаточное обеспечение литературного труда и было бы главною побудительною причиною основания журнала, платившего за помещаемые в нем статьи. Но, соглашаясь со всем, что есть верного в рассуждении г. Шевырева, мы не можем не заметить, что было бы гораздо полезнее, если бы мысли его были развиты подробно и послужили главным предметом статьи. Но вот что прибавляет затем автор:

«...состояние перехода во всяком образовании и развитии всегда бывает вредно; тем вреднее оно тогда, когда в этом переходе сталкиваются две стихии совершенно противоположные: умственная или духовная, — какова словесность; материальная — какова торговля».

Что значит состояние перехода? Разве все, в чем есть жизнь, не постоянно находится в переходном состоянии? Разве самое развитие не есть последовательный переход от прошедшего к настоящему?

«Там, — продолжает г. Шевырев, — где мысль и выгода дружатся между собой и хотят ужиться вместе, там всегда неизбежны нравственные злоупотребления, ибо чистая мысль всегда марается об нечистую выгоду».

Мы думаем, что это не совсем так: там, где мысль была замарана выгодою, там была выгода и не было чистой мысли. Разве выгодная плата повредила творениям лорда Байрона, нашего Пушкина, историческим

трудам Тьера, «Признаниям» Ламартина, романам Диккенса, сочинениям Гоголя и сотням произведений новых писателей, которые щедрее были заплачены, чем могла платить «Библиотека для чтения»? Продолжаем выписки:

«Конечно, литератору приятно трудиться теперь в этой спокойной уверенности, что его состояние обеспечено, что общество, чувствуя в нем потребность, содержит его своими деньгами за труды его ума; литератор может теперь ощущать эту сладость беспечности, этот вес труда своего, и осязать успех у себя на столе; но кто не сознается, что литератор в своей славной бедности был честнее и вдохновеннее? Он имел жажду к славе, от которой загоралась душа его, и не имел жажды к деньгам, от которой она ржавеет. Когда звание его было бедно, когда он ходил в благородном своем и чистом рубище, на это рубище не кидался какой-нибудь непризнанный торгаш! Под маскою литератора не выходил какой-нибудь спекулятор, какой-нибудь искатель приключений, которому литература все то же, что балаган для фокусника!»

Конечно, красноречие этой грозной филиппики могло бы уязвить того из литераторов, который из-за денег развратил бы перо свое; но разве следует обвинять новое направление, данное деньгами литературе, за грехи некоторых частных людей? неужели только одна слава одушевила писателей? неужели и прежде, от самых древних времен до новейших, не руководили ими другие чувства? Вспомните хотя Аристофана, насмехавшегося над Сократом; вспомните множество сочинений, внушенных завистью, лестью, фанатизмом, нетерпимостью, направленных авторами к уничтожению своих противников. Если и при господстве таких нечистых стремлений находилось место для желания славы, то почему же не ужиться ей с денежною выгодою? Да и почему же только одна слава должна быть главным двигателем авторской деятельности? Бесспорно, тот не писатель, кто не искал славы, точно так же как тот не солдат, кто не хочет быть генералом, но если мысль о славе так сильно волнует юношескую душу всякого, начинающего писать, то есть и время, которое редко при помощи опыта не охлаждает порыва к славе. Разве это увлечение не служит признаком всякого начинания, в каком бы роде оно ни было? Солдат хочет быть генералом, писец мечтает о

возвышениях, провинциальному автору слышатся громкие столичные рукоплескания, наследник десятка тысяч рублей видит в перспективе корабль, нагруженный товарами, поэт жаждет быть увенчанным, — все это явления, одинаковые во всех отраслях человеческой деятельности, повторяющиеся на всех ступенях общественной жизни. Но опыт останавливает это порывистое стремление; проходит время, не принося славы. Ужели же за этим обманом должны последовать неподвижность, бездействие? Без сомнения, нет; потому что человеку необходим труд постоянный, а всякий труд требует вознаграждения и стремится к нему. От кого же ждать этого возмездия писателю? От публики? Но если она и желает хороших литературных произведений, то где найдет она их, если их не предложит сам автор? Как же станет он искать свою публику, не имея средств показать ей свое произведение? Когда приобретена известность, авторам бывает иногда легко поддерживать знакомство с читающим обществом; но сколько талантов погибло от недостатка способов к проявлению своей дея-тельности!

Говорят, безвозмездная литературная деятельность честнее, бескорыстнее. Допустим, что это и справедливо; но спрашивается: чего может добиваться писатель при торговом направлении литературы? Известности и денег, из которых первая дается читателями, а последние платятся издателем из карманов этих же читателей. Кто же может заставить публику давать писателям известность и деньги, если они недостойны их? Очевидно, суд публики не может основываться ни на чем другом, как на достоинстве самих писателей, а следовательно, и плата издания соразмерна с этим достоинством, потому что кроме выгод писателя он смотрит и на свои собственные, а они зависят от внимания читателей, требующих чтения по своему вкусу и потребностям.

Так, лет пятнадцать тому назад странен был взгляд на плату за литературные работы. Однако успех «Библиотеки для чтения» не был предосудителен. Первым признаком ее упадка был отказ от сотрудничества большей части писателей, которых имена были объявлены при начале издания этого журнала. Вскоре эти имена исчезли с обертки, на которой красовались они прежде. Мы считаем излишним входить в рассмотрение причин, заставивших этих сотрудников отказаться от участия в

новом издании; но, как бы то ни было, начало было сделано, и все журналы, возникшие после «Библиотеки», должны были устремиться к решению показанных нами выше задач. Возникли журналы, которые со стороны некоторых литераторов-наездников заслужили название толстых, а со стороны публики — очевидное одобрение, выраженное скоро возраставшим числом подписчиков. С эпохою основания этих новых периодических изданий совпадает оскудение книжной литературы. Вся деятельность почти исключительно сосредоточилась в журналистике, так что даже все писатели, даже и нападавшие на новое направление словесности, приняли в ней самое усердное участие и стали помещать свои произведения почти только в одних журналах, а если и решались издавать их отдельными книгами, то не иначе, как после несомненного успеха, приобретенного на страницах какого-нибудь периодического издания.

Это явление, которое, по мнению многих, служит признаком упадка литературы, по нашему убеждению, было шагом к ее усовершенствованию.

Мы сказали уже, какая важная заслуга оказана новою журналистикою обеспечению литературного труда. Вследствие этого всякий писатель, владея талантом или специальными сведениями, имеет открытый доступ в журнал, всего более удовлетворяющий его собственному образу мыслей. Он избавлен от необходимости с усилием пробиваться, как прежде, между рядами других писателей для достижения самостоятельной известности и неверного вознаграждения за свою работу; ему нет надобности искать снисходительности или даже покровительства книгопродавцев для издания его сочинений. Ни одна редакция журнала не отвергнет более или менее полезного сотрудника и всегда может, сообразно с его свойствами, указать ему ту или другую цель. Она не только не отказывается от содействия писателей, но всегда ищет их, потому что число сотрудников, разнообразие талантов и специальностей служит для нее лучшим капиталом. Она может избавлять от бездействия молодых людей, которые, не находя средств к изданию в свет своих произведений, поневоле должны иногда отказываться от выражения своих мыслей и, оставаясь в неумышленной праздности, зарывают в землю полученные от природы таланты и добытые учением познания. Она даже может наводить своих сотрудников на

труды, которых без ее содействия они никогда бы не предпринимали, потому что, следя за современным образованием, а главное, за постоянно рождающимися потребностями читателей, она ближе знает, чем удовлетворить большинство их или тот круг, который она имеет в виду.

Таким образом, значение журнала теперь ясно. Каждый писатель принадлежит к тому или другому кругу читателей, а, следовательно, целое общество авторов, соединенное сотрудничеством, выражает собою значительную массу публики. Вынося из нее свои наблюдения, мысли, достоинства и недостатки, литераторы соединенными усилиями опять вносят их в круг своих читателей, но вносят выработанными, продуманными, прожитыми. В этом смысле журналистика становится соединенным трудом писателей для распространения образованности. Она, следовательно, с успехом каждого отдельного издания постепенно расширяет самый круг читателей и таким образом подготовляет публику, которая со временем может сделаться громадною потребительницею литературных произведений.

Таково значение журналистики нашей в настоящее время — как главного литературного деятеля.

Мы очень далеки от мысли, что она вполне удовлетворяет такому высокому назначению, но с намерением не входим в рассмотрение вопроса, в какой мере тот или другой журнал приближается к своему идеалу; потому что если бы кто-нибудь упрекнул то или другое издание в недостатках, то каждое из них могло бы отвечать: пусть всякий из упрекающих делает лучше; благородное соревнование поведет к усовершенствованию, а с тем вместе те двадцать тысяч подписчиков, которых считают за собою наши журналы и газеты, ответят постоянным возрастанием.

Другой упрек, столько же малоосновательный, как и первый, в бедности современной русской литературы, заключается в сравнении новых писателей с некоторыми старыми знаменитостями. Говорят, наша литература не производит в настоящее время ни Державиных, ни Карамзиных, ни Крыловых, ни Грибоедовых, ни Пушкиных.

Для опровержения этого упрека мы, конечно, не станем пускаться ни в какие сравнения, но только спросим: в какое время какая бы то ни было литература

производила ежегодно писателей, подобных тем, которых великие имена мы здесь выписали, и сколько на каждое из них можно было бы насчитать современных им посредственностей, пользовавшихся у нас известностию в старые годы? Мы не отвечаем, потому что это значило бы повторить историю русской словесности или составить перечень писателей, заживо схоронивших свою славу. Но при этом случае мы не можем не повторить того, что в последнее время было не раз высказано некоторыми из наших журналов: теперь приобретение известности сопряжено с несравненно большими трудностями. Всякая бесталанность, всякое литературное фокусничество скоро исчезают с поприща словесности, гонимые общим невниманием, а если иногда с упорством силятся занять в ней какое-нибудь место, то в невидимых закоулках заднего двора не литературы, а письменности, где, рассерженные своими неудачами, без устали чернят все, что стоит выше их. Эта невозможность даром приобрести внимание читающей публики есть явление, доказывающее ее разборчивость, успехи ее образованности, и служит указанием для самих писателей, как важна их деятельность. Упадок французской беллетристики всего более может служить доказательством, как непрочно литературное спекуляторство, даже поддержанное иногда несомненным талантом, а иногда заманчивою новизною идей. Романы Сю, Дюма, Феваля, еще недавно читанные с жадностию, теперь не производят никакого эффекта и утратили даже всю фельетонную занимательность.

Третий упрек, который мы намерены высказать, более основателен, хотя и в защиту, и против него можно было бы привести несколько оправданий. Мы подразумеваем упрек в отсутствии идей в новых беллетристических произведениях. Если все, что было сказано об этом предмете, даже на страницах этого журнала, вполне справедливо, то, обращаясь к нашим предшественникам, за исключением некоторых талантов первой величины, мы встречаем тот же недостаток. В настоящее время мы видим по крайней мере стремление к мыслям, новым, самобытным, почерпнутым из внимательного наблюдения общества. Это уже есть шаг вперед, и мы не только не хотим останавливать его, но, напротив, разбирая литературные произведения, более всего обращаем внимание на их мысль.

От этих общих замечаний, набросанных нами наскоро, вкратце, мы переходим к отдельным явлениям нашей словесности 1849 года. Разбор их покажет, что упреки в бедности также не вполне подтверждаются и в частности.

Так как деятельность наших писателей особенно проявлялась в журналах, то труд составления отчета о прошлогодней литературе, особенно беллетристической, ныне значительно облегчается постоянным обозрением нашей журналистики, помещаемым в «Современнике» под именем «Писем Иногороднего подписчика». Мы обратим преимущественно наше внимание на произведения, почему-либо оставшиеся без оценки в этих ежемесячных отчетах, и по необходимости укажем на то, что было помещено в «Современнике», который — мы поставлены в необходимость сказать это — принадлежит к числу главнейших средоточий деятельности современных нам литераторов.

Вообще же мы всего более обратим внимание на ученую деятельность, — настолько, насколько она принадлежит литературе. Когда мы были еще в школе, нас учили, что ученые сочинения не характеризуют времени, что, напротив, в произведениях изящной литературы резко являются характеристические черты. Много времени (хотя и не числом лет) прошло с тех пор, как мы увидели необходимость отрешиться от многого, что приобрели в школе и что казалось нам верным, скрепленным авторитетом. Вышеприведенная школьная мысль является теперь нам совершенно несостоятельною, — теперь мы думаем, что сочинение может и быть характеристическим и не быть, вовсе независимо от того, принадлежит ли оно к ученой или изящной литературе. Я очень хорошо могу представить себе ученый трактат, например, о водяных движителях в Англии или России, который покажет мне, в какой мере русские и англичане умеют пользоваться ими, как велики следствия этого умения на возвышение благосостояния; с другой стороны, я очень хорошо могу представить себе произведение изящной литературы, которое характеризует мне человека вообще, рисует общечеловеческие страсти и подвиги, которое одинаково может быть применено ко многим нациям, стоящим на одинаковой степени развития; разве создания Шекспира восхищают нас верностью какого-нибудь местного колорита, а не розыгры-

шем страстей, не картиной подвигов, свойственных человеку вообще?

Вся деятельность человечества есть непрерывное стремление развиться как можно выше, сделаться как можно совершеннее. Деятельность человечества на поприще наук есть часть этого главного стремления, и с этой точки зрения ученая литература как выражение приобретений, сделанных в этом направлении, по нашему мнению, не менее других областей литературных достойна внимания людей образованных.

⟨ИЗ СТАТЬИ «ОБОЗРЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1849 ГОД»⟩

⟨Перечень беллетристических произведений 1849 года⟩

Путешествия незаметно привели нас к изящной литературе, к беллетристике... беллетристика также представила в прошлом году много замечательного. Нам следует говорить о ней... но читатель сам видит, что статья наша уже и так далеко перешла обыкновенные размеры критических статей... Мы по необходимости должны отложить беллетристику до следующей книжки; теперь можем сказать только несколько слов. Самым замечательным явлением в области изящной литературы прошлого года была, бесспорно, «Одиссея» в переводе В. А. Жуковского, — как по своему поэтическому достоинству, так и потому, что подала повод к множеству отзывов, заметок, статей. Тотчас после этого «Обозрения» мы напечатаем давно обещанную статью об «Одиссее» с подробным обозрением всего, что говорилось о ней, и тогда читатели увидят, что ни на один месяц не прекращались в 1849 году толки об «Одиссее». Уже это одно указывает на важность труда нашего знаменитого поэта.

Затем 1849 литературный год ознаменовался появлением нового весьма замечательного таланта, — мы говорим о г-же Евгении Тур, написавшей «Ошибку» («Совр⟨еменник⟩», 1849, № 10), которая так понравилась публике и которая действительно отличается большими

достоинствами. Кроме «Ошибки» замечательнейшими явлениями были:

«Жюли», роман А. Дружинина.

«Русские в начале XVIII столетия», роман М. Загоскина.

«Три страны света», роман Н. Некрасова и Н. Станицкого.

«Саломея», роман А. Вельтмана.

«Чудодей», его же.

«Похождения Накатова», роман Д. Григоровича.

«Дженни Эйр», роман, переведенный с английского.

«Местничество», драма графа Вл. Соллогуба.

«Холостяк», комедия И. Тургенева.

«Выгодное предприятие», комедия П. Меншикова.

«Сон Обломова» И. Гончарова.

«Четыре времени года», повесть Д. Григоровича.

«Записки охотника» И. Тургенева.

«Шарлотта Ш-ц» А. Дружинина.

«Варенька», повесть М. Авдеева.

О всех исчисленных здесь произведениях и о некоторых других мы отдадим отчет в следующей книжке.

ЯРОСЛАВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК 1849 ГОДА

Ярославль. В тип⟨ографии⟩ губернского правления. 1849

По всей вероятности, не один читатель раскроет нашу рецензию с предубеждением, ожидая в ней встретить устарелые шуточки по поводу ярославских поэтов, провинциальных литературных сборников и других предметов, служащих пищею для остроумных или добивающихся остроумия рецензентов; поспешим успокоить их искренним уверением, что никогда ни одно сочинение, внушенное истинною любовью к отечественной словесности, не встретит в нашем журнале бессмысленных острот и насмешек, и не встретит их потому, что мы имеем слабость держаться старого авторитета, утверждающего, что добрая и полезная идея зачастую выкупает многие промахи, сделанные при ее осуществлении.

Мысль, руководившая издателей «Ярославского сборника», заслуживает похвалы во всех отношениях. Она ясно выражена в предисловии этого издания. Вот часть предисловия:

> «Издатели „Ярославского сборника“ имели в виду две цели: одна благотворительная, потому что деньги, вырученные за книгу, пойдут в пользу двух ярославских заведений: детского приюта и дома призрения ближнего; вторая цель — вызвать на бо́льшую литературную деятельность проживающих в пределах Ярославской губернии любителей отечественной словесности. Обратить какую бы то ни было способность на добро и пользу ближнего — отрадно, хорошо, но соединить вдохновение с благотворительностью — это невыразимо сладостно!»

Действительно, удачно выбранная основная идея творения есть уже половина труда. И не из одной словесности можем мы представить факты в подтверждение этого правила: во всех искусствах, во всех науках от выбора главной мысли зависит важная часть успеха. Новая французская школа живописи одолжена огромною частью известности, которою пользуется во всей Европе, не столько искусству исполнителей, как их таланту выбирать сюжеты грациозные и доступные каждому; немецкие композиторы исчезают перед итальянцами едва ли не по той тяжеловесности, с какою они приступали к созданию своих лучших опер; из историков наиболее знамениты те, которые, подобно Тьеру и Макоулею, выбирали для своего труда эпохи, почему бы то ни было интересующие современников. Хотя от живописи, музыки и Макоулея шаг к «Ярославскому сборнику» будет не совсем натурален, но мы должны все-таки сказать, что мысль этого сборника в состоянии выкупить почти все, что находится незрелого и слабого в произведениях ярославских литераторов. Упадок внимания публики к отечественной словесности был необходимою реакциею против того довольно смешного направления, в которое вдалась наша литература в двадцатых годах, — эту классическую эпоху альманахов, мистерий, драматических фантазий, отрывков из неначатых романов и поэм, которым никогда не было суждено увидеть свет божий. То было странное время: поэты были в моде; надевши очки и отрастив длинные волосы, они бродили по гостиным, отпуская свирепые фразы о своей увядшей душе и о погибших надеждах. У любителей русской музы бывали литературные вечера, на которых, к горести слушателей, читались творения какого-нибудь будущего

светила русской словесности, а иногда глава из дидактической поэмы, идиллия — вещи, давно уже отжившие свою пору. Страсть ко взаимной похвале безмерно развита между литераторами: при всяком удобном случае они осыпали себя сами и друг друга любезностями, а потом писали на только что расхваленную особу десятки эпиграмм, и эпиграммы эти читались с удовольствием. Стихов писалось, печаталось и прочитывалось страшное количество.

И вдруг все это исчезло. Стихи перестали читаться, поэты потеряли всякое участие публики, остроумные насмешки «Библиотеки для чтения» громили собрания стихотворений, альманахи и отрывки из комедий в стихах. Женщины, коварные женщины, прежде всех бросились из крайности в крайность. Бедные поэты, которых еще недавно они упрашивали писать себе в альбом и с которыми не раз говорили о пустоте светской жизни, — эти поэты были первые принесены в жертву. Поэтам уже не позволено было носить пестрых жилетов и не чесать своих длинных волос, никто их не упрашивал прочесть что-нибудь из новых стихотворений, никто не слушал их мизантропических любезностей; если они не танцевали, не одевались порядочно и не играли в карты, никто их не приглашал к себе, никто ими не интересовался; журналисты не давали и трех целковых за самую восторженную байроническую поэму. Старики-литераторы перемерли; коммерческое направление поселилось в журналистике, поглотившей собою словесность; слова «по стольку-то с листа» сделались лучшим мерилом литературного успеха. Говорить о литературе вышло из моды; люди, ничего не читавшие на своем веку, открыто признавались в своем вандализме и нисколько не теряли от такого признания в глазах самого порядочного круга. Вообразите себе какого-нибудь лондонского денди, осмелившегося объявить на каком-нибудь рауте, что он ничего не читает и не интересуется отечественными талантами! С каким холодным видом отвернулись бы от него члены верхней палаты, каким насмешливым взглядом окинула бы его с ног до головы иная владычица моды, наследница леди Джерне или леди Блессингтон! какой презрительной эпиграммою угостил бы этого юного фата Геррисон или Ноульз! Но у нас свет не вступался за такую холодность к словесности, и немудрено: свету в то время так уже надоели поэты, альманахи с картин-

ками и старики, сочиняющие стихи на открытие новой кондитерской!

Свет был не прав. Реакция против фальшиво-поэтического направления словесности было делом понятным и похвальным; но ей следовало держаться в границах, осмеивать смешное и не переходить в недостаток участия к ходу русской литературы. Журнальные критики делали хорошо, отбивая у поэтов и романистов, лишенных дарования, охоту к новым подвигам; но критикам этим не следовало с мелочною нетерпимостью преследовать всякий талант за то только, что талант этот был неопытен; не следовало расставаться со снисходительностью там, где снисходительность была нужнее всего. Наши критики в этом отношении представляли резкий контраст с лучшими критиками английских и французских обозрений; их методы разнились на всех пунктах. Не говорю, чтоб каждый критик был обязан, говоря когда-то любимым слогом, «поощрять новый талант и ободрять юного питомца музы»; нет, ни поощрения, ни одобрения никто не требовал, и вряд ли критик обязан поощрять и одобрять кого бы ни было, но со всем тем критик не должен был упускать из виду, что его прямая обязанность состояла непременно в *раскрытии того, что было лучшего в самом слабом произведении.*

Поясним нашу мысль сравнением методы английского и русского рецензента прежнего времени при разборе плохого произведения. Англичанин говорит сам себе: «Книга плоха, я этого не скрою и даже посмеюсь над ней, но я прочту ее еще раз со вниманием. Я знаю, что один только отъявленный глупец не в состоянии изредка сказать умное и оригинальное слово; автор книги не глупец: посмотрим, между грудою чепухи не сказал ли он чего дельного, и если сказал, то поспешим это выставить. Книга эта, подобно дурно построенному кораблю, тонет; спасать его нельзя, но взглянем, нет ли в корабле поклажи, не стоящей потопления». Русский рецензент рассуждал просто: «Тут-то я посмеюсь; надо похлопотать только, чтоб остроты не вышли совсем пошлые». Понятен результат такого умозаключения.

Насмешка, ирония при суждении о предметах, касающихся словесности, есть оружие, требующее чрезвычайного остроумия от того, кто его употребляет. Нет сомнения, плохой и задорный писака, журналист, гово-

рящий одно, а делающий другое, раздражительный хитрец, который вскрикивает от боли и силится скрыть свое огорчение, напрашиваются на насмешку, стоят ее; но и тут надобно знать, что от частого употребления оружие притупляется. Сверх того, мы позволим себе привести следующий пример: «Библиотека для чтения» (старых годов), вдоволь потешаясь над поэмами вроде *«Хеака»* и романами вроде *«Аристократки»* — творениями бесспорно заслужившими свою участь, — в порыве веселья затронула писателя, тогда еще не получившего всей своей известности. По поводу одной книги, под названием «Арабески», в «Библиотеке для чтения» помещен был самый едкий и насмешливый отзыв. Автор книги назывался Н. В. Гоголем... Ответа на эту критику и другие ей подобные не было никакого; но через несколько лет, все знают, как быстро были раскуплены сочинения этого Гоголя.

Хотите знать, как отразилось это простое событие на всей критике «Библиотеки для чтения»? Разверните одну из книжек этого журнала за нынешний год и отыщите там места, где говорится о Гоголе. Трудно передать вам то сосредоточенное, неестественное осуждение, с которым там упоминается о нем.

Обратимся снова к иронии в деле словесности. Литература какого бы то ни было народа и в какую бы то ни было эпоху есть не что иное, как микроскопический уголок в великой области изящного, как маленькое звено в золотой цепи моральных наслаждений.

Страсть к литературе, взятая отдельно, значит весьма немного и даже при некоторых условиях бывает довольно смешна; но эта страсть предполагает так много других страстей, высоких и утешительных! Можно осмеять эту страсть, но осмеивая ее, вы зацепите другие страсти; можно отделить это звено и бросить его в грязь, но от того пострадают другие звенья золотой цепи, которая, по словам одного из величайших поэтов, «соединяет небо с землею». Желаете знать, как называются другие части этой цепи? Они называются искусством, наукою, пониманием природы, спокойствием духа, терпимостью и любовью.

Сами испугавшись превыспреннего полета наших мыслей по поводу холодности к словесности, поспешаем снова потолковать о «Ярославском сборнике».

По части изящной словесности капитальною статьею сборника может назваться повесть г-жи Жадовской «Непринятая жертва», о которой было говорено в «Современнике», в декабрьском письме Иногороднего подписчика. Затем в книге помещено много стихотворений. Стихотворения эти принадлежат местным поэтам: г-жам Ю. Жадовской, А. Ж-вой, господам Ф. С-ву, Семенову, Пав. Жадовскому, Н. Г.

По части стихотворений русская литература вообще не представляет ровно уже ничего замечательного, поэтому неблагоразумно было бы требовать чего-нибудь особенного в этом роде от провинциального сборника.

Из статей ученого содержания с удовольствием читается статья о разорениях города Углича, в которой автор проследил самую тяжелую эпоху этого города, с 1608 по 1618. Трудно без душевного волнения читать эту страшную летопись грабежей, пожаров и междоусобиц, написанную языком сжатым, правильным и довольно энергическим. В начале своей статьи автор очень хорошо описал нам самый город, так, как он был в начале XVII столетия, с его деревянными стенами, шестью деревянными же башнями, церквами и другими строениями. Описание это по возможности переносит читателя в ту эпоху, и от этого самый рассказ о бедах, разразившихся над городом царевича Димитрия, много выигрывает и получает характер живой сцены.

В начале сборника помещены четыре любопытные письма императрицы Екатерины Второй к ярославскому наместнику А. П. Мельгунову. Последняя статья сборника называется «Путешествие по Святым местам ярославского жителя Матвея Гавриловича Нечаева в 1721 и 1722 годах». Старинный слог, которым написано это путешествие, может быть, помешает иным читателям просмотреть путешествие Нечаева. Спешим их уверить, что путешествие это стоит быть прочитанным. Кроме оригинальной наивности слога статья эта отличается чрезвычайной верностью с рассказами других путешественников, и за самое недавнее время. Между прочим, описание Константинополя так верно, что во время чтения кажется, будто слушаешь рассказ весьма умного и наблюдательного туриста, нарочно подделывающегося под манеру старых русских писателей.

Сборник издан очень хорошо. Это тоже немаловажная вещь в книге, изданной единственно местными

средствами. А «Ярославский сборник» во всех отношениях остался верен своему названию — вот собственные слова издателей:

«Ярославский сборник ни в чем не противоречит своему назначению — он истинно ярославский: чужого, иногороднего в нем ничего нет. Все статьи принадлежат особам, живущим в городе Ярославле или Ярославской губернии; местом печатания его была ярославская типография, даже бумага куплена с фабрики князя Гагарина, находящейся в Ярославском уезде».

1850

⟨ИЗ ВВЕДЕНИЯ К СТАТЬЕ «ОБОЗРЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1850 ГОД»⟩

⟨...⟩ Приступая к этому обозрению, считаем нужным сказать сначала несколько слов об отношениях к нашему журналу «Писем Иногороднего подписчика», в которых ежемесячно говорилось о том же, о чем нам придется теперь говорить.

Недавно было замечено в одном журнале, что мнения «Современника» выражаются преимущественно в «Письмах Иногороднего подписчика», — и вот причина, вынуждающая нас к этому объяснению. Нетрудно отгадать, откуда мог возникнуть такой бездоказательный отзыв; но мы дадим на него ответ как на мнение безличное. К этому нас особенно побуждает то, что вообще читатели, сколько мы можем знать, никогда не смотрели на эти «Письма» как на исключительный орган «Современника»; следовательно, указывать на этот отзыв как на мнение того или другого журнала значило бы вступать в полемику, от которой мы стараемся удаляться как можно более. И теперь мы решаемся на объяснения собственно для того только, чтобы оградить наш журнал на будущее время от незаслуженных упреков и определить в коротких словах действительное, по-нашему, значение «Писем» в отношении к «Современнику».

Прежде всего скажем, что в нашей журналистике стремление к строгому, доходящему до мелочей единству взглядов и мнений во всех статьях журнала стеснило бы только круг его сотрудников. Кто не согласится, что если журнал наш не придерживается отсталых и ограниченных суждений, не хвалит достойное хулы и не порицает достойное хвалы, — то вот и все, что можно от него требовать? Если мы находим строгое единство в журналах французских и английских, то это понятно.

Общество Англии и Франции разделено на множество партий, которые имеют исключительно им принадлежащий круг идей, которые стремятся к их выражению, употребляют все усилия к тому, чтобы эти известные идеи восторжествовали над другими, противодействующими им идеями. В столкновении, в постоянной борьбе таких различных интересов заключается значительная часть деятельности, жизни и развития тех обществ, а следовательно, и их литератур. Между тем там число деятелей на поприще словесности так велико, что каждая партия легко может найти целый круг писателей, охотно посвящающих труды свои, часто всю свою жизнь на то, чтобы служить ей органами. Вот почему единство в направлении журналов возможно во Франции и Англии; но, несмотря на такое обилие писателей, что увидели мы, например, в отделе политической литературы Франции, когда состоялся последний закон о книгопечатании, вследствие которого все статьи журналов обязаны носить подпись своих авторов? Зрелище печальное для всякого, кто любит литературу и добросовестно служит ей; множество лиц, составивших себе известность в журнале одного мнения, оказались сотрудниками других журналов диаметрально противоположных направлений. На кого не производили грустного впечатления небольшие статейки, помещенные во французской «Иллюстрации», в которых остроумный автор их Эдмон Тексье преследует отступничество доктора Вэрона, Гранье де Кассаньяка, Эмиля Жирардена и др⟨угих⟩ известных и даровитых писателей от их прежних мнений? Отчего же происходит это грустное впечатление? Оттого, конечно, что прежде, когда все эти писатели скрывались под маскою анонимов или под общею фирмою журналов, их статьи носили печать твердого убеждения, их труды казались общим делом, для которого приносились усилия, направленные к одной цели. Но маски сняты, и обнаружилось странное противоречие костюмов с физиономиями: на угрюмом старике оказался наряд арлекина, на добродушном юноше — одежда продажного дона Базилио. Грустное зрелище, потому что на писателей пало страшное обвинение в служении не идеям, не убеждениям, а деньгам, и они стали в глазах света не призванниками, а поденщиками.

Спрашивается: возможно ли подобное явление в нашей литературе? Решительно нет — это мы можем ска-

зать смело, — в возражение нам могут указать разве на весьма немногие частные примеры; но возможности подобного общего явления, благодаря бога, мы даже не предвидим для русской литературы. Главная причина этой невозможности заключается, по нашему мнению, в свойственной нам терпимости, которая удерживает нас от образования отдельных кружков и, стало быть, от одностороннего преследования той или другой идеи. Вследствие этого характера нашего общества, нашей литературы и самые журналы не представляют резких между собой отличий, а могут быть разделяемы только по некоторым и большею частию весьма слабым оттенкам. Главное различие между ними заключается не столько в образе воззрений на предметы, сколько в большей или меньшей даровитости или учености сотрудников. Такое положение нашей журналистики составляет одно из ее достоинств, вполне соответствующее народному характеру и свойственной ему терпимости. Преследовать это достоинство, изгонять его — значит не любить русской литературы и не видеть в ней дальнейшего благого развития.

Вследствие того же самого характера нашей журналистики, с одной стороны, и немногочисленности наших писателей, с другой, мы встречаем имена одних и тех же литераторов на страницах разных журналов: гр. Соллогуба, г⟨оспод⟩ Тургенева, Соловьева, Галахова, Афанасьева и др⟨угих⟩ в «Отечественных записках» и «Современнике», г⟨оспод⟩ Вельтмана и Загоскина в «Библиотеке для чтения» и «Москвитянине» и т⟨ому⟩ под⟨обное⟩. Между тем наши журналы, не отличаясь резко своим направлением друг от друга, не представляют и совершенного сходства; но, несмотря на то, ни одного из названных нами писателей нельзя упрекнуть в том, чтобы он принимал участие в журналистике из видов исключительно нелитературных, и это весьма утешительный факт, делающий честь писателям и сохраняющий достоинство журналов. Факт тем более утешительный, что сами писатели без затруднения, без боязни набросить тень на свое литературное имя охотно вступают в число сотрудников, лишь бы журнал, их приглашающий, имел хорошую известность или не имел дурной.

Припомним еще нерасположение писателей к исправлению их статей чужими руками. Каждый из них желает

явиться перед читающим обществом с своим собственным лицом и в своей одежде, каковы бы ни были их достоинства и недостатки; потому что все самосознательные люди, к каким a priori,* без сомнения, должно причислить авторов, ни за что так твердо не стоят, как за самобытность своего характера. В исправлении статей редакции мало самой благоразумной осторожности, и она может допускать его только в не подлежащих никакому сомнению случаях или с писателями молодыми и небогатыми опытностью. Достаточно вспомнить пример «Библиотеки для чтения», допустившей безусловное переделывание статей и в один год лишившейся лучших своих сотрудников.

По всем изложенным причинам напрасно предлагают русским журналам в подражание журналы иностранные.

Такой-то взгляд на журналистику вообще заставляет нас спокойно смотреть на парадоксы и ошибочные отзывы о тех или других предметах, встречающиеся в «Письмах Иногороднего подписчика». Признавая всю даровитость и начитанность их автора, мы часто не соглашаемся с ним во мнении, но оставляем ему на волю и парадокс, и отступление, и ошибку, и выбор предметов, и рамку суждений, потому что мы вполне убеждены, что даровитость его, замеченная читателями, спасет его от большого заблуждения, а добросовестность — от тех ошибок, которые ставятся в фальшь. Не считая себя вправе исправлять что-нибудь в «Письмах», мы, с другой стороны, спрашиваем читателей: лучше ли было бы для них, если б мы не печатали этих писем потому только, что в них встречаются некоторые мнения и взгляды, противные убеждениям редакции? К счастию нашему, читатели наши знают, что мнение редакции «Современника» выражается в «Критике» и в «Библиографии», и здесь досужему критику и доброжелателю «Современника» предоставляется полное право искать противоречий. Но искания его едва ли будут успешны.

Наконец, скажем о плане и порядке наших статей: сначала мы намерены представить обзор русской исторической литературы, затем перейдем к произведениям беллетристики, или так называемой «изящной словесности»; третий отдел нашей статьи будет состоять

---

* Здесь: без доказательств (*лат.*).

из обозрения замечательных явлений 1850 года по разным отраслям наук и художеств и, наконец, четвертый — из обозрения провинциальных газет.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА

Издание Н. Фумели. Вечер второй. Одесса, 1850

«Литературные вечера», сборник г. Фумели, принадлежит к тому довольно значительному количеству дельных книг, которым в 1850 году подарила русскую литературу деятельность провинциальных писателей, издателей и типографщиков. До 1850 года многие были убеждены, что провинциальная наша литература вовсе не обнаруживает никакого движения, что она весьма бедна даже численно и ровно ничего не производит хорошего. Это мнение, не раз повторенное журналами, которые говорили только о десятой доле провинциальных книг, случайно залетавших иногда в редакцию, не замедлило утвердиться и в публике; довольно было сказать, что книга вышла не в столичном городе, чтоб вызвать в читателях недоверчивую улыбку (исключение оставалось только за Одессой). Между тем провинциальная литература наша вовсе не заслуживает такого пренебрежения, и, взятая в целом, она не беднее ни петербургской, ни московской (разумеется, журналы здесь не могут идти в расчет), в чем легко убедиться по «Современнику» 1850 года, который, поместив в 1 № «Обозрение провинциальных газет», печатал в течение всего года разборы книг, выходящих в провинции. Вместо того чтобы рыться наудачу в библиографии журнала за целый год, отмечая книги, вышедшие в провинции, вам стоит посмотреть в XII № «Современника» книги, означенные под рубрикой «Провинциальная литература», — и вы получите более или менее полный итог всего, что произвела литературная деятельность провинций в 1850 году. «Отделение книг, выходящих в Москве, от книг, выходящих в Петербурге», также имеет свою цель: при таком разделении резко бросается в глаза различие в характере литературной производительности той и другой столицы. Наконец, в «Библиографическую смесь» входит все то, что собственно не может назваться вообще литературой или не относится

к русской литературе, именно: отчеты разных обществ, страховых, благотворительных и т⟨ому⟩ под⟨обное⟩, книги, выходящие в России на иностранных языках, и наконец, изделия книжной промышленности, которые, не принадлежа к литературе, не могут, однако ж, быть почему-либо пропущены в библиографии.

Находя пренебрежение к провинциальной литературе совершенно несправедливым, «Современник» в 1850 году с особенной любовью останавливался на всяком дельном литературном труде, вышедшем в провинции. В свое время («Современник» 1849 года, № 5, «Библиография») мы отдали отчет о первом выпуске «Литературных вечеров» г. Фумели. Теперь нам следует говорить о втором.

В этом втором выпуске первое место и по достоинству и по объему принадлежит повести г. Рабиновича «Мориц Сефарди».

Мысль повести не новая, но выраженная с практической рельефностию. Умный и красивый собой молодой человек тяготится своей бедностью и мечтает, как бы улучшить свое положение. Груды золота, которые видит он в конторе богатого негоцианта, где служит конторщиком, еще более разжигают в нем жажду блеска и роскоши.

«Видя постоянно в конторе Ксиры такое множество перебывающих людей, всегда занятых, всегда толкующих о деньгах и никогда почти не обращавших и малейшего внимания на него, Морица, он свыкся с идеей, что человек — нуль, только тогда получающий значение, когда стоит рядом с какой-нибудь цифрой. Оттого грусть преобладала над его природной гордостью, которая еще в Лейпциге, в первую его юность, нашептывала ему, что он рожден для блеска, для известности — в каком бы то ни было слое общества, но все-таки для известности. А какую известность мог он ожидать, служа писцом в конторе Ксиры!»

Сначала, впрочем, желания его довольно скромны: он хочет только иметь столько денег, чтобы жить прилично и жениться на Маргале, дочери старого, бедного и честного еврея, у которого нанимает он бедную комнатенку. Но когда желание его начало исполняться, когда наконец, через одну не совсем благородную проделку, он приобретает довольно значительную сумму денег, оказалось, что скромная цель, о которой мечтал он, не может удовлетворить его. Объявив в первую минуту радость свою старому жиду, сделавшись женихом его дочери, он скоро увидел, что блеск любит больше, чем Маргалу, яснее — что не любит Маргалы, и стыдится

уже бедных родителей своей невесты. Здесь мы приведем маленькую сцену:

«Печальная комната Морица в квартире Геноха Хмельника в короткое время совершенно преобразилась. Средства теперь уже позволяли Морицу устроить ее если не так, как ему часто мерещилось, то, по крайней мере, с некоторым комфортом. Она была заново расписана и уставлена прекрасною мебелью, купленною у лучшего мастера. Гардероб видимо увеличился и помещался в щегольском ореховом шкафе. На окнах красовались кисейные занавески. В камине отрадно трещали толстые дубовые полена.

Морица не было дома.

Маргала с салфеткой в руке ходила по комнате и стирала пыль с блестящей мебели. Старуха Ханэ, растворив дверь, всунула голову и с бессмысленным испугом на лице озирала комнату своего постояльца.

— Ты впускаешь холод в комнату, матушка, — сказала Маргала, — лучше войди.

— А можно? — спросила старуха, скинув башмаки и в одних чулках ступая осторожно по мягкому ковру.

— Отчего ж нет, — отвечала дочь, — ведь он наш.

Маргала имела свежий, довольно приятный голос. Она тихо напевала какой-то устарелый русский романс, продолжая свою работу. Каждая вещь, к которой она подходила, напоминала ей ее милого Морица. Дотрагиваясь к тому, к чему он дотрагивался, ей казалось, что она осязает его, видит его, слышит его. Тихая радость наполняла все существо девушки; она вполне была счастлива: будущность рисовалась перед нею так пленительно.

— Что̀ *он* заплатил за этот стеклянный пузырь? — спросила Ханэ, указывая на дорогую лампу, стоявшую на круглом столике перед кушеткой.

Девушка улыбнулась.

— Это не пузырь, а лампа, — отвечала она. — Она чудесно как светит: лучше десятка свечей.

— Ну, а что он заплатил за нее?

— Не знаю.

Ханэ подошла к кушетке и ткнула в нее пальцем. С ужасом отскочила она, когда пружина поддалась под ее рукой.

— Ай, — вскричала она, — там что-то шевелится...

Ма̀ргала громко захохотала.

— Какая ты пугливая, мама, право! — сказала она. — Это кушетка на пружинах... вот попробуй...

Она хотела посадить мать на кушетку, но та отказалась.

— Отцы мои не сидели на таких *штуках*, и я не хочу сидеть на них, — сказала она с неудовольствием. — Все глупые изобретения эпикорейсов, и больше ничего... Ну а что заплатил он за эту дрянь?

— Не знаю, право.

— А это что такое? — спросила опять мать, поворачивая в руках красивый бинокль, оправленный в слоновую кость.

— Это? что бишь это? В него, кажется, смотрят на море, что ли.

Старуха, по своему обыкновению, закачала головой.

— А что̀ *оно* стоит? — спросила она.

— Какая ты странная, матушка, — отвечала Маргала. — Почему мне знать, что̀ все это стоит? разве мое дело спрашивать Морица!..

Ханэ остановилась перед маленьким изящным шкафиком, в котором стояло несколько десятков книг в красивых переплетах.

— А что это за книги, Маргала? — спросила она.

Маргала слегка покраснела. Она знала, что если мать нападает на невинную мебель Морица, то уж книгам более всего достанется. С притворным равнодушием отвечала она матери, что это любимые немецкие и английские книги Морица.

— Должно быть, все прекрасные истории, — прибавила она. — Мориц часто с удовольствием читает их.

— Уж пожалуйста не говори, — возразила мать, плюнув в сторону, — верно какие-нибудь глупости.

— Чтоб Мориц читал глупости! о, никогда!

— Так я ж тебе говорю, что глупости!

— А вот Мориц обещает меня учить по-немецки, — я тогда прочту и докажу тебе, что нет.

— Сохрани тебя бог учиться по-немецки! и дочерью тогда не назову!..

— Ну вот опять! ведь я все для тебя, мама, — сказала девушка, подошед к матери и ласкаясь к ней. — Мы будем жить в хорошем доме; у нас будет прислуга... Ты ничего не будешь делать, только сидеть на диване и вязать чулок... После обеда, например, когда служанка подаст фрукты, — ты видела какие *на Греческом* апельсины и гранаты? — вот такие фрукты ты будешь кушать... или розовое варенье с водой да!.. или, положим, когда вечером ты будешь лакомиться свежею сметаной от собственной коровы, — я буду читать тебе разные веселые истории, как царевичи женились на принцессах, или как купцы были заброшены с своим кораблем, нагруженным алмазами, в *густое* море... и все это на прекрасном немецком языке, — разве это будет не хорошо?..

Перед этой обольстительной картиной Ханэ не могла устоять. Она опустилась в кресло, стоявшее перед камином, и — прищурив глаза — мысленно предвкушала прелести свежей сметаны от собственной коровы♦.

В то самое время, когда мать и дочь строили такие великолепные планы, в сердце Морица уже шевелилась мысль, что неравный брак его погубит, что он невозможен. Ему то и дело мерещатся блеск, роскошь, зависть и удивление толпы; а тут добродушное семейство будущего тестя, доброго Геноха, прозванного Золотым Швом, рисует ему картину семейной жизни в мещанском вкусе.

♦— Жаль, — сказал отец, — что я не мог дать ей образования! Танцевать-то она умеет и шьет хорошо... и по-русски немного читает: целую книгу прочла... Оно, конечно, мало, зато будет хозяйка, уж в этом смею уверить.

В ушах Морица так и загремело страшное слово „бюргерфрау“, когда-то произнесенное Густавом. Он невольно отвернулся от Геноха и, устремив глаза на самовар, задумался. „Бюргерфрау! Бюргерфрау!“ — раздавалось у него в ушах, и самовар, казалось, превратился в призрак, одетый в огромный чепец и желтый капот, призрак отвратительный, с толстым брюхом, который остановился перед Морицем и, взявшись под бока, сказал ему с гордостью: „Смотри, я бюргерфрау!..“

— Фи! — произнес испуганный Мориц.

— Что фи? — спросили все в один голос.

Молодой человек спохватился.

— Это я вспомнил про одно мое дело на бирже, — отвечал Мориц. — Один чудак ко мне придирался и беспрестанно повторял это слово.

Все были удовлетворены этим неудачным ответом».

Остального нет надобности досказывать: Мориц покинул бедное семейство, покинул Маргалу, которую чуть не убил его поступок. Но ему ни до чего нет дела. Он сделался публичным маклером, и дела его идут отлично. Начав не совсем чисто свою карьеру, он точно так же продолжает ее, и истории его проделок посвящено немало страниц повести. Мы не продолжаем передавать в подробности содержание, а мысль ясна; по временам возвращалось к Морицу сознание, его томила внутренняя пустота, ему было даже иногда стыдно за самого себя; но разумеется, эти недобрые минуты проходили, и он возвращался к своим делам и проделкам, в которых, вероятно, и суждено ему кончить жизнь.

В повести г. Рабиновича много прекрасных подробностей, мелочных заметок, которых невозможно передать здесь. Лица очерчены большею частию очень искусно. Нам особенно понравились Генох и его жена, пан Гемба и Андрей-щеголь — молодец на все руки: сегодня извозчик, завтра конторщик, послезавтра фактор и все что угодно. Мы советуем прочесть «Морица Сефарди» каждому, кто любит произведения, не имеющие претензии на особенную глубину и новость мысли, но зато полные действительности и весьма удобные к практическому приложению.

Г-н *К. Зеленецкий* поместил в этом сборнике четыре биографическо-литературные очерка *«Св. Димитрий Ростовский»*, *«Князь А. Д. Кантемир»*, *«М. В. Ломоносов»* и *«Н. М. Карамзин»*. Прочитав их, мы пришли в совершенное недоумение. Не говоря уже о странном сочетании имен, не оправдываемом ни временем, ни характером деятельности этих лиц, заметим только, что очерки эти до такой степени кратки и сухи, что напоминают собой разве только ученические упражнения на заданные темы. В течение последних трех лет у нас много разработано для истории русской литературы, столько появилось добросовестных, капитальных статей о старинных русских писателях, что в этом отношении читатели сделались довольно взыскательными. Какое же впечатление должна

произвести на них, например, статейка г. Зеленецкого о Кантемире, напечатанная на двух с половиною страничках, — статейка, из которой читатель может узнать только, что Кантемир родился в Константинополе, а умер в Париже, что он был полномочным министром, что писал сатиры и другие сочинения. Но все эти сведения уже давно известны, и даже с большею полнотою, каждому образованному человеку. О каждом из писателей, избранных г. Зеленецким для очерков, были весьма обстоятельные и дельные статьи, на которые даже сам автор ссылается в выносках. Зачем же в таком случае было печатать эти статейки, едва удовлетворительные для людей, только что начинающих знакомиться с историею литературы? Краткость литературных очерков может быть оправдана и даже быть достоинством только тогда, когда автор имеет целию, не входя в биографические подробности, резко очертить характеристику писателя; но другие два качества — сухость изложения и поверхностный взгляд, которыми так же отличаются названные нами очерки, не могут быть оправданы ни в коем случае.

Г-н *Колбасин* (полагаем, что это псевдоним) напечатал повесть под заглавием *«Практический человек»*. Содержание повести г. Колбасина следующее:

Где-то, должно быть в России (хотя автор и не говорит этого прямо), живет помещик Артемий Николаич Щепнев с племянницей Юлией Александровной. В доме у него проживает не то ключница, не то компаньонка, а, как называет ее дворня помещика, барская барыня Марфа Петровна с дочерью Анетою. Соскучившись жить в своей деревне, а отчасти подстрекаемый доводами Марфы Петровны, Артемий Николаич решается отправиться в Одессу. Там он знакомится с синьором Эвпатридисом, греком по происхождению, плохим художником, которому мелкие удачи вскружили голову. Этот греческий синьор представляет в доме Щепнева некоего г. Цветковского, человечка маленького, ничтожного и лицемерного, пишущего плохие стишонки, от которых, по выражению одного из героев повести, «пахнет потом и капустою». Герои г. Колбасина выражаются, как увидим ниже, самым отборным образом. Синьор Эвпатридис влюбляется, как и следовало ожидать, в Юлию Александровну, девушку капризную, разочарованную, впрочем довольно богатую, и ухаживает за хорошенькой Анетой, дочерью Марфы Петровны. Цветковский, вероятно догадываясь о любви Анеты к Эвпат-

ридису, привозит ее к художнику как натурщицу, предупредив об этом заблаговременно маменьку ее Марфу Петровну, которая является в самую критическую минуту — минуту объяснения, громко вопиет об оскорблении ее дочери и доводит художника до того, что он обещает жениться на Анете. Марфа Петровна только и хотела, чтобы пристроить свою дочку, и сцена, разыгранная ею, была заранее придумана. Торжествует и Цветковский. Он нарочно удалил Эвпатридиса, чтобы удобнее овладеть рукою и сердцем Юлии Александровны. Наконец практический человек, он же г. Цветковский, к общему удивлению, делается богачом, присвоив себе деньги, которые его лакей или воспитанник Лукаша утащил у слепых нищих. Цветковский женится на Юлии Александровне, а Эвпатридис — на Анете. Кажется, и повести конец, так нет: судьбе или, правильнее, г. Колбасину угодно было свести своих героев после многих лет разлуки; они сходятся, сетуют на горькую судьбу, недовольны своим положением, а во всем виноват г. Цветковский, практический человек.

Если вы недовольны содержанием повести, что, впрочем, более нежели вероятно, то нет сомнения, что изящный способ выражения г. Колбасина вполне заслуживает вашего одобрения. Приводим несколько примеров:

«Могут ли быть хороши те стихи, от которых *несет потом и капустой*» (стр⟨аница⟩ 231).

«Ведь ты — *куриный шут*, просто *куриный шут*!» (стр⟨аница⟩ 268).

«...каждое слово у него выходит *так тошно, так толсто* (?!) что, право, с непривычки можно упасть в обморок. *Отчего ты так толсто говоришь*? (!)» (стр⟨аница⟩ 305).

Но пора оставить в покое г. Колбасина и его повесть, тем более, что по приведенным нами примерам можно судить о степени и роде юмора, которым так бойко владеет г. Колбасин.

Рассказ г. *Н. Ковалевского «Шулпейко и Горностай»* принадлежит к довольно удачным произведениям. Это уже четвертый из печатающихся под общим заглавием *«Мелкопоместные помещики»*. Первые три рассказа напечатаны были в «Отечественных записках» 1848 года.

Рассказ г. *Н. Ф.* «Мазурка и похоронный марш» читается легко и с удовольствием; но, к сожалению, в

авторе видна сильная претензия на легкость описания и юмор. Вот, например, как г. Н. Ф. описывает бал:

«В комнатах — блеск, великолепие, ароматы, благовоние... Гостей множество... Из гостиной в залу, из залы в гостиную рыщут львы и онагры, в великолепных фраках, длиннейших жилетах, из-под которых *блистают белые как мрамор манишки рубах сторублевых*, а у *боков*, при жилетах, висят золотые тяжеловесные *цепи*, — *и отражаются все люстры и лица на лакированных башмаках львов и онагров* (?), а руки затянуты в такие дивные белые перчатки... И *рыщут* львы и онагры из гостиной в залу, из залы в гостиную...»

Описания в этом роде встречаются весьма часто в рассказе г. Н. Ф.

«Литературные вечера» изобилуют стихотворениями. В них напечатано пять стихотворений Н. Щербины, три стихотворения Я. Полонского и два неизвестных авторов. Лучшие из стихотворений г. Щербины мы выписали в прошлой книжке.

Стихотворения г. Полонского ни хороши, ни дурны. Читаешь их — все хорошо и гладко, прочтешь — ничего не остается.

Г-н А—ъ напечатал стихотворение и назвал его «*Картиной*».

Представляем эту картину на суд читателей:

Зимней ночью в избушке лучина горит,
Там хозяйка за пряжей всю ночку сидит;
Запоет ли она — словно плачет о чем...
И вдруг смолкнет, сидит, подпершись кулаком.
А все спит, только вьюга шумит во дворе,
Да лучина трещит, да петух запоет на заре,
Да мальчишки на печке храпят, да сверчок
Не уймется... О чем ты грустишь? Али старший сынок
На чужбину пошел, аль работа трудна,
Али ⟨ведьма⟩ свекровь, аль изба холодна?
А вот к утру приедет, браниться начнет
Муж лихой, — где гулял он всю ночь напролет —
И спросить не посмеешь... И тихо опять
Запоет она, — слов невозможно понять,
Только тянутся звуки... И дает она волю слезам,
И глаза поведет в уголок к образам.

Не знаем, где тут нашел картину г. А—ъ? Что касается до нас, то мы видим в ней только, что г. А—ъ весьма слаб по части русского стихосложения, которым и советуем ему заняться на досуге.

«Литературные вечера» изданы очень красиво.

СОТРУДНИКИ, ИЛИ ЧУЖИМ ДОБРОМ НЕ НАЖИВЕШЬСЯ

Пословица в двух отделениях. Сочинение графа В. Соллогуба. *Эта шутка написана для благотворительного спектакля на домашнем театре. СПб., 1851*

Русские писатели никогда не отличались большою плодовитостию, особенно не отличаются ею писатели последнего десятилетия. В эти последние десять лет явилось несколько замечательных беллетристических талантов; они при своем появлении возбудили большие толки, их первые произведения читались с любопытством, в журналах отзывались о них с энтузиазмом, весь читающий люд устремил *на них очи, полные ожидания и надежд*, говоря языком одного знаменитого русского писателя... Но многие ли из этих, может быть, справедливо возбудивших при первом своем появлении блистательные надежды, — многие ли осуществили их?.. Вот история большей части наших беллетристов последнего времени... Является в журнале повесть... В этой повести обнаруживается, по-видимому, несомненный талант, и, как произведение писателя, впервые выступающего на литературное поприще, она обращает на себя особенное внимание, производит большой шум, возбуждает нескончаемые толки в литературных кружках. «Читали ли вы повесть такого-то?.. Какая превосходная повесть! какой талант!.. Прочтите эту повесть. Это чудо! Перед нею все произведения *такого-то* — ничто... Как он глубоко и верно смотрит на жизнь! Какое уменье подмечать самые мелочные подробности, ускользающие у других... Какое теплое чувство! какой верный взгляд на все... О, этот писатель подает большие надежды!..»

И вот его приглашают в литературные *салоны*... которых у нас, впрочем, немного; любители литературы пожимают ему руки с особенным чувством, на него смотрят несколько с умилением, его очень хвалят в глаза, даже немножко *захваливают*... Все это прекрасно, если бы во всех этих восторгах и энтузиазмах не было преувеличенности; но самая эта преувеличенность очень понятна: у нас так мало литературных талантов, а потребность читающей публики увеличивается со дня на день!.. Проходит год — о молодом писателе, возбуждавшем такой восторг, подавшем такие блистательные надежды, начинают понемногу забывать; но он сам виноват в этом: он не подавал голоса в продолжение целого года! Через год он является, впрочем, с новым произведением; записные любители чтения с жадностию бросаются на это произведение — и, к величайшему изумлению, находят, что оно немного послабее первого; но надежда еще не совсем погасла. Что ж такое? У всех, даже и у великих писателей, бывали произведения неудачные... Подождем, что будет... И появляется третье произведение писателя, подававшего блистательные надежды, — оно еще слабее... Затем, с большими антрактами, четвертое, пятое и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩. Он все еще возбуждает надежды, хотя гораздо слабейшие; потом он продолжает пописывать от поры до времени, не возбуждая уже никаких надежд, — и с равнодушием проходит мимо него читающая публика и перелистывает его последние сочинения потому только, что когда-то он подавал блистательные надежды... Чем объяснить этот грустный факт?

Мы очень хорошо знаем, что беллетристические таланты, между прочим, отличаются от талантов художественных тем, что они обыкновенно исписываются и повторяют самих себя под конец своего поприща за недостатком внутреннего содержания... Примером этому могут служить даже знаменитые европейские писатели: Сулье, Александр Дюма, Бальзак и другие... Но ведь зато сколько же томов и произвели эти люди! Им даже несколько простительно исписаться. И что же перед ними, например, эти господа, у которых содержание так скудно, что едва-едва хватает на тридцать печатных листов, на какие-нибудь три-четыре повести?.. Но, по нашему мнению, во всяком случае уж лучше остановиться *даже* на трех повестях, ежели чувствуешь после этого оскудение таланта, нежели продолжаешь писать

без всякого содержания, вымучивать из себя фразы, подбирать период к периоду, воображая, что такими слабыми, бледными, болезненными порождениями отощавшей фантазии можно поддержать свою литературную известность. Какое заблуждение!.. Блажен, тысячу раз блажен писатель, который умеет остановиться вовремя и повторить вместе с поэтом:

Au ciel, un soir, cette étoile a brillé
Dieu l'éteignit *longtemps avant sa chute*! *

К сожалению, для того, чтобы остановиться вовремя, задолго до своего падения, надо иметь тонкий литературный такт, полное сознание своего таланта; а этот такт, это сознание дается только высшим, избранным талантам... Таланты второстепенные, видя обыкновенно успех свежих, новых талантов и подстрекаемые в таком случае мелочным, раздраженным самолюбием, гонятся за этими другими и, не догоняя их, истомленные, измученные, бесславно падают на пути.

Все сказанное нами нисколько не относится к графу Соллогубу, хотя и его последние произведения несравненно слабее первых и никак даже не могут быть с ними сравниваемы; но мы уверены до сей минуты, что граф Соллогуб мог бы непременно оправдать, если бы только захотел, те блистательные надежды, которые он справедливо возбудил при своем появлении... До сих пор он не оправдал их потому только, что занимался литературой как дилетант, смотрел на нее с легкой, светской точки зрения, никогда не отдавался искусству с увлечением и страстию, а только заигрывал с ним и шутил, конечно, более или менее ловко и мило, но не совсем выгодно для укрепления своей литературной известности.

Эта известность началась для него с 1839 года. Его повесть «История двух калош», появившаяся в этом году, имела большой успех, потому что в ней было много искреннего, теплого чувства и даже любви к искусству, на которое он смотрел тогда еще, по-видимому, без всяких шуток, с энтузиазмом. Проникнутый этим энтузиазмом, он говорил: «Да, искусство находит отголосок в душах неиспорченных. Эта мысль для меня утешительна, а я начинал и в ней сомневаться». И если бы впоследствии

---

* Некогда звезда эта горела на небе, но бог потушил ее задолго до ее падения ⟨*перевод с французского автора статьи*⟩.

граф Соллогуб не упустил из виду эти неиспорченные души, если бы он серьезно посвятил себя на служение этому искусству и писал бы для удовлетворения этих душ, он наверно подарил бы много замечательных произведений русской литературе... Другая повесть графа Соллогуба, обратившая на себя внимание всей читающей публики, называлась «Аптекарша». В этой повести обнаружено было, в сравнении с «Историей двух калош», уже гораздо более мастерства, уменья справляться с своим дарованием — словом, того литературного навыка, который приобретается опытностию. Содержание «Аптекарши» просто... Я думаю, русские читатели еще до сих пор не забыли и эту милую Шарлотту, и этого курляндского юношу барона Фиренгейма, который так умеет всем угождать и так ловко устраивает свою служебную карьеру, и этого бедного, благородного аптекаря... Внутри этого рассказа, исполненного простоты и истины, совершенно спокойного снаружи, совершается драма в высшей степени трогательная. Эта повесть и первые семь глав «Тарантаса» поставили графа Соллогуба во главе русских беллетристов... «Аптекарша» и эти семь глав и до сих пор остаются лучшими его произведениями. «Тарантас» не роман, не повесть, не очерк, не трактат; но это произведение (как хотите назовите его) необыкновенно замечательное. В нем талантливый автор высказался весь со всеми своими неоспоримыми и блестящими достоинствами и также неоспоримыми недостатками. Кто-то и когда-то назвал героя «Тарантаса», *Ивана Васильевича*, — это мастерское создание графа Соллогуба, так верно выхваченное из действительности, — «второстепенным героем нашего времени». Это несправедливо. *Иван Васильевич* даже и не второстепенный герой, — он никаким героем быть не может. Это просто господин с огромными претензиями на высокое и прекрасное, с умом, но с умом легким, шатким и парадоксальным, с жалким полуобразованием, но умеющий пускать пыль в глаза людям робким, застенчивым и неопытным, — страшный, пустой фантазер, без малейшей силы воли, без малейшего признака характера, постоянно гоняющийся за убеждениями, но не способный ни к каким убеждениям и вечно подстрекаемый самолюбием выставляться на первом плане, — между людьми светскими усиливающийся разыгрывать роль ученого, между учеными щеголяющий дендизмом; то говорящий с вами очень серьезно, даже с

некоторою теплотою и искренностию, то вдруг превращающийся в льва дурного тона, нагло ломающегося перед вами и едва удостоивающего вас ответа... Но лучше, кстати, представим здесь характеристику этого лица, написанную пером более нашего ловким и опытным:

«*Иван Васильевич* — один из тех червячков, которые имеют свойство блестеть в темноте. В глуши провинции вы обрадовались бы, как неожиданному счастию, знакомству с таким человеком; даже в столице, куда вы недавно приехали и всему чужды, вы поздравили бы себя с подобным знакомством. Сначала вы очень полюбили бы *Ивана Васильевича* и не могли бы довольно нахвалиться им; но скоро вы с удивлением заметили бы, что в нем ничего не обнаруживается нового, что он весь высказался и выказался вам; что вы его выучили наизусть и что он стал вам скучен, как книга, которую вы, за неимением других, сто раз перечли и наизусть знаете. Сначала вам покажется, что он добр, даже очень добр; но потом вы увидите, что эта доброта в нем — совершенно отрицательное достоинство, в котором больше отсутствия зла, нежели положительного присутствия добра, что эта доброта похожа на мягкость, свидетельствующую об отсутствии всякой энергии воли, всякой самостоятельности характера, всякого резкого и определенного выражения личности. И тогда вы поймете, что доброта *Ивана Васильевича* тесно связана в нем с бессилием на зло. Сначала вам покажется, что он умен, даже очень умен; вы и потом никогда не скажете, чтоб он был глуп ⟨...⟩ но вы скоро заметите, что ум его — ограниченный, легкий и поверхностный, который не способен долго и постоянно останавливаться на одном предмете. ⟨...⟩ Это ум чисто страдательный, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ способный раздражаться и приходить в деятельность от чужих мыслей, но не способный сам родить никакой мысли, ничего понять самостоятельно, оригинально, не способный даже усвоить себе ничего чужого. Так же скоро исчезнет и ваше мнение о его талантах — и исчезнет тем скорее, чем больше вы их в нем видели. Если вы и заметите в нем способность к чему-нибудь, то скоро увидите, что она служит ему для того только, чтоб все начинать, ничего не оканчивая, за все браться, ничем не овладевая. Но всего более приобрел он ваше расположение ⟨...⟩ избытком чувства, готового откликнуться на все человеческое, и что же! с этой-то стороны всего более и должен потерять он в ваших глазах, когда вы лучше рассмотрите и узнаете его. Его чувство так чуждо всякой глубины, всякой энергии, всякой продолжительности и между тем так легко воспламеняется и проходит, не оставляя следа, что оно похоже больше на нервическую раздражительность, на чувствительность (susceptibilité), * нежели на чувство. Ум, сердце, дарования — словом, вся натура *Ивана Васильевича* так устроена, что он не способен понять ничего такого, чего не испытал, не видел, и потому его могут беспокоить или радовать одни случайности, одни частные факты, на которые ему приходится натыкаться. Следствие занимает его без причины, явления останавливают его внимание, но идея всегда проходит мимо его, так что он и не подозревает ее присутствия. Он не может жить без убеждений и гоняется за ними; впрочем, ему легко иметь их, потому что в сущности ему все равно, чему бы ни верить, лишь бы

---

* восприимчивость (*франц.*).

верить. Когда чье-нибудь резкое возражение или какой-нибудь факт разобьет его убеждение, — в первую минуту ему как будто больно от того, но в следующую за тем минуту он или сам сочинит себе новое убеждение, или возьмет напрокат чужое, и на этом успокоится. ⟨...⟩ Ум его — парадоксальный и бросается или на все блестящее, или на все странное. Что дважды два — четыре, это для него истина пошлая, грустная, и потому во всем он старается из двух, умноженных на два, сделать четыре с половиною или с четвертью. Простая истина невыносима ему, и, как все романтики и страдательно-поэтические натуры, он предоставляет ее людям с холодным умом, без сердца. Во всем он видит только одну сторону, — ту, которая прежде бросится ему в глаза, — и из-за нее уж никак не может видеть других сторон. Он хочет во всем встречать одно, и голова его никак не может мирить противоположностей в одном и том же предмете».

Это лицо, нередко встречаемое нами и так же хорошо знакомое нам, как, например, лицо *Ноздрева* Гоголя, — этот *Иван Васильевич* изображен графом Соллогубом с изумительною меткостию и беспощадностию. Ни прежде, ни после граф Соллогуб не возвышался до такого верного воспроизведения действительности, и вот почему, говоря о сочинениях графа, мы позволили себе распространиться об этом лице.

Между «Историей двух калош» и «Тарантасом» граф Соллогуб написал несколько повестей и очерков: «Большой свет», «Лев», «Медведь», «Приключение на железной дороге», «Неоконченные повести». Все эти произведения, более или менее удачные, отличаются по преимуществу бойким и ловким рассказом и очень частыми возгласами вроде следующих: «*Читатель мой благосклонный! моя читательница снисходительная!*» — и проч⟨им⟩... И они нравились; и не могли не нравиться читателям благосклонным и читательницам снисходительным эти великосветские очерки, написанные человеком, который сам принадлежит к этому свету. Каждому и каждой хотелось хоть сквозь щелочку дверей посмотреть на этот блестящий, ослепительный, великолепный мир, а граф Соллогуб был так любезен, что даже полуотворил для них эти двери... Правда, и до графа писались на русском языке повести, в которых изображались княгини и графини, — повести, обыкновенно начинавшиеся так:

«Княгиня полулежала на гамбсовском пате, при томном освещении матового фонаря» и проч⟨ее⟩...

Но кем писались эти милые, добродушные повести и кто верил их светскости?..

Жаль, что граф Соллогуб остановился на одних только очерках и не представил нам картины большого света

более яркой и полной. Мы вправе были бы надеяться этого от его таланта. Жаль, что некоторые очерки его слишком небрежны и бледны, а некоторые вовсе слабы и неудачны. К последним принадлежит его «Медведь», влюбленный в княжну, всякий день беседующий с морем и так торжественно взывающий к нему:

«Какой шепот любви, самый сладкий, может сравниться с этим вечным шепотом, с этими неясными стонами и жалобами, с этим замирающим говором, тайно наводящим на душу такие чудные думы? Какой порыв страсти, самой бурной, может сравниться с ненастной ночью, *когда волны вздымаются до неба, утопляя звезды в своих брызгах*, когда гром и молния бороздят бездонные пропасти и вся трепетная природа сливается в мрачную картину ужаса и гнева? А потом, когда все снова стихнет, когда черные тучи, испуганные солнцем, быстро убегут за небосклон, и море разольется зеркальной равниной ⟨...⟩ какое глубокое чувство сравнится с этой глубиной, с этим смирением? Кто проник в недра чудной стихии? Кто понял ее жизнь, ее силу, душу?..» и проч⟨ее⟩.

Это было бы необыкновенно красноречиво, если бы не было очень старо и не походило на неизбежные фразы, без которых во время оно у нас не обходилась ни одна повесть... Таких неизбежных красноречивых фраз в повестях графа Соллогуба много, особенно в «Медведе», который, совершенно против воли автора, вышел лицом просто смешным.

После 1845 года, то есть после издания «Тарантаса», кроме небольшой повести «Княгиня», ко всеобщему сожалению и к совершенному отчаянию журналистов, литературная деятельность графа Соллогуба очень заметно ослабла. Его повести перестали украшать наши журналы. Какая была причина этому?.. Причислял ли он себя к той *даровитой*, но *усталой* литературе, которая, по словам его Ивана Васильевича, «показывается в люди редко, *смиренно*, иногда с улыбкою на лице, чаще с тяжкою грустию в сердце»? Высказал ли он все, что дано было сказать ему? Или просто, как дилетант, утомленный непривычным ему литературным шумом, он захотел уединиться на время и успокоиться на свежих, душистых, только что пожатых им лаврах?.. Никто не мог решить этих вопросов положительно; но любители его прекрасного повествовательного таланта, к которым прежде всего мы причисляем самих себя, были не совсем приятно изумлены, увидев вдруг совсем неожиданно имя автора «Аптекарши» и «Тарантаса» на афише под каким-то водевилем

à propos...* Мы не понимаем, как пришла графу Соллогубу странная мысль оставить повести для водевилей, анализ сердца человеческого для куплетов, променять произведения искусства на игрушки — на «Цветобесие», на «Мыльные пузыри», на шутки (хотя и с благотворительною целию) вроде «Сотрудников»?.. Странные бывают капризы у литераторов-дилетантов!..

Впрочем, в прошлом году граф Соллогуб начал печатать повесть под названием «Старушка»... Повесть эта еще до сих пор не окончена, и только потому мы не решаемся сказать утвердительно, что она принадлежит к самым неудавшимся его произведениям...

О брошюрке же, заглавие которой мы выписали в начале этой статьи, сказать, право, нечего. Это драматическая *пословица*, потому что теперь с легкой руки г. Альфреда де Мюссе все принялись у нас писать драматические пословицы. Содержание драматической пословицы уже рассказано *Иногородним подписчиком* (в письме его во 2 № «Современника», «Смесь», стр. 248), там же приведены и отрывки из этой пьески; следовательно, читатели «Современника» уже знакомы с нею. *Иногороднему подписчику* она очень нравится, он в ней находит *даже характеры*! О вкусах спорить нельзя. Редакция же «Современника» с своей стороны находит только одно, что *«шутки»*, особенно пишущиеся с *«благотворительною целью»*, ни в коем случае не должны подлежать критике. Но *шуток*, право, уже довольно. Мы от души желаем, и с нами, вероятно, вся читающая русская публика, чтобы автор «Аптекарши» и «Тарантаса» подарил нас произведением *серьезным* и оправдал бы вполне те блистательные надежды, которые были возбуждены этими прекрасными произведениями. Мы убеждены, по крайней мере, что там — под этим благословенным небом, где уже, может быть, находится в сию минуту граф Соллогуб, — под этим небом, которое вдохновляло Пушкина и Лермонтова, уже никак не могут прийти в голову ни «Цветобесии», ни «Мыльные пузыри»!

---

* Кстати (*франц.*).

РАУТ НА 1852 ГОД

Исторический и литературный сборник. Издание Н. В. Сушкова. *Москва, 1852*

«Раут» г. Сушкова на 1852 год принадлежит к числу тех русских книг, которые сшиваются преимущественно из отрывков: в нем есть даже отрывок из водевиля! По примеру первого выпуска и второй издан с благотворительною целию. Относительно внутреннего достоинства второй выпуск «Раута» если не лучше первого, то несравненно разнообразнее: есть тут драмы, водевили, поэмы, романы и даже отрывок из фантазии графини Ростопчиной, не подходящий решительно ни под одно из доселе известных разделений словесности. — Серьезную сторону «Раута» составляют записки различных замечательных лиц прошлого времени, собственная их переписка и замечания. Между материалами этого рода должно поставить на первое место статью г-жи Авериной «Воспоминания об П. И. Аверине». В этой статье есть любопытные подробности и вообще написана она живо и занимательно. — «Храповицкий и Сердюков» — статья издателя, также заслуживает внимания. К сожалению, не можем сказать того же самого о приложенной к этой статье переписке между Аракчеевым и Храповицким. В письмах этих нашли мы мало замечательного: говорится в них по большей части о личных отношениях переписывающихся лиц, а в одном из них — об унтер-офицере В. Сушкове, может быть одном из родственников издателя... Если мы упомянем еще о письмах имеретинского царя Арчила к боярину Ф. А. Головину, то можем сказать, что не упустили ничего особенно замечательного по исторической части «Раута». Этот отдел не очень разнообразен, но и за то можно поблагодарить г. Сушкова; собранные им исторические материалы занимают

самое видное место в книге и заинтересуют читателя более, нежели все остальное.

Что касается до литературного отдела, то он отличается каким-то странным разнообразием формы и величайшим однообразием содержания. Прежде всего поражает в нем длинная комедия самого издателя под заглавием «Мизогин», то есть «Ненавистник женщин» — в 5 действиях и в стихах. Существование этой комедии было уже давно известно публике: г. Сушков уже не один раз печатно извещал о ней. По всему видно, что г. Сушков желал создать так называемую высокую комедию, и Мольер постоянно был пред его глазами. Ему хотелось, по стопам славного французского комика, исследовать сердце человека во всех его изгибах, со всеми его страстями, наклонностями и заблуждениями. Мольер не спасется от упрека в том, что не всегда удавалось ему создать цельный художественный характер, но за ним остается другого рода заслуга: он брал какую-нибудь человеческую страсть и с гениальным талантом исследовал ее во всех даже мельчайших ее проявлениях. Так изобразил он ненависть к людям — в Мизантропе, лицемерство — в Тартюфе, скупость — в Гарпагоне. Никогда знание сердца человеческого не доходило до такой полноты. Г-н Сушков в своей комедии явился также глубоким знатоком его страстей, и тем более глубоким, что страсти, рисуемые им, доселе еще мало входили в область человеческого анализа. Нельзя, однако, не заметить с первого раза важного различия между французским и русским комиком. Мольер исчерпывал обыкновенно содержание своего предмета до такой полноты, что не оставлял ничего догадке самого читателя. У г. Сушкова совсем другие приемы: читатель с терпением прочитывает длинные пять актов комедии — и загадка все-таки не решена. Как понимает автор эту странную ненависть к женщинам, как она зачинается и развивается, — все это остается покрыто мраком неизвестности. Мы понимаем, что иногда неудавшийся брак, обманутая любовь, неудачное волокитство могут заставить человека дурно относиться к так называемому прекрасному полу, но всеми этими догадками невозможно объяснить ненависти к женщинам в Анапцове, герое комедии г. Сушкова, который возненавидел их по каким-то тайным причинам, по принципу, по доктрине, еще сидя на школьной скамье... Но вот содержание комедии.

В доме Дебречинского встречаются неожиданно два старинных приятеля: Анапцов и Наперстин. Анапцов — нелюдим и ненавистник всякого общества, преимущественно женского, толкует только о занятиях своих по службе, о науках, удовольствиях уединенной жизни. Наперстин, напротив, весельчак, непременно хочет ввести своего приятеля в общество, познакомить его со всеми знатными дамами. Сначала это кажется довольно трудно. Анапцов решительно не поддается ни под какие увещания, и когда Наперстин начинает разговор о женщинах, суровый герой приходит в негодование, становится в позу и начинает:

...раскрой историю: что бед,
Вреда и зла от них произошло на свет! . .
Перикл, афинян честь, муж, доблестьми прекрасный!
Когда бы не любил Аспазии опасной,
Ничем бы не затмил и славы он своей;
Но за безбожную, в слезах, молил судей! . .
А твой Алкивиад, вовеки непонятный:
То добродетельный и твердый, то развратный!
Кто страсти низкие в душе его родил?
Кто пагубные в нем наклонности развил?
Кто? — женщины! Без них — дух пылкий, ум высокий! —
Алмазом бы сиял он в древности глубокой...
А македонский царь? завоевав Восток —
В цепях прелестницы, растленный, изнемог!
А древний Геркулес, атлет благословенный!
В объятиях жены, коварством уловленный,
Гроза противников! любовью усыплен —
И силы и волос чудесных вдруг лишен! . .
О, женский род! . .

Какое сильное негодование при одном имени несчастных женщин! Сколько трудов стоило Анапцову возненавидеть прекрасный пол! Шутка ли, пройти всю историю рода человеческого с единою мыслью воспитать в себе антипатию к женщинам... Правда, мы плохо понимаем, почему Перикл затмил свою славу, любя «опасную Аспазию», или почему «вовеки непонятный» Алкивиад был бы «алмазом древности», если бы избегал женщин... Видно, что г. Анапцов плохо знал историю и гораздо лучше употребил бы свое время в школе, если бы занялся исследованием ее смысла, вместо того чтоб с книгою в руках развивать в себе подозрительную ненависть к женщинам... Бедный Наперстин совсем пришел в тупик от пышной филиппики Анапцова и, несмотря на все усилия, не может вырвать от своего друга ничего,

кроме обещания «женщин убегать, как язвы, до конца!» Как на беду, случается, что в доме Дебречинского живет сестра его Глафира Минская, которая, по словам Наперстина:

Ничуть не девушка и не вдова...

На вопрос Анапцова, кто эта замысловатая Глафира, Наперстин отвечает, что она «разводная жена» и «любезная вертушка». На эту-то Глафиру (сам автор так везде ее называет) полагает все свои надежды Наперстин, в том, что она вскружит наконец голову Анапцову и отмстит ему за презрение к женщинам. Скоро является и она сама. Анапцов до конца выдерживает свою роль. Несмотря на то, что место, которое он желает получить, зависит от Глафиры и ее приятельницы графини Ревельской, он едва говорит с обеими дамами, и если говорит, то непременно грубости. Вообще мы рекомедуем читателям весь разговор между Анапцовым, Глафирой и графиней Ревельской как верх грации, — той грации, образчики которой публика уже видела в прежней комедии г. Сушкова, где действующими лицами были графиня Бабе и какая-то княгиня еще с более милым названием. Графиня Ревельская показывает, например, портрет, который она сама нарисовала с себя в зеркало. Все по возможности говорят ей комплименты; один только Анапцов, когда спрашивают его мнения, говорит, что портрет непохож и что графиня польстила в нем самой себе. Из этого видно, что г. Анапцов, не только ненавистник женщин, но и дурно воспитан. Если и случается иногда ненавидеть кого-нибудь, то из этого еще не следует, чтобы ненавидящее лицо должно непременно говорить своему противнику грубости. Тут видно только одно отсутствие хорошего воспитания. Первая попытка Глафиры неудачна, но она, несмотря на это, еще не думает оставлять поля сражения. В длинном, ужасающем сердце терпеливого читателя разговоре начинает она развивать перед Анапцовым пороки мужчин, их «тиранство» и эгоизм. Бедный Анапцов совершенно смущен, и когда Глафира, как говорится, «ни к селу, ни к городу», падает в обморок, несчастный ненавистник женщин бросается за спиртом, мочит ей виски и затылок. Но это еще не все. Вслед за графиней является

на сцену сестра ее, молодая Милена, и, по примеру сестры, начинает также осаждать Анапцова колкостями, на которые он отвечает любезностями своего рода, повторяя в ответ беспрестанно одно слово: постреленок! Этим словом Анапцов выражет всю полноту своих чувств пред обольстительной Миленой. С этих пор он находится между двумя огнями: Глафира и Милена не дают ему покою, заставляют ревновать их, мучиться любовью и наконец доводят до того, что несчастный Анапцов бросается пред Глафирой на колени и говорит:

Бога ради!
Иль век от ваших ног не отойду ни пяди!

Тогда торжествующая Глафира говорит ему, что он «всех женщин *жалчей*», а Милена пред его же глазами выходит замуж за Наперстина. Взбешенный Анапцов вскакивает и кричит:

Довольно, ни любви, ни дружбы не хочу! —

и комедии конец. Славная комедия!

Про «Любовь 15-ти летней девушки» г. Петерсона мы не можем выразиться лучше, как повторив о ней отзыв самого издателя, сказавшего что этот рассказ написан «мило и благородно!» Именно так! Отрадно видеть в современной нашей литературе такие «благородные» явления, как повесть г. К. Петерсона. Рассказать содержание ее довольно трудно, потому что оно главным образом состоит именно в «неуловимой» грации и нежности. При этих неуловимых достоинствах то, что делает занимательною обыкновенную повесть, как-то: характеры, интрига, блестящее описание, наконец, талант — все это делается уже излишним. Про характер героини рассказа известно только, что она всякий раз приходила в глубокое умиление при виде цыплят, прячущихся под крыло наседки, — да еще то, что в молодости она была большой «живчик». Но что до этого! Сам рассказ — верх совершенства! Мы подозреваем, что подписанная под этою повестью фамилия есть псевдоним и что в самом деле повесть принадлежит Манилову. Одно из действующих лиц не может сказать двух слов сряду, не вставивши в свою речь «милочка» и «вот видишь ли»: «Когда лакей подошел ко мне, я

взглянула, видишь ли, на матушку, с таким, видишь ли, умоляющим взором, что ей, видишь ли, стало смешно...» На одной только странице мы начли ровно семнадцать раз употребленное слово «видишь ли», что нисколько, однако, не мешает повести быть прелестною, а по отзыву г. Сушкова — «благородною».

После статей литературного содержания не можем не упомянуть о двух статьях содержания философского: одна из них принадлежит г. И. Б., а другая самому издателю «Раута» г. Сушкову. Первая, под заглавием «Кое-что из заветной тетради», особенно замечательна в том отношении, что, по-видимому, она составляет отрывок из неизданных мемуаров Кифы Мокиевича, философа «Мертвых душ». Читатель, без сомнения, хорошо помнит этого почтенного человека, мучившегося над решением вопроса, почему слон подобно птицам не родится из яйца и какого объема потребна была бы для этого яйца кора. В упомянутой нами статье почтенный старец задает себе другого рода вопрос. Думал ли, говорит он, Феокрит (почему же именно Феокрит?) о славе и предчувствовал ли свое бессмертие великий Шекспир? Если бы Шекспир ожил, продолжает он, было бы любопытно для него прочесть, что пишут о нем не только в лондонских, но и в *чужеземных* журналах? . . Очевидно, что настоящий вопрос еще труднее вопроса о слоне. Бог знает, в самом деле, какое чувство родилось бы в Шекспире, если бы он послушал все толки о себе, и отвечать на это, точно так же, как определить объем коры для слонового яйца, нет никакой возможности. Замечательны также слова И. Б. о поэзии вообще. Ужасно сердит он на изобретение книгопечатания, которое, по его словам, лишило слово человеческое прежнего его величия и сделало его *продажным* (?). Величие же это, по словам г. И. Б., состояло в том, что в прежние времена пел весь народ, пел каждый человек от полноты душевной жизни. Приволье было бы тогда г. Бергу, который, как известно, поет песни всего земного мира и в «Рауте» является с песнью малороссийскою.

Заглавие другой философской статьи, принадлежащей г. Сушкову, «Картины русского быта в старину» — заглавие заманчивое, тем более заманчивое, что предисловие к ней дышит отменно важным тоном. Точь-в-точь первая глава Саллюстия в его истории Кати-

лины: «Omnes homines qui sese student praestare ceteris animalibus».* Г-н Сушков, разумеется писал свою статью не с целию доказать еще раз это выражение знаменитого историка; он считает его, как и следует, совершенно доказанным. Судя по заглавию, можно подумать, что статья г. Сушкова описательная, но это только кажется. С начала до конца пропитана она глубоким философствованием: философствованию в ней нет конца. Представьте, что вы беретесь за статью, которая обещает вам изобразить картину наших старинных нравов и действительно представляет вам следующего рода картину: вставали наши деды часов в 8 или 9 утра, пили чай, потом хозяйка заказывала обед, а хозяин занимался делом, потом обедали, по вечерам бывали гости... Что же тут старинного? Вероятно, для точности г. Сушков списывал старинные нравы с современной нам жизни. Но если с этой стороны статья его неудовлетворительна, то с другой — именно с философской стороны — она неоцененна. Предоставляем самим читателям познакомиться подробно с самою статьею, а в нашей рецензии приведем только один пример философствования г. Сушкова. Известно, что сожаления «Северной пчелы», «Москвитянина» (не того «Москвитянина», что издается теперь, а прежнего) и за ними всех поклонников старой литературы преимущественно направлены на порчу чистоты русского языка. Г-н Сушков не мог оставить этого вопроса, не обратив на него своего внимания; он даже пошел в нем далее других. Тогда как другие изливают только свои горестные чувства в более или менее плохо написанных филиппиках против современной литературы, г. Сушков прямо подступил к предмету и нашел тотчас средство помочь общему горю. Средство найдено, и оно очень легко. Всегда можно переводить и иностранные слова, — говорит г. Сушков, — *«стоит только подумать»*. Видите ли, какое легкое средство! Стоит вам подумать, и вы не найдете ни одного слова, которое не могли бы передать отличным образом на русском языке. Если вы и тут сомневаетесь, то вот вам несколько попыток самого г. Сушкова, сделанных по новому рецепту: мистифировать —значит гулять, после-

* Люди — все те, кто стремится превосходить прочих животных (*лат.*).

довательность означает прогресс, обжора — гастроном, привередничать — каприз. Теперь вместо того чтобы сказать «я хочу его мистифировать» — надо будет говорить: «я хочу его гулять»; вместо «какая последовательность в его поступках» — будут говорить: «какой прогресс в его поступках»; и в обществе вы уже не услышите про кого-нибудь: «какой он гастроном», — все дамы будут говорит не иначе как: «какой он обжора»! Пословица Ал. Мюссе «Un caprice» будет называться в русском переводе «Привередничество». Как все это легко и понятно! И до сих пор не пришло никому в голову, что для решения задачи стоило только «*подумать*». Правда, мы можем сказать в утешение себе, что кто будет думать; человек человеку рознь: одному и в голову никогда не придет того, что так легко достается другому.

Упомянем еще о водевиле кн. Львова, принадлежащем к лучшим статьям альманаха, и перейдем к стихотворениям. Между ними первое место по достоинству принадлежит стихотворениям г. Ф. Тютчева. Заметим, впрочем, что эти новые стихотворения г. Ф. Тютчева никак не могут идти в сравнение с теми, которые принадлежат к лучшей поре его поэтической деятельности и с которыми впервые познакомил публику Пушкин в своем «Современнике».

Ночь в дороге

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала —
И над тусклою землею,
Небо, полное грозою,
Все в зарницах трепетало...

Неба сонные ресницы
Раскрывалися порою.
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались над землею...

Это лучшая из четырех небольших пьес г. Тютчева, помещенных в «Рауте», который кстати извещает публику, что в нынешнем году «будет издано полное собрание стихотворений г. Тютчева». Это известие, вероятно, порадует наших читателей столько же, сколько

порадовало нас. Г-н Тютчев принадлежит к очень небольшому числу *истинных* русских *поэтов*.

Волна и дума

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море —
Здесь — в заключении, там на просторе,
Тот же все вечный прибой и отбой —
Тот же все призрак тревожно пустой.

Мы не можем не упомянуть еще о стихотворениях «Раута», названных «Очерки» и подписанных буквами И. К. Нельзя сказать, что они хороши, еще менее возможно утверждать положительно, что в них виден талант; но в них по временам встречаются простые, верные звуки, в которых слышится что-то похожее на поэзию, и при чтении их читателю невольно сообщается то грустное настроение, под влиянием которого писал их автор. Уже одно то, что они просты и истинны по содержанию, говорит в пользу автора; жаль, что форма их слишком несовершенна.

В степи виднеются далеко три кургана —
И средний выше всех. Взберуся на него
И отдохну в кустах высокого бурьяна...
Какая даль кругом! Неясной синевой
Края земли слились с краями неба;
На желтых полосах желтеют копны хлеба;
Да кое-где виднеются вдали
Избушки далеко заброшенных селений...
На синеву небес две тучки набрели
От первых осени холодных испарений —
И по степи влекут неправильный свой след,
Рисуя темные на ясном поле пятна...
Душа погружена в какой-то чуткий бред,
И шепчет на ухо знакомый голос внятно...

На водах

Уж на покой склонился день ленивый:
Пора домой! дорога впереди
Скрывается за почерневшей нивой;
И мысль бежит по темному пути —
Далеко — в милый край. Подхвачен тройкой,
Я степью мчусь. От бега под дугой
Едва звенит мой колокольчик бойкой;
И грудь дрожит; и пыльною ногой
Уже ступить через порог спешу я...
Но полночь бьет: прости любимый сон!

Пора домой — на сон без поцелуя...
Давно пора на крепкий сердца сон!

Бывают дни

Бывают в жизни дни тяжелого сознанья,
Любимого труда; при них бледнеет цвет;
Сбираются толпой ошибки целых лет —
Горячей головы пустые начинанья!
И смехом оскорбить их в эти дни не жаль!
Нет впереди надежд, отгаданная даль
Является пуста... и сердцу нет прощенья —
За детские его мечты и заблужденья.

Прочитав эти стихотворения, читатель, конечно, согласится с нами, что, как ни слабо звучит в них поэтическая струна, их все-таки не должно смешивать с теми, к которым мы теперь перейдем.

Г-н Долин, которого удивительное стихотворение «Амур-игрок» недавно помещено было в одном петербургском журнале и не совсем благосклонно встречено в другом, написал стихотворение *«с досады»*, в котором говорит:

Все здесь — пустое!
Все — не беда!
Все ненадолго! . .
Волга — не Волга;
Слезы — вода! . .

И бесподобно! Мысль глубоко философическая — и вот как автор развивает ее далее:

Старость — не радость,
Где полнота?
Где красота?
Свежесть улыбки,
Взгляда, ланит —
Все *убежит*! . .
Стан — вот — не гибкий...
Вся — отцвела! . .
Вся — не мила! . .
Мимо постылой,
Бледно-унылой
В ту пору я,
Тихо пройдя,
Будто ошибкой,
Вскользь поглядя,
С злою улыбкой
Молвлю: «Была —
Очень мила!»

Этого стихотворения, кажется, довольно, чтоб дать читателям понятие о музе г. Долина, которая между прочим умеет выражаться

Отменно тонко и умно,
Что ныне несколько смешно...

Вообще философский элемент преобладает не только в прозаических, но даже и в стихотворных произведениях «Раута», что увидим сейчас, при разборе стихотворений г. Глинки. Это вообще необыкновенные стихотворения... Что сказали бы вы, почтенный читатель, если б вам в книге дельной и серьезной или по крайней мере претендующей на дельность и серьезность предложили не шутя такое стихотворение:

На гроши, на гроши, на гроши
Разменялися чувства благие;
В барыши, в бырыши, в барыши
Погрузилися мысли людские...
Хороши, хороши, хороши,
Побужденья и страсти земные!

Как показались бы вам философские, полные благородного сарказма упреки в мелочности и суетности, выраженные в такой форме? А между тем «Раут» не шутя предлагает вам подобные стихи:

Покори, покори, покори
Эту землю мятежную.
Подари, подари, подари
Нас любовию нежною! . .
и проч⟨ее⟩

(«Раут», стр⟨аница⟩ 439)

Помнится, такой формы стихов у нас еще не бывало. Изобретение этой новой и удачной манеры стихотворства принадлежит г-ну Ф. Глинке. Но спрашивается: какую пользу русской словесности, русскому стиху может принесть оно? Уже и так версификация русского стиха необыкновенно легка; но если допустить произвольное наполнение стиха повторением одного и того же слова сколько раз потребуется, — тогда все мы немедленно сделаемся поэтами; проза исчезнет даже из разговорного языка: вместо «принеси стакан воды» мы будем говорить не иначе как

Принеси, принеси, принеси
Мне стаканчик водицы, водицы...

Рассказывая о своем проигрыше, пропоем:

Проиграл, проиграл, проиграл
Серебром, серебром, серебром
Десять тысяч!

А оценивая чье-нибудь произведение ума, таланта, скажем:

Каков ум, каков ум, каков ум,
Таково, таково, таково
И его, и его, и его
Сочинение!

Да, бесспорно, при такой методе все мы сделаемся поэтами, но выиграет ли от того русская поэзия? Всякая попытка к нововведению, удачная или нет, предполагает какую-нибудь полезную цель. Какую же цель имел г. Глинка, сочиняя и печатая вышеприведенные стихи? Или он желал щегольнуть оригинальностью? В таком случае нет нужды и говорить, до какой степени неудачно его притязание. Г-ну Глинке принадлежат также следующие строфы, взятые нами из стихотворения его «Не стало у людей поэзии!»:

Не стало у людей поэзии!
Все речь о скучных *барышах:*
С какой-то *пресностью магнезии*
Тоска тоскует в их *душах*!
Увлекшись обаяньем *пластики*,
В разгаре *славы мировой*,
Поэты — века *головастики*,
Живут и пишут *головой*...
и проч⟨ее⟩

Это опять претензия на оригинальность, и опять более странная, нежели удачная. Если же читатель думает иначе, то он должен признать еще более оригинальными следующие стихи:

О чудесах *акустики*
В саду я размышлял,
Полол траву, *а кустики*
Легонько подстригал.
Устал. — «Ну, женка, водочки!
Да наливай-*ка щей*,
Нельзя ли и селедочки? . .»
— Возьмешь и сам, *кащей*! . .

А таких стихов можно сочинять ежедневно тысячи. Автор, видимо пленен новостию и редкостию рифм «*головастики — пластики*»; «*магнезии — поэзии, полигинезии*» и с намерением печатает их курсивом (чем увлеклись и мы). Но те же самые слова могут быть рифмованы иначе и не менее удачно:

Пусть люди *головастики*,
Но странной чепухи,
Рифмованной *гимнастики*,
Не примут за стихи!
И кто лишен *поэзии*,
В ком свежей мысли нет,
В России ли, в *Силезии*,
Не будет он поэт!

Но нам пора проститься с «Раутом» г. Сушкова до третьего выпуска, обещаемого издателем в скором времени. Желаем, чтоб этот третий выпуск был удачнее.

МОСКОВСКИЙ СБОРНИК

Том первый. Сочинения: К. С. Аксакова, И. С. Аксакова, П. Д. Беляева, И. В. Киреевского, П. В. Киреевского, А. И. Кошелева, С. М. Соловьева, А. С. Хомякова. *Москва, 1852*

«Московский сборник» начинается статьею «Несколько слов о Гоголе», к сожалению, весьма бедною фактами, которые всего важнее в статьях такого рода.

Статья г. И. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» имеет целию доказать, что просвещение в России может иметь свой особенный характер и развиваться независимо от просвещения европейского. Любопытствующие узнать доказательства г. Киреевского могут обратиться к самой книге; мы же представляем результат рассуждений в доказательстве автора:

«Но корень образованности России живет еще в ее народе, и, что всего важнее, он живет в его святой православной церкви. Потому на этом только основании, и ни на каком другом, должно быть воздвигнуто прочное здание просвещения России... Построение же этого здания может совершиться тогда, когда тот класс народа нашего,

который не исключительно занят добыванием материальных средств жизни и которому, следовательно, в общественном составе преимущественно предоставлено значение вырабатывать мысленно общественное самосознание, — когда этот класс, говорю я, до сих пор проникнутый западными понятиями, наконец полнее убедится в односторонности европейского просвещения; когда он живее почувствует потребность новых умственных начал; когда с разумною жаждою полной правды он обратится к чистым источникам древней православной веры своего народа и чутким сердцем будет прислушиваться к ясным еще отголоскам этой святой веры отечества в прежней родимой жизни России. Тогда, — вырвавшись из-под гнета рассудочных систем европейского любомудрия, — русский образованный человек в глубине особенного, недоступного для западных понятий, живого, цельного умозрения святых отцов церкви найдет самые полные ответы именно на те вопросы ума и сердца, которые всего более тревожат душу, обманутую последними результатами западного самосознания. А в прежней жизни отечества своего он найдет возможность понять развитие другой образованности.

Тогда возможна будет в России наука, основанная на самобытных началах, отличных от тех, которые нам предлагает просвещение европейское. Тогда возможно будет в России искусство, на самородном корне расцветающее. Тогда жизнь общественная в России утвердится в направлении, отличном от того, какое может ей сообщить образованность западная».

Статья г. Аксакова «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)» имеет целью опровергнуть мнение новейших наших историков, признающих родовой быт главною основою устройства древней Руси. По этому поводу г. Аксаков разбирает поочередно доводы представителей этого мнения: гг. Соловьева, Кавелина, Калачова, Афанасьева и др⟨угих⟩, и заключает свою статью следующими словами: «Русская земля была изначально наименее патриархальная — наиболее семейная и наиболее общественная (именно общинная) земля». Входить в подробное разбирательство опровержений одного мнения и доказательств в пользу другого, предлагаемого взамен первого, неудобно в коротком журнальном обзоре, да и не предстоит особенной надобности: статья г. Аксакова, вероятно, вызовет опровержение со стороны которого-нибудь из ученых, поддерживающих мнение о родовом быте, к которым г. Аксаков прямо обращается в своей статье, и этот голос будет более интересен для публики.

Переходим с удовольствием к статье под названием: «Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку» А. Кошелева. Дельность суждений и

замечаний, верный практический взгляд автора на многие вопросы сельского хозяйства, наконец, самая форма изложения — дают этой статье, бесспорно, первое место между статьями, появившимися на русском языке по поводу Всемирной выставки. И вообще так называемая «литература промышленности и сельского хозяйства» получила в ней такое приращение, которым, по справедливости, может гордиться. Не говоря уже о сельских хозяевах, которые будут читать эту статью с большим любопытством, каждый образованный и любопытный человек поблагодарит за нее автора. К статье приложено множество политипажных чертежей, дающих наглядное понятие о различных земледельческих орудиях, которые видел автор на Всемирной выставке и которых частию накупил с намерением делать пробы в своем рязанском имении. Оставляя в стороне эту часть, как интересную по преимуществу только для специалистов, приводим следующий отрывок, который может заинтересовать и неспециалиста-хозяина:

«Сегодня я решился не посещать выставки, а в 3-м часу отправился для осмотра образцового крестьянского домика (cottage), выстроенного насупротив Хрустального дворца иждивением принца Алберта и под личным его наблюдением. Для лучшей оценки достоинств этого cottage надобно знать обстоятельства, предшествовавшие сей постройке.

В последнее время обратили в Англии большое внимание на усовершенствование помещений для рабочего народа как в городах, так и в деревнях. Для улучшения быта рабочих составилось в 1844 году общество (for improving the condition of the labouring classes) под председательством принца Алберта. Богатые и среднего состояния люди, лорды и банкиры, земледельцы и фабриканты, ученые и торговцы приняли в этом деле самое живое участие. Значительные денежные суммы составились из добровольных пожертвований; явилось множество книг, книжонок и журнальных статей с добрыми советами и умными предложениями; сделано много опытов как в Лондоне, так и в провинциях с целью доставить удобные и дешевые помещения для рабочего народа. В столице выстроено несколько домов для семейных людей, для холостых и вдовых мужчин и женщин. Цена за квартиры оставлена прежняя, без малейшего повышения; но каждое семейство вместо одной сырой, тесной, душной комнаты получило отдельное помещение — одну общую жилую комнату (living room) с несколькими спальнями (bedrooms), а холостым и незамужним — каждым в особых домах — даны отдельные комнатки с постелью и всею нужною принадлежностию. Всюду проведена вода: ватерклозеты, помойные ящики устроены, где нужно; не забыта и баня; роскоши нет нигде и ни в чем, но все жизненные потребности удовлетворены с смыслом и доброжелательством. Необходимые условия для здоровья; сухость, проветривание (ventilation) и надлежащий простор соблюдены здесь вполне. Даже в мелочах все придумано для спокойствия

живущих; видно, что избежание лишних расходов одно полагало границы на английскую изобретательность. Правила сожительства коротки, умны и все удобоисполнимы. Каждый сохраняет полную свободу в своем образе жизни, и положены этой свободе лишь такие ограничения, которые необходимы для спокойствия общего, т. е. каждого из живущих. Я посетил два таких дома (near Bagnigge Wels, Pentonville, и in Spitalfields) и из обоих вышел глубоко проникнутый благоговением к мысли, исполненной с полным ее сознанием, с истинною любовью к добру и с местною обдуманностию. Вне Лондона, во внутренности Англии, сделано еще более опытов в устройстве удобных помещений для рабочего народа. Герцог Бетфорд обратил на этот предмет особенное внимание; он уже выстроил в своих землях до 100 крестьянских домов (cottages), отличающихся как удобствами для жизни рабочих, так и соответственностию требованиям гигиены. В отношении своем к президенту Королевского общества сельского хозяйства он говорит: «При постройке этих cottages моя постоянная мысль была приобщить сельское народонаселение к пользованию выгодами и удобствами того благосостояния, которым мы наслаждаемся, и утвердить между владельцами, наемщиками земли и рабочими то взаимное благорасположение, которого равно требуют здравая политика и высшие побуждения человеколюбия». Герцог Нортумберланд не замедлил последовать благому примеру герцога Бетфорда и устроил у себя по его образцу много таких cottages. Другие землевладельцы также пошли этим путем, и теперь, во многих краях Англии, уже построены для рабочих дома удобные и для здоровья благоприятные. Но не все опыты были равно удачны; много встретилось затруднений и неудобств, которые нужно было устранить. В последнее время напали на разные счастливые мысли по этому предмету, и в числе их одна из самых обильных последствиями есть изобретение полых кирпичей, т. е. с пустотою внутри (hollow bricks). Заметили, что дома рабочих обыкновенно сыры, что воздух в них тяжел и смраден и что все деревянное очень скоро приходит в гнилость. При сломках этих строений увидели, что кирпичи превратились в несженую глину, которая, как губка, принимает в себя сырость. Сделали опыт: выстроили дом из кирпичей, коих середка, т. е. внутренность, была пуста; пол был выстлан такими же кирпичами. Последствия этого опыта были самые удовлетворительные: дома с первого года оказались сухими, теплыми и удобными во всех отношениях. Одно было неудобство — дороговизна сего рода кирпичей, делаемых станками и руками. К счастию, английская изобретательность вскоре пришла на помощь, изобрели машины, которые легко и поспешно делают кирпичи с такою пустотою, какая нужна по роду постройки и употребления. Выгоды этого рода построек, опытом доказанные, суть следующие: 1-я — сухость, потому что посредством трубок, образованных пустотою, всякая сырость вытягивается; 2-я — теплота, потому что пустота в кирпичах менее пропускает холод и стены остаются недоступными морозу, так что до $^1/_3$ расходов на отопление было сбережено жильцами этих домов; 3-я — дешевизна постройки, потому что стали класть стены тоньше, что известки на заливку более не требовалось и на стены нужно было одною третью меньше, и что пол начали делать не из дерева, которое в Англии чрезвычайно дорого, а из полых кирпичей; и, наконец, 4-ая выгода этих построек та, что стены из полого кирпича не пропускают звуков и что разные семьи или лица, живущие в одном доме, друг друга не тревожат шумом. На выставку представлено было много образцов этих полых кирпичей,

а также выставлены были и самые машины, посредством которых делались эти кирпичи. Три машины, как я уже прежде сказал, получили медали. Принц Алберт для лучшей наглядности всех удобств этого рода построек приказал выстроить близ самой выставки строго хозяйственным образом прекрасный cottage для четырех рабочих семейств. Для каждой семьи назначено было особое отделение, состоящее из прихожей, общей жилой комнаты (living room), трех спален с железными кроватями, из кухни, ватерклозета и места для умывания. Постройка всего дома обошлась в Лондоне в 400 ф⟨унтов⟩ ст⟨ерлингов⟩, что составляет 100 ф⟨унтов⟩ ст⟨ерлингов⟩ на каждую семью. Для нас эта сумма кажется очень значительною, но в Англии все дивились дешевизне этой постройки. С утра до вечера этот cottage был полон посетителями, и едва можно было улучить время для несколько обстоятельного осмотра этой замечательной постройки. В этом доме все сделано или из кирпича, или из железа: дерева вовсе нет, так что здание совершенно несгораемо. Пол выстлан облитым кирпичом; потолок сделан из особых полых кирпичей, имеющих форму, подобную кирпичам, употребляемым для сводов и колонн. Крышки нет: свод сверху покрыт особым цементом, известным под названием *металлической лавы*. Стены сложены толщиною в два кирпича, которые кладутся вдоль. Длина кирпича 12 дюймов, а ширина $4^{1}/_{2}$. Известки кладут очень мало — только для связи кирпичей. Для придачи большей крепости стенам строение сверху связано чугунными полосами. Второй этаж расположен совершенно так же, как и первый, и каждое отделение содержит в себе одинаковое число комнат и снабжено одними и теми же удобствами. Вода всюду проведена посредством глинянных труб. Этот образцовый cottage отделан во всех отношениях превосходно, т. е. без всякой роскоши, с полным вниманием к нуждам жильцов, и хотя сделан напоказ, но ничего в нем не было сделано собственно с этой целию».

«Псков и Ливония» — новое произведение писателя, стоящего во главе современных деятелей по русской истории. Читатели «Современника» хорошо знакомы с талантом г. Соловьева, неутомимо и добросовестно разрабатывающего различные эпохи русской истории и печатающего свои исследования по мере изготовления их. Новый труд ученого профессора отличается такою же дельностию, как и предыдущие его труды.

Статьею г. Беляева «Служилые люди в московском государстве, слуги или дворяне, а впоследствии дети боярские» заключается прозаический отдел «Московского сборника». Стихотворный составляют четыре народные песни (из приготовляемого к изданию «Собрания» П. В. Киреевского); отрывки из первой части «Бродяги, очерка в стихах» И. С. Аксакова и, наконец, два небольших стихотворения: одно г. Аксакова, другое г. Хомякова.

Народным песням предпослано предисловие, написанное г. Хомяковым. В этом предисловии говорится о

многом, а более всего о славянской археологии и о русском языке.

«Конечно, — говорит автор, — нельзя отрицать великого поэтического достоинства в песнях о нибелунгах и о сильных богатырях древней Германии, нельзя спорить об историческом достоинстве произведений народной поэзии, собранных трудолюбием таких людей, как Фориель; но должно признаться, что, обогащая мир художества и науки, они не вносят ничего живого в самую жизнь. Язык немецкий или французский не примет уже в себя новых животворных стихий из языка труверов или поэм о Гудруне; мысль не получит нового настроения; быт не освежится и не окрепнет. *Minimi* кентских саксов, товарищей мифического Генгиста, груды каменного угля, открытые в римских плавильнях (открытие удивительное, при молчании римских писателей о каменном угле), вдохновенные песни Аневрина или Лливарк—Гена, неожиданные следы великого значения васков в Южной Франции, любопытные рукописи средневековых монастырей, сказки Вандеи или Бельгии (которых значение еще совсем не оценено), все сказочные или исторические песни о богатырях или героях Германии, все миннезингеры и певцы городские принадлежали к тому же разряду приобретений, к которому относятся камни Ниневии, гиероглифы долго безмолвствовавшего Египта, утешительные для ученого, поучительные для пытливого ума, почти и — можно даже сказать — вполне бесполезные для бытового человека».

Все это клонится к тому, чтоб сказать, что изучение русских старинных песен может принести гораздо более пользы русскому языку, чем принесли ему труды филологов и усилия даровитых и даже гениальных русских писателей. Г-н Хомяков следующим образом характеризует современное русское наречие.

«Созданное в гостиных, в которых недавно еще говорили только по-французски и теперь еще говорят наполовину не по-русски, обделанное и подведенное под правило грамотеями, совершенно незнакомыми с духом русского слова, похожее на речь иностранца, выучившегося чужому языку, которого жизни он себе усвоить не мог, мертвое и вялое, оно выдает себя за живой русский язык: воздушная и нарумяненная кукла, подделанная под одушевленного и здорового человека. Но вот раздается песнь народная...» и проч⟨ее⟩, и проч⟨ее⟩.

Насколько в этом правды и насколько преувеличения, каждый увидит сам: нам кажется, что не обижая старинных песен, можно было бы допустить некоторую роль в усовершенствовании русского языка и русским писателям — хоть для выражения новых идей и понятий, которых не было, когда старые песни были новы. Но г. Хомяков думает совершенно иначе. Он не только не допускает, чтоб язык старинных песен не был достаточным для выражения этих новых идей и понятий, но даже утверждает, что старинные песни уясняют наши *понятия* и расширяют нашу *мысль*. Вот его собственные слова:

«...сказки, песни языком своим, содержанием, чувством пробуждают в нас заглохнувшие силы: они уясняют наши понятия и расширяют нашу мысль...» и проч⟨ее⟩ (стр. 324).

Но перейдем от предисловия к самим песням, которые действительно замечательны. Лучшая из них — песня про Илью Муромца; выписываем кратчайшую — «Святочную»:

Святочная

(*Поется, когда ходят по домам поздравлять с праздником.*)

В Соборе у Михайла Архангела,
Что у ранней Рождественской заутрени,
Незнакомый молодец Богу молится,
С горючими слезами поклоняется,
У него в три ряда русы кудри завиваются.
Во первый ряд завивались чистым серебром,
Во второй ряд завивались красным золотом,
Во третий ряд завивались скатным жемчугом.
Впереди его стояли попы, дьяконы,
По праву руку стояли князья, бояре,
По леву руку стояли друзья, братья.
Позади его стояли православны христиане.
Еще князья, бояре дивовались молодцу;
Еще гости торговые позавидовали:
«Не зоря ли тебя, молодец, спородила?
Не часты ли мелки звезды убаюкивали,
Не светел ли тебя месяц воспоил, воскормил?»
— Уж вы князья, бояре,
Неразумные гости торговые:
Что на свет меня родила родна матушка,
Воспоил, воскормил родной батюшка,
Убаюкивала нянька, мамушка,
Что чесала буйну голову родная сестра,
Завивала русы кудри моя суженая! . . —
«Затем будь же здоров, добрый молодец,
На житье, на бытье, на богатество! . .»

Г-н Аксаков поместил в «Сборнике» только «отрывки» из своей поэмы «Бродяга», — отрывки, из которых даже с трудом угадывается мысль произведения. Следовательно, мы можем говорить только об отдельных картинах, попадающихся в отрывках, и о достоинстве стиха. Прежде всего скажем для тех, кто не читал прежних «Московских сборников» (ибо нам помнится, что г. Аксаков нигде не печатал своих стихотворений, кроме «Московских сборников»), что г. Аксаков поэт с несомненным дарованием; в его стихах всегда есть мысль, и это главное их достоинство; недостаток их — отсутствие счастливых, чисто поэтических оборотов; прозаическая сухость стиха, носящего признаки трудной работы, с которою не всегда удачно справляется автор, вследствие того холодность и недоделанность стихотворения в целом. Эти общие замечания о произведениях г. Аксакова прилагаются и к его «Бродяге»; в этом произведении или, правильнее, в отрывках, которые мы знаем, есть стихи чрезвычайно хорошие, есть посредственные и есть вовсе неудачные. Мы остановимся на первых. Лучшим местом в отрывках из «Бродяги» мы почитаем следующие две строфы, характеризующие *шоссе* и *проселок*:

Прямая дорога, большая дорога!
Простору немало взяла ты у бога.
Ты вдаль протянулась, пряма как стрела.
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнем убита, жестка для копыта,
Ты мерена мерой, трудами добыта! . .
В тебе что ни шаг, то мужик работал:
Прорезывал горы, мосты настилал;
Все дружною силой и с песнями взято, —
Вколачивал молот, и рыла лопата,
И дебри топор вековые просек...
Куда как упорен в труде человек!
Чего он не сможет, лишь было б терпенье,
Да разум, да воля, да божье хотенье! . .
А с каменкой рядом, поодаль немножко,
Окольная вьется живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Без званья ли ты иль со званьем слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвам и долинам, чрез речку и гору!
Не много ты места себе отняла:
Простором тележным легла, где могла!
Тебя не ровняли топор и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки местами, и взрежет соха...
Грязна ты в ненастье, а в вёдро суха! . .

Прочитав этот отрывок, читатель уже не усомнится, что имеет дело с поэтом даровитым. Приводим другой отрывок, в котором не без искусства обрисован жаркий летний полдень в деревне:

Сиял, безоблачен, свод неба голубой,
  На полдень солнце становилось.
Ни звуков, ни речей: палит и пышет зной,
  Все будто спит иль притаилось;
Жара и тишина! Манит издалека
  Безмолвный лес прохладной тенью;
Катилась медленно ленивая река,
  Послушна вечному стремленью! . .
Крутого берега белеется отвес,
  Водами вешними обмытый;
На нем село; за ним, подале, виден лес;
  Внизу копытами изрытый
Песок; вверх от реки ползут на косогор
  Дорожек узкие извивы,
А там отлогой скат, за ним лежит простор
  И все луга, луга да нивы! . .
Благоприятный день! крестьяне дорожат
  Такими днями сенокоса,
И ни души в селе! разбросаны лежат
  Телеги, снятые колеса.
Да по плетню кой-где развешано белье,
  Под ним разостланы полотна;
Но тихо все кругом и всякое жилье
  Глядит так сонно, так дремотно!
Томит безветрие. Луч солнца на песке
  Так горячо, так ярко блещет...
Лишь изредка порой послышится в реке,
  Как будто кто, купаясь, плещет! . .

Запел петух, другой. Окрестных деревень
  Поочередно, друг за другом,
Пропели певуны. На половине день.
  Пора труды сменять досугом! . .

Да вот они! Из-за холмов
  Несутся глухо гул и ропот,
И слышен в поле дружный топот
  Под лад ступающих шагов,
Домой косцы спешат собором
  И, песню подхвативши хором,
Поют...

Рядом с этой картиной интересен очерк деревенского вечера:

Жар свалил. Повеяла прохлада.
Длинный день покончил ряд забот;

По дворам давно загнали стадо,
И косцы вернулися с работ.
Потемнеть заря уже готова:
Тихо все. Час ночи недалек.
Подымался и улегся снова
На закате легкий ветерок! . .
Говор смолк: лишь изредка собачий
Слышен лай; промолвят голоса...
Пыль слеглась: остыл песок горячий.
Пала сильно на землю роса.
По краям темнеющего свода
Тени все, широкие, слились;
Встретить ночь готовится природа,
Запахи отвсюду понеслись.
В тишине жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова.
И встает, и будто шевелится,
И растет, и шепчется трава! . .

Где ж крестьяне? День работав бодро,
Все теперь за ужином они:
Толк идет, чтоб устояло вёдро,
Чтоб еще продлились эти дни!
Нет, уж дождь их к утру не разбудит,
Облака давно сбежали прочь! . .
Что за вечер! . . И какая будет
Теплая и месячная ночь!

Из этих двух отрывков видно, что искусство рисовать картины природы не чуждо г. Аксакову. Теперь приведем отрывок другого рода. В мирской сходке, собравшейся по поводу бегства Алексея, очень хорошо следующее место:

Вишь, и ее нелегкая
Туды ж несет на сходбище:
Кузьмы Петрова, старосты,
Жена его, Пахомовна!
Какая баба тучная,
Какая баба сплетница!
Сварлива и назойлива:
Когда другой ругается
Подругивать охотница! . .

Пришел Матвей, пришел Лукич,
И слышит он укорные
Себе слова позорные:
Что сына он сберечь не мог,
Не вразумлял терпению;
Что миру провинился он,
Убавил им работника!
Такой сякой и ты и сын! . .

Бурмистр Корнил ругается,
Кузьма Петров ругается,
А тут же и Пахомовна!

Не выдержал Матвей Лукич,
Вдруг на нее накинулся:
«Молчи ты, ведьма старая,
Вишь, отощала, постница!»
И гул пронесся хохота,
Смеются все над бабою,
Над бабою Пахомовной!

На страницах 411 и 412 заметили мы, конечно, трудные и, может быть даже новые, но тем не менее вычурные рифмы, к которым, думаем, не должно прибегать поэту с истинным дарованием. Эти украшения можно оставить тем поэтам, о которых можно сказать их же собственными словами:

С какой-то пресностью магнезии
Тоска тоскует в их стихах!

Заключим наш краткий обзор «Московского сборника» стихотворением г. Хомякова «Мы род избранный». Хотя мысль в нем не нова и даже у самого г. Хомякова повторяется уже вторично (помнится, та же самая мысль развита в известном стихотворении г. Хомякова «Гордись! тебе льстецы сказали...»), хотя изложение его также не отличается ничем особенным, кроме обычной этому поэту плавности и благозвучности, но как и самая благозвучность стиха — редкость в современной нашей поэзии, то мы думаем, что наши читатели прочтут его не без удовольствия.

«Мы род избранный, — говорили
Сиона дети в старину. —
Нам божьи громы осушили
Морей волнистых глубину.

Для нас Синай оделся в пламя,
Дрожала гор кремнистых грудь,
И дым, и огнь, как божье знамя,
В пустынях нам казали путь.

Нам камень лил воды потоки,
Дождили манной небеса.
Для нас закон, у нас пророки,
В нас божьей силы чудеса».

Не терпит бог людской гордыни;
Не с теми он, кто говорит:
«Мы соль земли, мы столб святыни,
Мы божий меч, мы божий щит!»

Не с теми он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком,
И, мертвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.

Но с теми бог, в ком божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия.

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил;

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в господень храм!

ПОВЕСТИ ГРАФИНИ АРБУВИЛЬ

Москва, 1852

Совершенно непостижимо счастие, которым пользуются некоторые плохие повести! В 1847 году читали мы перевод графини Арбувиль «Деревенский доктор», разом в двух журналах (в «Библиотеке для чтения» и в «Сыне отечества») и в отдельном только что начавшемся тогда издании «Музей современной иностранной литературы». Мы тогда же выразили свое удивление, что такая бесталанная вещь столько раз переводится и печатается («Соврем⟨енник⟩», 1847 г., № 7, «Смесь», стр. 57). Наше удивление, естественно, возросло до высочайшей степени, когда ныне появился перед нами четвертый перевод «Деревенского доктора», изданный отдельно, с прибавлением другой маленькой повести «Покорность»! Опасаясь, чтоб такое изобилие переводов одного и того же произведения не вздумал кто-нибудь объяснять достоинствами его, мы просим любопытных обратиться к указанной нами статейке «Современника» (1847 год): в

ней подробно рассказано содержание «Деревенского доктора» и оценены его достоинства. Мы до сей поры не можем забыть трогательной развязки повести: младенец, рожденный во времена сильной горести матери, до одиннадцати лет был совершенным идиотом: глуп, туп, обжорлив, сонлив; на двенадцатом же году, *на трупе своей матери*, он вдруг, как сказано в повести, *пришел в полный рассудок*, заговорил как умный, получил, разумеется, огромное наследство и стал жить припеваючи. И вся повесть в таком роде же! И она переводится в четвертый раз!

1853

ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ

Повесть в стихах Н. Д. Хвощинской. *СПб., 1853*

Прочитав до конца, и, признаемся, не без труда, произведение г-жи Хвощинской, мы невольно задали себе вопрос: почему все это написано стихами, а не прозой? Действительно, различие между стихами и прозой не есть только внешнее: оно обусловливается самым содержанием литературного произведения. «Деревенский случай» именно по содержанию своему принадлежит к числу повестей, которые требуют прозы, той уже выработавшейся в последнее время прозы, способной передать все оттенки мысли, все изгибы психологического развития характеров, — словом, той прозы, которою, сколько мы знаем, владеет г-жа Хвощинская. Мы не охотники до ученых терминов и употребляем их только в случае крайней необходимости; впрочем, уже неоднократно было сказано до нас, что дело прозы — анализ, дело поэзии — синтезис. Прозаик целым рядом черт, — разумеется, не рабски подмеченных, а художественно схваченных, — воспроизводит физиономию жизни; поэт одним образом, одним словом, иногда одним счастливым звуком достигает той же цели, как бы улавливает жизнь в самых ее внутренних движениях; без этого, у древних названного божественным, во всяком случае необыкновенного, дара напрасно станет писатель пригонять рифму к рифме и строчку к строчке; ему не поможет ни так называемая легкость стиха (в нынешнее время тот только не пишет легкими стихами, кто вовсе не хочет их писать), ни некоторое изящество выражения, более или менее доступное всякой образованной и мыслящей натуре: все это еще не поэзия. Сознаемся, что собственно поэтического таланта мы не нашли у г-жи Хвощинской.

Мелькают, правда, кой-где искры его; но их не довольно, чтобы вспыхнуть из них пламени, того пламени, которым, по словам одного английского поэта, должен гореть каждый стих. Впрочем, и этими искрами пренебрегать не должно: они оживляют прозаический рассказ и придают ему движение и теплоту — счастлив прозаик, у которого они вспыхивают в груди; но они не дают никому права браться за лиру. Они мелькают у г-жи Хвощинской в особенности в описаниях природы... Об этом предмете мы давно собирались сказать несколько слов.

Описания природы стали в последнее время беспрестанно встречаться в нашей литературе. Иные из них довольно красивы, грациозны и верны, хотя часто впадают в мелочность и носят на себе отпечаток болезненности; но нам не нравится значение, придаваемое им, не нравится та почти лекарственная цель, с которою сочинители вводят их в рассказ; они являются обыкновенно как точки отдохновения после кропотливых странствований по закоулкам человеческого сердца, после многоречивых изложений разных душевных страданий, неясных и ложных отношений, после перехитренных объяснений часто даже невозможных характеров. Автор, утомленный всей этой работой, бросается в лоно природы точно так, как в жаркий день усталый человек бросается с берега в воду. И это бы еще ничего; природа не в одной медицине самый надежный врач; но читатель в самых словах, которыми автор принимается описывать природу, чувствует, с одной стороны, что не здоровая, а болезненная грудь вдыхает в себя тот целебный воздух, а с другой стороны, что звуки, издаваемые ею, этою грудью, часто фальшивы, исполнены претензий и разных тонкостей и нежностей, которые идут к природе, как помада к цветку. Оттого, признаемся откровенно, бóльшая часть описаний, встречаемых нами в современных произведениях, возбуждает у нас ощущения мало отрадные; это не сила, которая сочувствует красоте и передает ее гармонией: это слабость, которая ищет бальзама своим ранам и готова его выдавить из каждой травки, из каждой букашки. При этом должно заметить, что автор, освеженный таким купаньем «в безбрежном океане природы», обыкновенно тотчас принимается за прежнюю работу — до нового описания. Все это направление, впрочем, довольно давно завелось в европейской

литературе; особенно выступает оно с конца прошлого столетия. Вспомним Обермана Сенанкура — лицо, могущее служить типом всех бесчисленных лиц в его роде, наводнивших каждую словесность... да и судя по современному движению умов, ни таким лицам, ни авторам, для которых они родственны и близки, нескоро суждено перевестись...

Рассказывать ли содержание «Деревенского случая»? Не думаем, чтоб это было необходимо; не думаем также, чтоб это кому бы то ни было доставило удовольствие: старые вариации на старую тему. Заметим только, что «Деревенский случай», написанный прозой, мог бы быть объемом вдвое или даже втрое больше и все-таки прочелся бы с удовольствием, но, написанный стихами, он решительно утомляет читателя. Вот подтверждение словам нашим. Всякий, например, встретивший на странице следующую фразу:

«Предположив, что капитал должен быть тоже у Петровой, что стоит ей два слова сказать, он к ней назавтра же поскакал. Имел он надобность в расплате каких-то долгов, да был еще счет в палате, а как нельзя же для окончания воспитания не показать дочерям чужих краев и надо унять до тех пор все эти взыскания и жалобы, то он думал, что у Петровой для этого источник найден».

Читатель, повторяем, встретив такую фразу, прочтет ее бегло и без отягощения; но если эти самые слова предстанут ему в виде строфы вроде следующей:

Предположив, что у Петровой
Быть должен тоже капитал,
Что стоит ей сказать два слова —
Он к ней назавтра ж поскакал.
Имел он надобность в расплате
Долгов каких-то, да в палате
Был счет еще по откупам,
А как нельзя же дочерям,
Для окончанья воспитанья,
Чужих краев не показать,
И надо до тех пор унять
Все эти жалобы, взысканья,
То у Петровой думал он,
Источник для того найден, —

ему трудно будет защититься от некоторого чувства досады, особенно если эта строфа окружена десятками подобных строф. Словом, автор «Деревенского случая»

пожертвовал всеми выгодами прозы, верным и отчетливым развитием характеров, последовательностью рассказа, оживленностью разговора — и для чего? поэзия все-таки не коснулась его своими животворными лучами. Он остался между небом и землею... французы выражают это положение другою поговоркою. Мы не хотим этим сказать, чтобы в произведении г-жи Хвощинской не попадались счастливые стихи, удачные сравнения, верно и тонко выраженные мысли; от всей ее поэмы веет чем-то женским, каким-то симпатическим умом и чувством; кроме того, нам особенно понравились в «Деревенском случае» некоторые русские звуки, говорящие о близком знакомстве с жизнью России... присутствие народной стихии в произведениях литературных так же успокоительно и целебно, как присутствие природы, особенно когда оно не искажено ни заднею мыслию, ни односторонним пониманием... Но все-таки нам кажется, что в «Деревенском случае» г-жа Хвощинская пошла по ложной дороге, — по дороге, не ведущей ни к какой определенной цели. Мы даже осмеливаемся думать, что г-жа Хвощинская сама это чувствует; по крайней мере мы так понимаем ее сознание, что она в «Деревенском случае» намерена подражать Пушкину. Немногие таланты с первого шага попали на свою настоящую дорогу, и счастливы те, которые вовремя увидали свой промах и умели сойти с нее. Мы бы почли себя счастливыми, если бы наши немногие замечания способствовали к тому, чтобы сочинительница «Деревенского случая» решилась отказаться от повестей в стихах. Ей дано все нужное для того, чтобы удачно писать прозой.

1855

1854 год

Стихотворения А. Н. Майкова. *СПб.*

Бывало, уловить из жизни миг случайный
И в стих его облечь — блаженство для меня!
Меня гармонии тогда пленяли тайны,
И сам своих стихов заслушивался я.
Я ими тешился, их мерно повторяя,
Украдкой, как скупец, который, по ночам
Червонцы по столу горстьми пересыпая,
Как бы неведомым внимает голосам.

Теперь не служит стих мне праздною забавой.
Он рвется из души, как отклик боевой
На зов торжественный отечественной славы.

В этих немногих строках находится полное объяснение того направления, которое в последнее время приняла муза г. Майкова, вдохновение которого в прежние времена преимущественно обращалось к древнему миру или, подобно большинству русских прозаиков, трудилось над решением сложной задачи о современном человеке (как, например, в «Двух судьбах»). Так «теперь стих уже не служит поэту праздною забавой», по его собственному выражению, с которым, впрочем, мы не совсем согласны, ибо никогда не согласимся признать «праздною забавой» несколько превосходных стихотворений, которыми поэт обязан прежним предметам своего вдохновения. Но таковы поэты; они часто любят крайности. Чрезмерное самоуничижение и пылкое сознание своего значения быстро сменяются в их душе; г. Майков, отнимая всякую цену у своих прежних произведений, так характеризует свои последние стихотворения:

Мой стих есть тоже меч ⟨...⟩
Я чувствую, что в нем есть сила, как в молитве;
В нем блещет идеал России молодой.

Он в поэтическом восторге говорит, что у него одно непоколебимое убеждение:

Оно в той вере величавой,
Что Русь живет в моей груди;
Что есть за мной уж много славы
И больше будет впереди (стр⟨аница⟩ 40).

Публика, конечно, будет беспристрастнее и, отдавая должную справедливость новым произведениям г. Майкова, не будет называть прежних «праздною забавою».

Новое направление, одушевляющее лиру г. Майкова, — отголосок того чувства, которым ныне проникнуто сердце всякого русского патриота; оно вызвано справедливым убеждением нашего поэта, что

Неполны воинские лавры
Без звона неподкупных лир,

что наше время требует своего Державина:

Что слышу? что сердца волнует?
Что веселится царский дом?..
Опять Россия торжествует!
Опять гремит кагульский гром!
Опять времен Екатерины,
Я слышу, встали исполины...
Но мой восторг не полон! нет!
Наш век велик, могуч и славен;
Но где ж, Россия, твой Державин?
О, где певец твоих побед?

И где кимвал его, литавры,
Которых гром внимал весь мир?..
Неполны воинские лавры
Без звона неподкупных лир!
Кто днесь стихом монументальным
Провозвестит потомкам дальним,
Что мы всё те же, как тогда...

В самом деле, какой русский не желал бы ныне стать поэтом, чтобы откликнуться на громкий вызов великих событий современности? Кто не хотел бы возвысить свой голос против врагов отечества,

К ним стать лицом, поднять забрало
И грянуть речью громовой?

Г-н Майков сознал, что на нем, как на поэте, равного которому в настоящее время едва ли имеет Россия,

прямым образом лежит обязанность сделаться органом общего чувства. Он смело приступил к исполнению этой обязанности и после нескольких стихотворений, рассеянных в журналах, дарит нам небольшую книжку с заглавием «1854», к событиям которого относится ее содержание. Это заглавие заставляет предполагать, что подобные книжки будут повторяться ежегодно. «Современник», всегда считавший своим долгом передавать на своих страницах явления, вызванные современностью, особенно когда самое имя, подписанное под произведением, ответствует за его содержание и достоинство, уже познакомил русскую публику с новым направлением г. Майкова; так, в изданной теперь книжке читатели найдут «Арлекина», помещенного в январском нумере нашего журнала. Но большая часть стихотворений, в ней напечатанных, являются публике в первый раз. В числе их есть два стихотворения, свидетельствующие и самою формою о том, как верно понимает г. Майков требования своего нового направления. Для выражения истинно народных чувств необходим народный язык, и мы считаем долгом указать стихотворения «Отставной солдат Перфильев» и «Пастух», написанные в совершенно новом для г. Майкова роде, но, по нашему мнению, столь же счастливые в этом роде, как «Клермонтский собор» в своей классической обработке. Вот небольшой отрывок из «Пастуха»:

Ох, дорога ль моя, ты дороженька!
Как пришло тебе твое времечко,
Не дорогой ты стала, улицей,
Разлетелися галки, вороны
По березничку, в стороне сидят:
Серый заинька в кустик спрятался,
Приложил ушки, сам дрожит, как лист;
Господа ль катят, шестерик валит, —
В стороне и те дожидаются;
Тройка ль бойкая несет купчика,
Пьян ямщик стоит, гонит что есть сил, —
Да и ты, купец, поворачивай:
Ровно птицы снуют все фельдъегери.
Только утро-свет замерещится,
Уж скрипуч обоз без конца ползет,
Всё добро везут, кладь казенную.
Вслед полки идут, едет конница,
Кони фыркают, сабли звякают,
Усачи сидят, подбоченились,
Говорят-шумят добры-молодцы,
Пастуха корят рохлей-увальнем,

Дураку кричат: «На кобылу сядь,
Сядь на пегую, да лицом к хвосту,
Мы с собой возьмем, прямо в вахмистры!»
А потом идет артиллерия;
Пушки медные, всё сердитые,
Фуры крашены с сизым порохом;
Офицер идет хоть молоденький,
Только быстрый взгляд, носик вздернутый.
Пастуха опять, дразнят молодцы,
Дурака корят рохлей-увальнем
И с собой зовут позабавиться:
«Эй, деревня, слышь! зубки беличьи!
Погрызи поди всласть и досыта —
У нас фуры вон все с орешками,
Все с орешками, все с чугунными».
Им пехота вслед: вперед музыка,
С запевалами, с пляской, с гиканьем;
Ружья — что твой лес! каски медные,
Полы загнуты, сапоги в пыли;
Идут — стонет дол! Чуешь — сила валит.
Проучила меня зевать конница,
Проучила глазеть артиллерия:
Уж пехоте я в пояс кланялся,
С головы скидал шапку старую,
Заслужил пастух слово доброе.
Брал я удали, заговаривал,
Провожал солдат семь и восемь верст;
Разузнал от них, на чем свет стоит,
Сколько в свете есть городов и сел,
И которые христианские,
И которые басурманские;
Как задумали злые нехристи.
Полонить пришли землю русскую,
Наругаться пришли над иконами,
Обижать пришли царя белого;
Да легко сказать, надо с бою взять,
А на то пошло — так не выдадим:
С нами бог и царь, дело правое,

Ох, дорога ль моя, ты дороженька!
Ты недолго была битой улицей.
И прошло твое красно времечко,
Поосела пыль, позатихла молвь,
Тишина легла безответная.
Приосмелился заяц, выглянул
На дороженьку, стал осинку драть;
Галки, вороны почали скакать,
И один пастух одинешенек.
При дороженьке сиротинушка...

Эти прекрасные опыты в чисто народном духе показывают нам, что талант г. Майкова столь же гибок, как и силен. Но в какой мере соответствует этот талант тому роду, который поэт избрал в последнее время, поло-

жительный ответ на этот вопрос произносить теперь, когда новая деятельность поэта только что начинается, полагаем, было бы рано. Теперь одно можно сказать с полным убеждением, что если стих г. Майкова прибавил хотя единую искру одушевления к той массе патриотического энтузиазма, которым преисполнены русские сердца, то поэт, изменив направление согласно требованиям современности, поступил прекрасно и благородно — даже и в таком случае, если б эта перемена послужила в ущерб его таланту. Но о художественной стороне новых стихотворений г. Майкова мы предоставляем себе впоследствии поговорить подробнее.

В книжке г. Майкова находится девять стихотворений, из которых некоторые довольно значительны по объему.

Вот названия всех 9 стихотворений: «Бывало, уловить из жизни миг случайный», «Памяти Державина», «Клермонтский собор», «Послание в лагерь», «Отставной солдат Перфильев», «Пастух», «Молитва», «Москве», «Арлекин».

Нет сомнения, что любители поэзии поспешат приобресть эту книжку, имеющую в настоящее время двойной интерес, как произведение даровитого поэта и как задушевное выражение общего чувства патриотизма.

1861

АКСЕЛЬ

Повесть Исаии Тегнера, в русском переводе Д. Ознобишина. *СПб. 1861*

Тегнер считается первым между шведскими поэтами. Это Гёте и Пушкин Швеции. Но если судить о достоинствах его поэзии по переводу г. Ознобишина, то будешь иметь о ней весьма невысокое мнение. Г-н Ознобишин считался когда-то стихотворцем не без дарования; стихами его украшались между прочим «Отечественные записки» времен Белинского, и Белинский отзывался о некоторых из них если не с особенною похвалой, то все-таки благосклонно. Основываясь на этой благосклонности, г. Галахов поместил одну из пьес г. Ознобишина в своей пресловутой «Хрестоматии» и тем утвердил, так сказать, имя г. Ознобишина в памяти подрастающих поколений. Мы сами учили наизусть стихи о Кювье и о том, как —

«Таинственный, безмолвный и великий
Был край, куда он, смелый, нисходил...»

Стихи казались нам очень поэтическими, и мы не смущались тем, что г. Ознобишин не силен в палеонтологии, и перемешал в поэтическом беспорядке геологические периоды. Отчего, в самом деле, в мире фантазии человеку и не «парить главой» над разными птеродактилями и игуанодонами? Люди фантазируют и в науке; так как же не пофантазировать в поэзии?

Выучивши наизусть «Кювье» г. Ознобишина, мы так и решили, что он поэт хоть куда, то есть пишет стихи гладкие, звучные и с достаточным присутствием смысла. Насчет смысла мы впоследствии несколько разочаровались, когда, после нескольких лет молчания, г. Озно-

бишин из того мира, «где мамонт жил, дракон и кракен злой», перенес свои поэтические симпатии на современную историю и в приснопамятные дни Крымской войны вздумал быть одним из воинственных Тиртеев, предводимых во храм бессмертия г. Аполлоном Майковым. Многие имена вынырнули тогда на свет божий из реки забвения, чтобы вновь погрузиться в нее с большею тяжестью. Подолинский, Туманский, которых все поминали как покойников, вдруг оказались не только живыми, но и пламенеющими военным жаром. Пегасы их, привыкшие к мирной рыси, нашли слишком обременительным для своей спины носить своих господ в рыцарских доспехах, и с поэтами этими повторилась история о Паладине и его слуге, столь чувствительно рассказанная Жуковским:

«Он (то есть рыцарь) шпоры вонзает в крутые бока.
Конь бешеный сбросил в реку седока.
Он выплыть из всех напрягается сил,
Но панцырь тяжелый его утопил».

Шлем г. Майкова до сих пор носят волны, прибивая его то к тому, то к другому берегу.

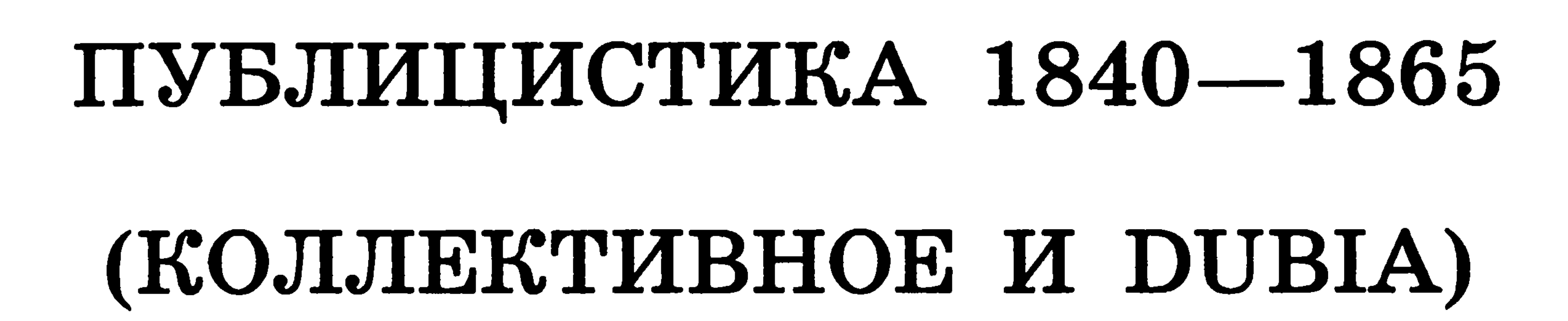
Г-н Майков — не чета г. Ознобишину; ему или хоть его шлему еще можно было вынырнуть. Но г. Ознобишина, после последних его гражданских или, лучше сказать, военных опытов, мы вписали в поэтический синодик наш, начинающийся стихами:

«Как жаль, что нет теперь поэтов,
Какие были в оны дни;
Нет Тимофеевых, Бернетов;
Ах! отчего молчат они?» и проч⟨ее⟩.

Г. Ознобишин был внесен в это поминанье следующим образом:

«И, хрестоматией возвышен,
В одной с Державиным семье,
Не воспоет уж Ознобишин
Ни русской славы, ни Кювье».

Теперь мы ясно видим, как жестоко ошибались. ⟨...⟩



ПУБЛИЦИСТИКА 1840—1865
(КОЛЛЕКТИВНОЕ И DUBIA)

1840

ВАЖНАЯ НОВОСТЬ

Водевиль «Фебус, или Публичный писец», удачно (должно отдать справедливость) переведенный г-м Коровкиным, благодаря превосходной игре г-на Сосницкого, имел в свое время успех на сцене. «Это не новость!» — скажут читатели. Согласен; но вот в чем заключается новость, и важная новость, господа! *В непродолжительном времени*, как обыкновенно гласят и афиши, и все вообще объявления, появится на мрачном горизонте нашей драматической словесности яркая звезда, *сиречь*: произведение нового писателя, еще юного, еще свежего, еще не ощупанного ястребиными когтями промышленников и *сего* и *этого* книгопечатания, *персонально-пользительного*, — словом, дарования, чуждого и *пройдохи букиниста*, и странствующего рыцаря *фельетониста*! — «Какую же связь имеет с вашим объявлением и рассуждением «Фебус, или Публичный писец»? — А вот какую: в произведении нового драматического писателя *Писец* также играет важную роль, но этого писца не должно смешивать с остроумным, хитрым, замысловатым *Фебусом*, нет; он совершенно в другом роде, и не должно полагать, чтобы русский писатель занял содержание у француза. Вот заглавие пьесы, которая обещает много и очень много *нравоучительного*.

НЕСЧАСТНЫЙ ПИСЕЦ, ИЛИ ГЛУХОЙ ТЕТЕРЕВ И ДВУХЛАПЧАТЫЕ ГУСИ

Большая трилогия, с принадлежащими к ней танцами, куплетами, обедами, завтраками, пикниками, поездками за город и проч⟨ее⟩ и проч⟨ее⟩.

Часть первая:

КАКОВО НАШИМ ВЕЗЕТ?

Действие в Болотной улице.

Часть вторая:

АЙ ДА ГУСИ!

Действие на Невском проспекте.

Часть третья (фантастическая):

Я В ПУСТЫНЮ УДАЛЯЮСЬ!

(Действие у Черта на куличках).

К вящему удовольствию публики, писец пропоет с выпляской хохлацкую арию: «Жинка руда! дитки руды!» и проч⟨ее⟩...

Вот один из куплетов оной трилогии:

Однажды тетерев глухой
С гусями подружился,
Беды не видел никакой,
Ан сильно поплатился.

Лишь только в пруд он к ним залез,
Как говорит поверье,
В минуту хвост с него исчез
И полетели перья!

Мой тетерев уж было вон,
Да гуси не пустили,
Обсыпали со всех сторон
И крылья подмочили.

Маркиз Команвупортеву

P. S. Ежели заблагорассудят издатели, то время от времени, и смотря по обстоятельствам, мы будем помещать в «Литературной газете» куплеты и даже целые явления в стихах и прозе из оной трилогии. — Господа! Il faut encourager les jeunes talents! *

---

* Следует поощрять юные дарования! (*франц.*).

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «ЛИТЕР⟨АТУРНОЙ⟩ ГАЗЕТЫ»

Милостивый государь!

На днях я познакомился с одним молодым человеком; при первом взгляде я заметил, что у него тут... так много, много! по выражению Гоголя. Новый мой знакомец объявил, что он писатель *в анекдотическом роде*, вручил мне огромную тетрадь *плодов летучего досуга* (собственное *его выражение*) и убедительно просил меня, по моему знакомству с вами, поместить некоторые из его произведений в вашей газете. Пробежав две или три страницы *плодов летучего досуга*, я клятвенно и торжественно уверял талантливого литератора, что подобные произведения, несмотря на свою замысловатость, глубокомысленность и энергию, не могут быть помещены ни в «Литературной газете», ни в «Отечественных записках», ни в «Пантеоне»; настойчивый автор не внимал ничему, бормотал сквозь зубы что-то о зависти, пристрастии, недоброжелательстве и прочих литературных лакомствах. Я поневоле обращаюсь к вам, почтенный издатель! защитите меня от упреков, наносимых мне авторским самолюбием! Сам вижу, что мой юный писатель имеет талант, и талант решительный; но всему свое место: ежели его гениальные произведения не согласуются с целью и духом ваших журналов, то уверьте его, что они все-таки могут занять почетное место в известном знаменитом издании, в котором подобные вещи печатаются наподхват.

Вот вам, для образчика, парочка анекдотов моего автора; для сравнения с собственными трудами он помещает еще парочку анекдотов другого гениального писателя, и которые, он уверяет, будто были уже напечатаны, но где именно, не говорит. Вот *сии два анекдотиста* перед вами:

Уже напечатанные кое-где	*Находящиеся в рукописи «Плоды летучего досуга»*
1	1
«Экой ты хамелеон», — сказал один актер другому, укоряя его за переменчивость в мнениях и характере.	Крестьянин подошел к саечнику: «Чтó стоит сайка?» — спросил он.

— А ты хмелен, — отвечал ему другой.

— Гривна! — отвечал саечник.

— Кому она дивна! — возразил остроумный крестьянин и купил сайку.

2

«Скажите, пожалуйста, чтó это значит — александрийские стихи?» — спросил один молодой человек в театре у своего соседа.

— Вероятно, то, что эти стихи писаны для Александринского театра.

2

«Скажите, пожалуйста, чтó называют *пластическою стороною* в игре артиста?» — спросил один молодой человек в театре у своего соседа.

— Вероятно, то, что в некоторых ролях они наклеивают *пластырь* на лицо.

— Ну что, чьи лучше? — спросил меня мой юноша.

— Таланты равносильны, — отвечал я, — это борьба Купера с Вальтером Скоттом; но скажите из милости, с какой целью вы выкидываете эти коленца?

— Как с какой? Чтобы заслужить название *умного*, *деятельного*, *предприимчивого*, *расторопного* издателя и писателя, от которого книжное дело должно ожидать много хорошего!

На столь решительное возражение я не нашел что и отвечать.

Маркиз Команвупортеву.

Мы от себя отвечаем, что анекдоты вашего умного, деятельного, предприимчивого, расторопного издателя и писателя очень хороши.

НОВОСТИ С ЛИТЕРАТУРНОЙ БИРЖИ

⟨1840⟩

— Книгами тихо. За партию статей, переведенных с французского и с корректурою, давали по двадцати пяти рублей с гривной кругом. Книжки об истреблении клопов требуются.

— Сотрудник, могущий представить удовлетворительные аттестаты о гибкости своего убеждения, писавший за и против того-этого, сего и оного, попеременно и в одно и то же время, ныне за смертию некоторых богатых биржевых журналов находится без употребления и предлагает свои услуги желающим; равным образом он может принять на себя должность столового дворецкого, эконома, а также лечить мосек, болонок и других домашних животных, к удовольствию хозяев.

— Торговые сводчики утвердительно говорят, что большие биржевые журналы, во избежание банкрутства, согласились по мере истребить все издания, не принадлежащие к биржевой монополии, и положить конец этому странному литературному беспристрастию, которое отдает предпочтение таланту и учености пред другими, более положительными выгодами. Для этой цели избраны самые приличные средства: одно и то же перо будет писать в десяти журналах, дабы уверить публику, что против того или другого издания существует общее мнение; ничему не будет пощады: ни издателям, ни их сотрудникам, ни типографии, в которой печатаются небиржевые листы, ни книгопродавцам, которые будут продавать их, ни корректорам, ни наборщикам, ни читателям.

— На сих днях «Библиотека для чтения» старалась обратить на себя внимание покупателей объявлением о том, что все журналы стараются копировать ее. Проходящие с любопытством спрашивали: неужели «Библиотека для чтения» изобрела «Русскую словесность», «Иностранную словесность», «Науки и художества», «Промышленность», «Сельское хозяйство», «Критику» и проч. и проч. — словом, все эти накладки, под коими помещается в «Библиотеке» всякая всячина? Дабы придать более веса своему объявлению, «Библиотека для чтения» украсила его двумя ошибками против языка, как то: «Публика из *этого неуместного соперничества получила* два или три подражания» и далее: «отказавшись от пагубных вражд» и проч⟨им⟩. — К сожалению, этот чувашский слог не обратил ничьего внимания; от пагубных *вражд* не произошло никакой пользы, и проходящие прошли мимо.

Литературной биржи маклер
Назар Вымочкин

1841

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Сегодня молодой артист нашего русского театра г. Максимов 1-й приглашает публику, дарившую его так часто своими благосклонными аплодисментами, в свой бенефис в Александрынский театр. Спектакль составлен довольно заманчиво: *«Павел Степанович Мочалов в провинции»* — очень забавная шутка г. Ленского; *«Квакер и Танцовщица»* — один из умнейших водевилей Скриба; а водевиль *«Шила в мешке не утаишь, девушки под замком не удержишь»* есть первое произведение для сцены молодого почтенного нашего сотрудника Н. А. Перепельского, которого забавные повести, помещенные в «Литературной газете», вероятно, не раз заставляли вас улыбаться. Кроме этих пиес пойдет еще: *«Лауретта, или Красная печать»*, комедия-водевиль, которая происходит *в открытом море*, как сказано в афишке. Это интересно! Пойдемте в бенефис г. Максимова 1-го.

— В музыкальном магазине Гольца на днях вышел из печати новый романс *«Прощание воина»*, сочинение Д. Ю. Струйского на слова барона Е. Ф. Розена:

Не плачь, не тоскуй!
Ты *хорошенькая...*

И музыка равномерно!

— Нам предстоит скоро еще концерт! И какой!.. Оле-Буля, знаменитого, великого Оле-Буля! По смерти Паганини это первый скрипач в Европе между последователями новой школы, основанной Паганини. Мы слышали Оле-Буля тому два года, с тех пор слава его достигла своего зенита, и он, как художник с душой пламенной, не отставал от нее в своем совершенствовании.

Мы уверены, что наша публика на этот раз лучше оценит гений Оле-Буля.

— Артисты С.-Петербургских императорских театров открыли подписку на сооружение на Смоленском кладбище надгробного памятника В. Н. Асенковой. Все артисты, желающие принять участие в этом деле, приглашаются адресоваться к г. режиссеру русской драматической труппы Н. И. Куликову. Третьего дня происходили похороны любимой артистки русского театра. Между множеством ценителей ее таланта, между всеми почти артистами и артистками русской сцены, мы заметили многих литераторов, которые ее таланту обязаны были некоторыми своими успехами или часами наслаждения. За гробом следовали: Н. А. Полевой, Р. М. Зотов, П. Г. Ободовский, П. С. Федоров, Э. И. Губер, Д. П. Сушков, Н. П. Мундт, Н. И. Филимонов и многие другие. Мирты с ее надгробных венков были разделены между ее товарищами и почитателями.

1843

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

⟨...⟩ В редакцию «Отеч⟨ественных⟩ записок» доставлено неизвестно кем несколько чрезвычайно любопытных литературных новостей и известий. Не ручаясь за их достоверность, мы тем с неменьшим удовольствием даем им место и теперь, и на будущее время (ибо нам обещано продолжение таких статеек) в постоянном отделении «Смеси» «Отеч⟨ественных⟩ записок» под рубрикою «Литературные и журнальные заметки».

Вот на первый раз четыре подобные известия. ⟨...⟩

II

Говорят, что деятельность наших писателей жалка и ничтожна в сравнении с французскими и германскими писателями. Справедливо ли это? Мы наверное знаем, например, что один молодой русский сочинитель, не более как год назад сидевший еще на школьной скамье, а теперь уже пользующийся в литературе достаточною известностию, написал для сцены 12 оригинальных драм, из которых, говорят, в особенности одна — «Рюрик и Синеус» — отличается глубоким знанием того времени и вообще красотами первостепенными. Он же перевел 15 драматических пьес с разных языков и кроме того произвел до сотни лирических стихотворений.

Также из верных источников известно, что другой русский писатель из *знаменитых*, беспрестанно печатающий свои романы и повести, приготовляет теперь к печатанию три романа в 6 частях каждый, 37 повестей (30 итальянских и 7 русских) и замыслил 21 драматическую фантазию. — Перед такими плодовитыми русскими сочинителями не только французские и германские писатели, но и сам Лопе де Вега преклонил бы колени!

III

«Романтическая» поэзия не совсем умерла на Руси — она только заснула было с большого поэтического разгула, а теперь просыпается и, — новый Эпименид — не зная, что писалось и читалось на Руси во время ее сна, снова запела свои удалые и хмельные песни. Вот одна из них:

К друзьям

Где вы, товарищи? Куда занес вас рок?
Вы помните ль, как мы, хмельной отваги полны,
Собравшись в дружески-отчаянный кружок,
Шумели, будто бы в речном разливе волны?

Тех дней не воротить!.. Всему своя пора!..
Они исчезнули, как светлое виденье...
Блажен, кто пьянствовал от ночи до утра,
Ковшами черпая из бочек вдохновенье!

Блажен, стократ блажен!.. Встречая новый год,
В мечте я прошлые года переживаю,
Беспечные года возвышенных забот
И издалеча к вам, товарищи, взываю!

Примите дружески-бурсацкий мой привет,
Порыв души моей студенческой и чистой!
(Студенческой, друзья! Хотя мне сорок лет!)
За ваше здравие и счастье ваш поэт
Пьет херес бархатный и чудно-маслянистый!

ЖУРНАЛЬНАЯ АМАЛЬГАМА

Русская литература. — «Москва и москвичи». — Сочинения Гоголя. — Хозяйственные сочинения. — Сочинения г. Витвицкого о пчелах

Литература наша, подарив нас десятком книг к новому году, вдруг приутихла. В течение двух недель явилось в свет только три книги, но и за то спасибо, — одна из них стоит целых трех десятков. Остальные две принадлежат московским авторам и трактуют о Москве. Г-н Загоскин описывает нам *Москву и москвичей*, а г. Вистингоф дает «Очерки московской жизни». Кому же и описывать нравы Москвы, как не коренным и

укоренелым москвичам; но едва ли их описания могут быть так свежи и оригинальны, как описания жителя другой столицы, на которого Москва производит гораздо живейшее впечатление и который скорей бы подметил многое в ее жизни, с чем взор московского автора давно свыкся и породнился. Для петербургского жителя, например, приезжающего в первый раз в Москву, — это совершенно новый русский мир по нравам, мнениям, обычаям, взгляду, которого в Петербурге и не подозревают. Любопытно было бы прочесть книгу такого петербуржца о Москве. Петербургские критики даже часто упрекали московских романистов и писателей комедий за утрировку нравов, тогда как описываемые ими сцены и характеры до того верны истине и натуре, что в Москве многие примеряли их на себя и признавали за личность. Многие у нас судят еще о Москве по «Горе от ума» Грибоедова, хотя комедия Грибоедова в настоящее время такая же верная копия с московских нравов, какою будут нынешние описания китайцев в 1943 году, чрез сто лет после сближения Китая с Европою. Но Москва имеет удивительное свойство до того роднить с собою взгляд даже самого образованного москвича, что ее странности, делаясь его натурою, переходя в его кровь и плоть, перестают быть для него странностями. Заговорите с любым москвичом, который впервые побывает в Петербурге, — он вам непременно скажет, что Петербург скучнее, мертвее, даже некрасивее и не чище Москвы. Вот почему нам кажется, что описание московских нравов под пером не московского писателя было бы гораздо интереснее.

Наконец, в четверг на нынешней неделе вышли и «Сочинения Николая Гоголя» в четырех частях. Первый том содержит «Вечера на хуторе близ Диканьки»; второй — «Миргород»; третий — повести и рассказы из «Арабесок»; четвертый — комедии и новые статьи, еще нигде не напечатанные. Из них замечательнейшие: «Шинель», повесть; «Женитьба» — совершенно невероятное происшествие в двух действиях (как его называет сам автор) и отдельные сцены: «Игроки»; «Тяжба»; «Лакейская»; «Театральный разъезд». Прежние повести в этом издании автором так переделаны заново и дополнены, что их совсем узнать нельзя и читаешь с величайшим удовольствием как совершенно неизвестное еще сочинение. Все четыре части стоят 25 руб⟨лей⟩ ассигнац⟨иями⟩. Вот

теперь-то поднимется гвалт в критическом или, лучше сказать, журнальном мире! В Москве начнут доказывать, что Гоголь — Гомер, Аристофан и Теренций нынешнего века; другие будут опровергать это и покажут только, что *до* и *после* Гоголя не было и не будет русской литературы; третьи станут придираться к опечаткам и неправильным оборотам языка, забывая, что простой разговорный язык, который Гоголь должен употреблять по предмету своих сочинений, не может и не должен согласоваться с правилами кратких и пространных грамматик, потому что это язык целого живого народа, часто совсем не грамматичного. Отступить от его образа выражения — значит отступить от истины. В писателе для сцены и рисовальщике нравов усвоение этого языка есть величайшее достоинство, до которого иной грамотей никогда не достигнет. Этим языком гораздо труднее писать, чем высокоторжественным официальным слогом. И когда у нас прекратится эта жалкая привычка придираться к опечаткам и так называемым грамматическим ошибкам в сочинениях писателей с умом и талантом? Как будто с изданием в свет грамматик г. Греча русский язык застыл в постоянные неизменные формы и правила. Да что мы за китайцы! Слава богу! мы живем жизнью совершенствования умственного, стало быть, и язык у нас — органическое растение, которое должно развиваться и совершенствоваться вместе с нашими понятиями, с нашим духовным бытием. — Требовать от его живых оборотов постоянных форм, основанных на правилах грамматики, которые сами часто ни на чем не основаны, — то же, что требовать от живописца, чтоб он и татарина, и чухонца, и араба изображал по образцам древних классических форм и моделей. — Наконец, четвертые станут доказывать, что Гоголь совершенно бездарный человек, которого *приятели* прославляют за тем, чтоб уронить других *сатирических* писателей! Ну, уж это будет чистая сатира на русскую литературу, — где же у нас эти сатирические писатели, которых *уронить можно* и которые могли бы хоть чем-нибудь помериться с Гоголем? Была у нас когда-то мода на так именуемые нравственно-сатирические сочинения... но эта эпоха давно прошла, и сочинения и *сочинители* давно уже в Лете. Как же их ронять? Лежачего не бьют! Мы с своей стороны предоставляем себе скромную долю не принимать участия в этой новой чернилопролитной Тро-

янской войне, которую новый Гомер, верно, сам когда-нибудь опишет в шуточной «Илиаде», но позволим себе только высказать наше личное мнение о таланте и значении г. Гоголя в русской литературе. — От литературы перейдем к промышленности. Нет ни одной отрасли человеческого ведения, которою бы у нас так играли, как сельским хозяйством и домашнею экономиею. Сколько жалких книг и книжонок выходит ежегодно в свет по этим предметам! И почти ни одна из них не написана человеком, знающим дело. Большая часть их производителей не выезжали из города далее двух верст за парголовскую заставу и до Павловска по железной дороге; большая часть не видали и во сне, как пашут и засевают землю, как разводят сады, что значит сельское хозяйство.

Какой пользы можно ожидать от таких компиляций! А между тем они расходятся по свету и беспрестанно вновь выходят в свет. Вот и теперь перед нами новые «Записки для городских и сельских хозяев», соч. К. А., в которых, как говорится, *все есть, кроме птичьего молока*. Чтобы знать и изучить основательно все то, об чем говорится в этих «записках», надо по крайней мере прожить четыре века человеческих. Но у нас такие книги и пишутся в три присеста и печатаются в три недели. В домашней экономии они, разумеется, на что-нибудь да годятся, хотя, вероятно, благоразумный человек не станет по ним перерывать своих садов, заказывать кушанья, морить свой скот и т. д. Но мы видим в каждом деле промышленности и хорошую, утешительную сторону. Если такие невинные спекуляции на легковерии сельских хозяев, экономов и проч⟨их⟩ слишком часто повторяются в нашей литературе, не есть ли это доказательство, что действительно в наших помещиках развивается любознательность и желание подвинуть сельское хозяйство России вперед и довесть его по возможности до совершенства? Это непременно сбудется, но только тогда, когда сельские хозяева будут не покупать, а сами писать такие книги, основываясь на своих наблюдениях и опытах. Так поступает г. Витвицкий, которого сочинение под заглавием «Стеклянный улей, извлечение любопытнейших явлений из естественной истории пчел» в первых числах февраля должно выйти в свет. Г-н Витвицкий — известный пчеловод. Он посвятил всю жизнь свою изучению природы пчел и обо-

гатил нашу литературу несколькими прекрасными сочинениями о пчеловодстве, из которых укажем на «Практическое пчеловодство» — труд обширный и, без всякого сомнения, лучший по своей части. Сочинение г. Витвицкого «Стеклянный улей» обнимает только любопытнейшие и важнейшие явления семейного и гражданского быта пчел и чрезвычайно занимательно. Изложенное языком живым, понятным, оно может быть читаемо всеми с удовольствием, какое доставит не всякий роман самой громкой знаменитости. И это по весьма простой причине: как бы ни были хитры и поразительны вымыслы человека, они — в сравнении с дивными явлениями природы — ничто! Пчелы представляют нам в быту своем такие чудные явления, каких мы и не подозревали, законы, по которым пчелы родятся, живут, действуют, управляются и умирают — изумительны и в высшей степени достойны того, чтобы вникнуть в них и над ними задуматься. К сочинению г. Витвицкого будет приложено несколько рисунков, поясняющих текст. Нет сомнения, что предприятие почтенного пчеловода, затеянное с целию обратить внимание на упадающее у нас год от году пчеловодство, увенчается успехом. ⟨...⟩

1844

ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

(МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД РУССКОЮ ЛИТЕРАТУРОЮ)

Часто приходится слышать жалобы на бедность русской литературы хорошими произведениями и замечательными талантами. Но если рассмотреть дело ближе, право, у нас не так мало великих писателей и великих произведений, как вошло в обыкновение думать. Осмеливаемся сказать, что у нас есть даже глубокие философы и философия. Философия наша покуда еще не приведена в систему, но в ней попадаются иногда дивные проблески, о которых мы ничего не знаем, потому что философия у нас процветает в книгах, которых никто не читает, и в журналах, которых многие не видят. В этом отношении судьба гениальных проблесков очень похожа на судьбу падающих звезд, которых участь — промелькнуть и погаснуть никем не замеченными, кроме горемык-астрономов, то есть журналистов, обязанных за грехи свои все читать, все наблюдать. Вот причина, по которой мы решаемся назвать гениальные проблески нашей литературы «падающими звездами». Нет сомнения, будь только глубокомыслие, которого у нас теперь так много, — французское или немецкое, мы давно бы толковали о нем и горячо спорили. Но оно русское — и никто ни гугу! И выходит, что нас справедливо обвиняют в равнодушии ко всему русскому. Но пора положить конец несправедливому равнодушию к делу, о котором идет речь. Отныне не будут метеоры, появляющиеся в русской литературе, мелькать незамеченными: мы беремся на них указывать. Мы беремся следить за всем, что будет открыто нового в мире грамматики, логики, литературы и философии. Но, имея в виду

единственно доказать, что русская литература не так бедна, как думают, мы не намерены входить в подробности, чем та или другая новость особенно замечательна: наше дело будет тут чисто летописное. С летописною точностию будем мы обозначать время и место появления той или другой падающей звезды, предоставляя самим читателям решать, к какому роду звезд принадлежит она и чтó знаменует.

I

В лето от сотворения мира 7352, от рождества Христова 1844-е, в февральской книжке журнала «Маяк» (мы уже извещали читателей, что у нас есть журнал «Маяк») напечатано следующее:

«Но как бы все эти нерешенные дела (о славянских племенах) быстро подвинулись к концу, если б наши гг. Погодин, Бутков, Шевырев, Чертков, Вельтман, Бодянский, Срезневский, Прейс, Морошкин, Касторский, Неволин, Надеждин, Булгарин, Сахаров, Боричевский — короче, все историки славянисты, юристы, археологи, географы, этнографы дружно принялись за пересмотр всех древних, средних и новых, мертвых и живых источников и памятников греческих, римских, немецких, а главное славянских, языческих и християнских, и хоть по крупице сообщали бы, каждый по своей части, свои открытия в общее известие, отложа в сторону все прежние свои ипотезы, догадки и постройки, естественно, односторонние и непрочные, по недостатку данных в то время, когда их строили. Один пример их скольких бы новых деятелей вызвал на это прекрасное поприще; а союзное действие их привело бы к тому великому выводу, что западная Европа до сих пор знает не Всемирную Историю, а только мифологию истории, где скифы, гунны, вандалы, готы, геты, галлы, франки — и все это мифы неразгаданные; и что русские *выучили Европу* истинной Всемирной Истории; а там и далее, как пошло бы на такую же поверку науки мудрости (*философии*), науки правды, науки слова, науки изящества, науки народного блага и хозяйства, науки воспитания и общественной жизни, науки врачебной, науки мироздания, — короче, всех наук, *так и вышло бы, что русским приходится всю Европу, во всех науках, переучивать заново*».

II

В лето от сотворения мира 7352, от рождества Христова в 1844-е, во второй книжке журнала «Москвитянин» (который, заметим кстати, нынче щеголяет: у него, как сам он уведомляет, многие статьи *из Петербурга*) в отделении стихотворений, на страницах 334 и 335 напечатаны стихи *г. Мих. Дмитриева*, которые начинаются таким образом:

«*Несмотря* на стих мой скромный,
На *беззвучность дум моих*,
Я люблю твой стих *обронный*,
Живописный, звучный стих!

Он течет, как раскаленной
В горне рдеющий металл!
Принят формой — и мгновенно
Он окреп и зазвучал!

Музы дивно в нем слияли
Краски радужных цветов
И упругость гибкой стали
С звуком чудных голосов.

Ты победной амазонкой
Пред фалангой русских слов
Кликнешь рифму — отзыв звонкой
Пробежал — и строй готов!» и проч⟨ее⟩

На первый раз довольно...

III

В тетрадке, которою наконец, вместо первого января, пятнадцатого марта разрешился «Сын отечества» после стольких великолепных программ, есть стихотворение, есть первая половина повести «Кликуша», «Смесь» и, наконец, статья под названием «Критика». Что ж это за критика, ка́к вы думаете? Где вам отгадать?.. Тут ничего нет ни о прошлогодней литературе, ни о книгах, вышедших в течение того времени, как «Сын отечества» собирался выдать свой первый нумер, то есть двух месяцев с половиною. Вся «критика» наполнена странными выходками на статью «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году», помещенную в 1 № «Литературной газеты» нынешнего года. Много чести для «Литературной газеты»: значит, «Сын отечества» не заметил

ничего в русской литературе, на что можно было бы достойнее обратить внимание его читателей?.. А ведь в два месяца с половиной много воды утекло, много книг вышло!.. Впрочем, мы, кажется, поняли настоящую причину такого странного предпочтения. Статья, в которой говорилось, между прочим, о разных литературных промахах, крепко не понравилась «Сыну отечества», — и вот «Сын отечества», знавший, что публика уже и без него познакомилась с литературными явлениями последнего времени, решился лучше посвятить страницы своей «Критики» защите «оскорбленных» в статье «Лит⟨ературной⟩ газеты». Какая прекрасная роль!

И путь бы играл ее «Сын отечества» сколько душе угодно, пусть бы смеялся над тем, что́ как-то не совсем для него понятно, пускай бы повторял сатирически слова и фразы, которые ему почему-то кажутся забавными, — бог бы с ним! Мы оставили бы его в покое, — все это не так еще смешно и дико, чтоб стоило быть указанным. Да притом такие явления очень нередки. Но в этой «критике» есть, между прочим, строки, вылившиеся из полноты сердца, бессознательно, и оттого полные неподдельного комизма. На них-то мы хотим обратить ваше внимание и из-за них-то решились говорить о «Сыне отечества». — Дело идет о Лермонтове.

Разбранив статью «Литературной газеты» с чувством собственного достоинства, «Сын отечества» начинает бранить Лермонтова (какая честь для «Литературной газеты»!) — по поводу выписанного в статье нашей газеты стихотворения Лермонтова «Тамара». Это превосходное стихотворение, по мнению «Сына отечества», величайшая нелепость. Он доказывает это по пунктам. Выписав первые четыре стиха:

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале —

«Сын отечества» принимается очень остроумно трунить над словами *роется* и *чернея на черной*. Оба выражения ему кажутся нелепыми; о последнем он даже спрашивает: стало быть, можно сказать *краснея на красной*? Что отвечать на это? У иных есть особенный такт, подсказывающий им, где что́ можно сказать и где чего нельзя, а у иных... Выписав строки:

На голос невидимой пэри
Шел *воин, купец и пастух*,
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух —

«Сын отечества» с чувством оскорбленной гордости замечает: почему ж на голос этой пэри шли только *воин, купец* и *пастух* и за что лишены были этого права *гражданские чиновники*? (Каков вопрос?.. Ну, что вы будете делать с этаким критиком?.. О Лермонтов! Лермонтов! Если б ты был жив! Как бы ты позабавился над этим!) И не явная ли обида, в самом деле, что *пастух* упомянут, а *гражданские чиновники* пропущены?.. Стойте после того за Лермонтова! Лермонтов был просто — бездарный человек: совсем не понимал *уважения*, не заглядывал в табель о рангах!

Здесь бы, на этом знаменитом выводе, можно и остановиться: ясно, какой критик принялся за *убиение* Лермонтова и какими средствами он хочет *убить* его. Но мы уж однажды обещали в «Падающих звездах» сообщать все необыкновенные явления русской литературы и журналистики, а потому и представляем здесь эту знаменитую выходку вполне. Читайте! «Сын отечества» выписывает стихи:

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там —

и очень остроумно замечает: «Мы принадлежим к публике в высшей степени доверчивой и снисходительной, и потому так радуемся и изумляемся этому четверостишию из самого зрелого и блестящего стихотворения, что и сказать нельзя». У!.. Сколько тут остроумия!.. Не правда ли?..

Но замечание, которое делает «Сын отечества» на следующие четыре стиха:

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон —

еще интереснее:

«Вся литература, сидящая на гамбсовых креслах, вскочит от изумления и радости, услышавши такое не-

обычайное известие, что сто пылких юношей, — ровно сто, ни более, ни менее, а будь девяносто девять, то кавказское ухо тотчас бы узнало это по диким звукам в башне (*Каково остроумие? Каков смысл? Каковы притязания? Любопытно знать, что́ сказал бы критик, если б юношей было не сто, а больше или меньше; он, верно, спросил бы тогда: зачем не сто!*), — и жен неопределенное количество сошлись ночью на свадьбу, которая вдруг превратилась, неизвестно как и отчего, *в тризну больших похорон* (*sic*!..). Литература, которая ездит в своем экипаже, непременно отправится на Кавказ, отыщет там теснину, где роется Терек и где стоит черная скала с таковою же башней, и исследует это странное, изумительное превращение огромной свадьбы ста пылких юношей в тризну больших похорон».

Скучно. Не будем выписывать, ка́к остроумствует «Сын отечества» над тремя заключительными превосходными по силе и сжатости четверостишиями «Тамары»: придирки так явны, неловки и неуместны, что нельзя согласиться, что они сделаны без намеренья. Вот посмотрите, как отделан предпоследний куплет:

И с плачем безгласное тело
Спешили они (волны) унести,
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда «прости».

«Волны (восклицает „Сын отечества") спешили унести безгласное тело с плачем! Опять радость и изумление. Слыхали ль вы, как плачут волны? *Мы отроду никогда плача их не слыхали* (слышите?). Но, может быть, мы ошибаемся. Не тело ли вместе с плачем уносится волнами? Быть не может. Плач на воде не плавает (*каково*?). Завтра же едем на Кавказ! Там просто сторона чудес. А поняли ли вы, что́ такое в окне белело? Сказано: *что-то*; это не довольно ясно. Должна быть злодейка Тамара! Вероятно, она же, утопивши гостя в реке, говорит или звучит из окна „прости". Прощайте, сударыня! Нет, ни за что не заманите вы нас в свою башню, если даже и поедем мы на Кавказ!» — Каков смысл? Сейчас сочинитель предполагал, что Тамара утонула, а теперь прощается с ней и уверяет, что она не заманит его в свой за́мок?.. «Нет, прекрасная и коварная Тамара, — замечает сочинитель, выписав последний куплет, — русская пословица говорит: снявши голову, по волосам не

плачут! Будь ваше прощанье еще слаще и нежнее, но мы вам отсюда, из Петербурга, низко кланяемся!»

Каково остроумие? Каков тон, и где же? — в разборе писателя с огромным талантом?.. Вот говорили — нет в литературе у нас необыкновенных явлений и редки великие критики!..

XII

Мы всегда были того мнения, что «Москвитянин» ни на минуту не ослабнет в своей деятельности, и даже в летние месяцы, когда книжки журналов делаются обыкновенно тощи и сухи, будет так же тучен и богат содержанием, как зимой. Не сомневались мы, что в каждой книжке этого журнала найдется что-нибудь достойное быть указанным в этом отделе нашей газеты, предназначенном для указания на литературные и журнальные редкости. В *шестой* книжке «Москвитянина», только что явившейся в Петербурге («Москвитянин», как все истинно дельное и многообъемлющее, несколько тяжеловат на ногу и потому немножко отстает книжками), нашли мы редкость в высшей степени замечательную, — редкость, какой ни в одном из других журналов никогда вы не встретите. Это — *«стакан стихов»*, поднесенный г. Н. Языковым «М. П. Погодину»... Можете быть уверены, что мы выражаемся именно так, как следует, ничего не изменяя и не придумывая. В доказательство спешим представить самый «стакан» от первого стиха до последнего, или, правильнее, от первой капли до последней...

М. П. Погодину

Благодарю тебя сердечно
За подареньице твое!
Мне с ним раздолье! С ним житье
Поэту! Дивно-быстротечно,
Легко пошли часы мои —
С тех пор, как ты меня *уважил*!
По-стихотворчески я зажил,
Я в духе! *Словно как ручьи*
С высоких гор на долы злачны
Бегут, игривы и прозрачны,
Бегут, сверкая и звеня
Светлостеклянными струями,
При ясном небе меж цветами
Весной: так точно у меня
Стихи мои, проворно, мило

С пера бегут теперь; — и вот
Тебе, мой явный доброхот,
С т а к а н с т и х о в: на, пей! Что было —
Того уж нам не воротить!
Да, брат, теперь мои созданья
Не то, что в пору волнованья
Надежд и мыслей; — так и быть:
Они теперь — напиток трезвый:
Давным-давно уже в них нет
Игры и силы прежних лет,
Ни мысли пламенной и резвой,
Ни пьяно-буйного стиха.
И не диковинное дело:
Я сам не тот уже и смело
В том признаюсь: кто без греха?
Но ты, мой добрый и почтенный,
Ты примешь ласковой душой
Напиток, поднесенный мной,
Хоть он бесхмельный и *не пенный* (???)

Вникните хорошенько в смысл стихотворения, выпейте «стакан» до дна, если у вас достанет силы, — вы имеете на то полное право: иначе М. П. Погодин, которому поднесен «стакан», не напечатал бы приношения усердного поэта в «Москвитянине», предназначенном, как известно, для чтения не одних только его издателей, но и для вас, для меня, для публики... Итак, сделайте одолжение — одолжайтесь!.. Без церемонии!.. Здесь больше ничего, как круговая порука. Г-н Погодин «*уважил*» г. Языкова, г. Языков с своей стороны «*уважил*» г. Погодина, а г. Погодин «*уважает*» вас... Чем? — другой вопрос, на который, к счастию нашему, довольно удовлетворительно отвечает сам поэт. «*Стихами*, — говорит он, — в которых *нет ни игры, ни силы, ни резвой и пламенной мысли, ни пьяно-буйного стиха*». В последнем недостатке вы, конечно, не будете сильно упрекать поэта, но за все остальные могли бы крепко попенять ему, если б он не сознавался в них с откровенностию, обезоруживающею всякую взыскательность.

XIII

Некоторые из подписчиков и читателей «Литературной газеты» жалуются, что в ней в нынешнем году совсем не печатаются стихотворения. Редакция имеет честь отвечать однажды — навсегда, что причина, побудившая ее воздержаться от печатанья стихов в «Лите-

ратурной газете», заключается в крайней бедности русской поэзии даровитыми поэтами и хорошими стихами. Если б, по примеру прежних годов, в «Литер⟨атурной⟩ газете» помещались стихи еженедельно, то, по необходимости, на каждое стихотворение, стóящее внимания, приходилось бы девять посредственных. Желая, однако ж, удовлетворять по возможности тех из читателей, которые чувствуют нужду в стихах, редакция будет помещать иногда стихи, *но в таком только случае, когда стихи будут достойны печати*. Вот, кстати, стихотворение, присланное нам из провинции; оно показалось нам так оригинально, что мы решаемся его напечатать. Заглавие его:

Послание к соседу

Гну пред тобою низко спину
За сладко-вкусный твой горох.
Я им объелся! Я в восторг
Пришел!.. Как сахар, как малину,
Я ел горошины твои.
Отменно ты меня уважил!
Я растолстел, я славно зажил,
Я счастлив! Словно как любви
Краснокалеными устами
Я отогрет! — и жизнь моя
Светлостеклянными струями
Бежит, как утлая ладья,
Бежит проворно, звонко, прытко,
И вот (подарок невелик,
Но от души — не от избытка)
Стихов отборных четверик
Тебе я шлю... На, ешь!.. Что? будет?..
Авось придет тебе на вкус...
А не придет — я не боюсь:
Не выдаст друг и не осудит!
Почтенный, добрый и прямой,
Неприхотливый, несердитый
Подарок старого пииты
Ты примешь ласковой душой,
Хоть он нелепый и пустой...

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТМЕТКИ

⟨31 декабря 1844 г.⟩

«Уж на чтó, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность здешнего градоначальника!» — говорит в «Ревизоре» Антон Антонович Сквозник-Дмухановский

г-ну Хлестакову. По всей справедливости то же может сказать и фельетонист здешней столицы взыскательной публике. Несмотря ни на какие обстоятельства, она немилосердно требует от него развлечения, иногда дела, а более всего новостей. Последние в особенности составляют все его несчастие: что делается там-то? о чем говорят здесь? чем окончилось такое-то дело?.. О, если б вы знали, почтенные читатели, в какое затруднительное положение очень часто ставят эти вопросы бедного фельетониста! Новости! — легко сказать; сообщать их читателю столько же было бы легко, сколько и приятно; но дело в том, что большая часть новостей, которых вы желаете, не может быть сообщаема печатно, да сверх того, есть в году эпохи, где новостей не отыщешь, даже с помощию диогенова фонаря. Кажется, будто мрачный колорит ноября и декабря нарочно старается скрывать их под туманною своею оболочкою. Притом, скажите, сделайте милость, какого рода могут быть теперь новости? Давным-давно все уже пересказано и перетолковано тысячу раз. Мы переворачиваем только наизнанку старое платье отцов, которые в свою очередь получили его в ветхом состоянии от своих предков, и воображаем себя владельцами нового!.. Постараемся, однако, занять вас, в последний раз в нынешнем году, чем, как говорится, бог послал...

Начиная фельетон, я не могу не обратить вашего внимания на одну новость, возбудившую недавно энтузиазм в Париже и теперь начинающую интересовать петербургское общество. Новость эта — полька! Как детище Парижа, она, по обыкновению, нашла теплое сочувствие в жителях Петербурга, и едва появилась на сцене, как тотчас же одним прыжком перескочила чрез рампу и оркестр в гостиную. На всех балах, раутах, вечерах, пикниках не танцуют более кадрилей и бесконечных их спутниц — мазурок: все забыто для польки, которая в своем роде какая-то европейская тарантелла, или, лучше сказать, эпидемия. Встретив на улице приятеля, не осведомляются теперь о его здоровье, а спрашивают: танцует ли он польку, или, по крайней мере, видел ли, ка́к танцуют; самые заклятые антитанцоры и враги Терпсихоры не могли устоять против обольстительных аттитюдов польки; люди, едва передвигавшие ноги в скромных кадрилях, принялись учиться модному танцу и с горем пополам предаются неистовым

его требованиям; отцы семейства, самые скупые и расчетливые на удовольствия дочек, без всякого сожаления платят теперь танцмейстеру за уроки польки: они, вероятно, находят в этом свои выгоды и ясно видят, что полька способствует очаровыванию равнодушной молодежи, а следовательно, и доставлению дочке хорошей партии. Не говорим уже о молоденьких дамах и молодежи вообще: у них полька обратилась в совершенный недуг. Глядя на все это, подумаешь, что виллисы, негодуя на Европу, изобрели польку с тем, чтобы привести в исполнение страшную свою месть, именно затанцевать жителей ее до смерти, как сделали они это с несчастным Флёри в балете «Жизель», так сильно восхищавшем публику и теперь — увы! — уже забытом...

С приближением Нового года Петербург заметно оживляется и покидает свое однообразие. Деятельность и движение в особенности проявляются в центре города; лавки и магазины, в эту эпоху подарков, обращаются в великолепные выставки и привлекают под свои обольстительные сени жадную к новизне публику; в английском магазине, у Гибера, в нюрембергских лавках, в Гостином дворе решительно нет прохода. Гуляя по длинным коридорам Гостиного двора, удивляешься успехам нашей ремесленности, делающимся ощутительнее с года на год. Бронза и хрусталь некоторых лавок, право, немногим уступают заграничным произведениям этого рода; глядя на фарфор, шелки и мебель, невольно радуешься, что все это русское, что все это выходит из отечественных фабрик и мастерских. Успехи и совершенствования в особенности замечательны в мелочах и уличной промышленности; посмотрите, например, на мальчиков, торгующих с некоторых пор на улицах разными безделушками, как-то: игрушками, статуйками и стальными вещицами; все это, если рассмотреть внимательно, представляет вид несравненно лучший и изящнейший, нежели представляло год или два тому назад.

Эпоха нынешнего Нового года ознаменована более всего совершенным окончанием дворца ее императорского высочества великой княгини Марии Николаевны: наружностью этого здания уже каждый имел случай любоваться, но, говорят, внутреннее его устройство превосходит всевозможные описания. Все, что́ только Италия и Франция произвели в последнее время лучшего по части искусств, нашло в нем место; кроме вкуса и

великолепия, с какими убраны комнаты, здание это, как Парфенон, заключает в себе драгоценнейшие памятники живописи и ваяния. — Вообще можно сказать, что Петербург хорошеет не по дням, а по часам; во всех концах его подымаются великолепнейшие здания, как бы по мановению волшебного жезла. Один 1844 год сколько способствовал к его украшению! Исакиевский собор получил окончательную наружную отделку; место, до сего времени занимаемое мутным каналом, обратилось в великолепнейший бульвар; *новый* Исакиевский мост уже готовится выступить из лона вод и перекинуться через Неву гранитною аркою; Эрмитаж также достроивается на славу. Наконец, сколько появилось частных домов, достойных занять в архитектурном отношении первое место в числе зданий этого рода. Между тем как внешняя жизнь полна деятельности, внутренняя, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ общественная, в нынешнюю зиму погружена в какое-то усыпление. До сих пор в зале Дворянского собрания не было еще ни одного бала; поговаривали, будто члены его имеют намерение основать в нем вечера, куда публика могла бы являться без всякого этикета, но по сие время это благое намерение не приведено в исполнение. В Соединенном обществе танцевали всего два раза, и притом танцевали *в масках*, в маскараде в пользу инвалидов, бывшем третьего дня. Нововведение прекрасное, которому нельзя не желать успеха в наших монотонных маскарадах! Частных вечеров и балов было как-то несравненно менее, нежели в прошлые годы; одни только театры посещаются публикою, да и то обязаны они этим итальянцам, польке и двум водевилям, в которых зритель довольно удачно затронут за слабую струну: мы говорим о «Преферансе» и «Складчине».

Правда, у нас есть теперь новый род увеселения, но им могут только пользоваться львы, онагры, и вообще молодежь, ломающая себе голову для изобретения какого-нибудь нового удовольствия; следовательно, этот род увеселения не касается всего общества: маленькие балы и вечера, даваемые иностранными артистами под фирмою «дружеских лотерей», всего по 25 рублей ассигнациями за билет, стали появляться с некоторых пор необыкновенно часто. Эти вечера, дружеские лотереи, или как угодно назовите их, вполне оправдывают пословицу «дорого да мило»: нигде так не веселятся, и хотя по большей части

несчастие неутомимо преследует посетителей при начале бала, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ при розыгрыше лотереи, но зато эти вечера вполне вознаграждают их, при конце, хорошим ужином или, что еще лучше, приятнейшими надеждами, которые нередко и сбываются.

Приближение Нового года произвело благодетельное действие и на литературу. Несколько хороших книг уже вышло; готовы еще несколько и ожидают только благоприятнейшей минуты для выхода. Недавно вышел в свет перевод повести Гофмана «Принцесса Брамбилла», о котором мы уже говорили в «Библиографии». Признаемся, что, несмотря на недостаточно великолепное издание этой книги, нельзя не благодарить издателя за выбор предмета. Кто и теперь еще не любит Гофмана? Кто не порадуется, получив средство прочесть одно из лучших его творений? До сих пор все, что̀ ни являлось в переводе этого автора, который, как говорит один из его биографов, П. Кристиан, «обладает странностию Рабле, утонченным сарказмом Вольтера, чувствительностию Бернардена де Сен-Пьера, разнообразием Лесажа, остротою и умом Мольера, наивностию Сервантеса и отчетливостию аббата Прево», — все было читано и перечитано по нескольку раз. — «Путешествие вокруг света Жака Араго» — также весьма приятная книга; она только что вышла и замечательна в типографическом отношении столько же, сколько и в литературном. Особенно замечательна в ней личность самого автора. Из предисловия видно, сколько ему стоило самоотвержения и твердости характера, чтобы свершить многотрудное предприятие.

«Найдется ль человек, который бы, кроме одной обязанности, осмелился объехать кругом весь свет, т. е. избороздить его моря, сразиться с бурями океана, ежеминутно переселяться из климата в климат, смело противостоять заразам и, наконец, изучить нравы свирепейших племен земных?

Вот настоятельный вопрос, который предложил я самому себе за несколько дней до моего отъезда и разрешил его не задумавшись: „У такого человека не должно быть на земле — ни друзей, ни семейства, ни будущности: ему нужна одна слава и деньги — во что б ни стало“.

Но во-первых — что̀ за слава объехать кругом весь свет? Во-вторых, много ли пользы может принести подобное путешествие?

А вот я вам скажу:

Что̀ до славы, я не гонюсь за ней. Что до богатства, оно мне достанется, и спозаранку. Угодно ль знать, каким образом?

Я отправляюсь к министру и говорю ему: „Ваше превосходительство, у меня есть *имя*, *семейство* и, вероятно, *будущность* (три

условия, о которых говорил вам выше); я писатель, рисовальщик, мыслитель, я человек с душой и железной волей. У вас снаряжается путешествие вокруг света; на каких условиях примете вы меня в эту экспедицию?"

Мне отвечали так:

„В вас есть именно все те качества, которых ищем мы в людях, отправляемых в такие опасные путешествия. У нас нет рисовальщика, вы навезете нам очерков, картин, простых и акварельных рисунков, портретов людей и изображений вещей, которые вам встретятся на пути. Подобно Вернету-отцу, вы велите привязать себя к палубе, чтобы изобразить живее всю ярость волн (дело едва сбыточное, между нами будь сказано). Вы навезете нам письменных заметок о нравах жителей многоостровий океанических, и за все ваши усилия и труды мы, великодушные покровители наук и художеств, награждаем вас *шестьюстами франков жалованья в год*". — „Много ли, ваше превосходительство?" — „Я сказал шестьсот франков". — „Не ошиблись ли ваше превосходительство" — „Мое превосходительство никогда не ошибается".

Это ослепило меня, победило... Как устоять против такого соблазна! Я поспешил сказать роковое „да", чтобы кто другой не перебил у меня такого выгодного места, и, несколько дней спустя, гордясь тем, что так удачно попал на дорогу к обогащению, отправился в Тулон.

Что за блестящая перспектива открывалась предо мною! Сколько сберегу я из этого огромного жалованья в три или четыре года моего плавания! Я, который платил слуге моему втрое более того, что самому мне теперь назначено от щедроты министра! Такие случайности редки в человеческой жизни; звезда моя озарила меня своими блистательными лучами, и я пустился за ней наудалую. О! Если бы Гюдени, Рокиланы, Изабэ, Биары и столько других артистов ценили менее славу, чем богатства, сколько бы новых мастерских произведений подарили они тогда Франции! А теперь что? Ее наделяют несколькими страничками посредственности, да и те еще стоили не одной капли пота!

Но так как мне прежде всего необходимо высказать всю правду, то долгом считаю прибавить, что, воротясь назад после бедственного кораблекрушения на пустынном берегу и потеряв при этом печальном случае не только прекрасное собрание оружия и костюмов всех стран, посещенных нами, но и все свои зоологические, ботанические и минералогические сокровища, даже белье мое и платье, вещи, вероятно, ненужные, если судить по тому, что я предпочел им спасение вверенных мне работ, — и получил за то от правительства моего награды... *шестьсот франков*. Я нарочно пишу это прописью, чтобы нельзя было ошибиться в цифрах. — Впрочем, здесь кстати примолвить, что в рапорте института о результатах экспедиции нашей, чисто ученой, было именно сказано (извините меня за это напоминание), „что никогда еще не привозили из дальних странствий таких верных и драгоценных альбомов". Вот, может статься, чем можно будет оправдать ту *высокую цифру* наград, которою оценило труды мои наше министерство.

После такого искреннего сознания в моей любви к богатствам хочу окончить мою исповедь. Никакой ложный стыд не помешает мне быть откровенным, и я, не оборачиваясь назад, смело кидаюсь в будущее».

Недостаток новостей, морозов и хорошей погоды вознаграждается нам вполне в нынешнюю зиму — детскими

книгами! Они изобилуют в неимоверном количестве, поглощают решительно книжные лавки и пестреют во всех возможных концах города всевозможными радужными цветами. Что ж, и то хорошо! Если нам нечего читать, то по крайней мере все же утешительно видеть, что дитя получает с каждым днем более и более средств к образованию. — Пусть себе учится! Несмотря, однако, на многочисленность детских книг, мы можем рекомендовать всего две книжки, а именно: «Леди Анна, или Сирота» и «Друг детей», в котором изложена биография Михайлы Васильевича Ломоносова. Обе книжки изданы весьма мило и могут доставить детям весьма приятное, вместе с тем полезное чтение.

1845

РОМАН В ПИСЬМАХ

От губернского секретаря Махаева к губернскому секретарю Прыжко

Милостивый государь
Михайло Иванович!

Имея крайнюю надобность в деньгах, обращаюсь к Вам, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, со всепокорнейшею просьбою, в особенное для меня одолжение, прислать с сим посланным десять рублей ассигнациями на самый наикратчайший срок.

С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашим,

милостивый государь,
покорнейшим слугою,

15 ноября. *Петр Махаев.*

От губернского секретаря Прыжко к губернскому секретарю Махаеву

Милостивый государь
Петр Петрович!

Не имея в наличности просимой Вами, взаймы, на самый наикратчайший срок, суммы, но тем не менее желая сделать угодное Вам, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, честь имею препроводить при сем один рубль серебром, покорнейше прося Вас о получении оного почтить меня Вашим, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, уведомлением.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

15 ноября. *Михайло Прыжко.*

От того к тому же

Милостивый государь
Петр Петрович!

Не имея по сие время Вашего, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, уведомления о получении отправленных мною к Вам, сего ноября 15 дня, с Вашим человеком деньгах, рубле серебром, кои Вы, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, просили у меня взаймы на самый наикратчайший срок, я вновь имею честь покорнейше просить почтить меня Вашим, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, о том извещением.

Примите, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, уверение в совершенном почтении и преданности.

15 ноября. *Михайло Прыжко.*

*От г⟨убернского⟩ с⟨екретаря⟩ Махаева
к г⟨убернскому⟩ с⟨екретарю⟩ Прыжко*

Милостивый государь
Михайло Иванович!

В ответ на почтеннейшее письмо Ваше от 15 сего ноября, при коем Вы, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, препроводили ко мне рубль серебром, честь имею уведомить, что оные деньги мною тогда же получены и на что следует употреблены.

Примите, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

19 ноября. *Петр Махаев.*

*От г⟨убернского⟩ с⟨екретаря⟩ Прыжко
к г⟨убернскому⟩ с⟨екретарю⟩ Махаеву*

Милостивый государь
Петр Петрович!

Озабочиваясь своевременным сбором сумм, должных мне разными лицами, а также встречая в деньгах край-

нюю потребность, я считаю долгом обратиться к Вам, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, со всепокорнейшею просьбою, не оставить, в возможно скорейшем времени, присылкою взятых Вами, 15 истекшего ноября, на самый наикратчайший срок, деньгах, всего один рубль серебром.

Примите, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

1 декабря. *Михайло Прыжко.*

От того же к тому же

Милостивый государь
Петр Петрович!

Не получая никакого ответа на письмо мое от 1 декабря, коим просил я Вас, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, озаботиться скорейшею присылкою должных Вами мне денег один рубль серебром, я вновь имею честь отнестися к Вам о том же.

Примите, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, уверение в совершенном моем почтении.

3 декабря. *Михайло Прыжко.*

От того же к тому же

Милостивый государь
Петр Петрович!

Не получив от Вас ответа на два письма мои от 1 и 3 декабря, заключавшие в себе требование о возврате мне должных Вами денег, рубль серебром, и сообщая вам о сем третично, долгом считаю присовокупить, что в случае неприсылки Вами означенных денег, по возможности, в наискорейшем времени, я найдусь вынужденным довести о сем до сведения начальства.

Примите уверение в почтении.

7 декабря. *Михайло Прыжко.*

От г⟨убернского⟩ с⟨екретаря⟩ Махаева
к г⟨убернскому⟩ с⟨екретарю⟩ Прыжко

Милостивый государь
Михайло Иванович!

Занятия по службе, накопляющиеся, как вам не безызвестно, к новому году в чрезмерном количестве, также домашние дела, а наиболее расстройство моего здоровья препятствовали мне по сие время ответствовать на почтеннейшее письмо ваше от первого декабря, а равно исполнить просьбу вашу о присылке вам, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, денег рубля серебром. Зная снисходительность сердца вашего, я льщу себя приятною надеждою, что сие, независящее от меня, столь маловажное обстоятельство, не изменит отношений дружбы, каковую я по настоящее время имел честь разделять с вами.

Пользуясь сим случаем, чтоб засвидетельствовать вам, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, чувства совершенного почтения и преданности, с коими имею честь быть вашим, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩,

покорнейшим слугою.

7 декабря. *Петр Махаев.*

От г⟨убернского⟩ с⟨екретаря⟩ Прыжко
к г⟨убернскому⟩ с⟨екретарю⟩ Махаеву

Милостивый государь
Петр Петрович!

Усматривая из письма вашего, от вчерашнего числа, преступные намерения, клонящиеся к ущербу имущества моего, в том предположении, милостивый государь, что, не упоминая нигде в своих письмах, что вы взятые у меня деньги рубль серебром действительно должны мне, и придавая сему займу подложный вид того, будто я сам прошу у вас взаймы сию сумму, спешу довести до вашего, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, сведения, что при получении первого вашего ко мне письма и при отправлении, вследствие оного, к вам оных денег, рубля серебром, был у меня посторонний свидетель, И. С. Хрипушкин, который все сие на деле, хотя бы под клятвенною прися-

гою, показать и засвидетельствовать может; а потому, если означенные деньги, рубль серебром, не будут присланы ко мне немедленно с получения сего, то я вынужденным найдусь тотчас донести об этом его высокоблагородию Ермолаю Григорьевичу.

8 декабря. *Михайло Прыжко.*

Записка, присланная г⟨убернским⟩ с⟨екретарем⟩ Махаевым к г⟨убернскому⟩ с⟨екретарю⟩ Прыжко, со вложением рубля серебром

Подавись, жила!

(Надписи и числа не оказалось).

НОВОСТИ С ЛИТЕРАТУРНОЙ БИРЖИ

⟨1845⟩

— Книгами тихо. За партию статей перевода с французского и с корректурою давали по двадцати пяти рублей с гривной кругом. Книжки об истреблении клопов требуются.

— Сотрудник, могущий представить удовлетворительный аттестат о гибкости своего убеждения, писавший за и против того-этого, сего и оного, попеременно и в одно и то же время, — ныне, за умертвием некоторых богатых биржевых журналов, находится без употребления и предлагает свои услуги желающим; равным образом он может принять на себя должность столового дворецкого, эконома, а также лечить мосек, болонок и других домашних животных, к удовольствию хозяев.

— Торговые сводчики утвердительно говорят, что некоторые биржевые журналы, во избежание банкротства, согласились на мере истребить все издания, не принадлежащие к биржевой монополии, и положить конец этому странному литературному беспристрастию, которое отдает предпочтение таланту и учености пред другими, более положительными выгодами. Для этой цели избраны самые приличные средства: одно и то же перо будет писать в десяти журналах, дабы уверить публику, что

против того или другого издания существует общее мнение; ничему не будет пощады: ни издателям, ни сотрудникам, ни типографии, в которой печатаются небиржевые листы, ни книгопродавцам, которые будут продавать их, ни корректорам, ни наборщикам, ни читателям.

— Говорят, что с тою же целию биржевая компания на всякий случай намеревается учредить «Гошпитальный журнал» для призрения всего глухого, немого, кривого и имеющего свойственные человеку слабости. Изредка, в минуты трезвого и безболезненного состояния, и сей журнал будет вводим в дело для конечного истребления противников биржевой компании. Роли разобраны с большою осмотрительностью; одни будут говорить *за*, другие *против*, но так, чтоб и то и другое служило подтверждением публике о заслугах компании и о совершенной бесполезности всех других изданий. К литературным средствам будут присоединены и *нелитературные*, доселе содержимые в величайшем секрете, но, как говорят, отличающиеся большою тонкостию.

— Толкуют, что редакция одной газеты, обманутая в прошлом году обещаниями многих литераторов, не давших ей в течение целого года ни одной строчки, будет усилена целою командою наборщиков, на которую возложено будет наблюдение за опечатками во всех других изданиях; из донесений наборщиков будут составляться длинные статьи, с весьма красивыми для глаз курсивами.

— Литературные лазутчики не без основания заключают, что в судьбе некоторого журнала готовятся важные перемены; что, между прочим, из *сего* обратится он в *этот-то*. Для содействия к изданию запоздалых книжек была закуплена большая партия, которую торговали уже на обклейку стен. Для издания других находилось нарочитое количество сего материала собственного изделия.

— Года два тому некоторый журнал старался обратить на себя внимание покупателей объявлением о том, что все журналы стараются копировать его. Проходящие с любопытством спрашивали, неужели сей журнал изобрел «русскую словесность», «иностранную словесность», «науки и художества», «промышленность», «сельское хозяйство», «критику» и проч. и проч. — словом, все эти накладки, под которыми помещается в том журнале всякая ветошь? Дабы придать более весу своему

тогдашнему объявлению, оный журнал украсил его двумя ошибками против языка, как-то: «Публика ИЗ *этого неуместного соперничества получила* два или три подражания» и далее: «отказавшись от пагубных ВРАЖД», и проч⟨ее⟩. — К сожалению, этот слог не обратил на себя ничьего внимания, и от пагубных *вражд* не произошло никакой пользы; проходящие прошли мимо, а журнал с каждым днем тянется в Лету; ни эти-то, ни этот-то, ни эта-то, ни это-то не помогают более, ни даже вольные и невольные прегрешения против русского языка. Что же после *этого* есть прочного в мире?

— Какой-то насмешник приклеил на стенах литературной биржи картинку из одной любопытной рукописи, приготовляющейся к печатанию. На картинке изображена журналистика: пожилой парень в чепчике и в юбке топчет груду книг, прищелкивает, приплясывает и паясит всеми возможными способами, чтоб только обратить на себя внимание проходящих; добрые люди смотрят на молодца — кто со смехом, кто с сожалением, кто с отвращением, а молодец знай припевает да прищелкивает. Тотчас постарались распространить слух, что наклейка такой картины и самая картина есть дело *партии* — и картина была немедленно сорвана. Посетители заметили, однако же, что партии могут существовать только между теми, которые защищают какое-либо мнение, но что отвращение к нечистым проделкам, к торгашеству, к желанию обогатиться на счет легковерия публики не есть дело партии, а естественное чувство во всяком честном и порядочном человеке.

Литературной биржи маклер
Назар Вымочкин

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

В новом журнале «Финский вестник» прочли мы стихотворение г-на Бенедиктова, которым торопимся поделиться с любителями отечественной словесности; стихотворение называется «Лестный отказ».

Как вы находите заглавие? Я нахожу его восхитительным. Известно, что отказы бывают двух сортов — простые и лестные. Если вы, например, попросите денег у знакомого, и он ответит вам: «не могу-с исполнить вашей

просьбы, потому что сам только хотел обратиться к вам с таковою же» — это будет *простой* отказ; но если он ответит вам таким образом: «за особенное счастие почел бы препроводить к вам, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩, просимую вами сумму, но, не имея сам в наличности денег, с прискорбием, раздирающим мое сердце, нахожусь вынужденным отказать в вашей лестной для меня просьбе, надеясь с своей стороны, что это нисколько не изменит тех чувствований взаимной дружбы, которое доныне соединяли нас и с каковыми имею честь быть» — это будет *лестный* отказ. Так же точно, если вы предложите любовь свою какой-нибудь пленившей ваше сердце чиновнице, и она скажет вам, что она еще молода, что даже еще не чувствует желания выйти замуж и, может быть, никогда не выйдет — это будет отказ *простой*; но когда она скажет вам, что за честь бы поставила себе быть вашею женою, если б чувствовала себя сколько-нибудь достойною такого счастия, то это будет — *лестный* отказ... В заключение вот самое стихотворение:

Пока я разумом страстей не ограничил,
Несчастную любовь изведал я не раз;
　　Но кто ж, красавицы, из вас,
　　Меня, отвергнув, возвеличил?
Она — единая. — Я душу ей открыл:
Любовь мечтателя для ней была не новость;
Но как ее отказ поэту сладок был!
　　Какую лестную суровость
　　Мне милый лик изобразил!
«Сносней один удар, чем долгое томленье, —
Она сказала мне, — оставь меня, уйди!
Я не хочу напрасно длить волненье
　　В твоей пылающей груди;
　　Я не хочу, чтоб в чаянье тревожном
Под тяжестию мной наложенных оков,
　　В толпе ненужных мне рабов
　　Стоял ты пленником ничтожным;
Другие — пусть! Довольно, коль порой,
Когда мне не на чем остановить вниманье,
　　Я им, как нищим подаянье,
　　Улыбку, взгляд кидаю свой —
　　Из милости, из состраданья!
　　Тебе ль равняться с их судьбой?
Рожденному с мечтой и думою свободной —
Тебе ли принимать горящею душой
Убогие дары от женщины холодной?
　　Я не хочу обманом искушать
　　Поэта жар и стих покорный
　　И полунежностью притворной
　　Тебя коварно вдохновлять,

Внушать страдальцу песнопенья,
И звукам, вызванным из жаркой глубины,
Рассеянно внимать с улыбкой одобренья,
И спрашивать, кому они посвящены?
Заветных для меня ты струн не потревожишь,
Нет! Для меня — к чему таить? —
Необходим ты быть не можешь,
А лишний — ты не должен быть!»
И я внимал словам ласкательно-суровым;
Их ангел произнес — хранитель бытия;
Я им внимал, и с каждым словом
Я крепнул думою и мужествовал я,
И видел я прозревшими очами,
Как пленников главы, покорности в залог,
У ног красавицы простертыми кудрями
Сметали пыль с ее прелестных ног.
Пустой надеждою питался каждый данник, —
А я стоял вдали — отвергнутый избранник!

У нас также есть «Отказ», сочиненный одним молодым человеком, подающим большие надежды, который мы скоро представим читателям.

1846

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

⟨...⟩ Упомянув об Лежаре и Гверре, нельзя не войти в некоторые подробности: предмет, слишком интересующий в настоящее время петербургскую публику. Мы, однако ж, нисколько не намерены смотреть на него свысока и тяжеловесно подтрунивать над публикою, называя ее увлечение «лошадино-циркоманиею» или каким-нибудь еще более неуклюжим словцом. Мы не видим ничего худого в том, что публике нравятся цирки. Подумаешь, читая иной фельетон, презрительно издевающийся над цирками, что мы и бог знает как богаты и потребностию художественных наслаждений и возможностию наполнять ими жизнь нашу... Ничуть не бывало! Какой-то поэт, не печатающий своих стихов и, вероятно, «озлобленный на новый век и нравы», сказал об нас:

Уныло мы проходим жизни путь,
Могло бы нас будить одно — искусство,
Но редко нам разогревает грудь
Из глубины поднявшееся чувство, —
Затем, что наши лучшие певцы
Всем хороши, да петь не молодцы;
Затем, что наши русские мотивы,
Как наша жизнь, и бедны и сонливы,
И тяжело однообразье их,
Как вид степей пустынных и нагих...

Не весел день и долог вечер наш,
Однообразны месяцы и годы;
Обеды, карты, дребезжанье чаш,
Визиты, поздравления и — —
Вот наша жизнь! Ее постылый шум
С привычным равнодушьем ухо внемлет,
И в действии пустом кипящий ум
Суров и сух, а сердце глухо дремлет;
И, свыкшись с положением таким,
Другого мы как будто не хотим,
Возможность исключений отвергаем
И словно по профессии зеваем...

Явись случай к наслаждению — малому ли, большому, к развлечению, мы не предадимся ему безотчетно и доверчиво; мы боязливо осматриваемся, выжидаем, прислушиваемся; нам прежде нужно знать: какого оно рода? да в тоне ли? да ездит ли высший свет? — А не ездит высший свет, так будь оно хоть как раз нам по вкусу и по карману, — мы, пожалуй, и не поедем. Мы веселимся не столько для себя, как для других. Мы ходим, говорим, одеваемся — не для себя, а для других. Мы часто даже обедаем, спрашиваем лишнюю бутылку вина, распекаем слугу, как будто не для себя, а для других. Благоприятные обстоятельства, к счастию, отклонили от г⟨оспод⟩ Лежара и Гверры пагубное влияние нашей щепетильности: цирки их почти всегда полны. В цирк Гверры привлекает посетителей в особенности г-жа Каролина Лойо. Соответственное амплуа в цирке Лежара занимает г-жа Полина Кюзан. Общий голос присуждает первенство г-же Каролине Лойо. В самом деле, ловкость ее в управлении лошадью, постоянная уверенность и спокойствие и, наконец, грациозность, которою запечатлено каждое ее движение, поразительны. Она сама занимается приездкой лошадей. После нее, по ловкости и отсутствию переслащенных улыбок и натянутых поз, в цирке г. Гверры — замечательна г-жа Чинизелли. Маленький Карл Прис чудо своего рода. Искусством своим он обязан отцу, с которым вместе и является обыкновенно на сцене. Глядя на изумительные фокусы ловкого, сильного, неутомимого мальчика, невольно начинаешь разделять мнение тех, которые утверждают, что из человека можно все сделать — и музыканта, и фокусника, и поэта, — если вовремя и с умением за него приняться, — мнение в сущности нелепое... ⟨...⟩

НОВЫЙ ПОЭТ

Я ни умен, ни глуп, ни учен, ни неуч, ни богат, ни беден, ни стар, ни молод, ни красив, ни дурен, ни холост, ни женат. Я с стариком — старик, с юношей — юноша, с умным — умен, с глупым — глуп, с неучем — неуч, с педантом — педант; я с богачем — богат, с бед-

няком — беден, с женатым я женат, с холостым — холост...

Я, словом, сам не знаю, что я такое!.. Несомненно только, что я человек благовоспитанный и благонамеренный...

У меня лицо бледное, оливковое, — короче, геморроидальное; ноги как щепки, вообще мяса на костях мало; я смотрю, как накануне переселения в иной лучший мир, куда, между нами будь сказано, мне смертельно не хочется; люблю пожаловаться на боль в пояснице, в груди, на простуду, на индижестию, а между тем живу себе да живу и долго буду жить, и многих толстяков переживу. Я живуч, ужасно живуч, — обтерпелся!.. В течение многих лет подвергался я влиянию опаснейшего в мире климата и — уцелел... И уж теперь — прошу извинить! — смерть не скоро до меня доберется и немало ей будет работы за мной! Я как обдержавшееся полусгнившее дерево, которое давным-давно, уже лет двадцать, скрипит, а не ломится... Только не трогайте его, только не пересаживайте, и оно, поскрипывая, простоит долго, долго... Конечно, я тоже поскрипываю. Но ведь самое большее, может быть, что у меня чахотка. Да что ж такое чахотка?.. Потому и люблю я кислую и больную природу, окружающую меня, потому именно не расстаюсь с ней и никогда не расстанусь, чтоб смеяться над чахоткой и, посмеиваясь над ней, приготовлять себе с помощью благонамеренных способов спокойную и безбедную старость...

Живу я как-то судорожно. Не то, чтоб уж у меня было очень много дела, но я вечно занят, занят по горло, все тороплюсь и все не успеваю. Я не хожу, а бегаю, бегаю даже когда гуляю; у меня лицо озабоченное, походка озабоченная. Я все исполняю с какою-то торопливостию, на службу бегу торопливо, торопливо рассказываю там о вчерашнем спектакле, торопливо забегаю к Излеру, торопливо выпиваю свою чашку кофе, торопливо прочитываю газеты... впрочем, газет я не читаю, а нюхаю. В Петербурге вообще собственно не читают, а нюхают. Читать нужно время, расположение; зачитаешься — как раз и дело упустишь! А нюхать можно всегда и везде, не теряя ничего по службе и даже с пользою для нее. В Петербурге все нюхают. В Петербурге есть даже люди, которые, взяв листок французской газеты, держат его вверх ногами, а между тем нюхают,

очень прилежно нюхают. Вы можете встретить таких нюхальщиков в ресторациях и других местах. Я даже знаю французский язык и один раз в месяц нюхаю «Journal des Débats». Да что и говорить? Я ничего не знаю и все знаю... Заговорят о Наполеоне — я и о Наполеоне! Скажу, что человек великий и послан в мир для возвеличения и славы русской земли; прогремел и пал, звезда закатилась, и с жаром продекламирую: «Хвала! он русскому народу — великий жребий указал!» а не то: «Прошли те дни, как взмах его руки...» и тут рукой картинно взмахну. Бенедиктов мой поэт; я его смертельно люблю, — какие сравнения! Зайдет разговор отвлеченный — о любви к отечеству, народной славе и гордости... я тотчас тут о пространстве и семи морях — пожалею, что мы увлекаемся подражанием, не дорожим своею народностию и буду, знаете, говорить с таким жаром, что всякий тотчас увидит, что я не только умный человек, но и любящий свое отечество человек. Заговорили о французах — я тотчас: народ взбалмошный, легкомысленный, ветром подбитый, — ругну Жорж Санд: сигару курит, ходит в мужском костюме, — и насмешу, и других научу, и себя с нравственной стороны выставлю... Зайдет дело о русской литературе, — я Державина, Карамзина, Ломоносова: великие были писатели, обессмертили имя свое, славу отчизны увековечили, — и тут с прискорбием перейду к тем, которые посягают на их вековечную славу, и с таким негодованием буду говорить, что слушающие непременно скажут: благонамеренный человек! Словом, сумею обо всем говорить, — хоть не читал ни Ломоносова, ни Карамзина, ни Державина — и нигде не покажу себя неучем, выскочкой, против общего мнения не пойду, амбиции ничьей не оскорблю, да и своей не уроню, — я травленый волк!.. Я петербургский человек, и ничто петербургское мне не чуждо... И... знаете, как мне дешево стоит, что я все так хорошо знаю и обо всем могу говорить?.. ничего! ровно ничего! я как будто родился со всем огромным запасом моих сведений, или ветер занес их в мою голову... А может быть я вычитал их в субботних фельетонах «Северной пчелы», кроме которой с недавнего времени я ничего не читаю.

Ничего! А прежде я читал много стихов. Я собственно с тою целию и взялся за перо, чтоб сказать вам, как я прежде любил стихи. Может быть, нет человека, который

помнил бы и десятую долю тех русских поэтов, которых я читал, которыми восхищался... Сколько их! сколько их! От Бенедиктова, Языкова, Хомякова, Ростопчиной до Падерной и Шарша, — все они приводили меня в восторг. Но особенно любил я, разумеется, Бенедиктова, Языкова, Хомякова, Кукольника. Бурная, клокочущая, гремящая и сверкающая поэзия Бенедиктова, удалой, широкий разгул Языкова, — как было устоять против них?.. Мне казалось, что я не могу ни так чувствовать, как Бенедиктов, ни так пить и предаваться разгулу, как Языков, и, подавленный их величием, я падал перед ними во прах. В тоске пробовал я вспоминать собственные ощущения, — ничего похожего! Сначала мне показалось странно. Все же я человек, думал я в неуместной и непростительной гордости, — я любил, страдал, кутил, порывы мщения и ненависти, злобы и ревности набегали не раз и на мою душу, — и между тем ничего похожего!.. Как у них все широко, глубоко, могущественно! А мы, мы люди темные, чувствуем просто, кутим просто; где нам до них! Не без тоски и горечи сделал я такое открытие, — и по мере того, как сам я уничтожался в собственных глазах, благоговение к моим великим поэтам возрастало... Помню, какое впечатление производила на меня величавая, пророческая лира Хомякова. Великий! великий! — повторял я и уже видел перед собою разрушающийся Альбион, слышал вопли и стенания униженной гордыни, звон злата, погубившего преступных стяжателей, видел другую страну, возникающую, полную славы и чудес... А Кукольник! Его драматические представления, драмы, трагедии... Сколько раз они сводили меня с ума!.. Но вот вкус изменился, настала в русской поэзии эпоха таинственной неопределенности, шутливой грусти, грустной иронии, настала гейневская эпоха; на петербургских улицах начали появляться русые задумчивые и бледные юноши с оттенком болезненной иронии, никогда не сходящей с лица, — я полюбил и эту новую поэзию, полюбил и этих новых поэтов. Круг друзей моих увеличился, сердце мое расширилось. Вдруг...

Однажды ночь была бурная и дождливая. Проигравшись в пух, я пешком приплелся домой, схватил перо и начал писать стихи. Я писал то, чего никогда не чувствовал, о чем никогда не думал, чего никогда со мной не случалось; я попробовал даже пророчить, не

чувствуя в себе способности предсказать грозу за час до ее наступления, — ничего! Рука не останавливалась, перо повиновалось руке, слова ложились на бумагу послушно и четко, из слов выходили стихи... Я писал долго и когда перестал — очутился автором десяти стихотворений... Странно! С тех пор — как ни возьму которого-нибудь из моих поэтов, мне все кажется, что я читаю собственные мои стихотворения и наоборот: читая иногда собственное стихотворение, я принимаю его за стихотворение которого-нибудь из моих любимых поэтов. — Любимых? — увы! С тех пор я разлюбил их, — я стал любить и читать только себя... Но самому быть единственным читателем своих стихотворений мне, наконец, надоело. Я решился выступить в свет и предлагаю вам прочесть несколько моих стихотворений ⟨...⟩

Прогресс

В былые наши дни, в дни юности задорной,
В дни забубенные бурсацких смут и бурь,
Любили мы, друзья, один напиток вздорный,
Одно шипучее!.. Но эта блажь и дурь
Давным-давно прошла. Остепенившись, ныне
На жизнь взираем мы смиренно и умно,
И уважительны к ее мы благостыне,
Лишь чествуя одно солидное вино!
Лета уносят все, в права вступает мера,
Не бражничаем мы от утра до утра,
И развивает нас портвейн и мадера...
И, может быть, близка желанная пора,
Когда, вняв истине и жажде благородной,
Свое славянское достоинство сознав,
Ковшами будем пить напиток свой народный,
— Простое, пенное, чистейшее, без трав!

⟨...⟩ На первый раз довольно. У меня много стихотворений, и я еще успею познакомить вас с ними. Я пишу также и прозой... когда-нибудь познакомитесь и с нею. Проза моя похожа на мои стихи и на меня самого, а каков я, — о том в начале статьи предложены краткие сведения. Я человек нравственный и глубоко правдивый, — не хочу вводить читателя в заблуждение и заставлять его ждать от меня более, чем я могу ему дать. Потому-то я и начал с очерка собственного моего характера. По-моему, каждый начинающий автор должен так поступать; даже не худо, если он означит свой чин, лета и департамент, в котором служит, а если не

живет в столице, то адрес лица, чрез которое можно отнестись к нему в случае надобности. Необходимость адреса уже понята, и вы знаете, что один литератор и притом весьма знаменитый уже внял ее голосу... Я скоро пошлю ему свои заметки, или лучше я сделаю из них статью и сам ее напечатаю, а теперь на прощанье расскажу вам один факт, очень любопытный и назидательный...

Отказавшись по причине, которую вы знаете, от чтения наших знаменитых поэтов, я иногда не могу воздержаться от искушения заглянуть в стихотворения, под которыми встречаются новые имена. Так, в «Репертуаре и Пантеоне» с некоторого времени замечал я стихи, отмечаемые то буквами *А. С.*, то полной фамилией *А. Славин.* На меня, много лет не пропускавшего непрочтенным ни одного русского стиха, стихотворения г. Славина всегда производили странное действие, — не то, чтоб я их сам написал или читал, а так все кажется, будто я их знал наизусть, когда еще о г. Славине не было и помина... Впечатление странное, разгадка которого скоро сделалась для меня мучительной задачей, задевшей заживо мое самолюбие. Наконец, попался мне 11 № «Репертуара» за 1846 год; я наткнулся на стихотворение, подписанное А. С., и тотчас увидел, что г. А. Славин открыл новый способ писать стихи. Способ очень благовоспитанный: возьми книжку старого журнала, например «Телескопа», сыщи там стихотворение, какое понравится, ну, хоть стихотворение г. А. Станкевича «Мгновение», — заглавие уничтожь вовсе, заменив его звездочкой, а хватит смыслу — придумай другое; несколько слов измени, удержав, впрочем, рифмы (потому что новые рифмы подбирать трудно), и смело выдавай за свое... Что стихотворение г. Славина, о котором я говорю, написано именно таким способом, — я сейчас вам докажу. Сличайте!

Стихотворение, напечатанное в «Телескопе» 1832 года, № 5, с. 173	*Стихотворение, напечатанное в «Репертуаре» 1846 года, № 11, с. 293*
Мгновение	(вместо заглавия — звездочка)
Есть для души священные мгновенья, —	Есть *у* души *высокие* мгновенья,

Тогда она чужда земных забот,	*Когда далекая* и чуждая забот —
Просветлена лучом преображенья	*Она озарена* лучом преображенья
И жизнию небесною живет.	И *вдохновением* живет.
Борьбы уж нет, стихают сердца муки;	*В ней все — восторг... смолкают* сердца муки
В нем царствуют гармония и мир, —	*И воцаряются* гармония и мир, —
И странно жизнь перелилася в звуки,	*Внимайте* — жизнь перелилась *вся* в звуки
И зиждется из звуков новый мир.	И *восстает* из звуков новый мир.
И радужной блестит тот мир одеждой,	*Тот мир повит чудесной пеленою,*
Им блеск небес как будто отражен,	*В нем неба мир и славы отражен.*
Он дышит в нем любовью и надеждой,	*И* дышит все любовью *неземною...*
Он верою как солнцем освещен.	Он верой и *блаженством окрещен.*
И зрим тогда незримый царь творенья,	— *Раскрылись небеса! смотрите,* — царь творенья
На всем лежит руки его печать;	На всем *видна* его руки печать...
Душа светла... В минуту вдохновенья	*Как хорошо душе...* в минуты вдохновенья
Хотел бы я на божий суд предстать.	*Желал бы я пред Господом* предстать.
А. Станкевич	*А. С.*

Говорят со времени «Воскресных посиделок» г. Бурнашева в русской литературе не запомнят такого явления...

Читатель видит, что рассказ мой, подтвержденный неоспоримым фактом, не принадлежит к таким, о которых можно сказать

Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего. —

Я, однако ж, ничего не прибавлю... Мне пора поставить точку и подписаться. У меня престранная фамилия — извините! Такая странная, что даже страшно подписывать. Лучше уж не подпишу.

1847

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

⟨...⟩ Письмо Нового поэта к издателям «Современника». ⟨...⟩ — О журнальных объявлениях и обещаниях

⟨...⟩ — Но оставим вопросы хозяйственные и финансовые и перейдем к важному литературному событию. В прошлом месяце получили мы по городской почте небольшую статью о новой книге: «Теория бильярдной игры». Неизвестный автор ее так ловко прикинулся другом Нового поэта, помещающего у нас свои стихотворения, что статья не могла не обратить с первых строк нашего особенного внимания... Она притом отличалась верностью суждений о книге и практическим знанием дела, — и вот причины, по которым мы ее напечатали. Каково же было наше удивление, когда мы прочли следующее письмо, полученное нами по выходе 11 № «Современника», от Нового поэта:

М⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, с величайшим изумлением прочел я в XI № издаваемого вами журнала статейку по поводу вновь вышедшей книжки под названием «Теория бильярдной игры» (Совр⟨еменные⟩ Зам⟨етки⟩, стр. 108—113).

В этой статейке действует какой-то Новый поэт... Под именем Нового поэта явился я в нынешнем году в вашем журнале * и приобрел себе, скажу смело, в самое короткое время громадную известность на Руси. Это кажется факт неоспоримый. М⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, я

* Сочинения мои известны были, впрочем, всей образованной и читающей публике еще до издания вашего журнала... Несколько стихотворений моих и драма «Поэт Петров» были помещены в «Отечественных записках» 1843 года.

вполне и глубоко убежден в моем призвании и пишу вследствие «личной потребности внутреннего очищения»; может быть, я сделал еще не много, но я знаю, что могу сделать... Несколько уже громадных, требующих обширной *эрудиции* * произведений замышлено мною; из них многие в скором времени приведены будут в исполнение. Вдохновение душит меня, исполинские, колоссальные образы восстают передо мною...

В груди моей и буря и смятенье,
Святым восторгом вечно движим я,
Внимает мне Россия с умиленьем...
Чего же, Русь, ты хочешь от меня?
Зачем с таким невиданным волненьем
Не сводишь ты с меня своих очей?..
О Русь, о Русь! с немым благоговеньем
Чего же ждешь ты от моих речей?..
Иль чувствуешь, что слово вдохновенье —
В устах моих, пылающих огнем,
Есть *личная потребность очищенья*
И потому такая сила в нем!

Вот почему скажу, отбросив всякое самолюбие, но с полным сознанием собственного достоинства, как сказал некогда о себе один русский писатель: «Я знаю Русь — и Русь меня знает!» Имя Нового поэта принадлежит исключительно мне, слава моя — моему отечеству. Новых поэтов может быть много на Руси, но Новый поэт (творец «Петрова», «Доменикино Фети» и других мелких стихотворений, напечатанных в О⟨течественных⟩ З⟨аписках⟩ и Совр⟨еменнике⟩) один... Другого Нового поэта нет и быть не может. Я могу подделываться под всех поэтов, существовавших и существующих, но под меня никто из существовавших поэтов, каким бы дарованием ни обладал он, не может подделаться. Мало этого, заметьте, с тех пор, как появился я — русские поэты сгинули с лица русской земли и с журнальных оберток... они перестали петь, они, смятенные, поняли, что я воплощаю в себе теперь всю русскую поэзию. *Новый поэт* — имя нарицательное, и потому, я снова повторяю, меня изумило, что нашелся человек, который после всего этого осмеливается присвоивать себе это имя и решается посягать

* Г-н К., фельетонист Спб. Ведомостей, слово *эрудиция* переводит словом *ученость* (№ 263, 16 ноябр.); но при всем моем уважении к ученому фельетонисту, я никак не могу согласиться с ним, чтобы слово *ученость* вполне и всегда заменяло слово *эрудиция*.

на чужую славу!.. Это уже не дерзко, но просто смешно. Я не унижусь до того, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, чтобы уверять вас, что я не имею и не могу иметь ничего общего с тем господином, который величает себя Новым поэтом в XI книжке вашего «Современника». Этот господин объявляет, что он «рожден в бильярдной и под бильярдом провел *нежнейшие* годы своей жизни», что «бильярд был его школой, его радостью, его черным демоном», описывает с энтузиазмом грязь русских трактиров, и прочее и прочее... Никогда нога моя не была ни в одном русском трактире; в бильярд я играю плохо, и если иногда играю у себя дома, то единственно для собственного здоровья, для *моциона*, в свободные от вдохновения минуты, в те минуты, когда Русь, не сводящая с меня очей, почувствует необходимость в отдыхе и задремлет... Я никогда ни к кому *не забегаю*, а делаю иногда честь моим приятелям, заезжая к ним. Всем знакомым моим, — а кто из высшего общества не знаком со мной в Петербурге? — очень хорошо известно, что я, настоящий и единственный Новый поэт, езжу не иначе, как в карете на лежащих рессорах, — что меня одевает *Шармер*, — что я ношу тончайшее белье, шитое в Париже, и перчатки из магазина *à la Renommée*, — что я обедаю у *Дюссо*, (изредка у Дюме) и всегда плачу *pour boire* * *Симону* рубль серебром! Симон может подтвердить истину слов моих. Хвастать я не люблю. Не я «забегаю» и ищу покровительства господ журналистов, а господа журналисты забегают ко мне и ищут моего покровительства, — вы сами, господа издатели «Современника», можете засвидетельствовать это перед лицом русской читающей публики. Искал ли я вас, скажите, положа руку на сердце? Добивался ли я чести помещать мои труды в вашем издании? — Не вы ли первые явились ко мне, не вы ли упросили меня быть сотрудником вашего журнала? Не вы ли уверяли меня, что успех вашего издания зависит от меня, единственно от меня?.. Я согласился на ваши убедительные просьбы, я решился быть сотрудником вашего журнала, и вы, я думаю, не раскаиваетесь в этом, потому что в первый же год ваш журнал приобрел с лишком две тысячи подписчиков! Успех огромный, небывалый и, к чему неуместная скром-

* на выпивку (*франц.*).

ность?.. я полагаю, что этим успехом вы *отчасти* обязаны мне...

И еще недавно один ученый журналист, на глубокомысленном челе которого кажется начертано огненными буквами: «*истина в науке, истина в искусстве, истина в жизни*», единственный из журналистов, идущий по пути прямому, открытому, забегал ко мне с просьбою удостоить его чести быть сотрудником его журнала в 1848 году.

— Для чего же вам мое сотрудничество? — небрежно возразил я, лежа на пате против камина и закуривая *регалию «Казадорес»*, у вас сотрудников и без того много... Редакция ваша не изменилась, сотрудники *все те же*... А у меня, право, теперь ничего нет... драма моя «Басманов, или И дым отечества нам сладок и приятен» почти совсем окончена, но эта драма продана мною...

— Но я надеюсь, — перебил меня журналист, на глубокомысленном челе которого начертано: «*истина в науке, истина в искусстве, истина в жизни*», — я все-таки надеюсь на вас... я уверен, что вы... ваше имя... ведь еще времени много; перед вами целый год; ну, посвятите для меня хоть полчаса, подарите меня хоть несколькими строчками... Назначьте какую угодно цену за ваши произведения, — на все согласен заранее (Слышите ли, г⟨оспода⟩ издатели «Современника»?), лишь бы только ваше имя украсило страницы моего журнала...

— Я уверяю вас, что теперь у меня нет ничего.

— Как? ничего даже *задуманного*?! Быть не может...

— Задумано-то у меня много, но...

— И прекрасно!.. Больше ничего и не надо. Вы только дайте мне заглавие которого-нибудь из *задуманных* вами произведений, для моего объявления... Ведь в этом объявлении недостает только вашего имени!

— К чему же выставлять имена своих сотрудников? — возразил я, — *я всегда думал и буду думать, что журнал должен приобрести внимание публики скорее достоинством своих статей, нежели именами авторов.*

— Как можно! — отвечал журналист, на глубокомысленном челе которого огненными буквами начертано было: «*истина в жизни, истина в искусстве, истина в науке*», — так рассуждают только те из наших братий у которых нет ни одного сотрудника с известным именем

Поверьте мне, эти господа разыгрывают скромников поневоле!.. Я у вас прошу только заглавия вашей статьи, мне нужно только одно заглавие *для объявления...*

— Хорошо, положим, что я вам дам заглавие статьи... Что же вам в этом?.. Ну, а если самая статья, о которой вы объявите, не будет напечатана *по каким-нибудь обстоятельствам?*

— Это ничего... Я и прошлый год объявил о двадцати статьях известнейших литераторов, а из этих двадцати статей напечатаны только две; нынешний год я объявлю по крайней мере пятьдесят статей, а хорошо если из пятидесяти будут напечатаны три... Между тем эти объявления все-таки производят очень недурной эффект при подписке...

Я пристально посмотрел на журналиста, на глубокомысленном челе которого начертано было огненными буквами: *«истина в жизни...»* и прочее...

Он нимало не изменился в лице и смотрел мне прямо в глаза...

Я затянулся и пустил ему в лицо благоуханную и тончайшую струю дыма. Он потянул с приятностию носом, как человек, понимающий толк в хороших сигарах, и продолжал с жаром:

— Я знаю публику, и знаю, как на нее действовать. Статьи, обещанные в объявлении, можно будет заменить, например, романчиком Дюма или чем-нибудь этаким, и все с рук сойдет... Но ваше имя мне все-таки нужно для объявления... о, вы не знаете, как для нас важны объявления!..

Долго и тщетно убеждал меня журналист, чтобы я дал ему заглавие которого-нибудь из *задуманных* мною творений. Наконец, лицо его изменилось, он схватил меня за руку и произнес глухим, задыхающимся голосом:

— Ну, так по крайней мере ваше имя, хоть только *одно имя* ваше!..

Я был неумолим... и журналист вышел от меня в совершенном отчаянии...

Так вот, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, как дорожат мной, вот что значит *мое имя*!.. И заметьте мою твердость. Какое бы каменное сердце не тронулось мольбами журналиста, — и я знаю, что он тронул многие сердца, но я не дал воли моему сердцу. Я удивительно умею владеть собою... Никогда ни одна строка моя нигде не будет

напечатана, кроме «Современника», несмотря на то, что вы, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, поступили со мною не совсем деликатно, дозволив какому-то господину явиться в вашем журнале под именем, исключительно принадлежащим мне... Я постоянно буду печатать мои сочинения в «Современнике», во-первых, потому, что наружность вашего журнала очень прилична; печать четкая, бумага белая и тонкая, цвет обертки недурен (все это делает честь, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, вашему вкусу!)... во-вторых, потому, что мне нравится самое название вашего журнала... и я от всей души желаю, чтобы он никогда не изменял этому названию, чтобы он все более и более стремился к тому, чтобы сделаться верным и ясным зеркалом современности в обширном значении этого слова... Для этого, разумеется, ему надобно иметь только поболее таких сотрудников как я... Да! я торжественно, перед лицом всего образованного мира могу назвать себя *современным человеком*... Кстати, о современном человеке. Многие желают знать, за что петербургские фельетонисты (люди очень остроумные, как это всем известно) так ядовито нападают на слова: *современный*, *современность* и прочее?.. Отчего они так гордо и с таким убийственным презрением отзываются, например, о Мишле, о Ламартине, о Жорж Санде — о писателях, пользующихся в Европе большою известностию?

Один из них, например, напечатал недавно, что г⟨оспода⟩ Мишле и Луи Блан сошли с ума, а г. Ламартин написал свою «Историю жирондистов» единственно потому, что он весь в долгу и что ему нужны деньги... Я, признаюсь, от души хохотал, прочитав эти строки... Это удивительно остроумно, но *слишком смело*, замечают люди робкие. Какой вздор! Смелость — благородное качество... Я люблю отчаянную смелость; «смелость города берет», говорит русская пословица... Известно, что в своей бесконечной премудрости природа наделила слишком смелых людей, во главе которых я ставлю самого себя, *медным лбом*... Это большое преимущество, потому что мы, люди с медным лбом, можем выступать торжественно и гордо, не боясь щелчков... Вдохновленный смелостию петербургских фельетонистов и собственным гением, я, Новый поэт, бросаю на время мою громозвучную лиру и решительно вступаю с ними в состязание. Образчики моих фельетонов

я скоро пришлю вам, г⟨оспода⟩ издатели «Современника»... О, тогда вы увидите, как бесконечно прихотлив и разнообразен мой талант,

Как игрив он и смел...

Вы увидите это! Тонкое перо мое, помоченное в опиум чернил, разведенных слюною бешеной собаки, не пощадит никого: Ламартины, Санды, Диккенсы, и вы все, *современные* европейские знаменитости, трепещите, трепещите заранее. Вам не будет пощады! Час ваш пробил!

Но, уничтожая вас всех, нападая на *современность*, потому что я непременно буду нападать на современность в моих фельетонах, по примеру моих собратий, я все-таки останусь *современным человеком*... От современности я не откажусь ни за какие блага!

И собратия мои, теперешние петербургские фельетонисты, вовсе не отказываются от нее... Они люди хитрые, их только надо уметь понимать, и я горжусь тем, что я их совершенно понял... Знаете ли, что они прикидываются, нападая на современность, объявляя себя врагами всего современного?.. Знаете ли, что они считают себя по преимуществу современными людьми и втайне даже немного тщеславятся этим?..

Я вам сейчас докажу это.

Тот самый фельетонист, который назвал Мишле и Луи Блана сумасшедшими и уверял, что Ламартин написал свою «Историю жирондистов» единственно для денег, сочинил недавно необыкновенно удачную и остроумную характеристику *современного человека*. Он дошел до этой характеристики, как он сам выражается, путем отрицательным, то есть изложил по пунктам, «кто *не* может носить название современного человека, по понятиям наших *дородных журналистов*»... (Дородные журналисты! заметьте, как это остроумно, ядовито и метко).

Вот, по словам остроумного фельетониста, один из пунктов, по которому можно узнать *не* современного человека:

«Если вы не философствуете, не зная философии, и вообще не толкуете вкривь и вкось о вещах, о которых не имеете никакого понятия, — то вы *не* современный человек».

Из этого ясно, что человек, толкующий прямо и здраво только о таких вещах, о которых он имеет полное понятие, провозглашающий такие неоспоримые и великие истины, как, например, что Мишле и Луи Блан — люди помешанные, Ламартин пишет только для денег, а Жорж Санд с компанией занимается пустыми утопиями, — такой человек, есть без всякого сомнения, глубокий философ и человек вполне современный.

Не так ли?

Следовательно, наш остроумный фельетонист признал себя человеком вполне современным... Видите ли теперь, *как* надобно понимать этих господ!

Но меня более всего умиляет и трогает симпатия, связующая юного фельетониста, только что выступившего на поприще, с другим заслуженным петербургским фельетонистом, который с такою благородною горячностию ратует за искажение прекрасного и богатого русского языка и горой стоит за *правду*... Молодое поколение в лице юного и неопытного фельетониста с глубоким уважением протягивает руку дряхлому, отживающему поколению, представителем которого является опытный фельетонист-старец, *стоящий за правду*. «Ты не умрешь! — говорит неопытный юноша фельетонист опытному фельетонисту-старцу... — О, нет! Ты снова оживешь во мне, я буду достойным продолжителем твоего великого дела, твоим наследником, ибо я вполне разделяю твой образ мыслей и не верю в нелепое слово *прогресс*, изобретенное в растленном западе и употребляемое нашими *дородными* журналистами, которые навязывают публике, кроме того, *бог знает какую галиматью, — пролетариев, пауперизм и другие абсурдности*!»

С бесконечным упоением внимает маститый фельетонист, *стоящий за правду*, этим словам, и как музыка в саду в тихий летний вечер, как шум и брызги водопада в удушливый жар, эти слова нежат слух и приятно щекочут притупленные нервы старца. Подняв глаза к небу, он бормочет растроганным голосом: «Слава богу, слава богу... вот и в новом поколении находятся порядочные люди, смотрящие на все, как следует... ну, словом, то есть, вот как я смотрю... А я уж было начинал отчаиваться за новое поколение, думал, что в нем нет никакого толку, никакого, а одни только *„бизарности“, „дементивности“ и „сальности“, „научно-экономическое*

обобщение“, „френетическая субстанциальность“, „абсолютная реактивность“ и тому подобный вздор... В наше время словесность процветала и в обычае было сравнивать ее с садом, говорили: „в вертограде словесности“,* а теперь словесность не сад, а огород, теперь все толкуют о каких-то *современных вопросах*!!! Русский язык недостаточен для выражения премудрости толстых журналов. Они ввели „иллюзирование“, „реактивность“, „*гуманные элементы человеческих субъектов*“, „*абстракции*“ и прочее».

— Святая истина, — вторит ему юный и неопытный фельетонист, — наши *модные*, *дородные* журналисты выдают публике вещи непонятные... Они все твердят о «*прогрессе и современных вопросах*» и выражаются так: «*рациональная консеквенция действий ведет к прогрессу, а прогресс гуманитарною тенденциею своею, абсолютно, благотворно, проявится в эффективности радикальных преобразований!!!*»

Не правда ли, как все это умно, замысловато и остро! Вот что называется юмор настоящего хорошего тона (*de bonne compagnie*)! ** Одно только мне не нравится, что у этих остроумных фельетонистов, пишущих не так как Ламартин *единственно* для денег, а вследствие «*задушевных убеждений, которые есть плод долгих соображений духовной жизни*» (см. фельетон Спб. Ведомостей 16 ноября, № 265), с языка не сходят *толстые* журналы, как будто эти толстые журналы тревожат их, чего уж я ни в каком случае допустить не могу... Им ли, этим атлетам мысли и знания, бояться толстых журналов?

Когда к этим и другим героям фельетонного мира присоединюсь *я*... тогда кончено!.. Горе вам, горе вам, толстые журналы; исключая, впрочем, вашего, потому что на ваш журнал (как он ни толст) у меня не поднимется рука... Что делать, нельзя, нельзя... *Сата-*

---

* Глубокое замечание! В самом деле, нельзя не пожалеть, что эти времена прошли безвозвратно! В кратком и красноречивом предисловии к первому изданию поэмы г. Подолинского: «Див и Пери», было, между прочим, сказано: «Это такой цветок (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ поэма «Див и Пери») *в вертограде нашей словесности*, мимо которого нельзя пройти не полюбовавшись». Кто нынче умеет так выражаться? Жалкое время, жалкая литература!

** хорошего общества (*франц.*).

raderie! *Camaraderie*! * батюшка... произнаюсь в этом торжественно...

Будьте же покойны, г⟨оспода⟩ издатели «Современника», ваш журнал всегда будет находиться под особенным моим покровительством. Примите в этом уверение преданного вам

Нового поэта.

Письмо так красноречиво говорит само за себя, что нам прибавлять нечего... ⟨...⟩

— Кстати о журналах! В заключение мы хотим сказать несколько слов о журнальных программах и обещаниях...

Мы не коснемся самой сущности их, предоставляя вникать в нее читателям, для которых они печатаются, но не можем не указать на юмористическую сторону, которую нам удалось в них подметить... Дело безобидное! В чем нет смешного, и кому уж теперь неизвестны два стиха, что смеяться не грешно над тем, что́ смешно?.. Кстати! Заметили ли вы, что есть несколько, — можно насчитать десятка три, — фраз, двустиший, полустиший, пословиц, поговорок, русских, французских, латинских, редко английских, никогда немецких, без которых решительно не обходится ни одна русская статья, ни один фельетон, ни одна заметка в десять строк?.. Я когда-нибудь непременно их все перечислю в особой статейке, которая таким образом достанется мне очень легко, а теперь перейду к объявлениям...

Цель моя указать на скромность, которую в нашем веке считали погибшею и которая совершенно неожиданно отыскалась... где бы вы думали?.. в журнальных объявлениях!..

«Северная Пчела» обещает «только *следовать прежним путем*» (см⟨отри⟩ прогр⟨амму⟩ «Сев⟨ерной⟩ Пч⟨елы⟩»), а «Сын Отечества»... Но вот его собственные слова:

...«*Многие* (?) журналы отдавали „Сыну Отечества“ справедливость в старательном и отчетливом выборе статей, в основательности и беспристрастии критики его»... *Какие журналы*, здесь умолчано *из скромности*... Скромность — великое качество и часто спасительное. Попробуй

* Товарищество! (*франц.*).

сказать: «Библиотека для Чтения», «Отечественные записки», «Современник» (вот кажется и все наши литературные журналы) хвалили «Сын Отечества», вышло бы странно... А теперь ничего...

Но особенно умилительна мысль доказывать достоинства своего журнала похвалами ему других журналов...

О, капитан Куттль! как славно устраиваете вы судьбу молодого Гея!.. Но — надо же заплатить дань своему времени — и майор Багсток, лукавый Джой, не дремлет... «Сын Отечества» в будущем 1848 году и *по толщине* своей *не уступит* другим журналам, *которые, как замечено, важнейшим достоинством своим считают толщину...»* Как тонко! как зло! Можно ли язвительнее осмеять, например, чей-нибудь костюм, как одевшись самому точно в такой же?.. Затем следует исчисление, чего *не будет* делать «Сын Отечества»... опять хитрость, достойная старикашки Джоза!.. А что же он *будет* делать? Будет давать между прочим в приложении безденежно сочинения самого редактора, г-на Масальского, и таких сочинений выдаст *пять*, ни больше, ни *меньше*. Не правда ли, щедро?.. А как хитро: с одного выстрела две куропатки, — и сочинения издадутся, и публика будет привлечена к журналу, — да, непременно! Молодец, капитан Куттль!.. И ведь какие же сочинения! *«Повесть о том, как три неузнанные гения сочиняли натуральную повесть»*, — *«Сей и Этот или Вражда братьев, кукольная мелодрама»*, — ну, и еще три сочинения, не так заманчивые по заглавию, но ведь все того же автора — г-на *Масальского*!.. да! г-на *Масальского*!.. Все же и тут еще не конец... Следует перечень статей, которые будут в самом журнале, и тут опять два — да, два! — сочинения г-на Масальского... пять да два — семь, — *семь сочинений г-на Масальского в один год*!.. Ну, после того какой же читатель не ухватится обеими руками за «Сын Отечества»?.. О, капитан Куттль! ты совершенно прав! Чего нельзя сделать с твоими ложками, старыми увесистыми часами и сахарными щипчиками?.. Недаром ты с таким спокойствием, с такою уверенностию принес и положил их перед изумленными очами мистера Домби, и недаром потом, когда богач, ослепленный непомерною гордостию, от них отказался, ты напутствовал ими молодого Вальтера Гэя в Вест Индию! (См⟨отрите⟩ роман: «Домби и Сын»). Вот теперь упрямый мальчик может

быть и погибнет (чего я впрочем не думаю), а возьми он их, он непременно возвратился бы из дальнего и опасного путешествия жив, здрав, благополучен и даже богат, потому что уже одни эти часы, ложки и щипчики — неистощимое богатство!.. Но воротимся к объявлению. Кроме сочинений г-на Масальского, оно обещает еще повесть г-жи Каминовой, роман г-на Фурмана; не забыта даже старая рукопись, доставленная г. Булгариным, а потом опять выступает на сцену скромность в полном блеске: «Сверх того все *наиболее любимые* публикою писатели обещали участвовать своими трудами в Сыне Отечества. *Имен их не перечисляем потому, что читателям приятнее увидеть их в самом журнале*»... О, какая скромность! Но отсюда, без дальнейших восклицаний, которые вы можете сделать за меня сами, перехожу прямо к «Литературной Газете», которая говорит: «Не станем перечислять того, что́ было (?) и обещать того, что будет...» Не рассуждая, как велика жертва, принесенная здесь скромности, продолжаем выписку: «*Не выставляя имен своих сотрудников*, „Литературная Газета“ всегда думала и будет думать, что *журнал должен приобрести внимание публики скорее достоинством своих статей, нежели именами авторов...*». Наконец, вот и еще то же другими словами: «Издатели „Северной Пчелы“ (следует исчисление их заслуг) *вполне убеждены* в доверенности к ним читателей и *почитают вовсе излишним* заманивать их пышными обещаниями улучшений и усовершенствований и *вывескою* в программе имен писателей *известных* или с *предполагаемой известностью...*»

Словом, скромность обуяла! И замечательно, что она проявилась так блистательно именно в тех журналах и газетах, которые всегда отличались обилием даровитых и известных сотрудников, и которым стоило только захотеть, чтоб украсить свои программы бесконечным рядом блестящих имен и блестящих материалов!.. Не правда ли?..

Речь наша сводится к такому заключению: после стольких разительных примеров скромности, которые, конечно, не ускользнули от внимания публики, что́ же должна подумать она об нас, публикующих имена своих сотрудников и названия статей, заготовленных для «Современника»?.. Да ведь так пожалуй мы прослывем самыми нескромными людьми в целом свете! Поневоле

приходится войти в объяснение и изложить наш собственный взгляд на дело... Постараемся по крайней мере не распространяться. Всякому известно, что для издания ежемесячного журнала, составляющего с лишком 300 листов в год, недостаточно трудов двух, трех лиц, а нужны совокупные и неусыпные труды по крайней мере двадцати пяти человек, — и от их-то способностей, знания дела и трудолюбия много зависит достоинство журнала...

Скажите их имена, и публика до некоторой степени будет знать, чего ожидать от вашего журнала или вашей газеты; умолчите — и она принуждена будет положиться на вас, но разве заставлять полагаться на себя в таком деле, где нужны труды многих, скромнее, чем объявлять имена сотрудников?.. И кому уж теперь не известно, что обещать «*все* достопримечательные события в мире и *все* новое, любопытное, полезное и занимательное», *все* лучшее, *все*, чтó касается *в обширнейшем смысле* науки, искусства и жизни, даже самую истину во всех возможных видах гораздо легче, чем обещать и *действительно напечатать в своем журнале* несколько романов, повестей и ученых статей известных публике авторов? Притом объявление имен сотрудников (разумеется, известных уже своими трудами) и статей их избавляет публику от ошибочных ожиданий, а следовательно и предупреждает возможность разочарования... По всем изложенным причинам и еще потому, что «Современник» под новою редакциею оканчивает только первый год своего существования, мы публикуем и будем публиковать имена наших сотрудников и заготовленные статьи — впредь до усмотрения. По нашему мнению, дело не в том — публиковать или нет, а в том, чтобы строго выполнять обещания, даваемые своим читателям... В выданных в 1847 году двенадцати книжках мы напечатали почти все, что обещали, и напечатали еще много необещанных статей, которые были замечены публикою и действительно стоили ее внимания. Но чтоб ненапечатание некоторых обещанных статей не повело к ложным заключениям, мы считаем не лишним объясниться. Из обещанных статей не напечатаны повесть и ученая статья г. Искандера; но вместо них помещена (№№ «Совр⟨еменника⟩» 10 и 11) статья того же автора, о которой ничего не было сказано в программе на 1847 год, но которую отложить было невозможно, по роду ее со-

держания. Напечатаны не все из обещанных статей г. Тургенева, но напечатано семь рассказов г. Тургенева, необещанных. Не напечатаны повесть г. Панаева и роман г. Некрасова, но издатели «Современника» долгом считают уступать место в своем журнале трудам других литераторов скорей, чем своим. Остаются статьи о Гоголе и Лермонтове г. Белинского, которые не явились в нынешнем году по особенному случаю: г. Белинский был болен и бóльшую часть нынешнего года провел за границей... Но статьи г. Белинского, подобно всем другим, оставшимся от прошлого года, войдут в состав книжек 1848 года, и таким образом обещание все-таки будет исполнено...

1850

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

АЛЕКСАНДРЫНСКИЙ ТЕАТР

(*Бенефис г-на Каратыгина-2*)

Наконец мы добрались до последнего бенефиса истекшего 1849 года, и слава богу, что добрались. Бенефис П. А. Каратыгина-2 заставил нас забыть о недостатках своих предшественников и утешительно заключил собою 1849 год.

Первое место в этом бенефисе занимает новая комедия г-на Тургенева «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ», о которой было упомянуто в «Современнике».

Мы не беремся рассказать комедию г-на Тургенева. Если б мы вздумали представить ее нашим читателям в форме рассказа, то показали бы один остов ее, лишенный тела и жизни. Содержание комедии очень просто: брат и сестра получили наследство, делят его, но не могут разделить; брат-то сговорчив, а сестра упряма и бестолкова; как ни бьются посредники, помирить брата с сестрой не могут. Вот вам и содержание комедии, но комедия не в содержании: она в действующих лицах, в словах их, в движениях, неуловимых для рассказчика, и проч⟨ем⟩. Впрочем, мы называем «комедией» новую пьесу г-на Тургенева потому, что она так названа на афише, в рукописи же автор назвал ее «уездною сценою», и это название гораздо более идет к ней. По нравственному значению своему «Завтрак у предводителя» ниже предыдущей комедии того же автора, «Холостяк».

«Холостяк» — комедия в высоком значении этого слова. «Завтрак у предводителя» не более как меткая сатира;

первая представляет собой полную оконченную картину, вторая — не более как эскиз; первая способна возбудить грусть, вторая — только смех и досаду; в первой видно изучение сердца человеческого, во второй — изучение человеческих привычек; в первой — пороки и добродетели, во второй — недостатки и достоинства; в первой — жизнь внутренняя, во второй — жизнь внешняя; первая создана верно с природой, вторая только верно списана с природы. Наконец, лица первой комедии прежде всего люди, лица второй прежде всего чудаки. Зато в сценическом отношении «Завтрак у предводителя» выше «Холостяка», потому что автор рельефнее, крупнее выказывает в ней то, что желает выказать. Что делать! рельефность очень важна на сцене не только в декорациях, но и в комедиях. Возьмем для примера характер Вилицкого в «Холостяке»: многие тонкие черты его, заметные в чтении, ускользают от внимания на сцене. Между произведением для чтения и произведением для сцены такая же разница, как между акварельной картиной и декорацией: первую смотрят обыкновенно вблизи, вторую видят издали. Г-н Тургенев не привык еще к сцене.

〈ИЗ ФЕЛЬЕТОННОГО ЦИКЛА «ВСЕГО ПОНЕМНОГУ»〉

〈Апрель 1850〉

Библиографическое известие. — 〈...〉 *Мелкие заметки*

〈...〉 На днях вышла из печати книга под заглавием «Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой земле А. Уманца, 2 части, с картами и рисунками». Мы не успели еще прочесть всего сочинения и потому не отдаем полного о нем отчета, но во всяком случае можем поздравить публику с дельною и занимательною книгою. Места, посещенные автором, интересны в высшей степени. Вот маршрут, извлеченный из предисловия автора, бывшего членом карантинной компании, отправленной с высочайшего соизволения на Восток:

«Пользуясь отсутствием чумы в Египте и еще задолго до начала ⟨...⟩ опытов комиссии, я съездил в Верхний Египет до первого водопада Нила и острова Филе, а когда опыты в Египте были окончены, отправился на Синай и через 15 дней воротился к своим товарищам, чтобы предпринять обратный путь в Россию.

В конце июня 1843 г. мы оставили Каир и направились в Одессу: товарищи мои прямым путем чрез Александрию и Константинополь, а я чрез Дамиэтт и Сирию. Из Дамиэтта я поплыл на арабском одномачтовом судне в Яффу и, выдержав там 10-дневный карантин, поспешил в Иерусалим; отсюда я посетил, кроме всех окрестностей Святого города, Вифлеем, монастырь св. Саввы, Мертвое море, Иордан и Иерихон. Потом из Иерусалима направился через Наплуз (бывший Сихем) и развалины Самарии в Назарет, на гору Фавор и Тивериаду, далее через Кану Галилейскую и опять через Назарет в Каифу и на гору Кармель, а затем на рыбачьей лодке через С.-Жан-д'Арк, Сайду (Сидон) и Сур (Тир) в Байрут. Оттуда сухим путем я поехал чрез Деир-эль-Камар в Дамаск, а потом через Селевкию, Бальбек и главный хребет Ливанских гор воротился в Байрут. Здесь я сел на турецкий пароход, заходивший по пути в Каир и Родос, и вышел на берег в Смирне. Еще прежде, проездом в Египет, мною посещены были Никомедия, Никея, Брусса, вершина Олимпа Фригийского и Магнезия. По выдержании в Смирне вторичного 15-дневного карантина я поспешил в Константинополь. ⟨...⟩

Во все время бытности моей на Востоке, — продолжает автор дальше, — я вел путевые записки, из которых многие отрывки были напечатаны в разных журналах. Потом по приглашению нашего известного путешественника и писателя А. С. Норова я написал свою „Поездку на Синай", оконченную в рукописи еще за три года пред сим и только теперь представляемую суду русской читающей публики.

Хотя Синай часто был посещаем русскими поклонниками, но из них только четыре написали свои путешествия, именно: 1) московские купцы Трифон Коробейников и Юрий Греков, ездившие к Святым местам по воле царя Иоанна Васильевича для поминовения царевича Иоанна Иоанновича в 1582 г.; 2) Василий Гогара родом из Казани в 1634 г.; 3) пешеходец Василий Григорович-Барский-Плака-Албов, уроженец киевский, монах Антиохийский, в 1723—1747 г. — путешествие его, вполне замечательное и весьма любопытное, всем известно; и, наконец, 4) Кир Бронников в 1820—1821 г., которого книга довольно недостаточна и поверхностна.

Таким образом, со времени Барского никто из русских, бывших на Синае, не представил возможно полного описания своего путешествия. В представляемом ныне труде, кроме путевых заметок, приведены новейшие исследования европейских ученых и в особенности Ед. Робинзона и Смидта о пути, по которому следовали израильтяне по выходе их из Египта и о многих обстоятельствах пребывания их в пустыне, соображенных с текстом Св. Писания; и потому осмеливаюсь думать, что, если не самый труд, то, по крайней мере, предмет этого труда обратит на себя благосклонное внимание наших читателей.

Когда рукопись о Синае была уже в печати, А. С. Норов, снабжавший меня всеми нужными учеными пособиями из своей богатой и прекрасно составленной библиотеки, дал мне мысль: приобщить к этому труду в виде добавления статьи мои о Египте и Святой земле, которые уже были напечатаны. Следуя этому доброму совету, я собрал лучшие из моих статей, исправил их, дополнил и также представляю суду публики во второй части».

Из этого легкого очерка можно уже догадываться о занимательности книги. Мы с своей стороны должны прибавить, что с этой стороны ожидания читателей будут вполне оправданы. Самое издание изящно и украшено картами и рисунками. В следующей книжке «Современника» мы дадим подробный отчет об этом приятном явлении в нашей литературе.

— Считаем долгом обратить внимание читателей на возобновившийся в нынешнем году под редакциею г-на Кони «Пантеон и репертуар русской сцены». С начала нынешнего года «Пантеон» выходит аккуратно книжками листов по двадцати (до сей поры вышло уже три книжки). Содержание его разнообразно и не лишено занимательности; мы скажем о нем со временем подробнее. Жаль только, что бумага издания слишком сера и что *остроумие* и *тон* многих статей «Пантеона» отзываются... Но стоит взглянуть только на одно оглавление любой книжки, чтоб понять, в чем дело. В «Пантеоне» называются статьи иногда, например, так: «*Финтифлюшки*»! Заинтересованный этим заглавием, читатель отыскивает страницу (что, мимоходом сказать, довольно трудно, потому что оглавление в «Пантеоне» существует, кажется, более для удовольствия издателей, чем для пользы читателей: страницы при оглавлении статей на обертке никогда не означаются) и видит, что под этим заглавием напечатаны куплеты (довольно, впрочем, ловкие и пригодные для водевиля), а под куплетами подписано: «*Ф. Анатолин*». Вот образчики финтифлюшек:

Все на свете колобродят,
Умный так же, как дурак,
Но все выгоду находят
Думать этак, делать так!
Здесь, что шаг, то всё ловушки,
Но мы лезем, как в хмелю,
И не видим финтифлюшки,
Финтифлюшки, финтифлю.

Тут же, рядом с этими стихами, находятся *финтифлюшки в прозе* — вот какого свойства:

«Объясните мне, пожалуйста, что такое ваши академические кресла?» — спросила одна дама у Фонтенеля.

— Сударыня! Это не что иное, как очень хорошая постель, на которой преспокойно *спят* великие умы.

Один актер, возвратясь с охоты, часть дичи отправил к театральному критику, чтобы его задобрить лакомым куском. Рецензент, приняв подарок, сказал лакею: «Кланяйся барину и благодари».

— Слушаю-с! — отвечал лакей, не трогаясь с места.

— Чего же ты ждешь?

— Да вот, сударь, что вы прикажете сказать барину, как он меня неравно спросит: «А что тебе дали на водку?»

⟨...⟩ В одном обществе за столом зашла речь о домашней экономии. Хозяин очень хвалился своей бережливостию. «Вот, посмотрите, — говорил он гостям, — этот ножик; к нему приделаны уже три черенка и два лезвия, а он всё еще как новый».

⟨...⟩ Купец, бывший в поезде во время несчастия на Версальской железной дороге, обыкновенно рассказывал об этом происшествии так: «Это ужасное событие! Я лишился тут жены и потерял зонтик и, представьте, совершенно новенький, десять франков стоил!»

Отставной чиновник купил себе щипцы. Кухарка, увидев их, воскликнула: «Эх, сударь, да какие маленькие, куда они годятся!»

— Маленькие..., — отвечал чиновник, — а на что мне больше, я — человек холостой.

⟨...⟩ В обществе много говорили об Америке. Один молодой лев чрезвычайно выхвалял тамошнюю жизнь.

— «Вы, как видно, очень хорошо знаете эту страну?» — сказала хозяйка дома. — Еще бы! мой двоюродный брат сам чуть-чуть не поступил в американскую компанию.

⟨...⟩ Один актер, который пропивал всё свое жалованье и проводил время постоянно в кофейной, сидел там пригорюнясь в ожидании, чтоб его кто-нибудь попотчевал, в самое то время, как пришло известие о пожаре Гамбурга. — «Неужели и Банк сгорел?» — спросил актер с участием. — Да, — отвечал один из собеседников, — а что? разве у тебя там были деньги? — «Нет, — отвечал актер, — прежде у меня водились деньги в Банке, но я их давно уж перевел в бутылки».

⟨...⟩ Один повествователь был в долгу, как в шелку. При нем раз повторили старую поговорку: «*кто платит долги — обогащается*». — «Это пустой слух, — воскликнул он, — который нарочно распускают кредиторы!»

Конечно, к таким анекдотам «финтифлюшки» — самое приличное заглавие. Продолжение финтифлюшек

есть и во второй и в третьей книжках «Пантеона»; но читатель может сам добраться до них, если вздумает угостить себя этим оригинальным остроумием, а для облегчения его скажем, что при продолжении они именуются различно: один раз, например, так: *«Тридцать анекдотов, изречений, острых слов и забавных выходок»*; другой раз: *«Две дюжины* анекдотов, острых слов, изречений, забавных случаев и *шарад»*; в третий раз — с неожиданным лаконизмом: *«Дюжина с небольшим анекдотов»*. В четвертый раз переход еще резче: финтифлюшки уже просто получают название *«летучих мыслей»*. На этих летучих мыслях мы остановимся на минуту. Каждая из них не более двух строк и отделена от другой звездочками; достоинством своим удивительно напоминают они те новые и глубокомысленные истины, которые, бывало, повторял в нашей литературе каждый, желавший блеснуть глубокомыслием, например: «Человек плачет, когда родится, а когда умирает, — плачут другие» и т⟨ому⟩ п⟨одобное⟩. Мы приведем только одну летучую мысль: «Желать умереть — суета, не хотеть умереть — тоже суета».

Сказав эту финтифлюшку, автор, вероятно, думал, что сказал преглубокую мысль. Мы же попросим его прочитать следующие летучие мысли:

«Желать счастья — суета; не желать счастья — тоже суета.

Желать разбогатеть — суета; не желать разбогатеть — тоже суета.

Желать славы — суета; не желать славы — тоже суета».

И так далее. Автор летучих мыслей видит, что нет ничего мудреного довольно долго продолжать изречения на эту тему. Что ж тут остроумного и глубокомысленного?

Заглавия статей и псевдонимы в «Пантеоне» поражают удивительным разнообразием. Одни финтифлюшки носят до десяти различных заглавий: *«Калейдоскоп»*, *«Балагур»*, *«Юмористика»*, *«Летучие мысли»*, наконец, просто *«Финтифлюшки»*.

А псевдонимы? Одна статья называется *«Улыбка в пять рублей»*, и под ней подписано: «Ваня Булочкин»; под другой встречаем подпись: *«Аполлинарий Бонавентура»*; под третьей — *«Федор Анатолин»*... Как все это мило, — предоставляем судить самим читателям.

Что ж такое «Пантеон»? — спросит после этого читатель. — «Финтифлюшки»...? В том-то и дело, что нет. Серьезные статьи его составляются старательно и дельно, — в нем есть что почитать. Он заслуживает, чтоб на него было обращено внимание любителей чтения. Поэтому-то, желая возобновленному так удачно «Пантеону» полнейшего успеха, мы и решились посоветовать ему воздерживаться от остроумия, срывающего улыбку, не совсем верно оцененную его остроумным сотрудником г. *Ваней Булочкиным...* ⟨...⟩

— Некоторые из наших подписчиков спрашивают, можно ли получить старые года «Современника»? 1848 и 1849 годы — можно. Экземпляры же 1847 года вышли уже все.

— Скопление материалов, которые неудобно откладывать, было причиною, что начатый нами роман «Денежный брак» печатается медленно и не в каждой книжке. Винясь в этом перед нашими читателями, мы просим их подождать конца этого романа и тогда уже читать его, а прочесть его стоит.

— Роман Бульвера «Семейство Какстонов» окончен в подлиннике, и читатели наши, может быть, встретят перевод его в нашем журнале.

— Вторая и последняя часть повести А. И. Кронеберга «Скрипка» будет помещена в следующей книжке.

⟨Май 1850⟩

Литературные известия. — Литературная редкость. — Одесская новость. — Несколько стихотворений, присланных в редакцию «Современника» в последнее время.

— В нынешней книжке «Современника» редакция рекомендует своим читателям нового автора Дмитрия Сергеевича Чернышева, напечатавшего у нас свой «Дачный рассказ». В течение трехлетнего своего существования «Современник» имел удовольствие представить своим читателям уже нескольких новых литераторов (Гончарова, Дружинина, Авдеева, Евгению Тур), которые были благосклонно приняты публикою и скоро приобрели известность. Это дает нам право надеяться,

что статья, подписанная новым, неизвестным еще именем, не пройдет в нашем журнале незамеченною. Следовательно, распространяться более о повести г-на Чернышева нет нужды, — публика сама увидит и оценит ее достоинства.

— Недавно случилось нам видеть две первые книжки «Военного журнала» на нынешний год, и мы были поражены их изящной наружностью и прекрасным содержанием. Не говоря о статьях менее значительных, назовем только главнейшие: в 1 № помещено «Описание военных действий в северном Дагестане в 1839 г⟨оду⟩», сочинение полковника Д. Милютина; в 2 № «Очерк венгерской войны 1848—1849 годов». Оба сочинения украшены чертежами и планами, необходимыми при чтении военных сочинений. Уже по названиям их видно, какой богатый интерес представляют они для публики.

«Военный журнал», издаваемый с высочайшего его императорского величества соизволения отделением Генерального штаба Военно-ученого комитета, есть единственное специальное издание в России и по программе своей обнимает все отрасли военных знаний. С 1846 года он подвергся совершенному преобразованию и помещает на своих страницах с самым строгим выбором труды как отечественных военных писателей, так и статьи, заимствованные из иностранных периодических изданий и книг. Убежденные, что в настоящем своем виде «Военный журнал» может быть полезен и любопытен не только для людей военных, но и вообще для всякого образованного человека, следящего за ходом просвещения, мы сочли необходимым способствовать большей его известности посредством нашего издания и с этого времени будем извещать наших читателей о содержании каждой новой его книжки. О главнейших статьях 1 и 2 нумеров «Военного журнала», вышедших отдельно, приготовляются статьи, которые читатели скоро прочтут в нашем журнале.

— В прошлой нашей книжке сказано было несколько слов о «Пантеоне» и об особенной манере остроумия, которым отличается это издание. В IV № «Пантеона» нашли мы вещь, которая превосходит все, что в этом роде представлял доселе «Пантеон» своим читателям. Перепечатываем эту литературную редкость слово в слово:

Письмо учителя арифметики к невесте

0 — Полно горевать, милая моя Машенька! ведь я не
1 — писал тебе, что приеду в ту же минуту, е-
2 — только устрою дела и приведу в порядок. О-
3 — слезы и знай, что счастливее нас с тобою
4 — шительно не будет в свете! Ведь я еще не с-
5 — ил с ума, чтобы, забыв, изменить по про-
6 — вии какого-нибудь месяца. Прошу, Маша, ты о
7 — не думай и не грусти: оно не слишком здоро-
8 — ейству твоему передай поклон, и скажи, что в
9 — часов, 15 числа, я уже буду у вас, и скорее в
10 — ники пойду, чем вас разлюблю и забуду.
Это верно как 2 + 2 = 4

Твой верный
7ен Сковор-1.

Изумительное остроумие! но еще изумительнее трудолюбие неизвестного автора: сколько нужно было употребить времени на одно то, чтоб пригнать ровные строки!

— Время от времени Одесса совершенно неожиданно дарит русскую литературу прекрасными книгами: так в прошлом месяце появилась там небольшая, изящно изданная книжка под заглавием *«Греческие стихотворения Н. Щербины»*. Мы просмотрели ее и нашли в ней несколько прекрасных антологических пьес. В следующем нумере скажем о ней подробнее.

— Кстати, о стихах! С тех пор, как в нашем журнале сказано было несколько слов о стихотворениях, присылаемых в редакцию «Современника», и напечатаны некоторые из них, — мы получили еще довольно много стихотворных опытов. Лучшие из них принадлежат знакомому уже читателям нашим г. Н. С—ву и другому поэту, кажется, также еще новому, именно г-ну Чер—ву, приславшему нам стихотворение под названием «Современному поэту». Г-н С—в перевел стихотворение Байрона «Прости», которое теперь особенно будет интересно нашим читателям: не далее, как в прошлом нумере «Современника» («Байрон», статья третья) рассказана была женитьба Байрона и разрыв его с женою, к которой и написано это стихотворение. Вот оно:

Прости

(*Из Байрона*)

Прости, прости! И если дней безбурных
Кто молит другу своему,
И в этот миг внимает Бог ему
От высоты высот лазурных,
И если сила есть в моей мольбе, —
То я молюсь не бесполезно.
И там вдали, в сиянье тверди звездной
Звучит моя молитва о тебе, —
Но для чего слова все и рыданья?
Душа моя, напрасно не грусти!
Кровавая слеза бессильного страданья
Не выскажет, что говорит: прости, прости!

В глазах нет слез, в устах нет слова,
И разорваться грудь готова...
На прошлое, на муку дней моих
В душе моей нет жалоб, ни упрека,
Но есть страданья — корни их
Так в сердце врезались глубоко,
Что только с жизнию оне
Умрут, как все умрет во мне.
Есть мысль одна... с страданьями согласно
Живет она, как мозг в кости...
И все, что знаю я: любили мы напрасно,
Все, что я чувствую: прости, прости!

Н. Спиглазов

Не можем также умолчать о г-не Б—м, приславшем нам следующее стихотворение:

Летом

Сегодня я проснулся рано, —
Все блещет радостью вокруг;
В одежде утренней тумана
Какою негой дышит луг!

Проснулось Божие созданье —
Кузнечик, ветка и цветок;
Какое теплое дыханье
Им шлет июльский ветерок!

За плугом юные возницы
С веселой песнею идут;
А что за гимн лесов певицы
Восходу солнечному шлют!

Любовью чистой, думой смелой
Озарено твое чело:

Не оттого ль в природе целой
Мне все так кажется светло?

Н. Б—ий

Если б краски в некоторых стихах не были так бледны, вышло бы очень грациозное стихотворение. Вот еще пьеса того же поэта:

Когда в саду моем на лозах винограда
Блестит дозрелый плод заманчивой красой,
Не знаю почему, я рада и не рада,
И что-то странное свершается со мной.

Смеюсь и плачу я, нет сил унять волненья;
Тоски ли, радости ль исполнен жизни путь,
И где бы ни была, неясные томленья
Сжимают медленно трепещущую грудь.

И вот минувшее светлеет предо мною,
Как яркая звезда сияет далеко...
И все мне кажется, что этою порою
Была я некогда любима глубоко.

Затем идут поэты, которых произведений мы не приводим, — поэты, которые, посылая свои стихи, просят «рассмотреть и подвергнуть их самому строгому анализу» и «надеются, что стихи их совершенно правильны в отношении стихосложения и языка». Но, милостивые государи, мы уже не раз говорили, что этого недостаточно! Поэты, которые иногда даже пускаются в предположения — стихами и прозой — о том, какая участь постигнет их произведения, предрекают, в каком состоянии духа редакция журнала получит их посылку, как развернет ее, останется ли довольна почерком, что́ скажет... Но вот лучше отрывок из такого стихотворения:

Лети ж, беспечное посланье
На север с тройкой почтовой!..
Лети, досужное созданье
Мечты и лени золотой...
То по грязи, то по воде
Ты будешь плавать, быстро мчаться,
И следом за тобой везде
Проклятья будут раздаваться
Погоде, тучам, *оврагам*...
Потом доедешь ты, а там
Тебя раскроют и с улыбкой
Пересчитают все ошибки;
«Нечеткий почерк, — скажут, — гадкий»,
Нельзя читать его никак,

Не бросить ли иль по догадке
Уж разобрать его кой-как...
Попробуем: кто так писал
Нам без почтения...

Чуть сочинил стишок-другой —
И думает, что записной
Поэт он, что от его творений
Разинем рты от удивленья.
В камин стихотворенья...
Награда дерзости пустой —
Ответ правдивый и прямой —
Предать молчанью все, забвенью.

Так, по мнению неизвестного поэта, поступит с его стихами редакция «Современника», так будет она говорить, читая их. — Так ли, не так ли, не в том дело; одно очевидно: стихотворений неизвестного поэта печатать нельзя, в чем всего лучше удостоверяет приведенный отрывок, — нельзя, несмотря на то, что мы нисколько не желали бы огорчать автора, который в конце своей стихотворной приписки так лестно отозвался о нас. Зато, если он напишет хорошее стихотворение, — с каким удовольствием мы напечатаем его! Что делать! Мы не можем видеть в своем журнале посредственных стихов! Нас избаловал *Новый поэт*, который тоже пишет удивительные вещи. ⟨...⟩

1851

⟨ИЗ «ЗАМЕТОК НОВОГО ПОЭТА О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ»⟩

⟨Октябрь 1851⟩

⟨...⟩ Г-н Щербина при появлении своем возбудил надежды, встречен был самыми лестными отзывами журналов, отличавшимися редким единодушием.

«Библиотека для чтения» писала о нем, между прочим (1851, № VI):

«Сколько у него чувства и простого, здравого смыслу, облеченного в самые роскошные поэтические формы».

«Отечественные записки» (1850 года, № VII):

«Как бы возросшие под ясным небом Греции, убаюканные шумными всплесками зеленоводного Эгейского моря, внимавшие и олимпийскому грому и сладкому жужжанию пчел Гимета, эти стихи (то есть стихи г. Щербины) *блеснули ярким лучом в нашей литературе, будто для того, чтобы еще более показать нам всю вялость и пустоту наших обыденных стихотворцев».*

«Современник» (1850 года, № VI):

«Греческие стихотворения г. Щербины нам чрезвычайно понравились, и мы спешим поделиться нашим удовольствием с читателями...».

Да! и «Современник», вопреки уверению некоторых, будто он с своим Новым поэтом преследует поэзию и поэтов, поспешил приветствовать «возникающее светило русского Парнаса» похвалами и надеждами. Помнится, он даже первый возвестил о новом поэтическом таланте и представил целый трактат в отделе критики о «Греческих стихотворениях». И после того по временам продолжали появляться в журналах лестные отзывы о г. Щербине; журналы, долго не печатавшие стихов, с радушием открыли свои страницы произведениям

поэта, — восторженные толки не умолкали даже и тогда, когда некоторые охлажденные люди начали уже поговаривать, что позднейшие произведения «Греческих стихотворений» не выдерживают никакого сравнения с первыми и что журналы в своих похвалах и ожиданиях шагнули слишком через край... И чем же кончились их великолепные надежды и ожидания, которые, бог весть, разделяла ли публика? Увы! они кончились как многое кончается в сем мире и как между прочим кончился продолжительный и упорный спор о лухмановских картонах, приписываемых Рафаэлю. А кстати, знаете ли, как кончился этот спор? Я вам расскажу. Недавно владелец картонов, движимый желанием разъяснить спор, повез свою сомнительную редкость в Лондон, и результат сличения лухмановских картонов с галептонкуртскими, находящимися в Лондоне и которых подлинность уже доказана, оказался следующий: редактор «Athenæum», считающийся одним из отличнейших знатоков живописи в Европе, напечатал в своей газете, что «спорные картины не заслуживают критики, что это механические копии с превосходного оригинала, недостойные ни малейшего внимания», и проч⟨ее⟩. Любопытные могут прочесть весь отзыв английского критика в «Athenæum», august 23, 1851». Кто помнит все, что писали защитники подлинности спорных картонов, тому такая развязка должна показаться весьма интересною...

Возвращаюсь к г. Щербине, и возвращаюсь с тем, чтоб сказать, что я считаю самого г. Щербину всего менее виновным в охлаждении к нему публики и в постепенно усиливающейся бледности его стихотворений. Что они становятся слабее и слабее, я мог бы легко доказать, выписав несколько стихотворений, помещенных г. Щербиною в последнее время в журналах; даже то, которое напечатано в октябрьской книжке «Библиотеки для чтения», может подтвердить мою мысль; но не эта цель моя. Я хочу сказать, что самый род, в котором выступил г. Щербина, уже заключает в себе неизбежные причины ослабления таланта, если постоянный труд и изучение, в соединении с строгостию к самому себе, не раздвинут границ творчества для поэта, который пожелал бы остановиться исключительно на одном этом роде. И, желая душевно успеха г. Щербине, я беру смелость посоветовать ему трудиться и не спешить, быть как можно строже к себе, а главное — не печатать

слабых попыток, недостойных его первых произведений, — иначе его литературная известность, уже и теперь потухающая, подвергнется большой опасности вовсе потухнуть, что было бы для меня очень прискорбно. Здесь, кстати, я напомню ему слова критика «Современника», которые кажутся мне дельными:

«...Талант господина Щербины может усовершенствоваться и развиться *с помощью труда.* Мы не хотим верить, чтоб поэт с его дарованием не нашел себе новых сюжетов и новой деятельности. Мы не знаем, составляет ли симпатия к древнему миру самую сильную сторону в даровании нашего автора, и не можем сказать, удадутся ли ему попытки в другом роде вдохновения, но можем уверить его с полным сознанием, что и этой стороны таланта довольно для деятельности всей его жизни. Пусть г. Щербина подарит нас сотнею антологических стихотворений вроде „Мига“ или двумястами таких прелестных гимнов, как „Невольная вера“, он может быть уверен, что не мы заговорим об однообразии. Если поэт охладеет к такому роду произведений, перед ним все-таки широкое поле деятельности, — на русском языке нет ни одной поэмы из древней греческой жизни, и нет ее, как кажется нам, по весьма простой причине — по малой учености многих наших поэтов» и проч⟨ее⟩.

У поэтов не первоклассных, не гениев, которым, как говорит пословица, закон (эстетический) не писан, — у второстепенных поэтов содержание всегда будет играть главную роль, — а богатое и дельное содержание не всегда дело одной фантазии, — оно приобретается также трудом, размышлением, опытом собственной жизни. Я еще мог бы посоветовать г-ну Щербине, оставив древний мир, попробовать свой талант в сфере живой действительности... но вопрос: имеет ли призвание г. Щербина к такому роду? — Если же имеет, то никакие великолепные картины древнего мира не упрочат так скоро его известности, как поэтическое прикосновение к современной действительности. Таков уже человек: он прежде всего интересуется самим собою, а потом — что поближе к нему. Впрочем, может быть, не все так думают; что же касается до меня, то поэтическое воспроизведение интересов, горя и радостей, среди которых живем мы, даже в самой ограниченной раме, действует несравненно живее самого роскошного изображения отжившего мира, — это я испытал еще недавно, и вот каким образом...

Я рылся в сочинениях Пушкина за какой-то справкой и, наткнувшись на «Египетские ночи», не мог уже оторваться от этого чудного создания. Я наслаждался этой сжатой, образцовой прозой, в которой каждое слово так метко и определительно, и этими чудными ямбами, которым едва ли есть что-нибудь подобное в самих сочинениях Пушкина по силе и красоте энергического, словно выкованного из стали стиха, — как вдруг вошел человек и доложил о приходе господина, которого фамилии я здесь не назову. Я велел просить его.

Я не романтик, — небритая борода и поношенный сюртук скорее возбуждают в моем уме идею о нетрезвом поведении и постыдной лености, чем о гении, спившемся с кругу вследствие гонений рока. Однако ж, лицо вошедшего дышало таким умом, таким избытком доброты и кроткой печали, что я невольно подумал что-то подобное. При взгляде на него мне пришел в голову тот запачканный, низкопоклонный и гениальный итальянец, о котором я только что прочел в «Египетских ночах» и которого, как вы знаете, Чарский сначала чуть не выпроводил из своего кабинета, а потом не знал где посадить и как задобрить. И как мы, поэты, тоже не прочь при случае разыграть роль Чарского (то есть Пушкина, который так назывался в повести), то я и встретил моего гостя как нельзя любезнее. И как же я был вознагражден! Никогда еще я не был так доволен собою; никогда еще не чувствовал я так сильно великой пользы тонкого урока, который своим Чарским Пушкин дал всем нам, литераторам, кичливым своею известностию, мнимою или действительною, и до которых иногда имеют нужду простые смертные, еще только добивающиеся известности. Гость мой был человек необыкновенно робкого характера. Я убежден, что не приди мне на ум положение Чарского, находись я тогда в дурном расположении духа и прими его... не грубо... нет! порядочные люди никогда не бывают грубы... но сухо, — например, так, как Чарский встретил импровизатора (я не могу удержаться, чтоб не повторить этого лестного для меня сравнения), я счел бы моего посетителя величайшим глупцом (и он, действительно, явился бы мне таким), обивающим пороги литераторов бог знает для чего и не оставляющим в воспоминание о себе ничего, кроме следов грязи на их паркете. Затем, разумеется, последовало бы строжайшее приказание человеку

не пускать впредь этого господина ни под каким видом, — и таким образом я отнял бы у себя всякую возможность сблизиться с интереснейшим человеком из всех, каких я когда-либо знал. Итак, хвала Чарскому!

Посетитель мой был поэт и поэт (я говорю не шутя) замечательный. Он принес и прочел мне несколько стихотворений, которые у меня не выходят из головы. Вот первое:

Отрывок

Родился я в губернии
Далекой и степной
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Мне будущность счастливую
Отец приготовлял,
Но жизнь трудолюбивую,
Сам в бедности скончал!
Не мытый, не приглаженный,
Бежал я босиком,
Как в церковь гроб некрашеный
Везли большим селом,
Я слезы непритворные
Руками утирал,
И волосенки черные
Мне ветер развевал...
Запомнил я сердитую
Улыбку мертвеца
И мать мою, убитую
Кончиною отца.
Я помню, как шепталися,
Как в церковь гроб несли;
Как с мертвым целовалися,
Как бросили земли;
Как сами мы лопатушкой
Сравняли бугорок...
Нам дядя с бедной матушкой
Дал в доме уголок.
К настойке страсть великую
Сей человек питал,
Имел наружность дикую
И мне не потакал...
Он часто как страшилище
Пугал меня собой
И порешил в училище
Отправить с рук долой.
Мать плакала, томилася,
Не ела по три дня,
Вздыхала и молилася,

Просила за меня,
Пешком идти до Киева
Хотела, но слегла.
И с просьбой: «не губи его!»
В могилу перешла,
Мир праху добродетельной!
Старик потосковал;
Но тщетно благодетельной
Я перемены ждал, —
Не изменил решение!
Изрядно куликнул,
Дал мне благословение,
Полтинник в руку ткнул;
Влепил с немым рыданием
В уста мне поцелуй:
«Учися с прилежанием,
Не шляйся! не балуй!»
Сердечно, наставительно
Сказал в последний раз,
Махнул рукой решительно —
И кляча поплелась...

По чувству, с которым он читал это стихотворение, я догадался, что предмет его слишком близок сердцу самого поэта. Я не признаю этого стихотворения безусловно хорошим. В нем краски довольно грубы, сфера их содержания довольно однообразна, низменна и ограничена; картины мрачны; но ведь каждый из нас пишет хорошо только то, что сам пережил, перечувствовал, видел своими глазами. И у меня недостает духу обвинить поэта за то, что предметы своих песнопений почерпает он в низменных сферах, где протекает его собственная жизнь. — Это еще не беда. Обстоятельства его могут измениться, круг зрения его может расшириться, и тогда он представит нам другие образы, найдет, может быть, другие краски. Для меня важнее то, что в стихах его есть содержание, определенно высказываемое; что хоть и не эффектных сторон жизни касается его муза, но его грубые стихи прочувствованы...

Недавно мне случилось быть в блестящем литературном собрании и слышать между прочим новое произведение дамы-поэта. Все в этом стихотворении, начиная от великолепного, истинно колоссального (если не по идее, то по намерению) содержания — до отделки стиха, обличает руку опытную и самоуверенную, искусство во внешних приемах, но... Впрочем, надо, чтобы вы сначала прочли самое стихотворение.

Поэт

В пределах дальней высоты,
Где носятся планет плеяды
И звезд блистают мириады,
Он водрузил свои мечты.
Среди небесного объема,
Преград не зная ни отколь,
Он в облаках, в соседстве грома
Земную позабыл юдоль.
Игру мирского треволненья
Он прихотливо пренебрег,
Но в бурном вихре вдохновенья
О братьях позабыть не мог.
Над ним таинственные мысли
Как тучи черные нависли;
И — телом прах, душой колосс,
Светило и надежда века —
Он погрузился весь в вопрос
О назначенье человека...
Не тщетно он пытал судьбу,
Не тщетно он витал в эфире,
Печаль и тайную борьбу
На громкой возвещая лире...
Вдруг грянул колокол глухим
И перекатным звоном —
И медным языком своим,
С гуденьем и со стоном,
Вещал таинственный ответ,
Душе его понятный —
И очутился вдруг поэт
В пустыне необъятной;
Кругом шумят толпы людей
С их суетностью дикой.
Но он один как средь степей
Угрюмый и великий! —
И все, что радует других,
Ему смешно и ложно...
Да счастье для натур таких
Едва ли и возможно!..

Стихотворение прочитано было с эффектом, и слушатели разразились громом похвал... Всех более был от него в восторге муж сочинительницы, который все восклицал: «Кто теперь после Пушкина пишет у нас такими стихами? Я вас спрашиваю, кто?»

Стихи эти должен был хвалить и я, — что же делать! этого требовала вежливость; но я очень хорошо видел, что кроме рутины, знакомства с произведениями великих европейских поэтов и огромной претензии в них ровно ничего нет. То, что составляет душу и

сущность всякого истинного поэта — особенность, оригинальность — и следа этого не нашлось в великолепном и стройном наборе слов... И я, право, не отдам одной строчки из стихотворения моего небритого гостя, — стихотворения, так близкого житейской прозе, за все эти высокопарные строфы, парящие под облака и лопающиеся там подобно ракетам! Вот еще стихотворение того же поэта (то есть не дамы-поэта, а моего гостя). Оно носит самое пошлое название, так истасканное нашими поэтами:

К ней

В суровой бедности невежественно дикой
Я рос средь буйных дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
В руководители псарей.
Вокруг меня кипел порок волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубые черты.
И прежде чем понять рассудком неразвитым —
Ребенок — мог я что-нибудь,
Проник уже порок дыханьем ядовитым
В мою младенческую грудь.
Застигнутый врасплох, стремительно и шумно
Я в мутный ринулся поток
И молодость мою постыдно и безумно
В безумных увлеченьях сжег.

Внезапно оторвав привычные объятья
От негодующих друзей,
Напрасно посылал я поздние проклятья
Безумству юности моей.
Не вспыхнули в груди растраченные силы,
Мой ропот их не пробудил, —
Пустынной тишиной и холодом могилы
Сменился юношеский пыл.
И в новый путь с хандрой болезненно развитой
Пошел без цели я тогда.
И думал, что душе, довременно убитой,
Уж не воскреснуть никогда!
Но я тебя узнал... Для жизни и волнений
В груди проснулось сердце вновь;
Влиянье ранних бурь и мрачных впечатлений
С души изгладила любовь.
Во мне опять мечты, надежды и желанья,
И пусть меня не любишь ты,
Но мне избыток слез и жгучего страданья
Отрадней мертвой пустоты!

Опять низменный мир, опять резкие краски! Но картина уже не так мрачна. Я потому привел здесь именно два эти стихотворения, что в них видна вся внутренняя борьба поэта, — борьба, кончившаяся, к счастию, торжеством его воли, разума и нравственного начала, — горьким, тяжким (если только верить сейчас приведенному стихотворению) путем дошел он до сознания заблуждений своей молодости; но он, наконец, сознал их, а борьба с врагом, которого знаешь, уже не так страшна. Потому, при всей мрачности красок, второе стихотворение производит уже впечатление гораздо отраднейшее, чем первое. «Кто знает, — думал я, — может быть, со временем, кругозор его расширится и он подарит нашу литературу несколькими истинно прекрасными произведениями».

Через несколько дней после первого свидания с моим поэтом, на углу улицы около дома, украшенного вывеской с чайником и бильярдом или чем-то подобным, я встретил двух человек; лицо одного из них показалось мне знакомым; я стал всматриваться и узнал моего недавнего посетителя. Он что-то с жаром говорил своему товарищу, и оба они, казалось, находились в самом веселом состоянии. Как только я поравнялся с ними, поэт узнал меня; уже без прежней застенчивости, очень развязно, но несколько пошатываясь, он тотчас подошел ко мне, раскланялся и сказал:

— Вы погубили меня своими похвалами; я с радости не могу опомниться и издержал все деньги, которые вы мне дали... Знаете ли, я хочу попросить у вас еще немного... Я вам заработаю! Вот у меня есть — купите, я написал новые стихи... послушайте. Они называются «Великий человек».

И он принялся декламировать:

Огни зажигались вечерние,
Выл ветер и дождик мочил,
Когда из далекой губернии
Я в город столичный входил.
В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.
Ни денег, ни роду, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени, —
В кармане моем миллион!

— Хорошо ли? — спрашивал он. — Скажите откровенно. Кажется, хорошо? Можно купить...

— Хорошо, хорошо! Мы после поговорим! — отвечал я, давая ему несколько денег и торопясь уйти, потому что около нас начала уже собираться толпа любопытных. — Прощайте!

— Да куда же вы? Дослушайте! Может быть, еще не понравится. Я не хочу брать даром денег... Слушайте.

И он продолжал декламировать. До слуха моего долетели следующие стихи:

И сам я теперь благоденствую,
И счастье вокруг себя лью, —
Я нравы людей совершенствую,
Полезный пример подаю...

Признаюсь, эта встреча несколько охолодила мои мечты и литературные надежды; я упал, говоря словами Пушкина, с высоты поэзии под лавку конторщика, но скоро потом утешился, вспомнив слова того же Пушкина: «Всякий талант неизъясним! Каким образом ваятель в куске каррарского мрамора видит сокрытого Юпитера и выводит его на свет резцом и молотом, раздробляя его оболочку? Почему мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами?» Неизъяснимо!..

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАСКАРАД НАКАНУНЕ НОВОГО (1852) ГОДА

(*Заметки Нового поэта*)

Несмотря на мое доброе сердце, на мой характер открытый и чистосердечный, я имею много врагов в литературе. Стихотворцы ненавидят меня за то, что я преследую плохие и посредственные стишки и постоянно доказываю публике, что не нужно иметь ни малейшего поэтического таланта, чтобы писать звучные стихи без мысли; строгие и мрачные критики, смотрящие на русскую литературу сквозь призму немецких эстетик, ненавидят меня за мою веселость, за мой простой взгляд, основанный на здравом смысле, и называют меня человеком пустым и *фривольным*; романисты, повествова-

тели, драматурги, фельетонисты и прочие, о сочинениях которых я говорю шутя или вскользь, ненавидят меня за то, что я не превозношу их до небес; журналисты косятся на меня за то, что я не прихожу в безусловный восторг от их журналов. Словом, враги окружают меня со всех сторон, и если б в одно прекрасное утро мне вздумалось написать что-нибудь и явиться на суд публики с моим произведением, — я уверен, что мои литературные враги безжалостно поступили бы с этим несчастным произведением и доказали бы самым убедительным образом, на основании вышеупомянутых эстетик, что оно никуда не годится. Мое положение в литературе ужасно; другой на моем месте пришел бы в отчаяние, — а я, несмотря на все это, живу очень спокойно и весело, езжу на балы, в театры, в маскарады, гуляю всякий день по Невскому проспекту и не обращаю на малейшего внимания на личности, намеки и колкости, устремляемые против меня. Такое поведение мое страшно бесит врагов моих и еще более вооружает их против меня. Они распространяют обо мне презабавные слухи: уверяют, будто бы я не уважаю литературы и ее представителей; смотрю на искусство с легкой, светской точки зрения, увлекаюсь шумной и рассеянной жизнью, слишком много занимаюсь моим туалетом для литератора, люблю жить, как все порядочные люди, с ко́мфортом. Это преступление в глазах моих врагов! Как будто человеку, уважающему искусство, вместо тонких голландских рубашек непременно надо носить коленкоровые манишки, не чистить ни зубов, ни ногтей, одеваться в старомодное платье и мрачно дремать в своем пустом и неотделанном кабинете, не показываясь на божий свет? Так могут заблуждаться только суровые педанты — враги мои, о которых я очень сожалею и на которых нисколько не сержусь.

Недавно, лежа в своем кабинете на самом удобном и покойном диване и куря превосходную сигару, я перелистывал какую-то статейку, где с тонким остроумием какой-то неслыханный сочинитель давал знать намеком, что я с утра до ночи пью шампанское... Прочитав это, я захохотал от души, восхитившись ловкостию, тонкостию и благородством моих врагов. В эту самую минуту послышался мне звонок, и вслед за тем вошел мой человек доложить о приезде одного из издателей «Современника». Я велел просить его.

Когда он вошел, я предложил ему сигару и посадил его против себя.

— Ну, что́ нового? — спросил я.

— Да ничего особенного. Я в ужасных хлопотах, — отвечал издатель, — перед новым годом у нас столько дела, что вы не поверите...

— Нет, я верю... А в самом деле уж скоро Новый год! Знаете ли, что мне почему-то жаль старого — может быть, потому что в нем много было неожиданного и забавного, — и я готов запеть к нему:

Il meurt, et la joie expire!
Il meurt, lui qui si souvent
Nous a fait mourir de rire
A son théâtre en plein vent! *

— Вам хорошо шутить, — отвечал издатель, — а вот вы представьте себе наше положение: мы должны составлять *Обозрение русской литературы за этот 1851 г⟨од⟩*. Каково это?

— Должны? — отвечал я, — это мне нравится, да кто же вас к тому обязывает?

— Так принято.

— Напрасно. Для чего же вы будете повторять публике то, что вы твердили ей в продолжение целого года? разве вы не разбирали всех выходящих книг, разве вы не указывали на замечательные явления в журналистике? К чему же ваше обозрение и для кого оно? Поверьте, публика вам будет гораздо благодарнее, если вы избавите ее от обозрения.

— А что в самом деле? ведь вы, я думаю, правы.

— Как нельзя более; но я, который вам даю эти советы, я — поверите ли вы этому? — сам занимаюсь в эту минуту обозрением литературы 1851 года.

— Каким это образом? может ли это быть? Разве вы изменяете «Современнику» и перебегаете в какой-нибудь другой журнал?

На лице издателя выразился испуг, по крайней мере моему самолюбию показалось это.

— Успокойтесь, — отвечал я, — вы знаете, что я имею все слабости некоторых наших ученых и литераторов,

---

* Он умирает, и с ним умирает радость; он умирает, он, который так часто нас морил со смеху на своем театре под открытым небом. ⟨*Перевод с французского автора статьи*⟩.

не имея ни их достоинств, ни их талантов (эту оговорку я делаю из скромности), я так же ленив, как они, и моей литературной деятельности едва достает на один журнал; от этого я не перебегаю в другой. Но дело не в том. Один мой друг, петербургский Монте-Кристо, дает у себя накануне Нового года костюмированный бал со сценами. На этом бале будут олицетворены замечательные произведения русской литературы 1851 года, и я взял на себя страшную обузу устроить все это. Я приглашаю вас на этот праздник именем хозяина и не только вас, но всех ваших сотрудников и даже всех столичных и иногородних подписчиков вашего журнала, — им теперь очень удобно можно приехать сюда по железной дороге; большая же зала моего друга Монте-Кристо может вместить хоть до шести тысяч человек.

— Неужели в Петербурге есть такие исполинские залы? — спросил меня добродушный издатель, — я полагал, что самая большая зала в Петербурге — это зала Дворянского собрания.

— А вот вы увидите залу моего друга.

— Кто же это такой? я о нем первый раз слышу... Казалось, как бы не слыхать о таком богаче! — Это должно быть лицо подозрительное, да и каким образом так разбогател этот господин? — спросил меня издатель, посматривая на меня недоверчиво и полагая, может быть, что я его мистифирую.

— Каким образом? — отвечал я, — в этом-то и штука. Существование этих неслыханных богатств загадочное, оттого-то обладателя их я и называю Монте-Кристо. Родители его не имели ничего, наследства он не получал ни от кого, имений у него и до сих пор никаких нет, а он ворочает миллионами. Про него, видите ли, как и про всякого, ходят различные слухи. Одни говорят, будто он выиграл у кого-то в карты несметную сумму и потом удачно пускал ее в обороты; другие рассказывают, будто во время путешествия своего кругом света, в которое он отправился с одним маленьким и почти пустым чемоданчиком, не имея ничего кроме этого чемоданчика, он попал нечаянно в страну, называемую Эльдорадо, так превосходно описанную одним знаменитым философом. В этой стране, если верить этому философу, простые уличные ребятишки бегают в золотых оборванных платьях и играют в блестящие круглые камешки различных цве-

тов: желтые, красные, зеленые. Камешки эти не что иное, как золото, изумруды и рубины, и они пренебрегают ими так же, как мы осколками булыжника; самый простой, вседневный обед в этой стране, который мы обыкновенно называем *un diner bourgeois* * состоит из несчетного количества блюд: супы из попугаев, вместо говядины *bouilli* ** — коршун, весящий двести ливров, жаркое из обезьян и колибри, рагу из микроскопических птичек необычайного вкуса, и все это запивается упоительнейшим ликером из сахарного тростника, который подается в брильянтовых рюмочках; обыкновенные матрацы набиваются там перышками колибри, а вместо лошадей запрягают в экипаж телят, потому что тамошние телята несравненно превосходят в быстроте наших лошадей... Все дороги в Эльдорадо устроены из золотого шоссе, и по сторонам этих дорог лежат для починки кучки мелко разбитого золота, как у нас куски разбитого булыжника. Но, пробыв несколько времени в этой удивительной стране, мой друг, говорят, пожелал все-таки возвратиться в отечество, несмотря на то, что был завален яхонтами, изумрудами, брильянтами и золотом. Кушая обезьян, коршунов и колибри, он тосковал по кислой капусте и готов был отдать пригоршни брильянтов за один бок бараний с кашей, за поросенка под сметаной и за стакан квасу; в эту минуту он понимал всю глубину и значение этого стиха:

И дым отечества нам сладок и приятен!

Решившись возвратиться восвояси, он обратился, подобно герою знаменитого философа, к одному из жителей Эльдорадо и спросил его робко и с замиранием сердца, может ли он взять с собой несколько таких камешков, указывая на золото, яхонты, изумруды и брильянты. Житель Эльдорадо посмотрел на него как на сумасшедшего и расхохотался.

— Да для чего вам эта дрянь? — спросил он его. — Для чего вам отягощать себя этим булыжником?

Золото и драгоценные камни в Эльдорадо называются вообще булыжником.

---

* обед средней руки (*франц.*).

** отварная говядина (*франц.*).

Тогда друг мой объяснил жителю Эльдорадо, какую цену имеет в его отечестве этот булыжник. Житель Эльдорадо от удивления разинул рот и объявил ему, что никто не воспрепятствует ему набить этими камешками целые мешки и возвратиться с ними к себе на родину. Друг мой чуть не сошел, говорят, с ума от радости при таком известии. Нечего прибавлять к этому, что он вывез с собою не один мешок. Вот как объясняют многие несметные богатства моего друга.

Издатель «Современника» взглянул на меня так, как житель Эльдорадо посмотрел на моего друга, когда тот спрашивал его, может ли он взять с собою несколько золотых, изумрудных и яхонтовых камешков, — то есть как на сумасшедшего.

— И вы верите этим нелепым сказкам? — спросил он меня.

— А почему же нет? — отвечал я, — вы знаете, что я человек добросердечный и люблю думать о людях лучше хорошо, нежели дурно. Мне приятнее объяснить богатство моего друга этой сказкой, нежели каким-либо другим способом. Пусть злые языки объясняют его богатство иначе. Мало ли что говорят и думают злые языки? . . Разве они не обвиняют меня, например, в неуважении к искусству? разве они не смотрят на меня с презрительной улыбкой, потому что я чужд всякого педантизма и всяких претензий? . . Да и какое мне дело докапываться до источника богатств моего друга, если он принимает меня радушно, угощает на славу и на балах поит удивительными винами, возит в свою ложу в театре и прочее, и прочее! Вот когда вы познакомитесь с ним, поверьте, и у вас пропадет желание доискиваться причины его богатства. Вы охотники до хороших сигар, а уж таких сигар, как у моего Монте-Кристо, вы не найдете за сто рублей серебром сотню, и если они вам понравятся, он готов вам подарить их несколько тысяч.

— О, благороднейший из людей! — воскликнул издатель «Современника», — я, еще не видав его, полюбил от всего сердца. Что же будет, когда увижу? Накануне Нового года я непременно приезжаю к вам, и мы едем на бал вашего Монте-Кристо вместе?

— Прекрасно, решено! — сказал я, пожимая руку издателя и провожая его.

— «О люди, люди!» — воскликнул я, вслед за Шиллером, несмотря на мое доброе сердце, когда издатель

уехал. — Вы прикидываетесь неумолимыми, грозными, строгими судьями, вы все проповедуете о добродетели и истине, а помани только вас хорошей сигарой, вы сейчас и растаете...

В восемь часов вечера накануне Нового года издатель «Современника» был у меня. В исходе девятого мы сели в карету на лежащих рессорах, которую я недавно выписал из Лондона, и мои рысаки мигом домчали нас до той улицы, в которой находился дом моего друга. Дом этот весь горел неслыханно яркими огнями, и от этих огней надо всем городом стояло зарево, будто от пожара.

Широкая лестница была устлана пушистым бархатным ковром и уставлена колоссальными бананами и яркими пышными цветами нездешней флоры. Алеуты, негры и самоеды вместе с европейскими лакеями расставлены были на лестнице в богатейших ливреях. По обеим сторонам лестницы стояли курильницы из чистого золота и тонкие беловатые струи дыма подымались из них, распространяя упоительнейшие восточные благоухания.

Я представил издателя хозяину дома. Монте-Кристо улыбнулся с необыкновенною приветливостию и крепко пожал его руку.

— Очень, очень рад с вами познакомиться, — сказал он, — я получаю ваш журнал, я всегда...

Он остановился на этом слове, потому что не знал, что сказать, а может быть и потому, что в эту самую минуту в белом платье, украшенном огромными изумрудами, в брильянтовом токе, с жемчугами на шее с грецкий орех величиной, появилась женщина вида строгого и величественного, с веером из перышков тех колибри, которых в Эльдорадо употребляют на жаркое. Это была супруга Монте-Кристо. Монте-Кристо представил ей издателя. Она чуть-чуть подвинула вперед свою голову, отягченную брильянтами, пробормотала себе под нос какую-то французскую фразу и, обмахиваясь веером, продолжала шествие. Перед ней все с удивлением расступались, и шлейф ее неописанной длины несли восемь карликов такого крошечного роста, что знаменитый Том-Пус показался бы перед ними великаном.

Сам Монте-Кристо не возбуждал своей наружностию страха и удивления подобно своей супруге. Это был

человек маленького роста с живыми бегающими глазками и с небольшим брюшком. Он был одет очень просто: в черном фраке и в белом галстуке, но на его черном жилете вместо пуговиц горели шесть изумительной величины солитеров ослепительного блеска...

Анфилада из девяноста шести больших комнат, убранных с невероятною роскошью, производила эффект поразительный... Весь город съехался на этот бал, но странно было видеть отупевшие от изумления лица гостей. Издатель «Современника» протирал себе беспрестанно глаза, думая, не грезит ли он, ощупывал себя с беспокойством, брался несколько раз за пульс и бормотал: «что же это такое? нет, это вовсе невероятно!». Он и до сих пор, кажется, убежден, что все виденное им в этот вечер был великолепный, но странный сон, похожий на восточные сказки: что мой Монте-Кристо не существует и не может существовать в действительности. Чудак!

В десять часов открылась эта исполинская зала, о которой я говорил, вмещающая шесть тысяч человек, — и все не только ахнули, даже застонали от изумления.

Это была вовсе не зала, а очаровательнейшие и разнообразнейшие картины: сады, леса, озера, реки, долины... Искусство декоратора придало всему этому необыкновенную правду, так что зрителю надобно было подойти и ощупать цветок или дерево, чтобы убедиться, что это не настоящее дерево и не настоящий цветок, а декорация...

К довершению очарования, сквозь стеклянный потолок исполинской залы виднелось голубое небо, усеянное бесчисленными звездами. На противоположном от входа конце залы при лунном блеске светилось *Мертвое Озеро*, со своею печальною и дикою местностию, и на самом берегу его стояла неуклюжая и огромная руина, представлявшая *Старый Дом*. С левой стороны от входа, между пашень, зеленевших всходами, и желтеющих жнив, по которым были разбросаны тощие кусточки, пролегала большая дорога с пестрыми верстами, и взор путешественника, утомленный гладью и однообразием этой пустой местности, приятно отдыхал на новом, небольшом, но со вкусом отделанном домике, на фронтоне которого было написано: «*Комета, гостиница для проезжающих*», с густым садом назади. Добрый и гостеприимный содержатель этого заведения стоял на бал-

коне и, усердно кланяясь, приглашал проходящих удостоить чести его заведение; он не брал с них ни копейки, а, напротив, еще сам награждал всех, и некоторых даже с мифологическою щедростию... С правой стороны местность была уже гораздо разнообразнее. Здесь прихотливо извивалась речка с крутым и живописным берегом, на скате которого разбросаны были крестьянские избушки, и от этих избушек разбегались в разные стороны проселочные дороги. По одной из таких дорог, весь почти утонув во ржи, шел человек с записною книгою под мышкой. Он, казалось, с жадностию вдыхал в себя деревенский воздух, с любовию останавливал свою наблюдательность на каждой былинке и букашке, на каждом листочке, цветочке и насекомом, и все это с энтузиазмом подносил к своему носу. Когда навстречу ему попадались крестьянская баба или мужик, он останавливал их, рассматривал в подробности, расспрашивал их о чем-то и сейчас же все замеченное, услышанное и подсмотренное вносил в свою записную книгу. Так выпытал он народное поверье о том, как в ночь на *Светлое Воскресенье* уголья, выпрошенные крестьянином у чумаков, превратились вдруг в пригоршни чистого золота, и трогательный рассказ матери о том, как сошла с ума ее дочь.

— Вам коротко знаком этот человек с записною книгой, — сказал я издателю, указывая на него, — он первый показал вам вблизи крестьянский быт, который он так хорошо знает и который описывает с такою любовию. А вон несколько подалее, в углу, образованном обрывом холма и равниной — возле реки, которая стоит неподвижным, темным зеркалом под самой кручью холма, — там, где виднеется красное пламя и дымок, видите ли вы другого человека, сидящего на лугу, между крестьянскими ребятишками и середи их кажущегося исполином... Я думаю, этот человек также хорошо знаком вам?

Издатель утвердительно кивнул головой и улыбнулся.

— Он большой чудак, — продолжал я, — он скитается вечно в охотничьем платье, беспрестанно останавливается на пути своем и смотрит кругом по сторонам или вверх. Вы подумаете, что он, как охотник, следит за полетом птицы, или, замирая, прислушивается к шелесту листьев в кустарнике, боясь спугнуть свою добычу... Вы ожидаете сейчас выстрела — ничуть не бывало! успокойтесь... Вы

этого выстрела не дождетесь. Мой охотник никогда не стреляет, его английская желто-пегая собака Дианка печально следует за ним без всякого дела, виляя хвостом и уныло моргая усталыми глазами, а хозяин ее постоянно возвращается домой с пустым ягташем. Он следит не за полетом птицы, для того чтобы ловче подстрелить ее, а за этими золотисто-серыми с белыми краями облаками, которые разбросаны в небе, точно в бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы; он прислушивается не к шелесту листьев в кустарнике, боясь спугнуть птицу, не к крику перепелов, а к этой торжественной тишине приближающейся ночи; он смотрит на эти бесконечно тянущиеся поля, которые тонут во мгле, на стальные отблески воды, изредка и смутно мерцающей... Ничто в природе не ускользает от его верного, поэтического и пытливого взгляда, и птицы спокойно, ласково и безбоязненно летают вокруг этого странного охотника, как будто напрашиваясь попасть в его «Записки»...

Вдруг рассказ мой был прерван смехом зрителей, который возбудил господин с огромным лбом и с вечной иронией на устах, вышедший из заведения под вывескою *Кометы.* Взгляд этого господина поражал своим изменчивым и сложным выражением: то делался он бродячим и ищущим, то тоскливым и сухим, но чаще всего гордо спокойным...

Но этот взгляд, как и вся фигура, все движения господина были исполнены неслыханных претензий, самолюбия и напыщенности. Он точно был смешон.

— Кто бишь это такой? — спросил меня издатель.

— Как! неужели вы не узнали идеалиста Левина? — отвечал я. — Богатый, надутый и праздный, со своими будто бы глубокими мыслями, фразами и вопросами, он носится, как с писанною торбою, и смотрит как на ничтожную толпу — на людей, молча и без фраз трудящихся в поте лица. Посмотрите, как он старается показать всем, будто всматривается в жизнь с напряжением, будто прислушивается ко всем ее звукам, будто тревожно допрашивается смысла всех ее явлений; с каким гордым самодовольствием смотрит он на людей обыкновенных, простых и на все в мире... Вот шут-то! . . Для чего, например, он теперь — взгляните — забирается в самый отдаленный и глухой угол сада, заглядывает в уснувшие и заплесневелые пруды, озирает деревья от корня до

верхушек, подымает букашку с земли, подробно осматривает ее на своей ладони и потом далеко бросает ее от себя — и все иронически и гордо улыбается... Это еще что такое? Смотрите, смотрите, он вынимает из кармана какую-то книжку, глядит на нее и говорит что-то... Послушаем:

— Далеко то время, — начал Левин, с мрачной аффектациею смотря на книгу, — далеко, когда я думал, что вы, книги, дадите мне счастие и удовлетворение; но зачем не могу я, наконец, жить без вас, или зачем не могу только жить с вами, с вами одними? зачем мне жизнь и люди, и весь мир? . .

При этих словах послышался снова хохот в толпе зрителей.

Левин продолжал, бросив злобный взгляд на презренную толпу:

— Разве люди для меня не те же книги? Что нашел я в них, кроме того же чтения? . . Зачем вздохи еще теснят и вздымают грудь мою! Бедный чтец! ты умерщвляешь и разнимаешь твоим страшным, никогда не притупляющимся ножом анализа и наблюдения все живущее.

Он поднес к глаза́м с большим эффектом свой носовой раздушенный платок и воскликнул несколько диким голосом:

— О, зачем эта едкая слеза, бедный чтец!!

После этих слов раздалось несколько иронических bravo! *

Левин положил книгу в карман, вынул медальон с портретом какой-то девушки и, глядя на этот портрет, продолжал:

— Что со мной? Что со мной? Отчего я бросил свои книги? Что, куда зовет меня? Где мой покой? Отчего чудится мне, что время стало и не движется, а я беснуюсь здесь, как зверь в своей клетке? Неужели желание зародилось во мне? Что? Что? Какое желание? во мне желание? Ха, ха, ха! . . Смотреть на это дитя?

И он, держа медальон в левой руке, горячо указывал на него правой.

— Не отводить от него глаз, слушать его детский лепет и младенческий смех, следить за всеми его движениями? Неправда, нет! нет!

---

* Здесь: молодец! (*итал.*).

Идеалист схватил руками свою голову и закричал голосом Ляпунова на Александрынском театре:

— Бред! бред! бред!

В эту минуту неподалеку от него, незамеченное им, появилось новое лицо — господин бледный, с крошечными ногами в лакированных сапогах, но с колоссальною самонадеянностию, с необыкновенно спокойными чертами лица и с какими-то странными глазами. В глубине этих глаз таилась, по мнению их обладателя, какая-то необыкновенная сила. От лучей этих глаз таяли все женские сердца, как снег от лучей солнца, ни одна барышня не могла выносить этого взгляда, а злодей равнодушно смотрел на подкошенные им жертвы и говорил самодовольно, про себя: «пусть страдают!». Во всех движениях этого сердцееда были заметны усталость и разочарованность. В глазу у него было вставлено стеклышко, в которое он смотрел на беснующегося идеалиста, с небрежностию светского денди средней руки. Это была самая едкая и тонкая пародия на известного *Героя нашего времени*, тот же Печорин, только с провинциальным оттенком, словом, — г. Тамарин.

— Что это вы так кричите, как будто вас режут? — спросил Тамарин Левина, продолжая смотреть на него в стеклышко и заложив палец руки за жилет.

Левин повернул голову и с необычайною гордостию, смешанною с презрением, посмотрел на Тамарина.

— А, это вы!

Левин был в бешенстве оттого, что Тамарин подслушал звуки его страданий.

— Я думал, услышав ваши крики, что на вас напали разбойники, и явился к вам на помощь, — сказал Тамарин со свойственными ему небрежностию и бесстрастием.

— Милостивый государь! — отвечал Левин, поведя своими тонкими и бледными губами злобно-иронически, — вы напрасно беспокоились, я не нуждаюсь ни в чьей помощи, а тем более в вашей. Между нами нет ничего общего: для вас — внешняя жизнь, удовлетворяющая только мелкие самолюбия, для меня — жизнь внутренняя, жизнь вселенной, со всеми мучительными вопросами и думами. Я для вас, как и для многих других — загадка. И не вам отгадать ее... Мы идем в жизни двумя диаметрально противоположными путями. Оставьте же меня в покое и отправляйтесь к вашим жертвам.

— Прекрасно, прекрасно! все это очень забавно, что вы наговорили, — и бесстрастный Тамарин зевнул, — только позвольте мне заметить, что порядочные люди так не кричат, как вы кричите, и не разговаривают с самими собою.

Этот щекотливый разговор между двумя колоссальными самолюбиями мог бы окончиться трагически, если бы в эту минуту не прибежала какая-то расстроенная и бледная баронесса, одна из жертв Тамарина, и не бросилась к нему, как разъяренная львица.

— Ты здесь! наконец я нашла тебя! — воскликнула баронесса. — Ты скрываешься от меня, ты меня разлюбил, ты меня покинул для нее.

— Пожалуйста, потише, — отвечал равнодушно Тамарин, отведя ее в сторону, между тем как Левин смотрел на них с глубоко ядовитой иронией, — что такое? в чем дело? что вам нужно?

— Признавайся, ты оставил меня для нее.

— Ну да! Что ж такое? — отвечал спокойно Тамарин, пронзая ее мучительно лучом своего взгляда, как ледяной иголкой.

— И ты сознаешься в этом! Говори, ты любишь ее?

— Нисколько. До сих пор я еще никого не удостаивал чести любить. Что это такое любовь?

Из груди баронессы вырвался вопль, она упала без чувств. Тамарин с ловкостью наклонился, поднял ее как перышко и исчез с нею за деревьями.

В лесу раздалось щелканье и свист.

— Это еще какой сюрприз? — спросил издатель.

— Вы видите, — отвечал я ему:

Тихо в воздухе, в сон погруженном,
Месяц по небу тихо плывет,
А на ветке в лесу омраченном
Соловей как Щ<ерби>на поет,

хотя кроме нас с вами никто не обращает внимания на это пение.

Левин между тем, смотря в ту сторону, где исчез Тамарин с баронессой, прошептал: «И это люди!», и гордо взглянул вверх. Он увидал большого картонного орла, поднимавшегося с такой же скалы, поставленной нарочно для него за гостиницей. Орел разинул свой клюв и произнес ему торжественным голосом: «Пари и гордо созерцай до последней минуты». Левин почув-

ствовал, что душа его расширилась, и мерными шагами гордо отправился ужинать в гостиницу.

На сцену после него явилась прекрасная и очень грациозная девушка. Левин был забыт тотчас, эта девушка обратила на себя всеобщее одобрительное внимание публики, выразившееся единодушными рукоплесканиями при ее появлении. Все заинтересовались участью *Племянницы* (ибо это была она) и очень досадовали, что какие-то господа Ильменев и Плетнеев беспрестанно заслоняли ее собой от зрителей, не давали ей действовать и приставали к ней с длинными и вовсе не занимательными разговорами. Еще до появления *Племянницы* блуждали по сцене какие-то бледные и неудавшиеся тени в женских одеждах: *Две сестры*, *Меньшая* и *Старшая*, вдова Вронская, княжна Алина, Глашеньки, Сонечки, Любочки и другие, но на них никто не обращал никакого внимания, кроме добродушного Адама Адамыча, который, покуривая свою трубочку, следовал за ними, тая от умиления, и произносил с чувством:

— Какие барышни! Боже! какие барышни! Какие прелестные и умные... Я и не видывал таких женщин! Что за женщины! Какие глазки! Какие носики! Как же можно сравнить их с моей Мельничихой?

А энергический друг его Закурдаев дергал Адама Адамыча за длинные фалды его фрака и говорил:

— Ах, Адам, Адам! какой же ты, не говоря дурного слова. Ведь у тебя ни в чем границ нет... право, нет! Ну что ты головой-то качаешь? Положим, и сердце у тебя доброе, доброе сердце, нежное... Да что толку? Ведь от этого тебе все и нравится.

Дилетаев, бывший в числе зрителей этого литературного маскарада, чувствовал себя совершенно в своей сфере, беспрестанно аплодировал и по возвращении из Петербурга в свой город вознамерился там ввести в моду подобные маскарады. Из-за плеча его выглядывал *Комик*, который на все посматривал с ироническою улыбкою, а иногда задумчиво покачивал головою.

Рольери, который все носился со своим *Силуэтом*, замышлял какие-то злодейства, кричал, размахивал руками и блуждал без всякой цели из стороны в сторону, постоянно желая выдвинуться на первый план, принят был зрителями равнодушно, потому что им давно надоели дюжинные мелодраматические герои. К

тому же он был заслонен толпою каких-то непризнанных сочинителей, неизвестно откуда пришедших, которые запели нескладным хором и голосами пискливыми и раздражительными следующие стихи:

Хор непризнанных сочинителей

Мы долго по свету блуждали, —
Искали мы денег и славы,
И наши умы клокотали
Ключом вулканической лавы.
Сходились мы каждые сутки, —
Читали свои сочиненья,
И крепнули наши рассудки
И все расширялись воззренья.
Великие наши идеи
Мы свету поведать желали;
Но нас журналисты злодеи
В журналы свои не пускали.
Принять нас — на нашу погибель —
Один наконец соблазнился, —
В подписчиках верную прибыль
Сулили ему — он решился! . .
И были в работе мы рьяны!
Врагов мы нещадно разили, —
Их шутки, поэмы, романы
Мы так остроумно бранили;
Писали на них мы памфлеты,
И в том упрекали их даже —
Зачем по картинке одеты
И ездят в своем экипаже?
Они же в ленивом косненье
Твердили, что мы бесталанны,
И точно: при старом воззренье
Казались труды наши странны.
Зато все законы искусства
Мы так переделать хотели,
Чтоб наши идеи и чувства
В нем право гражданства имели...
Но не было вовсе успеха —
Читатель не внял ни единый!
И только коварного смеха
Мы стали ходячей причиной.
Тогда журналист разъяренный
Прогнал нас — скупец бестолковый! —
Ушли мы толпою смятенной,
И ищем работы мы новой.
И, мучимы жаждой Тантала,
Клянемся работать с успехом;
Но каждый издатель журнала
Нас с ужасом гонит и смехом...
И так мы блуждаем как тени,
И наши таланты бесплодны;

Умы отупели от лени, —
Мы к делу другому несродны.
Ах, нам ли забыть корректуры
И запах печатной бумаги?
Привыкли уж наши натуры
К разгулу журнальной отваги.
В бездействии жалком коснея,
Мы стали и бедны и слабы;
И в Дантовом «Аде» страшнее
Нам казни придумать нельзя бы! . .

После этого хора последовало несколько минут гробового молчания, как перед ожиданием чего-то необыкновенного... Все появлявшиеся доселе на сцене лица обоих полов: Племянница со своими неизбежными Ильменевым и Плетнеевым, бледные и неудавшиеся барышни, разные княгини и баронессы, господин с записной книгой, господин в охотничьем платье, добрейший Адам Адамыч, свирепейший Рольери, восторженный хлопотун Дилетаев, даже раздутые самолюбием Тамарин и Левин выстроились в два ряда, как будто для приема почетных гостей... На сцене обнаружилось движение... Тамарин вставил в глаз стеклышко, Левин повернул голову несколько в бок и начал смотреть куда-то... Взгляд его, как анатомический скальпель, казалось, врезывался во все тайны жизни... Между зрителями послышались тихие рукоплескания, хотя на сцене еще никого не было видно... но вот они и громче и громче, сильней и сильней... и вдруг стены залы затрещали от рукоплесканий, превратившихся в бурю и смешанных с криками: «Браво!».

На сцене появились: старичок с большими серебряными очками на носу, с табаком под носом, в испанском костюме, в трико, со шпагой, с мантией и с током на голове, украшенном вместо перьев бубенчиками... Костюм этот был очень похож на те костюмы, которые о святках и о масляница берут на прокат в табачных лавочках... Старичок вел под руку маленькую чудноокую и толстенькую госпожу с многодумной головкой, с огромными и продолговатыми глазами, разукрашенную перьями, цветами, ожерельями, брошками и браслетами, а под мышкой другой руки держал огромную книгу.

— Это *Фауст* и *Счастливая женщина!* Это они! — раздались восторженные возгласы, когда рукоплескания и крики утихли. — А вот и их свита!

В самом деле, за *Фаустом* и *Счастливой женщиной* следовали — *кухарка* г. Лазаревского, в венке из васильков и с распущенными косами; глашатаи, эфемерные венки, задорливые пучки, красны девицы, блюдолизы, уродко-зоилы, бабьи звяки, испитые, бабенки в куче, перекрики, всполохи, толкотни, голосни, фофаны, горынята, белобрысенькие, черномазенькие, расходчики, поднаучные, гомункулы, карлики, имзы, дактили, заправные скопидомы, закадычные холостяки, наянные разгильдяи, голодная треска, корги-ёрги и проч⟨ие⟩.*

— Недоумительно и вместе льстиво, прелестная Марина, — сказал Фауст своей даме, — что публика с таким немнительным и знаменательным восторгом принимает нас. Значит, она оценила мое остроумство и вашу грацию, и мы даже не встретили никакого благоосуждения со стороны ее. Примите это в доразумение.

— Все это так, мой милый Фауст, — отвечала чудноокая Марина, склонив на сторону свою многодумную головку, — но пустота этой жизни без цели и без причины, вечно праздничной и вместе с тем вечно будничной, в ее тревожном однообразии и однообразном треволнении, все это меня утомило; и затем ли я родилась, чтобы примерять и изнашивать новомодные наряды? Я чадо века сего, созданье многосложное и многознающее, живущее в борьбе и разладе с жизнию. Позвольте, я расскажу вам мою историю, мой ученый друг. Вы вполне поймете мои внутренние страдания и оцените меня.

— Всенепременно, — отвечал Фауст, — но я чаю, что с вашей стороны не найду никакой сопротивительности, если сообщу вам, — что для вас напредь будет пользительно, — новые слова, мной изобретенные для обогащения и услащения русского языка. Обнадежен заранее, что вы воспользуетесь сими словами в последующих ваших сочинениях. Благоволите выслушать...

Фауст развернул книгу и начал читать Словарь изобретенных им или в особенном смысле употребляемых слов:

---

* Все эти названия, так же как и лексикон новых слов, взяты из 2-й части «*Фауста*», перев⟨еденной⟩ г. *Овчинниковым* и изданной в Риге. (*Примечание автора статьи.*)

Отвсюд.
Препряда.
Изволенность.
Обать.
Согоспода.
Барсюки.
Нисколь.
Сопротиви-
тельно.
Слично.
Брязги.
Повзорить.
Струс.
Распытывать.
Чудня.
Кривда.
Поблазнять.
Теснотиться.
Впопять.
Корячить.
Необтесы.
Горбули.
Опнуться.
Подгул.
Чивость.
Навитки.
Костринки.
Трепальцы.
Повинки.
Лебезить.

Ощелмачить.
Передвиженье.
Одноточность.
Мягкоступ.
Союзиться.
Доволя.
Навзрячий.
Пырь.
Втих.
Щелмак.
Некощной.
Чуха.
Поруха.
Волшба.
Фофанить.
Ухма.
Понукнуть.
Порысить.
Двусмыслы.
Затор.
Метлягка.
Пустёжь.
Фырять.
Запяты.
Нишкни.
Хайло.
Рылястый.
Разотмычить.
Цельё.
Зарь.

Впять.
Баломутство.
Шмыг.
Прыг.
Дряг.
Дрыг.
Хохлявый.
Нюхлявый.
Доведи.
Росляки.
Силяки.
Тряпы.
Трясы.
Плясы.
Зашаить.
Полымё.
Душевредность.
Требесье.
Наклочить.
Злыни.
Турить.
Очертовщинить.
Мизюрной.
Уприметить.
Чурай.
Облыжнорылой.
Юр.
Очухиваться.
Шутовой... и
проч⟨ее⟩.

Слова эти возбудили неописанный восторг в публике.

— Находите ли вы, — продолжал Фауст, — достаточно благосличными эти слова, очаровательная Марина?

— Всеконечно! — отвечала Марина, с нежностию смотря на Фауста и протягивая ему свою руку.

Ф а у с т (*становясь на колени перед Мариной*).

Благоугодность женщины великой
Приемлю на коленах... руку эту
Возведшую меня в почет толикой
Целую...

Хор Перекрик (*поет*).

Приятно слышать. Продолжай.
Веселое словечко вымышляй.

Марина (*смотря с гордостию в лорнет на Старый Дом, Мертвое Озеро, Племянницу, на Адама Адамыча, Дилетаева, Тамарина, Левина и на других одушевленных и неодушевленных литературных особ 1851 года*). Откуда все это, мой несравненный Фауст, скажите, говорят, все это из каких-то журналов и альманахов, но ведь дамы высшего света их не читают. Не правда ли? Все это предоставляется *горничным*, для которых и сочинено. А вот нас с вами так будет читать и высший свет? И кто осмелится критиковать нас?

Хор закадычных холостяг (*поет*).

О, никто, никто, никто
Мы одни лишь знаем то,
Про то!

Марина. Да и что такое все новейшие европейские сочинители и романисты в сравнении с нами! Диккенс — это талантливый и добросовестный, *пожалуй*, но заблуждающийся коновод целых сотен бездарных производителей так называемой *мещанской* литературы, литературы, имеющей цель не возвышать мысль и не воспламенять душу, а единственно выводить все обыденное, всякому понятное и знакомое. Вот наши с вами сочинения, так, без сомнения, возвышают мысль и воспламеняют душу!

(Я наклонился к уху издателя и шепнул: «каким легким истинно-светским языком объясняется эта милая дама!»)

Фауст. Неоспоримо! а врагов нам боятся не след.
Враги все расточатся, вострепещут
Какие ж лихи на беду нахлещут —
На тьму, (*указывая на себя и на счастливую женщину*)
где эдакие звезды блещут!

Марина. Дозвольте же, достолюбезный мой Фауст, рассказать вам историю моей жизни и по этому поводу сообщить некоторые мои впечатления и мысли, дабы вам можно было удобнее и ближе проникнуть в сокровенные тайники души моей.

У р о д к о - З о и л (*поет*).

Что розно — в ком, что комом — врозь,
Что косо — впрямь, прямое — вкось, —
Вот в жизни правило мое
И чем мне красится житье!

Ф а у с т (*к Уродко-Зоилу*). Молчи.

Ф а у с т (*к Марине*).

Весь в ухо превратился я, —
Мне сладка ваша болтовня —
Взмазня!

М а р и н а. Надобно вам сказать, мой милый Фауст, что я женщина в высшей степени идеальная. Я принадлежу к тем женщинам, которые готовы взобраться на облака или соскочить в бездну, если им обещают, что там их ждет жизнь. Мне противно все пошлое, обыкновенное. Мне, как Саламандре, нужно пламя и все хочется куда-нибудь урваться и освободиться. Я добродетельна по увлечению и нравственна по убеждению и не чувствую в себе сребролюбия. Я говорю как пишу. Любимые писатели мои: сладкострунные Мильвуа, Жуковский, Мур и Гюго. Еще в девицах меня называли серьезною, и поныне я сохранила этот характер. Молва о моем разуме, рассудительности и прекрасном воспитании достигла до сорокапятилетнего Ненского, которого перед этим обобрала какая-то танцовщица-андалузянка с берегов Гвадалквивира. Я бросилась в глаза Ненскому как блестящий метеор, он мне присылал каждое утро букет из тропических цветов и сильно ухаживал за мною, и я уже готовилась быть ему подругою, понимая в этом полное, сознательное сотоварищество двух существ. Вышедши за него замуж, я всячески старалась показать ему, что я не столь ребячлива, как он может предполагать, и каждый день предлагала ему то послушать музыку, то заняться чтением, и нарочно выбирала книги посерьезнее. Но уже, оставаясь со мной наедине, он скучал и мало интересовался моим разговором. О, мужья! не все ли вы таковы? Ваше обидное о нас нерадение удаляет нас от вашего сердца. Когда я увидела равнодушие ко мне моего супруга, холодное отвращение начало собирать нетающие льдины в моей душе, глубокой и таинственной. Скука, сплин и еще кое-что заменили во мне прежнюю волю. Супруг уже сделался мне нежеланный и неприятный товарищ. Я находилась в поло-

жении богатого купца, который бы оснастил... (*Марина долго что-то еще бормотала скороговоркою, слов ее нельзя было хорошенько расслышать, однако, когда она остановилась перевести дух, раздались рукоплескания и крики «браво!». Счастливая женщина раскланялась и продолжала*):

Я была кокетлива, но позволяла ухаживать за собой только в пределах светских отношений и решительно останавливала вознамерившегося идти далее. Но вот вскоре началась *Усобица* в моем сердце. Передо мной появился идеальнейший юноша — Борис Ухманский, и мы с ним начали говорить

О том, о сем, а больше ни о чем!

Мы так разговорились (это было на бале), что и не заметили, как все разъехались, и около нас образовалась *Сагара*. Для меня наступила *вечная минута*. Ухманский... Но следует объяснить, *кто он и каков был*. Напрасно, друг мой Фауст, уроды обоего пола и философы (не оскорбляйтесь, это не относится к вам)... (Марина нежно взглянула на Фауста; Фауст поклонился и расшаркнулся).

— Напрасно, говорю я, они утверждают, что красота ничего не значит...

Фауст (*перебивая*).

Совершенно так. Красивость
Должно лишь пристроить в чивость,
И по вся дни светозарны
Молвить: очень благодарны!

Марина. Красота! вот он, настоящий, всесильный талисман, о котором волшебные сказки говорят нам, как о вещественном залоге благополучия и удачи... *Красота* — прямой талисман, помогающий счастливцам... *Красота* — печать избранья на челе... *Красота* — шестое чувство, дополняющее в его обладателе способность наслаждаться смелее прочими, и наоборот...

Но, скажут нам, красота — вещь условная; понятия о ней различны и многосложны, как самые лица, нравы и вкусы бесчисленных племен, рассеянных по земному шару.

Нет, ответим мы, красота *единa*, хотя разнообразна...

Но, скажут еще, она относительна и условна, — кра-

сота у образованных народов не то, что у диких, у негров, у калмыков!

Всеконечно! — но потому-то они и дикие, и негры, и калмыки, что их *красота* похожа на наше безобразие... Повторяю, красота вместе *едина* и многоразлична.

Пискливый голос в толпе.

— Красота, красота, красота,
Я одно лишь твержу с наслажденьем!

Марина. Слова: Quel bel homme и *какой красивый* — обиднее всего для человека и клеймят его хуже насмешки, даже иногда совсем его уничтожают.

Мужчина может быть: 1) статный, 2) ловкий и 3) величественный.

Но мужчина-красавец, мужчина-молодец, воля ваша! они смешны до крайности! По-французски: *comme il est beau* *, и *comme il est bien* ** представляют два совершенно различные смысла. Попробуйте сказать: *comme il est beau* — и вам представится нечто похожее на первопопавшуюся картинку модного журнала, нечто белое как молоко и румяное как крымское яблоко, завитое, напомаженное, затянутое в узкий фрак, закованное как колодник в *слишком высокий и еще более жесткий галстух...* Но скажите, напротив: *comme il est bien!* — и невольно воображение ваше разыграется.

Голоса в толпе. Какой великолепный дифирамб красоте! Браво! браво! *Bis! Bis!*. Вот как должно писать романы для избранного общества!

Хор всполох (*поет к Марине*).

Отрадно право слушать вас —
У нас про вас венок в запас!

Фауст.

Мне остается только, жено, всепобедно
Живот повергнуть свой перед тобой;
Пусти же ты меня к ногам упасть,
Признать владычество твое и власть,
И в промысл твой отдаться головой!

Марина (*испустив вздох*). Таков был мой Ухманский. Голова его, утомленная бесполезным чаянием,

---

* как он прекрасен (*франц.*).
** как он хорош (*франц.*).

беспечно и миловидно склонялась на левую сторону. Он был воспитан отлично и выдержал с честью все экзамены кандидатов; потом, повинуясь желанию родителей, поступил в службу, *но дипломатическую*, и пробыл несколько времени за границей. Если он там шалил и гонялся за удалой гризеткой *Латинского квартала* в Париже, и отчаянно вальсировал с нею на загородных балах в саду Большой хижины и Мабиля, или шармировал (*сентиментальничал*) с белокурою и голубоокою немочкою у берегов Рейна, романсовал с путешествующими варшавянками и позволял себе иногда *far l'amore* * с пламенными транстеверинками в Риме и смуглыми неаполитанками, пляшущими тарантеллу и *сантареллу* в Сорренто, то это были только мгновенные вспышки. *Не того* ему нужно было, *не того* ждали и звали чистые и высокие мечты пришельца; сердце его оставалось пусто *и сиро*. Одна я могла понять его глубокую душу и все стороны многогранной мысли его, все обнимающей и всевопрошающей. Один он мог понять меня, влюбился и стал за мною ухаживать. Но я вознамерилась удалить этого демона-соблазнителя. Я перестала танцевать с ним, хотя он заранее пригласил меня на всю зиму, под удачно придуманным предлогом, что он под рост мне.

Голоса в толпе. Удивительный, необыкновенно ловкий и удачный предлог!

Марина. Я была в переходном состоянии от благорасположения к страсти сильной. Хотя, по молодости своей, я не могла рассчитывать *политику* мнимых пренебрежений и между нами завязалась борьба на смерть, но я была тверда, и Ухманский был обманут моею *стратегиею*. Это мне, впрочем, стоило дорого: я худела, и без того огромные, продолговатые глаза мои вырастали и становились еще огромнее. За границу ехать лечиться я не соглашалась. Толпа не понимала меня, по-прежнему называла *счастливой женщиной* и уверяла, что я блажу... Но уже я утомлена и дальнейшие мои приключения передам вам, друг мой Фауст, впоследствии.

(Успех неслыханный. Гром рукоплесканий. Счастливую женщину публика вызвала 934 раза.)

---

* Здесь: влюбляться (*итал.*).

Хор закадычных холостяг (*после вызовов*).
Что за стряс, за сотрясенье,
Суматоха, страх, смятенье?
Что за колых — за шатанье,
Располоха, трях, качанье?
Видно публике то всласть
(*указывая на Марину*)
Что она питает страсть!

Фауст (*на коленях перед Мариной*).
Дивуюсь и любуюсь я тобой!
Перед тобой
И ум великий станет сам не свой!

В эту самую минуту часы пробили полночь. Огромные двери залы растворились настежь. Море света хлынуло в залу, и в этом свете появился прекрасный юноша, представлявший Новый год. В руке его были два лавровых венка: он подошел к Марине и Фаусту, поздравил их с литературной победой и торжественно возложил венки на их головы. Тогда вся литература 1851 года с почтением преклонилась перед ними.

— Я надеюсь, сударыня, — сказал Новый год, обращаясь к Марине, — что вы окончите упоительный рассказ о вашей жизни в первый же месяц моего существования и будете при мне чаще прежнего украшать вашими произведениями русскую литературу. Вы так легко и так мило рассказываете! вы настоящая салонная рассказчица, тогда как все остальные... (Новый год указал на всю литературу 1851 г⟨ода⟩) могут занимать своими рассказами только *горничных*, как вы справедливо, но не совсем вежливо изволили заметить.

Затем Новый год начал раскланиваться публике. Все присутствующие приветствовали его восторженными рукоплесканиями и криками. Когда же эти крики смолкли, раздался невидимый хор:

Что новый год, то новых дум,
Желаний и надежд
Исполнен легковерный ум
И мудрых и невежд.
Лишь тот, кто под землей сокрыт,
Надежды в сердце не таит.

Давно ли ликовал народ
И радовался мир,
Когда рождался прошлый год
При звуках чаш и лир?

И чье суровое чело
Лучом надежды не цвело?

Но меньше ль видел он могил,
Вражды и клеветы?
В нем каждый день убийцей был
Какой-нибудь мечты!
⟨Не пощадил он никого
И не дал людям ничего!⟩

При звуках тех же чаш и лир
Обычной чередой
Бесстрастный гость вступает в мир
Бесстрастною стопой, —
И в тех лишь нет надежды вновь,
В ком навсегда застыла кровь.

И благо!.. С чашами в руках
Да будет встречен гость,
Да разлетится горе в прах,
Да умирится злость!
И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца!

Нас давит времени рука,
Нас изнуряет труд,
Всесилен случай, жизнь хрупка...
Живем мы для минут,
И то, что с жизни взято раз,
Не властен рок отнять у нас.
Пускай кипит веселый рой
Мечтаний молодых —
Им предадимся всей душой...
А время скосит их, —
Что нужды? Снова в свой черед
В нас воскресит их новый год.

После этого хора все исчезло в зале, зала опустела и в других комнатах начались танцы.

Ужин был великолепный, гомерический. В столовой были устроены фонтаны из различных вин... К концу ужина все сделались чрезвычайно веселы. Только видимо чем-то огорченный китайский литератор Маюкон (я забыл сказать, что он также присутствовал почему-то на этом маскараде) очень сердился за что-то и косо посматривал на меня. Я примирился со своими литературными врагами и обнимал их. В то же самое время издатель, которого привез я, также обнимался и целовался с непримирейшим врагом своим — другим издателем.

Увидев это, я заплакал от умиления.

Надолго ли только это примирение? «*Вот вопрос*!» — как говорит Гамлет; еще теперь мы все находимся под обаянием Нового года, с которым, кстати, я имею честь поздравить моих читателей, друзей и врагов, пожелав и тем и другим всевозможных благ в этом году.

1855

POST-SCRIPTUM К СТАТЬЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «СОЧИНЕНИЯ ПУШКИНА»

Статья первая

Р. S. Выше сказано, что издание г. Анненкова обогащено несколькими новыми произведениями Пушкина в прозе и стихах, отысканными новым издателем в бумагах поэта. Между этими драгоценными находками есть несколько стихотворений превосходных. Мы украсили настоящую книжку «Современника» тремя пьесами Пушкина, из которых две совершенно новые; третья («Воспоминание») нова только во второй половине начиная со стиха: «Я вижу в праздности, в неистовых пирах». Первая половина напечатана еще при жизни Пушкина. Теперь эти две половины, соединенные чрез столько лет в одно стихотворение, представляют одну из лучших и характернейших лирических пьес Пушкина в том виде, как она создалась под его пером. В заключение настоящей статьи приводим еще несколько стихотворных отрывков, впервые появившихся в издании Анненкова.

Дополнительные октавы к повести «Домик в Коломне»

(*К III октаве*)

Modo vir, modo fēmina. *

У нас война! Красавцы молодые,
Вы хрипуны. . . . .
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль в Персии Ширванский полк?

* То муж, то женщина (*лат.*).

Уж люди! Мелочь, старички кривые,
А в деле всяк из них, что в стаде волк!
Все с ревом так и лезут в бой кровавой:
Ширванский полк могу сравнить с октавой.

Поэты Юга, вымыслов отцы,
Каких чудес с октавой не творили?
Но мы ленивцы, робкие певцы,
На мелочах мы рифму заморили.
Могучие нам чужды образцы.
Мы новых стран себе не покорили,
И наших дней изнеженный поэт
Чуть смыслит свой уравнивать куплет!

Но возвратиться все ж я не хочу
К четырехстопным ямбам, мере низкой...
С гекзаметром... О, с ним я не шучу:
Он мне невмочь. А стих александрийской?..
Уж не его ль себе я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкий
И с жалом даже — точная змея;
Мне кажется, что с ним управлюсь я.

Он вынянчен был мамкою не дурой:
За ним смотрел степенный Буало,
Шагал он чинно, стянут был цезурой;
Но пудреной пиитике назло
Растрепан он свободною цензурой.
Учение не впрок ему пошло:
Hugo с товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили без цезуры.

О, что б сказал поэт-законодатель
Гроза несчастных мелких рифмачей!
И ты Расин, бессмертный подражатель,
Певец влюбленных женщин и царей!
И ты Вольтер, философ и ругатель,
И ты Делиль — парнасский муравей,
Что б вы сказали, сей соблазн увидя!
Наш век обидел вас — ваш стих обидя!

У нас его недавно стали знать.
Кто первый? можете у «Телеграфа»
Спросить и хорошенько все узнать.
Он годен, говорят, для эпиграфа,
Да можно им порою украшать
Гробницы или мрамор кенотафа;
До наших мод, благодаря судьбе,
Мне дела нет: беру его себе!

(*К октаве VIII*)

И там себе мы возимся в грязи,
Торгуемся, бранимся, так что любо,
Кто в одиночку, кто с другим в связи,

Кто просто врет, кто врет сугубо...
Но Муза никому здесь не грози —
Не то тебя прижмут довольно грубо,
И вместо лестной общей похвалы
Поставят в угол «Северной пчелы»!

Иль наглою, безнравственной, мишурной,
Тебя в Москве журналы прозовут,
Или «Газетою литературной»
Ты будешь призвана на барский суд.
Ведь нынче время споров, брани бурной;
Друг на друга словесники идут,
Друг друга режут и друг друга губят
И хором про свои победы трубят!

Блажен, кто издали глядит на всех,
И рот зажав, смеется то над теми,
То над другими. Верх земных утех
Из-за угла смеяться надо всеми!
Но сам в толпу не суйся... или смех
Плохой уж выйдет: шутками однеми
Тебя, как шапками, и враг и друг,
Соединясь, все закидают вдруг.

Тогда давай Бог ноги. Потому-то
Здесь имя подписать я не хочу.
Порой я стих повертываю круто,
Все ж видно — не впервой я им верчу!
А как давно? Того и не скажу-то.
На критиков я еду, не свищу,
Как древний богатырь, — а как наеду...
Что ж? Поклонюсь и приглашу к обеду.

Покаместь можете принять меня
За старого обстреленного волка
Или за молодого воробья,
За новичка, в котором мало толка.
У вас в шкапу, быть может, мне, друзья,
Отведена особенная полка.
А, может быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку в мокрую печать.

Ах если бы меня под легкой маской
Никто в толпе забавной не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого строгий критик пощелкал!
Уж то-то б неожиданной развязкой
Я все журналы после взволновал!
Но полно, будет ли такой мне праздник?
Нас мало. Не укроется проказник!

А вероятно, не заметят нас,
Меня с октавами моими купно.
Однако ж нам пора. Верь, я рассказ
Готовил; а шучу довольно крупно

И ждать напрасно заставляю вас.
Язык мой — враг мой: все ему доступно,
Он обо всем болтать себе привык.
Фригийский раб, на рынке взяв язык,

Сварил его (у г-на Копа
Коптят его). Езоп его потом
Принес на стол... Опять, зачем Езопа
Я вплел с его вареным языком
В мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нет нужды вновь беседовать о том!
Насилу-то, рифмач я безрассудной,
Отделался от сей октавы трудной!

Усядься, Муза...

Монолог пьяного мужичка

Сват Иван, как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно:
Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать так поминать,
Начинать, так начинать,
Лить так лить, разлив разливом.
Начинай же, сват, пора!
Трех Матрен, Луку с Петром
Мы помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогами да вином,
Да еще ее помянем —
Сказки сказывать мы станем.
Мастерица ведь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать — так душе отрадно;
Кто придумал их так складно?
И не пил бы, и не ел,
Все бы слушал да глядел.
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам недосужно)
Надо будет помянуть.
Помянуть и этих нужно...
Слушай, сват: начну первой,
Сказка будет за тобой...

Наконец, вот еще превосходный отрывок в классическом роде, относящийся к поэту Петрову, уже в преклонной старости написавшему известную оду адмиралу Н. С. Мордвинову...

Под хладом старости угрюмо угасал
Единый из седых орлов Екатерины.
В крылах отяжелев, он небо забывал
    И Пинда острые вершины.
В то время ты вставал: твой луч его согрел;
Он поднял к небесам и крылья и зеницы —
И с шумной радостью взыграл и полетел
    Во сретенье твоей денницы.
Мордвинов! Не вотще Петров тебя любил:
Тобой гордится он и на брегах Коцита.
Ты Лиру оправдал: ты ввек не изменил
Надеждам вещего Пиита!..

Не смеем ничего прибавлять в похвалу этому стихотворению, особенно первым двум строфам его, картинность и величественность которых поразительны. За одно это стихотворение, если б г. Анненков не нашел ничего более нового в бумагах Пушкина, — он уже заслуживал бы глубокой благодарности всей читающей публики. Но мы уже отчасти видели, что поиски г. Анненкова принесли обильные плоды, обогатив русскую литературу несколькими превосходными стихотворениями и дав г. Анненкову материалы к воссозданию личности великого русского поэта, что яснее увидим в следующей статье.

1856

⟨ИЗ СТАТЬИ «ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ»⟩

⟨Апрель 1856⟩

В последней книжке «Современника» мы говорили о возобновлении «Пантеона». В настоящее же время сообщим нашим читателям, что журнал «Сын отечества», давно прекративший свое горестное существование, забытый публикою и литераторами, воскрес в новой форме — в форме опрятной и приличной еженедельной газеты. Вышли уже четыре нумера этой газеты под редакциею г. Старчевского, с отделами «*Современной летописи*» и «*Политики*», «*Словесности*», «*Критики*» и «*Библиографии*». Статьи составлены толково, ясно и грамотно. Если редакция г. Старчевского ничего не сделала для русской публики в журнале «Библиотека для чтения», то, по всей вероятности, она окажется более полезною в деле еженедельного издания журнала-газеты. В пользу новой редакции говорит уже одно то, что она ограничилась скромными и небольшими размерами; следовательно, она имеет возможность сделать свой журнал свежим и интересным, и, кроме того, чрезвычайно дешевая подписная цена (4 рубля с⟨еребром⟩, а с пересылкою 5 р⟨ублей⟩ 50 к⟨опеек⟩) делает доступным этот журнал каждому. Само собою разумеется, что с заключением мира и с прекращением войны интерес политических событий не будет уже стоять на первом плане; следовательно, иногородним читателям будет приятно получать дешевый журнал, где они могут найти так называемую «политику».

1865

ПИСЬМА В ГЛУШЬ

Письмо четвертое

На все вкусы не угодишь! Ты благодарен за мои письма, а есть такие читатели, которые сожалеют (я сам слышал!) — зачем редакция заменила «Записки „Современника“» моими «Письмами в глушь»! — Какие, подумаешь, чудаки! Не понимаю, чего им нужно! Слог мой им не нравится? или остроумия мало? или самим содержанием они недовольны? Но какого же содержания хотят они? Я говорю обо всем, чем благовоспитанному человеку в благоустроенном обществе интересоваться должно. Погодите! ниже я коснусь даже предмета возвышенного... Но зачем ниже? Я теперь же коснусь его...

Две недели тому в магазине фабриканта серебряных изделий Сазикова можно было видеть —

Предмет любопытный для взора:
Огромный кусок лабрадора,
На нем — богатырь-великан
В славянской кольчуге и в шлеме,
Потомок могучих славян, —
Но дело не в шлеме, а в теме:
Назначен сей муж представлять
Отчизны судьбы вековые
И знамя во длани держать
С девизом: *«Единство России!»*
Под ним дорогой пьедестал,
На нем земледелья родного
Орудья и тут же газета, журнал,
Изданья Михайлы Каткова.
На книгах — идей океан —
Чернильница; надпись: *«Каткову
Подарок московских дворян»*
И точка! Мудрейшему слову
Блистать на *пере* суждено, —
Там имя Каткову дано:

«Макающий в разум перо», — имя это
У древнего взято поэта...

Не знаю, показывается ли чернильница теперь, но еще 23 декабря, как уверяет газета «Весть», № 32, 1865 г. (откуда я взял описание, переложив его в стихи, так как прозою о подобных вещах говорить не приходится), в магазине Сазикова можно было видеть как чернильницу, так и перо, золотое (по уверению той же «Вести») с надписью: *«макающему в разум перо»*...

Вот как ценятся истинные заслуги, мой друг... Мы живем в хорошее время. Если, с одной стороны, порок наказывается, то, с другой, добродетель, видимо, торжествует. Что же нужно еще? ⟨...⟩

КОММЕНТАРИИ

КРИТИКА

1842

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

(С. 7)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1842, 13 дек., № 49, с. 995—998, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Атрибутировано Некрасову — основному критику «Литературной газеты» в 1842 г. по сходству с оценкой либретто в первой главе стихотворного фельетона Некрасова «Говорун» (1843), по характерному для Некрасова пародийному характеру рецензии и обстоятельствам творческой биографии Некрасова (подробнее аргументация в реальном комментарии).

Премьера оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила» состоялась в петербургском Большом театре 27 ноября 1842 г. одновременно с публикацией либретто (авторы В. Ф. Ширков, Н. В. Кукольник, Б. М. Маркевич, М. А. Гедеонов, М. И. Глинка). Некрасов, очевидно, был на одном из первых представлений «Руслана и Людмилы». В первой главе «Говоруна» устами своего журнального персонажа Белопяткина он передает впечатление от новой оперы:

В душе моей остылую,
Лишенную всех сил
«Русланом и Людмилою»
Жизнь Глинка разбудил.
Поэма музыкальная
Исполнена красот,
Но самое печальное
Либретто: уши рвет!

(наст. изд., т. I, с. 392)

С. 7. *Не всякий знает, до какой степени трудно писать слова для оперы.* — У Некрасова был собственный опыт писания либретто. Осенью 1839 г. он работал над либретто для оперы «Испанка», заду-

манной К. А. Данненбергом (*Вацуро В. Э.* Некрасов и К. А. Данненберг. — РЛ, 1976, № 1, с. 136).

С. 8. *Нет, г. Башуцкий! Вы ошиблись, доказывая, что самое несчастнейшее существо в мире — водовоз.* — Имеется в виду рассказ А. П. Башуцкого «Водовоз», включенный в первые выпуски редактируемого им иллюстрированного издания «Наши, списанные с натуры русскими» (СПб., 1841). Герой рассказа — петербургский водовоз — гибнет, надорванный непосильным трудом, нуждой и нечеловеческими условиями жизни. Ср. наст. том, кн. 1, с. 148 и 421.

С. 8. *Изложим здесь поподробнее содержание libretto, чтобы не распространяться об нем при разборе музыкальной части оперы, который читатели найдут в этом же нумере.* — Далее в рецензии следует пересказ брошюры «Руслан и Людмила...» с вкраплением цитат со страниц 8, 9, 12, 18, 19, 21, 22, 27, 32—35, 36, 38, 39, 46. Анализ «Руслана и Людмилы» как музыкального произведения был дан в «Литературной газете» в специальной статье, которая следовала за комментируемой рецензией на либретто. Эта статья подписана Ф. А. Кони. «Опера М. И. Глинки, — писал редактор «Литературной газеты» в этой статье, — не имеет общей идеи, а частностей много, которые составляют не большое, а длинное сочинение, ибо частности эти не имеют положительной связи и составляют цепь музыкальных пиес, из которых отняв звено, два или более, значения ее не уничтожишь. Стало быть, как оперу в современном ее значении „Руслана и Людмилу“ рассматривать нельзя» (ЛГ, 1842, 13 дек., № 49, с. 999—1000). Один из основных недостатков оперы Глинки, писал Кони, состоит в том, что композитор «избрал либретто, лишенное всякой тени смысла, что читатели наши усмотрят из разбора его, помещенного в этом нумере „Литературной газеты“» (там же, с. 1000).

С. 10. *Как туча серая найдет ∾ (Из оперы «Агнесса»).* — Опера Ф. Паэра «Агнеса, или Отец и дочь» (1809) приобрела известность в России после постановки ее в 1822 г. на петербургской сцене с участием В. В. Самойлова и Н. С. Семеновой. Для русской сцены либретто было переделано И. Свечинским, написавшим часть текста в стихах (изд.: Отец и дочь. Опера в 3-х действиях с хорами. Музыка г-на Пера. СПб., 1823). Цитируемое Некрасовым четверостишие у Свечинского отсутствует (близкая ему по смыслу фраза — прозаическая; см. там же, с. 14—15). Оно содержится, однако (с пометой: «Из Агнесы»), в водевиле Ф. А. Кони «Карета, или По платью встречают, по уму провожают» (1836; переложение с франц. комедии Л.-Б. Пикара и Э. Мазера), в который включены фрагменты из ряда известных опер. В «Карете», кроме указанного четверостишия, «Агнеса» цитируется еще дважды — оба раза по переложению Свечинского (ср.: Карета, или По платью встречают, по уму провожают. Водевиль в одном действии. Переделан с франц. Ф. Кони. М., 1836, с. 30—31, 33, 108). (Указано А. М. Березкиным).

С. 11. *Из «Роберта-Дьявола».* — Из оперы Д. Мейербера «Роберт-Дьявол» (1830), написанной на либретто Э. Скриба. Имеется в виду неудачный перевод хора рыцарей из первого действия оперы:

Verser à tasse pleine
Verser ces vins fumeux
Et que l'ivresse amène
L'oubli des soins fâcheux
Au seul plaisir fidèles
Consacrons — lui nos jours.

Le vin, le jeu, les belles
Voiľa nos seuls amours. *

С. 12. *Не нужно мне твоих даров ∾ Умру среди твоих садов!* — В поэме Пушкина:

Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!

С. 14. *...из «Фра-Диаволо».* — «Фра-Диаволо» (1830) — комическая опера в 3-х действиях Д.-Ф.-Э. Обера. Процитированные строки являются, видимо, неточным переводом реплики Памелы или Церлины из IV явления 1-го действия оперы:

Pamela

De moi, bien jolie,
Son ame est ravie;
Est-ce ma faute, `a moi, s'il `etait amoureux?

Zerline

Oui, cette `etrang`ere
Aura su lui plaire,
Il lui fait les doux, les yeux d'un amoureux.**

С. 15. *«Жизнь за царя» барона Розена.* — Имеется в виду опера М. И. Глинки, либретто для которой написал Е. Ф. Розен (1836).

С. 15. *Высок и свят наш царский дом ∾ Так, недруг, близко не ходи!* — Ария Сусанина из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» (д. III, явл. 6).

---

* Наливайте чаши полней!
Наливайте шипучую влагу!
Пусть в опьяненьи мы забудем
Жизни тяжелое бремя.
Одному лишь веселью
Посвятим наши дни.
Женщины, карты, вино —
Остальное нам все равно!

** Памела

От меня, от красавицы, он явно без ума! Виновата ли я, что он так влюблен?

Церлина

Да, эта синьора ему приглянулась: он на нее смотрит нежно, смотрит глазами влюбленного!

СТАТЕЙКИ В СТИХАХ. БЕЗ КАРТИНОК

(С. 16)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1843, № 7 (ценз. разр. 30 июня 1843 г.), отд. VI, с. 68, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

На принадлежность этой рецензии Некрасову впервые указал Ю. Г. Оксман без какой-либо мотивировки (*Оксман Ю.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, с. 571). В академическом «Полном собрании сочинений» В. Г. Белинского рецензия на второй «том» «Статеек в стихах...» была включена в «Перечень статей, рецензий и заметок, приписываемых В. Г. Белинскому» с опровержением мнения Ю. Г. Оксмана (Белинский, т. XIII, с. 262). В. Э. Боград убедительно доказал, что Белинский, живший летом 1843 г. в Москве, не мог быть рецензентом этой книги в «Отечественных записках» (Боград ОЗ, с. 444—446).

Атрибутирована Некрасову (НЖ, с. 21—22) на основании следующих данных: летом 1843 г. в связи с отъездом Белинского в Москву Некрасов — постоянный сотрудник «Отечественных записок» — принял на себя часть обязанностей критика этого журнала. В письме к редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому из Москвы от 8 июля 1843 г. Белинский цитировал слова из не дошедшего до нас письма Краевского к нему: «Я оставил Вам несколько рецензий, а книг — Вы пишете сами — в Питере нет; а между тем Вы еле-еле можете расплачиваться с Некрасовым, Сорокиным и прочею голодною братьею, работающею за меня» (Белинский, т. XII, с. 65).

Краевский писал Белинскому, несомненно, об июльском номере журнала, к участию в критико-библиографическом отделе которого он был вынужден привлечь Некрасова. Известна всего одна рецензия Некрасова, помещенная в этом номере «Отечественных записок», — на часть вторую книги В. А. Соллогуба «На сон грядущий». Некрасову же, издателю «Статеек в стихах...», заинтересованному в популяризации этих книжек, принадлежит, очевидно, и помещенная в том же номере журнала рецензия на второй «том» «Статеек в стихах...».

С. 16. *...книжечки, которую один петербургский журнал, вероятно, нуждавшийся в материале для «забавы» своих читателей, почти всю сполна перепечатал.* — Имеется в виду «Библиотека для чтения», где О. И. Сенковский построил свою рецензию на первый «том» «Статеек в стихах...» на традиционных для него «космических» мотивах. В зачине рецензии критик использовал толки о комете, наблюдавшейся в это время европейскими астрономами: «Земля тряслась несколько раз, эклиптика стала быстро приближаться к экватору, кометы задевают хвостом обсерватории без ведома астрономов, Сатурн загорелся. Ясно, что все это предвещало приближение какого-то необычайного события в природе. Надлежало опасаться по крайней мере страшного

взрыву которого-нибудь из главных волканов планеты. К счастью, зловещие предзнаменования кончились только страшным взрывом остроумия из одной санктпетербургской головы. Но зато какой взрыв! Какой треск ума! Какие молнии мысли! Какая туча краснокаленых острот вылетела огненным столбом из этой головы, разостлалась в воздухе над всем городом и упала на него убийственным каменным градом! 〈...〉 После этого голове оставалось только разверзнуться с обоих боков и изрыгнуть из бушующих недр своих два потока лавы, которые потопили бы огнем век и город. И в самом деле, лава потекла двумя пылающими потоками, из которых один назывался „Встреча 1842 года с 1843“, а другому имя „Говорун. Записки Белопяткина“» (БдЧ, 1843, № 3, отд. VI, с. 43—44). Рецензия Сенковского наполнена длинными цитатами из «Статеек в стихах» и кончается ироническим предсказанием: книжка «полежит лет двадцать в кладовых книгопродавцев». Вторая глава «Говоруна» Некрасова, помещенная во втором «томе» «Статеек в стихах...», завершалась первым его стихотворным откликом на эту рецензию:

Пускай иные критики
Отхлещут наповал —
Ей-богу, не посетую!
Свое я получил:
Брамбеус сам с кометою
За ум меня сравнил.

(наст. изд., т. I, с. 402)

С. 16. *«Жизнь и люди».* — Эта «философическая сказка» принадлежит В. Р. Зотову; высказывались предположения об участии Некрасова в работе над ней (см.: наст. изд., т. I, с. 707).

С. 16. *Я в своей деревне...* — Цитируются «Статейки в стихах...», с. 6—8, 13—15, курсив издания.

С. 18. *Я в пост как бы на станции // Задержанный скучал...* Цитируется «Говорун», с. 31—33.

1844

БОЯРИН ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ БАСЕНОК. ТРАГЕДИЯ Н. КУКОЛЬНИКА

(С. 20)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 13 апр., № 14, с. 247—251, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Рецензия включена в список статей Некрасова (см.: Собр. соч., 1930, т. 3, с. 370) на основании наблюдения Д. С. Лихачева, обратившего внимание на то, что Некрасов ссылается на нее в приме-

чании к фельетону «Хроника петербургского жителя» (ЛГ, 1841, 6 апр., № 13 – наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 47. Ср.: ПСС, т. 9, с. 815–816).

Трагедия Кукольника «Боярин Басенок» – типичная монархическая драма. Подводя итоги театрального года, критик журнала «Репертуар и Пантеон», на страницах которого пьеса была опубликована (1844, № 4), писал: «„Басенок“, данный тотчас после святой, на второе уже представление сделал только половинный сбор. Даже на александринскую публику он не сделал большого впечатления. Неестественность сюжета не выкупалась несколькими превосходно отделанными сценами и звучными стихами. В литературном отношении он еще слабее и не выдержит ни исторической, ни художественной критики. Несмотря на это, в настоящем положении нашей сцены, и особенно в нынешнем году, он едва ли не лучшая пьеса из всего текущего репертуара. Мы и за это должны быть благодарны, что есть лица, которые пишут для нашей сцены. Зачем придираться к тому, что и как пишут? Выбирать не из чего» (РиП, 1845, № 4, с. 245). Ср. отзыв Белинского: «Это тысяча первая попытка на воспроизведение итальянских и испанских страстей и отравлений, но одетых в quasi-русскую речь, в охабень и сарафан. Конечно, тут есть и талант, и ум, и чувство, но все это ложное, парадоксальное. Действительность и историческая истина принесены в жертву желанию написать эффектную трагедию из такой истории, из которой невозможно написать никакой трагедии» (т. VIII, с. 328).

С. 20. *...перед автором когда-то печатно падал на колени какой-то критик и восклицал: «Великий Гете! Великий Кукольник!»* – О. И. Сенковский, восторгаясь драматической фантазией Кукольника «Торквато Тассо» (1833) и называя автора «нашим юным Гёте», писал: «Все образец, что превосходно, и я так же громко восклицаю: „Великий Кукольник!“ – перед его видением Тасса и кончиною Лукреции, как восклицаю: „Великий Байрон!“ – перед многими местами творений Байрона» (БдЧ, 1834, т. I, отд. 5, с. 29 и 37; подпись – «Тютюджи-Оглу»). Эта тирада была постоянным объектом насмешек Белинского (т. I, с. 358, 554; т. II, с. 204–205, 717; т. V, с. 428–429). Ср.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 141, 409.

С. 20. *Удел* – в Древней Руси область, которою управлял князь на правах феодального владетеля.

С. 21. *...когда в Москве был «трус земли»...* – землетрясение.

С. 21. *О, я прощусь с Шемякой и Наташей...* – Здесь и далее приводятся точные цитаты из трагедии Кукольника (РиП, 1844, № 4, с. 326, 346, 358–359, 361, 363, 371–374, 316).

С. 27. *...в сравнении с какою-нибудь «Русскою боярынею» или «Новгородцами»...* – О «Русской боярыне XVII столетия» см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 316, а также наст. изд., т. VIII, с. 744; т. IX, кн. 2, с. 351. «Новгородцы» – драматическое представление в пяти актах, в стихах В. Р. Зотова (1844); по словам Белинского, «длинная и тяжелая пьеса», «нелепость» и «галиматья» (т. VIII, с. 163–164).

С. 28. *Роль Басенка играл г. Каратыгин-старш⟨ий⟩...* – В. А. Каратыгин.

С. 29. *Превосходно сыграла г-жа Каратыгина-стар⟨шая⟩...* – А. М. Каратыгина.

С. 29. *Смирнов 1-й был хорош в роли Шемяки.* – П. А. Смирнов.

С. 29. *Остальные актеры и актрисы ∾ Копылова ∾ Громов и др.* – артисты Александринского театра.

С. 29. *Мы еще помним, как в первом акте «Эсмеральды»...* — «Эсмеральда, или Четыре рода любви» — перевод драмы в пяти действиях с прологом «Der Glöckner von Notre-Dame» Ш. Бирх-Пфейффер, принадлежавший В. А. Каратыгину. Сюжет ее заимствован из романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1831). С успехом ставилась на русской сцене в 1837—1844 гг.

СТАРИННАЯ СКАЗКА ОБ ИВАНУШКЕ-ДУРАЧКЕ, РАССКАЗАННАЯ МОСКОВСКИМ КУПЧИНОЮ НИКОЛАЕМ ПОЛЕВЫМ

(С. 29)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 25 мая, № 20, с. 347—349, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Атрибутирована Некрасову по связи с рецензиями Некрасова — постоянного критика «Литературной газеты» 1840—1845 гг. — на «Были и небылицы...» Н. А. Полевого (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 74) и на «Мои записки...» (наст. кн., с. 43). Дополнительные аргументы (связь и переклички с другими произведениями) см. ниже.

С. 30. *...ставят автора в глазах восторженной публики если не выше, то и не ниже Шекспира.* — Ср.: в рецензии Некрасова на первые две части «Драматических сочинений и переводов» Н. А. Полевого: «Достигнув, так сказать, зенита драматической славы ⟨...⟩ г. Полевому более ничего не оставалось, как выдать в свет собрание своих театральных вдохновений, чтобы окончательно утвердить за собою титул и славу российского Шекспира настоящей эпохи...» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 63; ср. с. 382).

С. 30. *Вспомните автора «Веверлея»...* — «Веверлей» («Уэверли», 1814) — роман Вальтера Скотта (1771—1832), напечатанный впервые анонимно. Следующие его романы до 1827 г. выходили как произведения «автора „Уэверли“».

С. 30. *...автора повести «Муж под башмаком»...* — Имеется в виду П. А. Машков. Ср. начало рецензии Некрасова на книжку «Голь хитра на выдумки. Рассказ П. М., автора повести „Муж под башмаком“». СПб., 1843: «Подобно Вальтер Скотту, который называл себя во всех последовавших за „Веверлеем“ романах своих „автором Веверлея“, г. П. М., написав повесть „Муж под башмаком“, называет себя автором „Мужа под башмаком“ — великое произведение» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 85).

С. 30. *Объявление о выходе книги в свет не выдержало и в нетерпеливом желании поделиться с публикою усладительной тайною крупными буквами известило, что Балакирев есть не кто иной, как автор «Истории русского народа».* — См. об этом: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 385.

С. 31. *...он ввел у нас способ делать оригинальные драмы из иностранных пьес, перенося даже вымыслы Шекспира и Вальтера*

Скотта на почву древнерусской жизни. — Имеются в виду сознательно русифицированный перевод Полевым «Гамлета» В. Шекспира (1837) и, очевидно, опыты Полевого в области исторического романа и исторической драмы, в которых современники видели подражание В. Скотту. Ср.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 62, 381.

С. 31. *Способ составлять истории, которым впоследствии так ловко воспользовался г. Булгарин в своем «Суворове».* — Имеется в виду кн.: «Суворов. Соч. Фаддея Булгарина. 100 рисунков В. Тимма, гравированных на дереве бароном Клодтом, бароном Неттельгорстом и гг. Лавиелем и Порре» (СПб., 1843). В. Г. Белинский в рецензии на это издание писал: «Г-н Булгарин принадлежит к числу тех плодовитых сочинителей, которых многочисленные писания пишутся на один лад и на одну манеру и отличаются одно от другого только названиями да именами действующих лиц: в сущности же они не что иное, как повторение первого сочинения, которое когда-то вышло из-под пера. 〈...〉 В самом деле, „Суворов" г. Булгарина — ни дать ни взять, как все другие его произведения» (Белинский, т. VIII, с. 111).

С. 32. *...мы уверены, что найдутся люди, которые воспользуются им не хуже почтенного Николая Алексеевича Полевого.* — Подтверждение этого прогноза Некрасов констатировал в рецензии на книгу «Мои записки. 1. Сказка о Иване купеческом сыне...» (наст. кн., с. 43).

С. 32. *«Послушайте, добрые люди, начинается сказка об Иванушке Дурачке...»* — Здесь и далее цитируется издание Полевого, с. 1—5, 13—14, курсив издания.

С. 34. *...в скором времени поступит в продажу вторая сказка под заглавием «Об Иване-Царевиче и Царь-Девице...»* — Это обещание Полевого не было выполнено.

СОЧИНЕНИЯ КНЯЗЯ В. Ф. ОДОЕВСКОГО

(С. 35)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, № 36, 14 сент., с. 609—612, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Атрибутирована Некрасову по следующим признакам: 1) рецензент признается, что он — автор «непрестанных восьмимесячных бесед о пустых произведениях», печатавшихся в «Литературной газете» 1844 г. Эти слова могут принадлежать только Некрасову — постоянному критику газеты; 2) Некрасов вместе с А. А. Краевским работал над подготовкой этого издания к печати (НЖ, с. 26) и был заинтересован в его популяризации; 3) обещание «как можно скорее отдать читателям подробный отчет об этом замечательном явлении литературы» содержится в последнем фельетоне некрасовского цикла «Петербургские дачи и окрестности» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 113).

Рецензия и большая статья В. Г. Белинского, посвященные этому изданию (ОЗ, 1844, № 9, 10), содержали резкую критику литературно-общественной позиции Одоевского и вызвали письменный протест писателя в адрес редактора журнала (Белинский, т. VIII, с. 682—683). Статья в «Литературной газете», по всей вероятности, имела целью погасить этот конфликт.

С. 35. *...«стихотворения» начинающих поэтов, вроде «Мужичка с ноготок», прозаические начатки вроде «Наказанного колдуна», «Года за границей» и «Битвы русских с кабардинцами»...* — Имеются в виду книги: «Наказанный колдун ⟨...⟩ Сказка в стихах» (М., 1844); «Мужичок с ноготок ⟨...⟩ Соч. Василия Потапова» (М., 1844); «Год в чужих краях» М. П. Погодина (М., 1844); «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга... Соч. Н. Зряхова» (М., 1844).

С. 35. *...две красивые книжки с картинками...* — Имеются в виду, очевидно, «Тарантас» В. А. Соллогуба и «Очерки Южной Франции» М. С. Жуковой, изданные А. И. Ивановым и отмеченные Некрасовым в его «Библиографических известиях» и «Литературных новостях» (наст. том, кн. 1, с. 144 и 420).

С. 35. *...нынешний год только и богат был «брехнею»...* — Имеются в виду, по-видимому, книги: «Народные славянские рассказы. Изд. И. Боричевским» (СПб., 1844); «Чур чепуха, или Несколько фактов из жизни украинского панства. Соч. Кирила Тополи» (Казань, 1844); «Не любо — не слушай, лгать не мешай...» Ив. Гурьянова (М., 1844) и др. К ним же Некрасов относил, очевидно, и несколько выпусков «Воскресных посиделок» В. П. Бурнашева.

С. 35. *...драму, «которой предметом была бы не участь одного человека, но участь общего всему человечеству ощущения...»* — Цитируется предисловие Одоевского к «Русским ночам» (Соч., т. I, с. VII).

С. 36. *«Что было бы с нами, если б не случилось на свете умного человека...»* — Здесь и далее цитируются «Сочинения Одоевского» (т. I, с. 2, 3—6, 385, 389—390; т. III, с. 243, 247, 253, 277—278).

С. 39. *Повести, составляющие содержание второй части, были все напечатаны в разное время в журналах и альманахах.* — В составе части второй «Сочинений» Одоевского, озаглавленной «Домашние разговоры», напечатаны следующие произведения: «Новый год» (1831), «Черная перчатка» (1838), «Inbroglio» (1833), «Сильфида» (1837), «Саламандра» (1841), «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия. Эльса», «Княжна Мими» (1834), «Княжна Зизи» (1839).

МОИ ЗАПИСКИ

(С. 43)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 12 окт., № 40, с. 674, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Атрибутирована Некрасову как одна из трех рецензий 1843—1844 гг. («Были и небылицы...», «Старинная сказка об Иванушке-дурачке...», «Мои записки...»), свидетельствующих своей тесной связью о принадлежности одному автору — постоянному критику «Литературной газеты» указанного периода. (Принадлежность Некрасову рецензий на «Были и небылицы...», как известно, давно доказана.

См.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 74, 385). См. также реальный комментарий.

С. 43. *С тех пор, как господин Полевой рассказал сказку об «Иванушке-дурачке»...* — См. наст. кн., с. 29.

С. 43. *...описал баталию при тетушке Наталии, как горшки воевали* ∾ *мошенников берут».* — Цитируются «Мои записки...», с. 1—7.

С. 43. *Мы предсказывали, разбирая «Иванушку-Дурачка», что г. Полевой найдет себе много подражателей.* — Имеются в виду следующие слова из рецензии на «Старинную сказку об Иванушке-дурачке...» Н. А. Полевого: «... мы уверены, что найдутся люди, которые воспользуются им (новоизобретенным Полевым способом писать книги. — *Ред.*) не хуже почтенного Николая Алексеевича Полевого» (наст. кн., с. 32).

Не зная о существовании этого «предсказания» в «Литературной газете» и опираясь на аналогичное «предсказание» в рецензии В. Г. Белинского на «Старинную сказку об Иванушке-дурачке...» (ОЗ, 1844, № 6), В. С. Спиридонов ошибочно приписал комментируемую рецензию Белинскому (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. XI, Л., 1948, с. 456; Белинский, т. VIII, с. 333—334). В «Отечественных записках» (1844, № 10, отд. VI, с. 74), основным критиком которых был Белинский, помещена рецензия на «Мои записки...» неустановленного автора.

С. 44. *«В некотором царстве, в некотором государстве...»* — Цитируются «Мои записки...», с. 5—6, курсив автора рецензии.

УЧЕБНАЯ КНИГА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ Н. ГРЕЧА

(С. 44)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 14 дек., № 49, с. 831—834; 21 дек., № 50, с. 855—859, без подписи.

В собрание сочинений Некрасова включается впервые.

Автограф не найден.

Атрибутирована Некрасову на следующих основаниях: 1) связь с фельетонным циклом Некрасова «Достопримечательные письма» (см.: наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 239); 2) пародийный характер рецензии с использованием гоголевских образов, характерным для Некрасова; 3) ведущая роль Некрасова в критико-библиографическом отделе «Литературной газеты» 1844 г.

В 1848 г. В. С. Спиридонов атрибутировал эту рецензию В. Г. Белинскому с малоубедительной аргументацией: последовательный, юмористически-дотошный анализ труда Греча по параграфам; включение в текст с цитатами из рецензируемой книги вопросительных знаков; защита просторечий в литературном языке; ироническое упоминание имени Н. А. Полевого и т. д. (*Спиридонов В.* Неизвестные страницы Белинского. — ЛН, т. 55, М., 1948, с. 367—384). Позднее рецензия была включена в отдел произведений, приписываемых Белинскому (Белинский, т. XIII, с. 218—233). В «Отечественных записках», основным критиком которых был Белинский, «Учебная

книга...» Греча рецензировалась П. Н. Кудрявцевым и А. Д. Галаховым (1845, № 4, 5).

С. 44. *...даже история г. Кайданова, в последние годы жизни ее автора, являлась в свет не иначе, как «исправленною» и «дополненною»...* — Имеется в виду труд И. К. Кайданова (1782—1843) «Краткое начертание Всеобщей истории», который с 1822 по 1854 г. выдержал шестнадцать изданий в качестве учебного пособия. В 1842—1844 гг. на ее титульном листе ежегодно выставлялось: «значительно исправленное издание».

С. 44. *Не движутся только «Английский милорд Георг», «Приключения Мирамонда», грамматика и арифметика Меморского...* — «Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фредерике-Луизе» (1782) беллетриста XVIII в. Матвея Комарова ежегодно издавалась в качестве «книги для народа». Книгу под названием «Приключение Мирамонда» разыскать не удалось. «Новая российская грамматика в вопросах и ответах» (1838) и «Арифметика в вопросах и ответах» (1839) М. Ф. Меморского — регулярно переиздававшиеся в 1840-х гг. учебные пособия.

С. 44. *...грамматика и все учебники русского языка г-на Греча...* — Имеются в виду часто переиздававшиеся учебники Н. И. Греча (1787—1867): «Практическая русская грамматика» (1827), «Пространная русская грамматика» (1826), «Начальные правила русской грамматики» (1828).

С. 44. *Сюда должно отнести и «Учебную книгу русской словесности»...* — «Учебная книга...» Греча вышла первым изданием в 1819—1822, вторым — в 1830—1831 гг.

С. 45. *Человек, употребляя дар слова...* — Здесь и далее цитируется книга Греча, ч. I, с. 3—5, 9, 23, 25, 39—41, 43—47, 177, 178, 272; ч. II, с. 197; ч. III, с. 6, 204; ч. IV, с. 3, 6—8, 101, 102, 326—333. Курсив издания перемежается курсивом автора рецензии.

С. 47. *...его «Черные женщины», «Поездки в Германию», «Письма с дороги»...* — Упомянуты роман Н. И. Греча «Черная женщина» (1834) и книги очерков «Поездки в Германию» (1836), «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» (1843).

С. 51. *...не тот Иван Иваныч, у которого была славная бекеша, и не тот Иван Никифорыч, который любил лежать в натуре...* — Имеется в виду «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833) Н. В. Гоголя. Ср. упоминание одного из этих героев Гоголя в четвертом фельетоне некрасовского цикла 1844 г. «Петербургские дачи и окрестности» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 108).

С. 53. *Акакий Акакиевич* — герой повести Н. В. Гоголя «Шинель» (1842).

С. 53. *...в «Истории русского народа» г. Полевого...* — Имеется в виду труд Н. А. Полевого, над которым он работал в 1829—1840 гг. Из восемнадцати задуманных томов автор издал всего шесть (1829—1833).

С. 53. *Вольно было г. Смарагдову тратить напрасно время...* — Имеются в виду труды С. Н. Смарагдова (1805—1871) «Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений» (1840), «Руководство к познанию средней истории для средних учебных заведений» (1841) и «Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений» (1844).

С. 56. *Ты в мрачном октябре родилась...* — Цитируется мадригал Карамзина «На день рождения А. А. П-ой 14 октября», приведенный Гречем в качестве примера (ч. III, с. 215).

С. 57. *...один из тогдашних критиков серьезно нападал на Пушкина за то, что герой одной из его поэм какой-то армянин.* — Речь идет об М. А. Дмитриеве, который следующим образом осуждал переложение стихотворения А. С. Пушкина «Черная шаль» на музыку: «В песне г-на Пушкина представляется какой-то молдаванин, убивший какую-то любимую им красавицу, которую соблазнил какой-то армянин. Достойно ли это того, чтобы искусный композитор изыскивал средство потрясать сердце слушателей, чтобы для песни тратил сокровища музыки?» (Вестн. Европы, 1824, № 1, с. 70).

С. 57. *Кукольник, Хомяков, Ободовский* — Н. В. Кукольник (1809—1868) — автор трагедий «Боярин Федор Васильевич Басенок» (1844), «Генерал-поручик Иоанн Рейнгольд Паткуль» (1839) и множества исторических драм: «Князь Даниил Дмитриевич Холмский» (1841), «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» (1834), «Рука Всевышнего Отечество спасла» (1834) и др.; А. С. Хомяков (1804—1860) — автор исторической драмы «Дмитрий Самозванец» (1833), трагедии «Ермак» (1832); П. Г. Ободовский (1803—1864) — автор оригинальных драматических поэм, исторических драм и трагедий «Боярское слово» (1841), «Русская боярыня XVII столетия» (1842), «Царь Василий Иванович Шуйский» (1842) и драматических переводов и переделок: «Велезарий» (1836), «Гризельда» (1840), «Дон Карлос» (1841) и др.

С. 57. *И вот слава мира сего!* — Вольный перевод афоризма «Sic transit gloria mundi!» (*лат.*) — «Так проходит мирская слава».

С. 59. *Кто уже теперь не кричит громко, что простонародные песни Дельвига не больше, как подделка под русские народные песни...* — Ср. оценку Белинского в статье «Русская литература в 1844 году», писавшейся в конце 1844 г.: «Песни Дельвига были песнями барина, пропетыми будто бы на мужицкий лад» (Белинский, т. VIII, с. 453).

С. 59. *...точно так же ошибаемся мы, должно быть, и в князе Шаликове...* — П. И. Шаликов (1767—1852) — поэт-сентименталист, автор приторно-чувствительных стихотворений. Ср. с ироническим упоминанием о нем в рецензии Некрасова 1843 г. на «Стихотворения Старожила» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 112, 117).

С. 60. *Буринский* — З. А. Буринский (1780—1808) — поэт, переводчик с незаурядным дарованием, малореализованным.

С. 61. *Хмельницкий* — Н. И. Хмельницкий (1799—1845), драматург, прозаик. Далее в рецензии цитируется одноактная комедия Н. И. Хмельницкого «Воздушные замки» (1818).

С. 62. *Еще в 1799 году вышел в Петербурге роман под следующим названием: «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества, повесть, написанная А. Измайловым».* — Имеется в виду первая часть этого произведения. Вторая часть этой повести А. Е. Измайлова (1779—1831) вышла в свет в 1801 г.

С. 64. *Почему бы не упомянуть о дорожных записках г. Погодина...* — Имеются в виду книги очерков М. П. Погодина «Год в чужих краях» (1839), «Путевые заметки» (1841—1842) и др. «Путевые заметки» Погодина Некрасов пародировал в пьесе 1842 г. «Материнское благословение» (наст. изд., т. VI, с. 699) и других произведениях (см.: *Мостовская Н. Н.* Об одной пародии у Герцена и Некрасова. — Некр. сб., т. X, с. 101—108).

⟨ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА⟩ «МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ СБОРНИК НА 1847 ГОД»

(С. 65)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 6 (ценз. разр. 31 мая 1847 г.), отд. III, с. 128—137, без подписи.

В собрание сочинений Некрасова включается впервые.

Автограф не найден.

В полном составе статья включена в «Полное собрание сочинений» В. Г. Белинского в 13 томах (т. X, с. 190—211) и девятитомное «Собрание сочинений» критика (т. 8, М., 1982, с. 260—280).

Приписана Белинскому в статье Е. И. Кийко «Неизвестная статья Белинского» (в кн.: Белинский. Статьи и материалы. Л., 1949, с. 11—39).

Атрибуция Е. И. Кийко основана на сходстве включенных в рецензию оценок Ивана Грозного, творчества Н. М. Карамзина, Ф. М. Достоевского и антиславянофильских выпадов, перекликающихся с известными оценками Белинского тех же литературных явлений. Эта атрибуция вызвала возражение В. И. Кулешова, который утверждал, что комментируемая рецензия написана в соавторстве с Некрасовым. «Во всяком случае, — писал исследователь, — последнему (Некрасову. — *Ред.*) принадлежит, видимо, окончательная ее обработка» (*Кулешов В., Кийко Е.* «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год». — ЛН, т. 57, М., 1951, с. 546). Аргументация В. И. Кулешова включает следующие данные: с начала мая до конца сентября Белинский был за границей. В своем письме к В. П. Боткину от 4—8 ноября 1847 г. критик указал, что не участвовал в «Современнике» с майского его номера этого года. Вместе с тем известно признание Некрасова: «Когда Белинский уехал за границу, я писал много рецензий (1847—1848)» (ПСС, т. XII, с. 24). Судя по содержанию рецензии, очевидно, что ее писал кто-то из редакции журнала. Однако содержание, пафос, стиль рецензии исключают участие в работе над ней А. В. Никитенко и И. И. Панаева. Последний вообще чрезвычайно редко выступал в критико-библиографическом отделе «Современника». Некрасов в собственных рецензиях и фельетонах часто использовал журнальный образ Нового поэта (см., например, рецензию 1847 г. на поэму Н. В. Сушкова «Москва», на его же сборник «Раут» (1851) и фельетон «Журналистика» 1849 г. — наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 7, 66; т. XII, кн. 1, с. 289). Белинский же не вводил в собственные критические статьи и рецензии образ Нового поэта и его пародии.

Д. Л. Тальников высказал предположение об участии в рецензии (фрагмент, посвященный работам С. М. Соловьева и Д. А. Валуева) К. Д. Кавелина (Вопросы истории, 1956, № 9, с. 133).

Включая рецензию на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год» в девятитомное «Собрание сочинений» Белинского, В. И. Кулешов счел нужным отметить, что «вопрос о принадлежности ее Белинскому не может считаться окончательно решенным, ⟨...⟩ так пародия на стихи П. А. Вяземского в конце статьи, вероятно,

принадлежит Н. А. Некрасову или И. И. Панаеву» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т., т. 8. М., 1982, с. 693).

Дополнительная аргументация в пользу принадлежности комментируемой части рецензии Некрасову представлена Б. В. Мельгуновым. Исследователь обратил внимание на типично некрасовский способ включения в текст рецензии персонажа Нового поэта, читающего свои пародии (см. реальный комментарий), и на то, что заключительная часть рецензии представляет собою ответ на несправедливые упреки К. С. Аксакова в адрес Некрасова-поэта (НЖ, с. 101, 155).

В комментируемом фрагменте рецензии на «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год» отразился эпизод борьбы писателей *натуральной школы* во главе с Белинским и Некрасовым со славянофилами – преимущественно московскими литераторами, сотрудничавшими в «Москвитянине». Собранные славянофилами два выпуска «Московского литературного и ученого сборника» (на 1846 и 1847 гг.) были задуманы как издания, альтернативные некрасовским альманахам «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник». Полемика вокруг этих изданий разгорелась сразу по выходе первого выпуска «Московского сборника».

С. П. Шевырев не нашел в «Петербургском сборнике» («от которого столу тяжело — 500 страниц довольно мелкого убористого шрифта!») ничего заслуживающего внимания и удовлетворяющего потребности русского читателя. «Побывав на время во всей этой современной так называемой изящной литературе, — писал Шевырев, — выйдешь из нее, признаюсь, как отуманенный и невольно скажешь: что я? что со мною? где я был? читал? где это сочиняют? В Пекине, на островах Сандвичевых? Неужели это Западная Европа?» (М., 1846, № 2, с. 185). Подробный анализ «Петербургского сборника» привел Шевырева к обобщениям о новейшей «петербургской литературе», главнейшая особенность которой выражается, по его мнению, в «копировании действительности», которое влечет за собой упадок художественности. Он считал, что в «Петербургском сборнике» ярко выразились основные тенденции современной литературы: «тенденция филантропическая», искусственно заимствованная у Запада и чуждая русской действительности; «социабельная», которую идейные вдохновители современной литературы понимают «не как силу соединяющую, — напротив, как силу, разъединяющую литераторов на партии»; «цивилизующая», отражающая «гордые притязания» новой литературной школы на «цивилизирование всей России» (там же, с. 185—187).

П. А. Плетнев, неприязненно встретивший «Петербургский сборник», с удовлетворением указывал на «единство мысли» («идея славянской самобытности»), выгодно отличающее, по его мнению, «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год» от «Петербургского сборника» (С, 1846, № 8, с. 239).

Возражая обвинениям критика «Москвитянина» в «меркантильном» духе некрасовского издания, рецензент «Русского инвалида» писал: «Этому, если угодно, меркантильному направлению, между прочим, обязаны мы появлением многих изданий, отличавшихся или внутренним достоинством, или изящною наружностью, или тем и другим вместе. К числу таких изданий, без всякого сомненья, принадлежит и „Петербургский сборник“» (РИ, 1846, 10 февр., № 34, с. 133).

Явное предпочтение «Петербургскому сборнику» отдал О. И. Сенковский при сравнении его с первым выпуском «Московского сборника» (БдЧ, 1846, т. 77, с. 5—11). «„Петербургский сборник“, — писал

А. В. Никитенко в том же журнале, — есть одно из тех приятных литературных явлений, которые выходят уже из разряда альманахов и становятся книгами, хотя и мозаическими» (БдЧ, 1846, т. 75, отд. V, с. 54). «Успех „Петербургского сборника“, — писал Белинский, — упредил наше о нем суждение. Дивиться этому успеху нечего: такой альманах еще небывалое явление в нашей литературе. Выбор статей, их многочисленность, объем книги, внешняя изящность издания — все это, вместе взятое, есть небывалое явление в этом роде: оттого и успех небывалый» (т. IX, с. 531).

Отмечая две особенности современных альманахов — внешнюю (большой объем, изящное оформление) и внутреннюю (литературно-общественную направленность), А. Д. Галахов писал: «В первом отношении „Невский альманах“ вовсе не похож на „Новоселье“, „Петербургский сборник“ — на „Московский“. Во втором отношении „Невский альманах“ еще более похож на „Новоселье“, потому что оба они не имеют никакого литературного направления, а „Петербургский сборник“ вовсе не похож на сборник „Московский“, потому что каждый из них имеет свое особенное литературное направление. Внешнее сходство ничего не значит — это дело случайности, но внутреннее различие важно — это следствие намеренной мысли. Какая нужда, что стол трещит под „Петербургским сборником“, как грациозно выразился „Москвитянин“? что немеют руки от сборника „Московского“, как выразимся мы в параллель „Москвитянину“? Не этим замечательны оба сборника, — замечательны они тем, что „Петербургский“ столько же похож на „Московский“, сколько „Московский“ не похож на „Петербургский“» (ОЗ, 1846, № 7, отд. VI, с. 13—14).

Такие же противоположные оценки критиков «московской» и «петербургской» ориентации получили и стихи Некрасова, включенные в «Петербургский сборник». Ни одно из произведений сборника не удовлетворило Л. В. Бранта. Наиболее неприязненно он отозвался о стихах самого редактора — одного из «натуральнейших представителей натуральной школы» — «Пьяница», «В дороге» и особенно «Колыбельная песня» (СП, 1846, 31 янв., № 26, с. 103).

Краткий иронически-снисходительный отзыв «Иллюстрации» Н. В. Кукольника о «Петербургском сборнике» заканчивался колкостью по адресу Некрасова-поэта: «За исключением романа „Бедные люди“ и последней статьи, все прочие пиэсы этого сборника принадлежат литературе по достоинству; это не спекуляции досужей грамотности, а произведения искусства, хотя и неровных качеств, но всегда заслуживающие и чтения, и помещения в библиотеку. Мы не скажем ни слова о стихах г. Некрасова из благодарности за издание „Петербургского сборника“» (Иллюстрация, 1846, № 4, с. 59).

Одобрительная рецензия Ап. Григорьева на «Петербургский сборник» завершалась восторженной оценкой стихов Некрасова: «Из стихотворений сборника более прочих замечательны стихотворения самого издателя, г-на Некрасова. Одно из них в особенности — „В дороге“ — chef-d'oeuvre простоты, горького юмора и злой грусти» (ФВ, 1846, т. IX, отд. V, с. 34).

С. 65. *Имрек* — псевдоним К. С. Аксакова.

С. 65 *...первый том «Московского сборника»...* — Московский литературный и ученый сборник на 1846 год. М., 1846.

С. 65. *«Москва никогда не гонялась за современностью внешнею и случайною...»* — Цитата из редакционного вступления к «Московскому литературному и ученому сборнику на 1847 год» («Критика», с. 3).

С. 65. *«...петербургские литераторы сочли за нужное избавиться от тяжести мысли и труда, сбросили ее и быстро налегке понеслись по поприщу литературы».* — Здесь и далее Некрасов цитирует и пересказывает статью Аксакова «„Петербургский сборник", изданный г. Некрасовым» (Московский сборник, с. 26).

С. 67. *Критика на первую книжку «Опыта истории русской литературы»...* — Имеется в виду «Опыт истории русской литературы. Сочинение профессора Императорского Санктпетербургского университета, доктора филологии А. Никитенко. Книга I. Введение». СПб., 1845.

С. 67. *...не поняв слов г. Никитенко...* — Имеется в виду фрагмент из книги А. В. Никитенко, охарактеризованный Аксаковым как «безусловный панегирик Петру Первому»: «Между тем как таким образом все переменялось или, лучше сказать, запутывалось на высоте общественных понятий и верований, из недр материальной силы народа возникало чудовище дикое и свирепое, с жаждою крови, вина и денег, соединявшее в своем зверском брадатом лице все ужасы, все пороки, весь осадок татарского элемента, — мы говорим о стрельцах» (*Никитенко А.* Опыт истории русской литературы... Книга I. Введение. СПб., 1845, с. 114).

Аксаков, процитировав этот фрагмент из книги Никитенко, писал: «*В своем зверском брадатом лице?* Отчего же так? Неужто борода имеет в себе что-нибудь зверское? Бороды особенно не любит г. Никитенко. И какой татарский элемент в стрельцах?» (Московский сборник, «Критика», с. 21).

С. 67. *Эту бороду преследовал Петр Великий.* — Очевидно, имеется в виду подавление Московского восстания (Хованщины) 1682 г., вспыхнувшего после провозглашения малолетнего Петра царем, в котором значительную роль играли сторонники «старой веры» — раскольники, и дальнейшая борьба Петра с раскольничеством.

С. 67. *...недостаток памяти, которою так богат г. Хомяков, по уверению «Москвитянина»...* — Имеется в виду дружеский с ироническим оттенком дифирамб А. С. Хомякову — «лицу примечательному в России» в рецензии «Москвитянина» на «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год»: «Обо всяком предмете, который попадает ему на язык, он скажет вам вещи совершенно новые, оригинальные, которые никому в голову не приходят ⟨...⟩ Все знающие Хомякова засвидетельствуют, что ему столь же легко прочесть вам сотню стихов из любой трагедии Шекспира, как и привести какой-нибудь параграф сто двадцать третий из постановлений поместного собора в Трулле, а о Вселенском и говорить нечего ⟨...⟩ С другой стороны, не угодно ли вам послушать его, как начнет он рассказывать вам об охоте за зайцами или объяснять новые образы винокурения, постройки крестьянских дворов. Это опытнейший винокур, это домовитейший хозяин, это отчаянный охотник. Не стану говорить о гомеопатии» (М, 1846, № 5, отд. IV, с. 185—186). Эта цитата иронически обыгрывается в той части рецензии (не включенной в настоящее издание), которая посвящена статье Хомякова из «Московского литературного и ученого сборника на 1847 год» — «О возможности русской художественной школы».

С. 68. *...г. Имрек называет «Бедных людей» ∾ «художественным произведением», а об авторе говорит, что в «таланте его нельзя сомневаться».* — Указывая на «ошибку» автора «Бедных людей» Ф. М. Достоевского в выборе формы произведения (роман в письмах), К. С. Аксаков писал: «Но эта ошибка, хотя и важная в художест-

венном отношении, не мешает повести быть художественным произведением, произведением человека, в таланте которого нельзя сомневаться» (Московский 〈...〉 сборник, «Отдел критики», с. 27).

С. 68. *Ровно через 19 строк он говорит: «Но повесть его не может назваться художественным произведением».* — Этот свой тезис К. С. Аксаков разъясняет следующим образом: «Здесь необходимо еще то творчество, то чудо, которое дает мысли, содержанию соразмерный и высоко-действительный образ, — так что сама мысль никогда не выдвигается как мысль — а между тем вы приняли ее в свою душу, она сделалась частию вашего духовного бытия и никогда не оставит вас. — Вот великая задача художника, которой не исполнил г. Достоевский. Результатом такого недостатка то, что повесть его оставляет впечатление тяжелое, чего никогда не может быть при создании истинно художественном» (там же, с. 27—28).

С. 68. *...я понимаю, почему «Москвитянин» не задумался назвать г. Хомякова «примечательным человеком и знаменитостью» ∾ так вот вам и великий человек!* — Имеется в виду упоминавшаяся выше статья в «Москвитянине» (1846, № 5, отд. IV, с. 185).

С. 68. *Девушкин обиделся, прочитав «Шинель».* — «Обиженный на Гоголя благонамеренный Макар Девушкин называет его „Шинель" „пасквилем" на чиновничество. Герой Достоевского целиком посвящает этой повести одно из своих писем к возлюбленной, которое завершается словами: „Да ведь это злонамеренная книжка, Варенька, это просто неправдоподобно, потому что и случиться не может, чтобы был такой чиновник. Да ведь после такого надо жаловаться, Варенька, форменно жаловаться» (Достоевский, т. I, с. 63).

С. 68. *«Приемы эти схватить нетрудно ∾ вот оно как, оно именно так».* — Пародия Аксакова на «Двойник» Достоевского (Московский 〈...〉 сборник, «Критика», с. 35).

С. 69. *Искандер* — псевдоним А. И. Герцена.

С. 69. *...о переводе «Макбета»...* — Перевод трагедии Шекспира «Макбет», помещенный в «Петербургском сборнике», принадлежал А. И. Кронебергу.

С. 70. *...«столичной штучкой»...* — Так назван Хлестаков в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (д. III, явл. 3; реплика Анны Андреевны).

С. 70. *«Хорь и Калиныч».* — Это произведение И. С. Тургенева, открывавшее его цикл «Записки охотника», помещено в первом номере перешедшего к Некрасову, Белинскому и Панаеву «Современника» (1847, № 1, отд. IV, с. 55—64).

С. 71. *Осуждая стихи ∾ Майкова...* — О поэме А. Н. Майкова «Машенька» К. С. Аксаков писал: «С неприятным и грустным чувством прочли мы поэму г. Майкова. Не того мы ожидали от него, прочитавши в прошлом году вышедшую поэму его под названием «Две судьбы» (Московский 〈...〉 сборник, «Критика», с. 38).

С. 71. *Что мой светик луна ∾ Песнь роскошную...* — Цитируется стихотворение П. А. Вяземского (Московский 〈...〉 сборник, с. 359).

С. 72. *Господин Новый поэт выступил несколько шагов вперед ∾ и начал так...* — Прием, с помощью которого автор вводит стихотворную пародию — «импровизацию», типичен для многих статей и рецензий «Современника», где *Новый поэт* участвует в качестве журнального персонажа. Впервые использован Некрасовым в его сатирической миниатюре «Пощечина», помещенной в альманахе «Первое апреля» (1846). Она завершается стихотворением «Пощечина людей позорит...»: «нашелся какой-то сердитый и мрачный чудак, взду-

мавший однажды уверять, что счастье, пришедшее к человеку в форме пощечины, — постыдное счастье... Слушающие пришли в неописанное волнение, и один господин очень почтенной и благонамеренной наружности, выступив вперед, поспешил предложить свое мнение ⟨...⟩ и, несмотря на то, что прежде никогда не писал стихов, импровизировал следующие прекрасные стихи...» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 250).

С. 73. *Об отрывке из романа г-жи Павловой, о стихах покойного Языкова и г⟨оспод⟩ Полонского и Аксакова.* — Стихотворному «Отрывку из V главы „Двойной жизни"» — романа К. К. Павловой в стихах и прозе — в «Московском литературном и ученом сборнике» предшествовало обширное предисловие редактора, в котором излагалось содержание всего романа.

В 1848 г. в Москве это произведение Павловой было издано полностью отдельной книгой и было одобрительно встречено «Современником» (1848, № 3, отд. III, с. 47—60). К. К. Павловой адресованы помещенные в сборнике после отрывка из ее романа два послания Н. М. Языкова: «Тогда, когда жестоко болен...» и «Хвалю я Вас за то, что Вы...», датированные 18 и 24 апреля 1844 г. Я. П. Полонскому в сборнике принадлежат два стихотворения: «Затворница» («В одной знакомой улице...») и послание «М. Е. Г........ль». И. С. Аксакову — стихотворение «Смотри! толпа людей нахмурившись стоит...».

С. 73. *В последнее время г. Языков не писал ничего, кроме посланий к Погодину, к Киреевой, к Гоголю и т⟨ак⟩ д⟨алее⟩.* — Послание Н. М. Языкова М. П. Погодину («Благодарю тебя сердечно...») напечатано впервые в «Москвитянине» 1844 г. (№ 6, с. 190) и было оценено В. Г. Белинским как «образцовое проявление заживо умершего таланта» (Белинский, т. VIII, с. 400—401). Некрасов пародировал его в стихотворении «Послание к соседу» (1844). Два послания «А. В. Киреевой» («Сильно чувствую и знаю...» и «Тогда, как сердцем мы лелеем...») напечатаны впервые в «Москвитянине» 1845 г. (№ 2, с. 56). Послание «Н. В. Гоголю» («Благословляю твой возврат...») напечатано впервые в «Москвитянине» 1842 г. (№ 6, с. 239) и вошло в сборник «Новые стихотворения Н. Языкова» (М., 1845). В стихотворении Некрасова «Послание к другу (Из-за границы)» 1845 г., являющемся ответом на стихотворные памфлеты Языкова «К не нашим», «К Чаадаеву» и «Константину Аксакову» (они расценивались Белинским, Герценом и Некрасовым как политические доносы на «западников»), пародируются, в частности, и отдельные строки языковского послания к Гоголю (наст. изд., т. I, с. 576).

С. 74. *Новый поэт обещал нам особенную статейку...* — Это обещание не было выполнено.

1848

ПЛАЩ, ПОЭМА ВАСИЛЬЯ АЛФЕРЬЕВА

(С. 75)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1848, № 3 (ценз. разр. 29 февр. 1848 г.), отд. III, с. 61—65, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Приписывается Некрасову по характерному для него юмористическому содержанию и в связи с использованием в рецензии персонажа *Нового поэта*.

В пользу авторства Некрасова говорит также упоминание о «юморе» М.-Х. Ларры, имя которого Некрасов часто использовал в качестве защитной маски при публикации своих якобы переводных сатирических стихотворений (см.: наст. изд., т. I, с. 583, 586, 590; т. II, с. 338, 429—430).

С. 75. *Имя г. Алферьева является уже не впервые в печати...* — Двумя годами ранее поэмы «Плащ» В. П. Алферьев выпустил книгу «Картина, или Похождения двух человечков. Шутка ...». Ч. 1, 2. СПб., 1846.

С. 75. *...юмор Ларры, биографию которого читатели прочтут в этой книжке...* — В «Смеси» мартовского номера «Современника» 1848 г. (отд. IV, с. 1—28) анонимно напечатан перевод статьи Ш. Мазада «Испанский юморист Ларра. Биографический очерк».

С. 75. *...облитый горечью и желчью...* — Реминисценция последнего стиха («Облитый горечью и злостью!..») из стихотворения М. Ю. Лермонтова «1-е января» (1840).

С. 76. *И в женских сладостных объятьях* ∾ *И поплыл вдаль с убийцей смелым.* — Здесь и далее цитируется поэма Алферьева (с. 3, 6, 8—10, 13—15, 23—26, 28, 29, 35, 36).

С. 77. *Шармер* — Е. Ф. Шармер, петербургский портной.

С. 77. *Сара́* — портной.

1849

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА.
ИЗДАНИЕ НИКОЛАЯ ФУМЕЛИ. ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

(С. 80)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: С, 1849, № 5 (ценз. разр. 30 апр. 1849 г.), отд. III, с. 49—54.
В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Авторство Некрасова совместно с И. И. Панаевым устанавливается предположительно на следующих основаниях: по содержанию рецензий (на «Литературные вечера, вечер первый и вечер второй»), носивших редакционный характер: в них отстаивалось право существования так называемой «провинциальной литературы» (см. наст. кн., с. 126), что соответствовало журнальной политике «Современника» этого периода; по соответствию провозглашенного в рецензиях тезиса о важности для развития отечественной литературы беллетристических книг, издаваемых в провинции, аналогичному

тезису во «Вступлении» к «Физиологии Петербурга» Белинского, писавшего о необходимости создания литературы, которая бы знакомила читателя с «различными частями беспредельной и разнообразной России» (т. VIII, с. 377); по совпадению имеющихся в рецензиях суждений о том, почему «Современник» печатает мало стихов (см. наст. кн., с. 85) с аналогичными мыслями в рецензиях и статьях Некрасова этого периода «Музей современной иностранной литературы», вып. 1 и 2, «Москва» Н. В. Сушкова, «Дамский альбом», «Русские второстепенные поэты» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 22, 32—34). Общей для комментируемых рецензий и названных статей Некрасова является идея «самобытности поэтического таланта» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 35) и критика посредственных поэтов.

Судя по содержанию (в частности, резкий отзыв о поэме Пушкина «Руслан и Людмила»), участие Некрасова в начале первой рецензии, очевидно, было минимальным. Заключительная же ее часть, в которой речь шла о стихотворениях, принадлежала, по-видимому, Некрасову. Ввиду отсутствия дополнительных аргументов обе рецензии помещаются в разделе Dubia как принадлежащие Некрасову в соавторстве с И. И. Панаевым.

С. 80. *...стоит вспомнить только историю лорда Байрона и нашего Пушкина в эпоху появления их «Hours of Idleness» и «Руслана и Людмилы», произведений посредственных, по которым решительно нельзя было судить о будущей огромности таланта обоих поэтов.* — «Hours of Idleness» («Часы досуга», 1807) — первый поэтический сборник Д.-Г. Байрона (1788—1824), в котором проявились оригинальные черты творческой манеры поэта. Суждение о «Руслане и Людмиле» (1817—1820) восходит, по-видимому, к Белинскому, который в статье шестой о Пушкине писал: «Нельзя ни с чем сравнить восторга и негодования, возбужденных первою поэмою Пушкина — „Руслан и Людмила“. Слишком немногим гениальным творениям удавалось производить столько шума, сколько произвела эта детская и нисколько не гениальная поэма» (т. VII, с. 358).

С. 81. *Желательно, чтобы вообще писатели, знакомые с разнохарактерной местностью* ∾ *почаще переносили наше воображение из Петербурга куда-нибудь в другое место, в Саратов и прочее.* — Слова эти перекликаются с высказываниями о «провинциальной нашей литературе» в рецензии на «Литературные вечера. Вечер второй» (см. с. 126).

С. 82. *«Памятники русских царей в Таганроге» и «Кичкинэ», восточная быль г. Н. Гербановского...* — О Н. Гербановском сведений найти не удалось.

С. 82. *«Вчера и сегодня», рассказ г. Н. Ф. ...* — Автор этого рассказа Н. М. Фумели, беллетрист и издатель, в 1850-х гг. — знакомый И. С. Тургенева.

С. 82. *...«Энтузиаст», повесть г. Е. Колбасина...* — Е. Я. Колбасин (1831—1885) — беллетрист, литературный критик; близкий знакомый И. С. Тургенева. С Некрасовым познакомился в 1850 г., с № 5 1855 г. печатался в «Современнике». Сотрудничал также в «Отечественных записках», «Атенее», «Веке» и других изданиях. Повести «Энтузиаст» и «Практический человек» — первые произведения Е. Я. Колбасина. О сотрудничестве Колбасина в «Современнике» см.: *Краснов Г. В.* Некрасов и литературная братия. («Современник», 50-е годы) // Карабиха. Историко-литературный сборник. Ярославль, 1991, с. 53—67.

С. 82. ...*«История торгового дома Фирлич и К°», также повесть г. О. Рабиновича...* — О. А. Рабинович — писатель, впоследствии опубликовал в № 7 «Современника» за 1856 г. повесть «Бродячие артисты» (отд. I, с. 57—128).

С. 82. ...*и шесть стихотворений: «Грешница» и «Два сонета» г. А. Беседовского; «Тучка» г. Н. Д.....ского и «Моя доля» и «Наездник», принадлежавшие неизвестному автору.* — Об этих авторах сведений найти не удалось.

С. 82. *«...в те дни, когда стены Азова стонали от русских пушек ∾ поручена надзору этого почтенного ветерана».* — Цитируется статья Н. Гербановского «Памятники русских царей в Таганроге. Абрисы» (Литературные вечера. Вечер первый, с. 7, 13).

С. 83. *Кто после этого может сказать, что Марлинский умер?* — О напыщенности стиля Марлинского и его «фразистости» Некрасов писал в рецензии «Музей современной иностранной литературы», вып. 1 и 2, и в статье «Русские второстепенные поэты» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 32).

С. 83. ...*«словечка в простоте не скажет, все с ужимкой?..»* — Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. II, явл. 2). У Грибоедова: «Словечка в простоте не скажут, все с ужимкой».

С. 83. ...*ни слова не сказали бы вам о несчастной манере «уснащения» речи, как говорит Гоголь, громкими словами, трескучими как шумиха.* — Реминисценция из гл.VIII «Мертвых душ» Гоголя, где о почтмейстере сказано: «Впрочем, он был остряк, цветист в словах и любил, как сам выражался, уснастить речь. А уснащивал он речь множеством разных частиц, как то: „сударь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себе представить, относительно, так сказать, некоторым образом“ и прочими, которые сыпал он мешками; уснащал он речь тоже довольно удачно подмаргиванием, прищуриванием одного глаза, что все придавало весьма едкое выражение многим его сатирическим намекам» (VI, с. 157).

С. 84. *Милый Шприц! ∾ от этого зависит многое.* — Цитируется «История торгового дома Фирлич и К°» О. А. Рабиновича (Литературные вечера. Вечер первый, с. 148—149).

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ. СОЧИНЕНИЕ Т. Ч. ВЫПУСК II

(С. 85)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1849, № 2 (ценз. разр. 30 ноября 1849 г.), отд. III, с. 98—111, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. XI.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова предположительно установлено М. М. Гином на основании связи с рецензией Некрасова на выпуск «Путевых заметок» Т. Ч. (С, 1847, № 8) (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 26). Дополнительным атрибутивным соображением служит то, что рассуждение автора настоящей рецензии о значении мысли в художественном произведении предвосхищает позднейший набросок Некрасова «Заметка о мысли в поэзии» (наст. изд., т. XIII). В заглавии рецензии в «Современнике» опечатка: «выпуск 11» вместо «выпуск II». В двух

местах рецензии книга А. Я. Марченко ошибочно названа «Путевыми впечатлениями».

С. 87. *Они есть и у самого Пушкина, но вывезены им из Франции, под разными именами: monsieur l'Abbé, monsieur Бопре...* — Имеются в виду персонажи из произведений Пушкина: «Евгения Онегина» — воспитатель Онегина — monsieur l'Abbé (гл. 1, строфа III) и «Капитанской дочки» — воспитатель Гринева — мосье Бопре (гл. I).

С. 87. *В отечестве своем они были парикмахерами ∾ страсть к женскому полу и любовь к бутылке...* — Перефразированная цитата из «Капитанской дочки». У Пушкина: «Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel, не очень понимая значения этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и врагом бутылки, т. е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее». В комментируемом выражении русское слово приведено во французской транскрипции.

С. 88. *«Вот же, не зная дела, не говорите ∾ одевались одинаково...»* — Здесь и далее цитируется и пересказывается повесть А. Я. Марченко «Танцевальный учитель» (с. 8—9, 34).

С. 91. *«Надежда Александровна любила дочь ∾ старалась перелить душу, ум и убеждения свои в слабого ребенка».* — Цитируется повесть А. Я. Марченко «Четверть жизни человеческой» (с. 127—130) с разночтением: «был возвращен свету, дружбе и любви» вместо «был возвращен свету, дружбе и свободе».

С. 93. *В третьей повести, «Поздно», напечатанной в этом выпуске «Путевых впечатлений»...* — Повесть А. Я. Марченко «Поздно» впервые опубликована в «Современнике» (1848, № 4, отд. I, с. 77—130).

С. 95. *«Что ж вам еще рассказывать? ∾ или важно откашливались...»* — Здесь и далее цитируется повесть А. Я. Марченко «Танцевальный учитель» (с. 63—64, 65—66).

С. 95. *Доезжачий* — служитель, обучающий гончих собак.

С. 99. *Но что за идея, например, в характере Клары...* — Клара — персонаж повести А. Я. Марченко «Четверть жизни человеческой». Далее пересказ повести сочетается с цитатами из нее (с. 171, 172, 174—177).

⟨ВВЕДЕНИЕ К «ОБОЗРЕНИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1849 ГОД»⟩

(С. 100)

Печатается по корректурным гранкам: ЦИГА, ф. 777, оп. 25, 1850 г., ед. хр. 1848, л. 1—2, без подписи.

Впервые опубликовано: *Егоров Б. Ф.* Запрещенное цензурой введение к «Обозрению русской литературы за 1849 год» для «Современника» — Н. А. Некрасов и русская литература. Вып. 38. Кострома, 1974, с. 147—161.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Принадлежность статьи Некрасову и А. В. Дружинину обоснована в статье: *Мельгунов Б. В.* Некрасов и ежегодные «Обозрения русской литературы» в «Современнике» (РЛ, 1987, № 3, с. 145—151).

Соавторство Некрасова и Дружинина устанавливается по редакционному характеру статьи, журнально-издательским обстоятельствам и характерным для обоих авторов журнальным мотивам во введении к «Обозрению...» (см. ниже).

На корректурных гранках сохранились карандашные пометы двух цензоров. И. И. Срезневский «обезвреживал» статью; вычеркивая красным карандашом отдельные слова («цивилизация», «гнет», «права» и т. д.) и предлагая на полях замены и фрагменты (о намерении автора «бросить несколько сарказмов» в адрес литературы первой половины XIX в. — концовка первого абзаца; о предках, которые «неизвестно где и за что сложили свои буйные головы»; о литературной бесталанности, скрывающейся в невидимых закоулках заднего двора ⟨...⟩ письменности» и т. д.). Второй цензор (очевидно, А. Л. Крылов, черным карандашом) продолжил «работу» по устранению «нежелательных» слов и выражений («туманного идеализирования», «мечтательно») и более радикальному устранению «опасных» мест (о талантах, погибших «от недостатка способов к проявлению своей деятельности»; большой фрагмент об общественном значении современных журналов и т. д.). Не доведя эту правку до конца, второй цензор перечеркнул всю корректуру и пометил вверху: «Не одобрена в 1850 году». (Все пометы цензоров воспроизведены в указанной статье Б. Ф. Егорова).

В статье Некрасова «Русские второстепенные поэты», помещенной в № 1 «Современника» 1850 г., по недосмотру автора сохранилась следующая отсылка: «В этой самой книжке „Современника“ в обозрении литературы определили мы до некоторой степени разницу между направлением нынешней литературной эпохи и той, которая ей предшествовала» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 33). Высказывалось предположение, что отсылка Некрасова относится к помещенной в том же номере журнала рецензии на «Ярославский литературный сборник 1849 года» (ПСС, т. IX, с. 732). Однако В. Э. Боград доказал ошибочность этого предположения: в перечне опечаток, помещенном в февральском номере «Современника» 1850 г., Некрасов исправил свою оплошность, указав: «в первой статье о „Второстепенных поэтах“ есть ссылка (стр. 43, «Смесь») на „Обозрение“. Она осталась по ошибке, ибо вступление, к которому относилась эта ссылка, не вошло в текст» (С, 1850, № 2, отд. VI, с. 104; Боград Совр., с. 500—501).

По мнению Б. Ф. Егорова, «Обозрение...» «написано явно не Некрасовым: содержание и стиль слишком не похожи на некрасовские тексты» (Н. А. Некрасов и русская литература. Вып. 38. Кострома, 1974, с. 147).

«Обозрение» за 1849 г. было создано совместными усилиями редакции и ряда других сотрудников. Обозрение трудов по истории написано А. Н. Афанасьевым (Боград Совр., с. 500). Неустановленными авторами составлены обзор «Губернских ведомостей» и «Дополнение к обзору провинциальных газет». Написанное от имени редакции введение, как известно, было запрещено цензурой; возможно, та же судьба постигла и обзор беллетристики. В результате в январском номере «Современника» 1850 г. появились обзоры исторической литературы (Афанасьева), «Губернских ведомостей» и «Перечень беллетристических произведений 1849 года», составленный редакцией,

очевидно, в связи с запрещением обзора беллетристики. «Перечень...» содержал обещание напечатать обзор беллетристики в февральском номере журнала (см. с. 114), но это обещание не было выполнено. Вместо него там помещено «Дополнение к обзору провинциальных газет».

Обозрение за 1848 г. было поручено П. В. Анненкову (Боград Совр., с. 110). В «Критике» и «Библиографии» «Современника» 1849 г. эпизодически участвовали А. Н. Афанасьев, А. Д. Галахов, А. Н. Егунов, М. Н. Лонгинов, П. А. Ильенков, К. Д. Кавелин, В. А. Милютин (по 1—2 рецензии в течение всего года). Однако авторы рецензий почти на все беллетристические издания, разбиравшиеся в «Современнике» 1849 г., остаются до сих пор неустановленными. Можно полагать, что значительная часть их принадлежит самому Некрасову, постоянному участнику критико-библиографического отдела «Современника». Как редактор журнала, ответственный за этот отдел, и наиболее опытный из всех его сотрудников критик Некрасов был вынужден иногда принимать на себя обязанности критика и рецензента.

Журнальное обозрение с самого начала 1849 г. вел А. В. Дружинин («Письма Иногороднего подписчика в редакцию „Современника“ о русской журналистике»), обзоры которого отличались бессистемностью, непоследовательностью, прихотливой избирательностью критического процесса. «Я равнодушен к журналам, — признавался этот фельетонист в одном из своих «Писем...», — мне все равно, что попадется под руку, — декабрьская ли книжка, составленная с особенным тщанием, или июньская, небрежно подобранная и нашпигованная опечатками... что за беда! была бы только тема, а за вариациями остановки не будет» (С, 1850, № 1, отд. VI, с. 4).

Не случайно читатели упрекали критический отдел «Современника» в слабости сравнительно с другими его отделами. Некрасов ответил на эти упреки в специальной заметке: «Известно, что люди, обладающие критическим талантом, во всех литературах редки, — у нас тоже; итак, немудрено, если в этом отношении журнал, прежде возникший, имеет некоторое преимущество перед журналом, начавшимся позже, ибо первый успел удержать за собой деятельность немногих критических талантов еще тогда, когда второго не существовало. Как бы то ни было, чувствуя вполне недостатки этого отдела в нашем журнале, мы приняли всевозможные меры, чтоб он был лучше и полнее с следующего года, для чего приглашено нами несколько новых сотрудников. На первый раз можем обещать нашим читателям по этому отделу в следующем году: подробный обзор русской литературы за 1849 год, статью о сочинениях императрицы Екатерины Великой, статью об „Одиссее“, переведенной В. А. Жуковским, статью о Тредьяковском, статью о русских комиках. Автор „Писем Иногороднего подписчика“ будет продолжать свои обозрения журналов в следующем году и примет участие в критике „Современника“» (ПСС, т. XII, с. 132—133).

Из обещанных редакцией статей в 1850 г. была напечатана только статья Б. И. Ордынского об «Одиссее» (№ 3, 4 «Современника»). Но в отделах «Критики», «Библиографии» и в «Смеси» появились критические и историко-литературные статьи новых или ранее не выступавших в этом журнале как критики сотрудников — В. П. Боткина, П. Г. Буткова, Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева. А. В. Дружинин напечатал в июньском номере «Современника» 1850 г. статью о «Греческих стихотворениях» Н. Ф. Щербины.

Проявляя в первые годы руководства «Современником» известную терпимость к позициям и мнениям, выражаемым в беллетристических произведениях, научных статьях и материалах, помещаемых в отделе «Смесь», Некрасов был очень требователен к идейному содержанию критико-библиографических статей, печатающихся в журнале. «Мнение редакции „Современника“, — говорится во введении к «Обозрению русской литературы за 1850 г.», — выражается в „Критике“ и в „Библиографии“, и здесь досужему критику и доброжелателю „Современника“ предоставляется полное право искать противоречий. Но искания его едва ли будут успешны» (наст. кн., с. 125).

Январский номер «Современника» 1850 г. цензуровался с особой придирчивостью и потребовал огромных усилий Некрасова-редактора для проведения его через цензурные рогатки.

Благодаря А. Н. Афанасьева за согласие писать обозрение «по части истории русской» за 1849 г., Некрасов писал ему 5—6 декабря того же года: «С следующего года я намерен расширить отдел критики и много надежд в этом отношении основываю на Вас. ⟨...⟩ Вы, конечно, следите за всем, что выходит по русской истории, — я желал бы, чтобы о всех книгах этого рода, и о петербургских, и о московских, без исключения, писали Вы, и чтобы Вы уже приняли на себя ответственность за полноту этого отдела ⟨...⟩ Затем желал бы я, чтоб Вы взяли на себя вообще разборы выходящих в Москве книг и присылали бы их аккуратно каждый месяц...»

«Честью Вас уверяю, — писал Некрасов И. С. Тургеневу 9 января 1850 г., — что я, чтоб составить 1-ю книжку, прочел до 800 писаных листов разных статей, прочел 60-т корректурных листов (из коих пошло в дело только 35-ть), два раза переделывал один роман (не мой) ⟨...⟩ переделывал еще несколько статей в корректурах...» В число «нескольких статей», возможно, входило и комментируемое «Обозрение...».

Запрещенное цензурой введение, судя по содержанию (мотивы: «бедность современной русской литературы; о необязательности издателей «прежних» журналов; об истории «Библиотеки для чтения»; о классических и современных европейских писателях — излюбленный мотив А. В. Дружинина; об идейной пустоте современной русской литературы; о «Современнике», как лучшем русском журнале) и стилю, написано Некрасовым при участии А. В. Дружинина. Отделение части, принадлежащей Некрасову, не представляется возможным, так как Некрасов, очевидно, редактировал и дополнял текст, написанный Дружининым. Конкретный атрибутивный анализ см. в реальном комментарии.

С. 100. *Раскеп* — расщеп, щель, трещина.

С. 101. *...странствование жида, наказанного вечною жизнию...* — Имеется в виду сюжет романа Э. Сю «Агасфер» (1844—1845), переведенного на русский язык под заглавием «Вечный жид» (1846).

С. 101. *...часто повторяются жалобы на бедность русской литературы...* — «Бедность» современной литературы, в том числе и русской, — постоянный мотив в русской журналистике, в том числе и в журнальных выступлениях самого Некрасова (см. наст. кн., с. 134 и 194; ср. также наст. том, кн. 1, с. 196). В данном случае полемическое замечание относится, возможно, к Ф. В. Булгарину и его «Северной пчеле», где упреки такого рода были направлены против «натуральной школы» и «Современника» (см.: СП, 1849, 22 янв., № 17, с. 67;

12 марта, № 56, с. 223; 26 марта, № 67, с. 266; 22 апр., № 87, с. 345; 30 июня, № 142, с. 565; 5 сент., № 195, с. 779).

«Современник» неоднократно оспаривал тезис Булгарина о «бедности» русской литературы. Ср. некрасовскую рецензию 1847 г. на «Музей современной иностранной литературы» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 22), а также замечания в VI и XI «Письмах» А. В. Дружинина (С, 1849, № 6, отд. V, с. 214; 1850, № 2, отд. VI, с. 44, 48; № 6, отд. VI, с. 216).

С. 101. *...почти исключительно сосредоточие всей ее деятельности в нескольких журналах...* — Одним из первых эту особенность русской литературы отметил Н. В. Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (1836). «Она (журнальная литература. — *Ред.*) — быстрый, своенравный размен всеобщих мнений, живой разговор всего теснимого типографскими станками, ее голос есть верный представитель мнений целой эпохи и века ⟨...⟩ Она вольно и невольно захватывает и увлекает в область девять десятых всего, что делается принадлежностию литературы» (Гоголь, т. VIII, с. 156). В течение всего 1843 г. не прерывалась начатая Булгариным в конце 1842 г. полемика между «Отечественными записками» и «Северной пчелой», выдвинувшей обвинение в «поглощении» толстыми журналами («Отечественными записками» и «Библиотекой для чтения») всей русской литературы. Итог спора был подведен Белинским в статье «Русская литература в 1843 году»: «... вместо пустых и неосновательных нападок на журналы лучше пожелать увеличения их числа и большего их распространения в публике» (Белинский, т. VIII, с. 100). Отмечал Белинский важность журналов и их «влияния ⟨...⟩ на ход общественного образования и просвещения» и в статье 1845 г. «Петербургская литература» (т. VIII, с. 555—556). Эту же особенность он подчеркнул в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «Теперь вся литературная деятельность сосредоточилась в журналах...» (т. X, с. 287). Ср. также объявление об издании «Современника» на 1847 г., написанное Белинским и Некрасовым (ПСС, т. 12, с. 111).

«Современник» упоминал об этом и позднее — во второй статье «Обозрения русской литературы на 1850 год» (С, 1851, № 2, отд. III, с. 33). Когда в одном из своих последних «Писем...» в «Современнике» Дружинин солидаризировался с «Библиотекой для чтения», утверждавшей, что «наполненные желчной и раздражительной полемикой» «большие журналы являлись большими и важными по одной только дородной наружности» и что число русских журналов следовало бы сократить до уровня английских, французских или немецких (БдЧ, 1851, № 2, отд. VI, с. 129), Некрасов был вынужден как редактор отмежеваться от мнения *Иногороднего подписчика.* «Что касается до разбирания журнальных статей, — писал он в редакционном примечании к соответствующему месту «Письма...» Дружинина, — которые рецензент («Библиотеки для чтения». — *Ред.*) называет „жалким ремеслом", то не должно забывать, что каждая литература имеет свои условия и что русской литературе во многом нельзя ставить в пример и в укор ни французскую, ни немецкую, ни английскую. Кто не повторяет, что русская литература вся сосредоточилась в журналах?» (С, 1851, № 3, отд. VI, с. 80—81).

Полемика с «Библиотекой для чтения» и Дружининым, прекратившим писать свои «Письма...» в «Современнике», была продолжена Некрасовым и Панаевым в одном из фельетонов, написанных ими под журнальной маской *Нового поэта,* где почти буквально

повторено приведенное выше редакционное примечание (С, 1851, № 5, отд. VI, с. 51).

Приведенные материалы (подробнее см.: НЖ, с. 205—222) служат подтверждением принадлежности Некрасову значительной части комментируемой статьи.

С. 103. *Предпринятое им издание «Библиотеки для чтения»...* — Этот журнал (издатель А. Ф. Смирдин, редактор О. И. Сенковский) был основан в 1834 г.

С. 103. *...журналов было много...* — В момент возникновения «Библиотеки для чтения» издавались «Русский вестник» (с 1808 г.), «Сын отечества» (с 1812 г.), «Отечественные записки» (с 1820 г.), «Московский телеграф» (с 1825 г.), «Телескоп» (с 1831 г.) и «Московский наблюдатель» (с 1831 г.). Незадолго до основания «Библиотеки для чтения» прекратили существование «Вестник Европы» (1802—1830) и «Московский вестник» (1827—1830).

С. 104. *...являлись с надписью: № 22, 23, 24 на одной книжке, распухнувшей от неимоверного усилия редакторов как-нибудь отделаться от предпринятого издания.* — Ср. пример из истории русской журналистики, приведенный А. В. Дружининым в IX «Письме Иногороднего подписчика...»: «Обыкновенно журнал не мог стоить слишком дорого и зачастую неисправности свои старался вознаградить весьма забавно. Раз случилось, что один журнал запоздал шестью книжками, а дело было уже в декабре месяце. И вот в конце того же месяца журнал появляется в виде тоненькой тетради, на которой написано: „книжки VII, VIII, IX, X, XI и XII“. На обертке было извинение и объявление о новой подписке...» (С, 1850, № 2, отд. VI, с. 36—37).

Речь идет, очевидно, о «Сыне отечества» К. П. Масальского, нерегулярность издания которого высмеивалась в «Падающих звездах» (наст. кн., с. 192 и 373; см. также: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 254). Такою же неаккуратностью отличался «Москвитянин» (1841—1856) М. П. Погодина, о которой Некрасов вспоминал в «Разговоре в журнальной конторе»:

Так древле тощий «Москвитянин»
По полугоду пропадал,
И вдруг огромен, пухл и странен
Как бомба с неба упадал.
Подписчик в радости великой
Бросался с жадностью на том
. . . .
И принимал нежданный нумер
Охотно за пять нумеров.

(наст. изд., т. II, с. 107—108)

С. 104. *«Библиотека для чтения» взялась выполнить эти три ∾ задачи ∾ Успех неслыханный в нашей журналистике!* — Подробно новаторская роль О. И. Сенковского в истории журналистики освещена В. А. Кавериным. «В то время как в XVIII веке для защиты писательских интересов признавалось государство, — пишет исследователь, — а в 20-х годах имущественное положение писателя было подвержено всем случайностям этой сомнительной профессии, теперь защиту его брала на себя, прекрасно понимая выгоды своего положения, промышленность ⟨...⟩ Что это было отлично понято Сен-

ковским, показывает уже то обстоятельство, что им впервые в России была введена полистная плата за литературный труд. В беспорядочное журнальное хозяйство именно он впервые ввел строгие нормы времени и количественной оценки. Именно он впервые придал периодическому изданию все черты тщательно обдуманного хозяйственного предприятия» (*Каверин В.* Барон Брамбеус. Л., 1929, с. 49).

О блестящем успехе «Библиотеки для чтения» в первые ее годы вспоминал и Дружинин в первом своем «Письме Иногороднего подписчика...». Однако он объяснял его «новым направлением», которое было принято Сенковским, заключавшимся в отказе от участия в журнальной полемике, и тем, что «три четверти тогдашних книжек „Библиотеки для чтения“ наполнены были статьями русскими, взятыми из наших материалов и нашей жизни...» (С, 1849, № 1, отд. V, с. 51). Подход автора этой части комментируемой статьи слишком рационален и практичен для Дружинина и может принадлежать только Некрасову, дерзнувшему еще в объявлении о подписке на «Современник» 1849 г. заявить, что «издание журнала в теперешних размерах есть столько же литературное, ученое, сколько и коммерческое предприятие; оно поддерживается подпиской и платой, иногда весьма высокой, сотрудникам» (ПСС, т. XII, с. 12, 123).

С. 105. *...«Словесность и торговля» в журнале «Московский наблюдатель»...* — Напечатана в ч. 1 этого журнала за 1835 г., отд. I, с. 5—29.

С. 105. *Ты хочешь отдать себе отчет в том, какую мысль выражает русское слово в настоящую минуту...* — Здесь и далее цитируется статья Шевырева «Словесность и торговля», с. 5—10, 20—22.

С. 105. *Шимборазо* — Чимборасо (Chimborazo), самая высокая гора (потухший вулкан) в Эквадоре, 6262 м над уровнем моря. Ср. упоминание этой горы в повести Некрасова «В Сардинии» (1842) (наст. изд., т. VII. с. 256, 508).

С.105. *...мы подразумеваем характеристику папы Сикста V...* — Статья С. П. Шевырева «Сикст V. Историческая характеристика» напечатана в «Библиотеке для чтения» 1834 г. (т. VI, отд. III, с. 38—76).

С. 108. *...«Признания» Ламартина...* — Перевод «Признаний» А. Ламартина печатался в «Современнике» 1849 (№ 3, 4, 6)—1850 гг. (№ 8, 10, 11) и в других русских журналах этого времени.

С. 108. *Вспомните хотя Аристофана, насмехавшегося над Сократом.* — Имеется в виду комедия Аристофана «Облака» (424 г. до н. э.), основным комическим персонажем которой является Сократ. Принадлежность этой классической аналогии Некрасову лишь на первый взгляд кажется маловероятной. Летом 1850 г. Некрасову было передано обстоятельное исследование о названной пьесе древнегреческого комедиографа. В письме от 10 июля 1850 г. М. М. Стасюлевич сообщал М. С. Куторге: «Статью об „Облаках“ я совершенно покончил и писал письмо к г. Некрасову, но он мне не отвечал.[1] В начале этого месяца я ездил в Парголово и заходил опять к нему, но не застал дома. Мне показалось, что он все это делает нарочно, и потому более я его беспокоить не хотел, и моя статья будет отослана в

[1] Я нарочно распечатал это письмо, чтобы прибавить Вам известие о том, что я сегодня получил письмо от г. Некрасова, в котором он просит выслать к нему «Облака», хотя и не обещается напечатать. Он пишет, что ему нужно просмотреть прежде мою статью, и тогда он мне даст положительный ответ. (*Примеч. М. М. Стасюлевича*).

«Москвитянин»[2] (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. I. СПб., 1911, с. 237—238).

Судя по содержанию письма, Некрасов знал о замысле этой работы еще в конце 1849 г. По неизвестным причинам этот труд Стасюлевича не появился в «Современнике» и лишь через два года был опубликован в «Москвитянине» (*Стасюлевич М.* «Облака», комедия Аристофана и ее историческое значение.— М, 1851, № 22, ноябрь, кн. 2, с. 271—295; № 23, дек., кн. 1, с. 433—457). Возможно, автор посылал Некрасову исследование, не вполне завершенное (под статьей второй публикации выставлена дата: «27 сентября 1851 г. Петербург»).

С. 109. *Мы считаем излишним входить в рассмотрение причин, заставивших этих сотрудников отказаться от участия в новом издании...* — «Современник» писал о причине отхода крупнейших русских писателей от «Библиотеки для чтения» в редакционном введении к «Обозрению русской литературы за 1850 год» (см. с. 125). Основной причиной отказа этих писателей отдавать свои произведения в журнал О. И. Сенковского было бесцеремонное обращение с материалами, поступающими от сотрудников. Сенковский сам переделывал, порою изменял до неузнаваемости не только статьи, но и художественные произведения. Этот принцип он декларировал в одной из своих статей: «У „Библиотеки для Чтения“ есть ящик — что уже таиться с этим! — есть такой ящик с пречудным механизмом внутри ⟨...⟩ в который стоит только положить ⟨...⟩ рассказ, чтобы, повернув несколько раз рукоятку, рассказ этот перемололся весь, выгладился, выправился и вышел из ящика довольно приятным и блестящим, по крайней мере четким. ⟨...⟩ Говорят, что иные, воспользовавшись для своей славы и для разного другого прочего выгодами этого ящика, кричат потом в публике, что, дескать, их статьи перемолоты, переправлены, не то, что были. ⟨...⟩ Чего тут жаловаться? Не хотите быть переправлены? Не суйтесь в „Библиотеку для Чтения“! Вы знаете, что есть *такой* ящик. Печатайте свои произведения отдельными книжками или отдавайте их в такие журналы, которые под словом „редакция“ понимают просто „чтение корректуры“. В „Библиотеке для Чтения“ редакция значит *редакция* — в подлинном смысле слова, то есть сообщение доставленному труду принятых в журнале форм, обделка слога и предмета, если они требуют обделки...» (БдЧ, 1836, т. XVII, отд. VI, с. 8).

С. 110. *Возникли журналы, которые ∾ заслужили название толстых...* — Имеются в виду «Современник» (1836—1866), «Отечественные записки» (1839—1884), «Москвитянин» (1841—1856). «Толстые» журналы составляли серьезную конкуренцию «Северной пчеле», издававшейся «литературным наездником» Ф. В. Булгариным, который до возникновения «Библиотеки для чтения» фактически господствовал в журналистике.

С. 112. *Если все, что было сказано об этом предмете, даже на страницах этого журнала вполне справедливо...* — С самого возникновения своего журнал Некрасова и Белинского провозгласил требование сблизить литературу с современной русской действительностью, усилить ее социальную активность. «Лучшие писатели наши, — писали руководители «Современника» в объявлении об издании на 1847 г., — ...чувствуют в настоящее время необходимость постоянного соприкос-

---

[2] Я переменил намерение и отправляю «Облака» к г. Некрасову. (*Примеч. М. М. Стасюлевича*).

новения с умственными стремлениями публики...» (ПСС, т. XII, с. 111). «В наше время, — писал Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», — искусство и литература больше, чем когда-либо прежде сделались выражением общественных вопросов, потому что в наше время эти вопросы стали общее, доступнее всем, яснее, сделались для всех интересом первой степени, стали во главе всех других вопросов» (Белинский, т. X, с. 306).

С. 113. *...разве создания Шекспира восхищают нас не* ∾ *картиною подвигов, свойственных человеку вообще?* — Ср. сходную оценку Шекспира в письме Некрасова к В. П. Боткину от 16 сентября 1855 г., где английский драматург назван «колоссом, рисующим человека так, что рисунок делается понятен и удивителен каждому без отношения к месту и времени». См. также: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 254—255, 272.

⟨ИЗ СТАТЬИ «ОБОЗРЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1849 ГОД»⟩

(С. 114)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1850, № 1 (ценз. разр. 31 дек. 1849 г.), отд. III, с. 55—56, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

На редакционный характер этой части «Обозрения...» и ведущее участие Некрасова в ее составлении указано в статье: *Мельгунов Б. В.* Некрасов и ежегодные «Обозрения русской литературы» в «Современнике». — РЛ, 1987, № 3, с. 145—151.

Атрибутируется Некрасову (при возможном участии И. И. Панаева) как часть статьи, написанная от имени редакции «Современника» и по связи с фельетоном Некрасова «Журналистика» 1849 г. (см. реальный комментарий).

«Перечень...» написан, очевидно, в связи с запрещением обзора беллетристики за 1849 г. (см. об этом: наст. кн., с. 322—323).

С. 114. *Путешествия незаметно привели нас к изящной литературе.* — Предшествующая «Перечню...» VIII главка «Обозрения» посвящена обзору книг о путешествиях.

С. 114. *...«Одиссея» в переводе Жуковского...* — Перевод «Одиссеи» Гомера был напечатан во II и III томах «Новых стихотворений» В. А. Жуковского (СПб., 1849).

С. 114. *...мы напечатаем давно обещанную статью об «Одиссее» с подробным обозрением всего, что говорилось о ней...* — Обещание «рассмотреть разом не только перевод „Одиссеи“, но и все журнальные толки, вызванные этим важным литературным явлением», было впервые дано Некрасовым в его фельетоне «Журналистика», напечатанном в сентябрьском номере «Современника» за 1849 г. (см.: наст. том, кн. 1, с. 289).

В заметке о литературных новостях, напечатанной в декабрьском номере журнала, сообщая о выходе третьей части «Новых стихотворений» Жуковского, содержащей окончание перевода «Одиссеи»,

редакция «Современника» писала: «Мы решаемся отложить еще ненадолго печатание обещанной нами и уже готовой статьи об „Одиссее“, чтоб сказать свое мнение и о второй части перевода и таким образом представить читателям нашим разом подробную и обстоятельную статью обо всей „Одиссее“» (С, 1849, № 12, отд. VI, с. 232; ср. также – отд. V, с. 2 и ПСС, т. XII, с. 138). Статья Б. И. Ордынского «„Одиссея“ и журнальные толки о ней» печаталась в № 3, 4 «Современника» 1850 г.

С. 114. *Евгения Тур* – псевдоним писательницы Е. В. Салиас де Турнемир.

С. 115. *...«Жюли», роман А. Дружинина...* – Напечатан в № 1 «Современника» 1849 г.

С. 115. *«Русские в начале XVIII столетия», роман М. Загоскина.* – Печатался в журнале «Москвитянин» (1849, ч. 1, № 1—4).

С. 115. *«Три страны света», роман Н. Некрасова и Н. Станицкого.* – Печатался в «Современнике» (1848, № 10—12; 1849, № 1—5).

С. 115. *...«Саломея» роман А. Вельтмана...* – Имеется в виду отдельное издание первого романа А. Ф. Вельтмана из серии «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (М., 1848).

С. 115. *...«Чудодей», его же...* – Роман А. Ф. Вельтмана «Приключения, почерпнутые из моря житейского. Чудодей» печатался в «Москвитянине» (1849, ч. II, IV, V).

С. 115. *«Похождения Накатова», роман Д. Григоровича* – печатался в «Современнике» (1849, № 7, 8).

С. 115. *«Дженни Эйр», роман, переведенный с английского...* – «Джейн Эйр» – роман Ш. Бронте (псевдоним Каррер Белл) печатался в журнале «Отечественные записки» (1849, № 6—10).

С. 115. *«Местничество», драма Вл. Соллогуба...* – Напечатана в «Литературном сборнике с иллюстрациями» (СПб., 1849), изданном редакцией «Современника» в качестве приложения к № 3 журнала за 1849 г.

С. 115. *«Холостяк», комедия И. Тургенева...* – Напечатана в «Отечественных записках» (1849, № 3).

С. 115. *«Выгодное предприятие», комедия П. Меншикова...* – Напечатана в «Современнике» (1849, № 5).

С. 115. *«Сон Обломова» И. Гончарова...* – Этот отрывок из романа И. А. Гончарова «Обломов» был напечатан в «Литературном сборнике с иллюстрациями. Изд. редакцией „Современника“» (СПб., 1849).

С. 115. *«Четыре времени года», повесть Д. Григоровича...* – Напечатана в «Современнике» (1849, № 12).

С. 115. *«Записки охотника» И. Тургенева...* – В «Современнике» (1849, № 2) напечатаны рассказы этого цикла И. С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда», «Чертопрахов и Недопюскин», «Лес и степь».

С. 115. *«Шарлотта Ш-ц» А. Дружинина...* – Напечатана в «Современнике» (1849, № 2).

С. 115. *«Варенька», повесть М. Авдеева...* – Напечатана в «Современнике» (1849, № 9).

ЯРОСЛАВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК 1849 ГОДА

(С. 115)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1850, № 1 (ценз. разр. 31 дек. 1849 г.), отд. V, с. 55—60, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Предположение о принадлежности Некрасову основывается на следующих данных: автор рецензии не скрывает от читателей своей принадлежности к руководящему ядру «Современника». «Никогда, — пишет он в начале своего отзыва, — ни одно сочинение, внушенное истинною любовью к отечественной словесности, не встретит в нашем журнале бессмысленных острот и насмешек...» (с. 115). Автором этих слов (и всей рецензии) мог быть в это время, когда в составе редакции «Современника» еще не было литературного критика, один из двух редакторов журнала — Некрасов или Панаев, чрезвычайно редко бравший на себя функции критика. В данном случае И. И. Панаев выступать в качестве рецензента не мог ввиду своей неосведомленности в теме, которой посвящена рецензия. Наиболее вероятный автор — Некрасов, — и как уроженец, и как знаток Ярославской губернии, и как человек, с юных лет питавший глубокий интерес к литературной жизни родного края. Приехав летом 1841 г. в Грешнево, молодой писатель лишь в декабре этого года смог возвратиться в Петербург. В письме от 25 ноября 1841 г. к Ф. А. Кони, давая отчет о своей текущей работе для петербургских изданий, Некрасов упомянул о готовящейся им статье «Ярославская литература». Статья эта, по-видимому, была написана, поскольку объявление о ней появилось в № 7 «Пантеона» за 1841 г., но до сих пор исследователями не разыскана (см. с. 417). Стимулом к написанию как статьи «Ярославская литература», так и комментируемой рецензии был присущий Некрасову интерес к так называемой «провинциальной литературе» и забота об ее качественном росте.

Стиль публикуемой рецензии, содержащиеся в ней отступления от основной темы вполне соответствуют тону и стилю целого ряда критических выступлений Некрасова конца 1840—начала 1850-х гг. (см. рецензии «Москва» Н. В. Сушкова (1847), «Музей иностранной литературы», вып. 1 и 2 (1847), «Дамский альбом» (1854) — наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 7, 22, 100).

О «Ярославском литературном сборнике» писал И. С. Аксаков в письме к родным 5 декабря 1849 г., отметив в качестве положительного в нем интерес к «местной литературе» и «местной истории». По его мнению, в сборнике «замечательны только две прозаические статьи: одна принадлежит купцу, винному торговцу Серебреникову, другая — вольноотпущенному крестьянину Трехлетову. ⟨...⟩ Жаль, что под статьями их не сказано, кто они. Между тем им было бы чувствительно всякое оскорбление критики и чувствительнее, чем нам, знающим, что такое критика, и привыкшим к ней. Поэтому я и решил написать и написал И. И. Панаеву небольшое письмо, в котором только даю ему знать, что такая-то статья принадлежит купцу, такая-то крестьянину» (*Аксаков И. С.* И. С. Аксаков в его письмах, т. II. М., 1888, с. 262—263).

С. 116. *«Издатели „Ярославского сборника“ имеют в виду две цели ∾ соединить вдохновение с благотворительностью — это невыразимо сладостно»*. — Цитируется предисловие к рецензируемому изданию (отд. пагинация).

С. 116. *Новая французская школа живописи одолжена огромною частью известности ∾ сюжеты грациозные и доступные каждому...* — Понятие «новая французская школа» связывается с именами Э. Делакруа (1798—1863), К. Коро (1796—1875), Т. Руссо (1812—1867), О. Домье (1808—1879), Г. Курбе (1819—1877), в творчестве которых преодолевались условности классицизма и доминировали реалистическое начало, интерес к современности, социальные, обличительные тенденции.

С. 116. *...из историков наиболее знамениты те, которые подобно Тьеру и Макоулею ∾ интересующие современников.* — А. Тьер (1797—1877) — французский государственный деятель, историк; Т. Б. Маколей (1800—1859) — английский историк, публицист, политический деятель.

С. 117. *...остроумные насмешки «Библиотеки для чтения» громили собрания стихотворений, альманахи и отрывки комедий в стихах.* — В 1840-х гг. «Библиотека для чтения» была последовательным союзником В. Г. Белинского в борьбе с ложноромантической поэзией. «Нельзя сказать, чтоб „Библиотека для чтения“ не имела полезного влияния на русскую литературу и в чисто литературном отношении, — писал в 1845 г. Белинский, — ее шуточки, нередко острые и меткие, почти всегда забавные, немало способствовали охлаждению детски восторженного тона, который господствовал в нашей литературе и который не допускал шутки, но обо всяком вздоре любил говорить свысока, с видом глубокого убеждения. „Библиотека для чтения“ воздвигла гонение на стихи с девою и луною...» (т. IX, с. 409).

С. 117. *Леди Джерне* — лицо неустановленное.

С. 117. *Леди Блессингтон.* — М. Блесингтон (1789—1849), английская писательница, хозяйка литературного салона.

С. 117. *Геррисон.* — Возможно, имеется в виду В.-Л. Гаррисон (1804—1879), американский поэт и общественный деятель.

С. 117. *Ноульз.* — Д.-Ш. Ноулз (1784—1862), английский драматург.

С. 119. *...«Библиотека для чтения» (старых годов), вдоволь потешилась над поэмами вроде «Хеака» и романами вроде «Аристократки»...* — Имеются в виду поэма В. Р. Зотова «Последний хеак» (1841) и роман Л. В. Бранта «Аристократка» (см. о ней рецензию Некрасова: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 76).

С. 119. *По поводу одной книги под названием «Арабески» в «Библиотеке для чтения» помещен был самый едкий и насмешливый отзыв.* — Имеется в виду рецензия О. И. Сенковского на книгу «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя». СПб., 1835 (БдЧ, 1835, т. IX, отд. VI, с. 8—14).

С. 119. *Разверните одну из книжек этого журнала за нынешний год и отыщите там места, где говорится о Гоголе.* — В анонимной статье «Новости петербургской сцены», помещенной в № 1 «Библиотеки для чтения» за 1850 г., сказано: «Кто заменил у нас Озерова, Фонвизина, князя Шаховского, Грибоедова и новейших возделывателей отечественной Талии, покойного Полевого, живого Н. В. Кукольника, так же как и господин Гоголь с его, впрочем, сомнительными правами на звание великого драматурга, несмотря на прослав-

ленный друзьями юмор „Ревизора“, „Игроков“ и „Женитьбы“ — юмор цинический и шаржированный, который больше заботился о комизме, нежели об истине изображаемого...» (БдЧ, 1850, № 1, отд. VII, с. 100).

С. 119. *...звенья золотой цепи, которая, по словам одного из величайших поэтов, «соединяет небо с землею».* — Имеется в виду эпизод в «Илиаде» Гомера (песнь VIII, ст. 19—22), когда Зевс предлагает богам испытать его могущество:

Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьтесь по ней; но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!

Комментаторы Гомера вслед за Платоном не довольствовались конкретным пониманием «золотой цепи» как средства состязания и выдвигали отвлеченно-аллегорические толкования этого мотива (см.: *Гомер.* Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. Изд. подг. А. И. Зайцев. Л., 1990, с. 104, 471).

С. 120. *...капитальною статьей сборника может назваться повесть г-жи Жадовской «Непринятая жертва», о которой было говорено в «Современнике», в декабрьском письме Иногороднего подписчика.* — Эта повесть Ю. В. Жадовской была впервые опубликована в № 11, кн. 1 «Москвитянина» за 1849 г. В девятом «Письме Иногороднего подписчика в редакцию „Современника“ о русской журналистике» А. В. Дружинин писал: «Повесть эта гораздо лучше „Переписки“, последнего произведения того же автора, но со всем тем не вполне удовлетворяет взыскательного читателя. ⟨...⟩ Я не скажу, чтоб у г-жи Жадовской не было таланта писать повести — совсем напротив. У ней есть чувство, есть глубина, есть глубокие соображения, а при этих условиях не грех писать повести; одна беда в том, что автор „Напрасной жертвы“ пишет свои повести так, как пишут стихи или мелкие заметки в приятельских альбомах...» (С, 1849, № 12, отд. V, с. 199).

С. 120. *...в книге помещено много стихотворений. Стихотворения эти принадлежат местным поэтам: г-жам Ю. Жадовской, А. Ж—вой, господам Ф. С—ву, Семенову, Пав. Жадовскому, Н. Г.* — Имеются в виду стихотворения Ю. В. Жадовской (1842—1883) «Разная участь», «Скрытое горе», «Скоро весна», А. В. Жуковой (1804—1852) «Молитва», Ф. Свешникова «Плач матери на могиле сына», Н. Семенова «Воспоминание», П. В. Жадовского (1825—1891) «Утренняя молитва», «Из окна несутся звуки...», «Мысль», «Былинка», «Ветер свищет, ветер рвется», «Средь блеска и шума роскошного бала...», стихотворения за подписью «Н. Г.» «Баллада», «Раскаяние».

С. 120. *...статья о разорениях города Углича...* — Имеется в виду статья С. Серебреникова «О разорении города Углича поляками, казаками и черкесами. 1608—1616 г. (Отрывок из неизданной истории города Углича)».

⟨ИЗ ВВЕДЕНИЯ К СТАТЬЕ «ОБОЗРЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1850 ГОД⟩

(С. 122)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 1 (ценз. разр. 31 дек. 1850 г.), отд. III, с. 8—11, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Принадлежность Некрасову и Панаеву обоснована в статье: *Мельгунов Б. В.* Некрасов и ежегодные «Обозрения русской литературы» в «Современнике» (РЛ, 1987, № 3, с. 145—151).

Атрибутируется Некрасову (при возможном участии И. И. Панаева) как часть статьи, написанная от имени редакции «Современника», и по связи с другими коллективными произведениями Некрасова и Панаева декларативного характера.

Как и в предыдущем году (см. наст. кн., с. 322), Некрасов поручил «Обозрение» за 1850 г. нескольким сотрудникам, в том числе А. Н. Афанасьеву и В. П. Гаевскому, расчленив его на четыре самостоятельных статьи. Помещенная в январском номере журнала за 1851 г. статья первая «Обозрения» посвящена вышедшим в 1850 г. трудам по истории и написана А. Н. Афанасьевым (Боград Совр., с. 160, 505). К работе над беллетристическим разделом «Обозрения...» Некрасов пытался привлечь Анненкова. Обращаясь 30 сентября 1850 г. с вопросом, скоро ли тот приедет из Симбирска в Петербург, редактор «Современника» предлагал Анненкову: «Если будете скоро, то не поработаете ли для „Обозрения лит⟨ературы⟩ за 1850 год“?» (ПСС, т. X, с. 155). Как установил В. Э. Боград, Анненков не принял участия в составлении этого «Обозрения...» (Боград Совр., с. 507). Не состоялось и участие в этом «Обозрении...» Н. Ф. Щербины, антикритику которого по поводу его собственных стихотворений Некрасов предлагал поместить в беллетристическом разделе статьи (ПСС, т. X, с. 163). Статья вторая («Романы, повести, драматические произведения, стихотворения»), напечатанная в февральском номере «Современника», писалась при участии В. П. Гаевского. Неизвестными сотрудниками написаны статьи третья («Губернские ведомости 1850 года») и четвертая («Обозрение замечательнейших явлений 1850 года по различным отраслям наук и художеств»), напечатанные соответственно в мартовском и апрельском номерах «Современника» 1851 г.

Статья первая «Обозрения» предваряется введением, основное содержание которого составляет объяснение редакции «Современника» по поводу своих отношений с *Иногородним подписчиком* (А. В. Дружининым).

«Если бы Некрасов принимал участие в работе над „Обозрением“, — писал В. Э. Боград в атрибутивном примечании к четырем названным статьям «Обозрения русской литературы за 1850 год», — то его сотрудничество в первую очередь должно было сказаться в такой ответственной и важной части „Обозрения“, как введение. Однако введение написано с позиции идеалистической эстетики и уже

по одному этому не могло принадлежать Некрасову» (Боград Совр., с. 507).

С этим ничем не мотивированным выводом исследователя трудно согласиться. Редакция журнала специально подчеркивает в комментируемом фрагменте «Обозрения» полное соответствие мнений, высказываемых в критико-библиографическом отделе «Современника», взглядам редакции журнала (с. 122). Не будучи адекватной эстетической позиции «Современника» 1860-х гг., позиция авторов (или автора) введения к «Обозрению русской литературы за 1850 год» тем не менее не противоречит взглядам Некрасова — критика и редактора конца 1840-х—начала 1850-х гг.

Вместе с тем у нас нет достаточных оснований для атрибуции Некрасову всего введения к «Обозрению». Поэтому в настоящую книгу включается лишь заключительная часть этого введения, редакционный характер которой подчеркивается в самом его тексте.

С. 122. *Недавно было замечено* ∾ *что мнения «Современника» выражаются преимущественно в «Письмах Иногороднего подписчика»...* — Дружининские «Письма Иногороднего подписчика в редакцию „Современника“ о русской журналистике», печатавшиеся в этом журнале с января 1849 г., быстро завоевали симпатию читателей и способствовали росту популярности «Современника». Однако уже к концу 1849 г. наметился конфликт фельетониста с редакцией журнала. Дружинин, всегда подчеркивавший в «Письмах» свою независимость, объективность и отказ от участия в журнальных полемиках, не упускал случая вышучивать не только «материальную сторону» (опечатки, ошибки в переводах, некомпетентное, с его точки зрения, редактирование и т. д.), но и литературно-общественную позицию некрасовского журнала, никогда, впрочем, не называя его.

Так, в майском письме 1850 г. *Иногородний подписчик* завел речь о недостатках современной литературы, которые, по его мнению, заключаются в следующем: «Первое, что сатирический элемент 〈...〉 не способен быть преобладающим элементом в изящной словесности, а второе, что наши беллетристы истощили свои способности, гоняясь за сюжетами из современной жизни» (С, 1850, № 5, отд. VI, с. 81). Это был выпад прежде всего против самого «Современника». Вместе с тем Дружинин иногда (чрезвычайно редко) давал повод к тому, чтобы его отождествляли с редакцией «Современника». Так, в июньском письме 1850 г. он, говоря о романах Э. Д. Бульвер-Литтона, оповестил читателей: «Кстати, здесь скажем, что „Семейство Какстонов“ не будет переведено в „Современнике“. Взамен его мы переведем другой роман» (С, 1850, № 6, отд. VI, с. 194).

В «Отечественных записках» от имени всех читателей и подписчиков «Современника», «не исключая и того *иногороднего,* который пишет письма в редакцию о русской журналистике», выражалось «недоумение» по поводу того, что «Современник» «называет себя литературным журналом» (ОЗ, 1850, № 12, отд. VI, с. 126—127), и высказывалась догадка, что *Иногородний подписчик* — «сама редакция» «Современника» (там же, отд. VIII, с. 277).

Наметившийся конфликт редакции «Современника» с Дружининым умело использовал О. И. Сенковский, поручивший своему соредактору А. В. Старчевскому привлечь Дружинина к сотрудничеству в «Библиотеке для чтения». Как вспоминал впоследствии Старчевский, редакция этого журнала надеялась переманить вслед за Дружининым

и других сотрудников «Современника» (*Старчевский А.* Александр Васильевич Дружинин. Из воспоминаний старого журналиста. — Наблюдатель, 1885, № 4, с. 121—123).

Одновременно втайне от Некрасова и Панаева Дружинин установил связь с «молодой редакцией» «Москвитянина», выдвигавшей «художественность» главным критерием оценки литературного произведения (*Селезнев В. М.* Чернышевский об Островском (К истории литературной борьбы 50-х годов). — В кн.: Чернышевский: Статьи, исследования, материалы, т. 3. Саратов, 1962, с. 254). О дальнейшем углублении конфликта и разрыве *Иногороднего подписчика* с редакцией «Современника» см. ниже.

С. 123. *...последний закон о книгопечатании, вследствии которого все статьи журналов обязаны носить подпись своих авторов...* — Имеется в виду постановление, принятое 16 июля 1850 г., в годы президентства Луи Наполеона, и известное под названием «закона Тенги (Tinguy)». Впервые за всю историю книгопечатания во Франции на авторов возлагалась обязанность подписывать под произведениями, публикуемыми в периодической печати, собственные имена. Этот закон просуществовал до 1870 г.

В № 10-12 «Современника» 1850 г. печатался большой труд А. В. Дружинина «О современной критике во Франции». Дав обзор истории критики в этой стране от средневековья до современности, автор, однако, не включил в эту работу характеристику состояния французской критики в 1849—1850 гг. В конце третьей, заключительной, статьи указывается: «Положение фельетонной литературы во Франции не лишено интереса; скажем более: его необходимо знать, чтобы отчетливо судить о положении новой французской критики: потому-то в дополнение настоящей статьи мы надеемся вскоре представить читателям „Современника" этюд об этом современном предмете. Означенная статья должна была войти в состав последней главы настоящего труда; но в таком случае необходимая краткость привела бы нас к сухости — недостатку, которого всего более страшится редакция» (С, 1850, № 12, отд. II, с. 221).

Обещанная статья о «фельетонной литературе» во Франции в «Современнике» не появилась. Весьма вероятно, что упоминание в комментируемой статье о последствиях закона Тенги отражает знакомство Некрасова с неопубликованной частью работы Дружинина или ее материалами.

С. 123. *«Иллюстрация».* — Имеется в виду L'Illustration, journal universel» — французская «Универсальная иллюстрированная газета» (основана в Париже в 1843 г.).

С. 123. *Дон Базилио* — герой комедий П.-О.-К. Бомарше «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» (1775) и «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (1784).

С. 125. *...пример «Библиотеки для чтения» ∾ в один год лишившейся лучших своих сотрудников...* — См. об этом наст. кн., с. 328.

С. 125. *...напрасно предлагают русским журналам в подражание журналы иностранные...* — В № 4 (февр., кн. 2, отд. VI, с. 114—119) журнала «Москвитянин» 1850 г. была напечатана статья «Журналы в Лондоне». В XIII «Письме Иногороднего подписчика», посвященном «журнальным промахам» (опечатки, фактические неточности, невежество журналистов и т. д.), Дружинин, опираясь на публикацию «Москвитянина», с восхищением говорил о преимуществах английских журналов, высоком профессионализме журнальных и типографских

сотрудников и образцовой организации журнального дела в этой стране (С, 1850, № 4, отд. VI, с. 182—187).

Полемика редакции «Современника» с А. В. Дружининым, солидаризирующимся с «Москвитянином» и «Библиотекой для чтения», привела *Иногороднего подписчика* к временному разрыву с журналом Некрасова и Панаева (подробнее см.: НЖ, с. 205—222).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА. ИЗДАНИЕ Н. ФУМЕЛИ. ВЕЧЕР ВТОРОЙ

(С. 126)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 1 (ценз. разр. 31 дек. 1850 г.), отд. V, с. 37—45, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Аргументацию авторства см. в примечаниях к рецензии на «Литературные вечера, вечер первый» (Одесса, 1849) (наст. кн., с. 317).

Комментируемая рецензия предварялась *редакционной* заметкой в «Литературных новостях» декабрьского номера «Современника» за 1850 г. В ней, в частности, говорилось: «Одесская литература отличается наславу. Возьмите недавно вышедший в Одессе второй том „Литературных вечеров“, издаваемых г. Фумели; прочтите повесть г. Рабиновича „Мориц Сефарди“ и скажите, часто ли случается вам читать такие повести? Повесть г. Рабиновича отличается практичностью, дельностью содержания, фактическим знанием описываемого быта и занимательностью. Недостатки ее относятся к изложению, которое несколько вяло и сухо. В следующей книжке мы подробно познакомим с нею читателей» (С, 1850, № 12, отд. VI, с. 257). Далее в этой заметке выписаны три стихотворения из второго выпуска «Литературных вечеров», отнесенные редакцией «Современника» к лучшим: «Notturno» Н. Щербины, «Нищий» Я. Полонского и «Современная поэзия» Н. Омеги (псевдоним Н. Ф. Щербины). Преемственная связь рецензии с редакционной заметкой и отсылка к ней («Лучшие из стихотворений г. Щербины мы уже выписали в прошлой книжке» — с. 133) — дополнительный аргумент в пользу принадлежности данной рецензии Некрасову. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что и в редакционной заметке, и в рецензии на книгу Фумели присутствует одинаковая ошибка в фамилии героя повести Рабиновича: дважды вместо «Сефарди» он называется «Стеффарди» (в томе исправлено по первоисточнику).

С. 126. ...*провинциальная литература наша вовсе не заслуживает такого пренебрежения, и, взятая в целом, она не беднее ни петербургской, ни московской* ∾ *в чем легко убедиться по «Современнику» 1850 года, который, поместив в 1 № «Обозрение провинцальных газет», печатал в течение всего года разборы книг, выходящих в провинции.* ∾ *стоит просмотреть в XII № «Современника» книги, означенные под рубрикой «Провинциальная литература»*... — Под «Обозрением провинциальных газет» имелась в виду статья А. Н. Афа-

насьева «Обозрение русской литературы за 1849 год. Статья первая» (С, 1850, № 1, отд. III, с. 1—56) и «Обозрение русской литературы за 1849 год. Статья вторая. Дополнение к обзору провинциальных газет» анонимного автора (С, 1850, № 2, отд. III, с. 57—70). Кроме того, в редакционной статье «Об издании „Современника“ в 1851 году» (С, 1850, № 11, с. 1—8, особ. паг.) сообщалось по этому поводу: «...„Современник“ принял за правило помещать обозрения статей, находящихся в наших губернских ведомостях, — статей весьма интересных и важных, а между тем остающихся мало известными большинству читающей публики» (см. наст. том, кн. 1). В 1851 г. в «Современнике» был организован специальный раздел под названием «Провинциальная литература», а начиная с 1850 г. журнал опубликовал множество рецензий на книги, издававшиеся в провинции. Авторами этих рецензий были, в частности, А. Н. Афанасьев, А. В. Дружинин, В. В. Григорьев.

С. 127. *В свое время («Современник» 1849 года, № 5 «Библиография») мы отдали отчет о первом выпуске «Литературных вечеров» г. Фумели.* — См.: наст. кн., с. 80.

С. 127. *«Видя постоянно в конторе Ксиры такое множество пребывающих людей* ∾ *А какую известность мог он ожидать, служа писцом в конторе Ксиры!»* — Здесь и далее цитируется повесть О. А. Рабиновича «Мориц Сефарди» (Литературные вечера. Вечер второй, с. 69, 59—61, 66—67).

С. 130. *Г. К. Зеленецкий поместил в этом сборнике четыре биографическо-литературные очерка...* — Имеются в виду очерки К. Зеленецкого «Св. Дмитрий Ростовский», «Князь А. Д. Кантемир», «М. В. Ломоносов», «Н. М. Карамзин».

С. 131. *Г. Колбасин (полагаем, что это псевдоним) напечатал повесть под заглавием «Практический человек».* — К моменту, когда была напечатана комментируемая рецензия, Некрасов еще не был знаком с Е. Я. Колбасиным.

С. 132. *Рассказ г. Н. Ковалевского «Шулпейко и Горностай»* ∾ *Это уже четвертый из печатающихся под общим заглавием «Мелкопоместные помещики». Первые три рассказа напечатаны были в «Отечественных записках» 1848 года.* — В «Отечественных записках» за разные годы были опубликованы следующие рассказы Н. С. Ковалевского: «Переселение Ивана Ивановича из Гадячского уезда в Миргородский» (1843, № 10, отд. VIII, с. 85—95), названный В. Г. Белинским «прекрасным» (т. VIII, с. 99), «Недоумение» (1847, № 2, отд. VIII, с. 160—188), «Мелкопоместные помещики» (посв. Н. Д. Мизко), состоящие из трех рассказов: «Пантелей Петрович Хмара», «Бдяк и Зозуля», «Хмара и Перепелица» (1848, № 2, отд. VIII, с. 174 200).

С. 133. *«В комнатах — блеск, великолепие* ∾ *И рыщут львы и онагры из гостиной в залу, из залы в гостиную...»* — Цитируется рассказ Н. М. Фумели «Мазурка и похоронный марш» (Литературные вечера. Вечер второй, с. 361).

С. 133. *«Литературные вечера» изобилуют стихотворениями. В них напечатано пять стихотворений Н. Щербины, три стихотворения Я. Полонского и два — неизвестных авторов.* — Имеются в виду стихотворения Н. Ф. Щербины: «Совет» (1843), «Схолия» (1844), «Творчество» (1846), «Афродите-Апострофии» (1850), «Notturno, на даче „Belle-vue“» (1850); стихотворения Я. П. Полонского: «Внутренний голос» (1847), «Наивная жалоба» (1847), «Нищий» (1847). К стихотворениям «неизвестных авторов» относились «Современная поэзия» (1850) и за подписью «Н. Омега» — пародия, принадлежащая

Н. Ф. Щербине, и стихотворение «На заре» за подписью Н. Картамышев.

С. 133. *Г. А.-ъ напечатал стихотворение и назвал его «Картиной».* — Автор стихотворения неизвестен.

1851

СОТРУДНИКИ, ИЛИ ЧУЖИМ ДОБРОМ НЕ НАЖИВЕШЬСЯ. СОЧИНЕНИЕ ГРАФА В. СОЛЛОГУБА

(С. 134)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 3 (ценз. разр. 28 февр. 1851 г.), отд. V, с. 18—25, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. В. Мельгуновым (НЖ, с. 157—158) по следующим данным: текстуальное сходство начала характеристики повести В. А. Соллогуба «Тарантас» с рецензией Некрасова на эту повесть, опубликованной в «Литературной газете» (1845, 12 апр., № 14, с. 245—251; см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 199); смысловые переклички с рецензией Некрасова на сборник Соллогуба «На сон грядущий», ч. II. СПб., 1843, опубликованной в «Отечественных записках» (1843, № 8, отд. VI, с. 1—3; см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 105—108), и с отзывом о нем в статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году. Статья вторая и последняя», содержащей упрек: «Как жаль, что граф Соллогуб так мало пишет!..» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 157); смысловые совпадения с текстом незавершенной повести Некрасова «В тот же день часов в одиннадцать утра...» (наст. изд., т. VIII, с. 411—439); нераскрытая цитата Белинского, прием, которым Некрасов часто пользовался, в частности, в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (см.: наст. изд., т. VIII, с. 718—719).

Автором рецензии, написанной от имени редакции «Современника», теоретически мог быть и И. И. Панаев (ср. его оценку творчества Соллогуба в «Литературных воспоминаниях» (Л., 1950, с. 131, 268—271), близкую к заключенной в рецензии («Писатель-дилетант»)), однако указанные выше (см. также реальный комментарий) некрасовские «приметы» делают вероятность авторства Панаева ничтожно малой.

Комментируемая рецензия явилась, по-видимому, прямым откликом на одобрительную оценку «Сотрудников...» в фельетоне А. В. Дружинина (С, 1851, № 2, отд. VI, с. 248). В «Москвитянине» (1851, № 7, апр., кн. 1, с. 356—357) помещена рецензия Ап. Григорьева на «Сотрудников...» с оценкой, аналогичной некрасовской. И. С. Аксаков писал 1 февраля 1851 г. из Ярославля родным по поводу комедии В. А. Соллогуба, в которой пародийно изображены славянофилы и их споры с западниками: «На днях читал я преглупейший, но пресмешной

фарс Соллогуба — „Сотрудники, или чужим добром не наживешься". Тут выведен на сцену Константин — под именем Олеговича в русском платье и с диссертациями: Тьмутараканской, букве ъ и чешском корнесловии. Пожалуйста, достаньте и прочтите: глупо, но я хохотал много». В письме к родным от 5 февраля из Ярославля он добавил: «Когда эта вещь появилась здесь, то приезжие ли из Москвы или кто другой пустили в ход сведение, что это карикатура на Аксакова Константина» (И. С. Аксаков в его письмах, т. II. М., 1888, с. 376, 377).

С. 134. *...весь читающий люд устремил на них очи, полные ожидания и надежд — говоря языком одного знаменитого русского писателя...* — Реминисценция из лирического отступления в главе XI части первой поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: «Что глядишь ты так и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?..» (Гоголь, т. VI, с. 221). Это отступление неоднократно вышучивалось и пародировалось современниками Гоголя. В «Речи о критике» (1842) В. Г. Белинский иронизировал по поводу писателей, подобных птицам, которые поют оттого, что им поется: «...они счастливы, если им поется, они выше человечества, выше своих страждущих братьев, тщетно обращающих к ним полные мольбы и ожидания очи...» (т. VI, с. 280). Ср. также в повестях Ф. М. Достоевского «Двойник» и «Господин Прохарчин» (1846) (Достоевский, т. I, с. 129, 252, 349, 494).

Насмешки участились после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» (СПб., 1847), где Гоголь объясняет это лирическое отступление (т. VIII, с. 288—289). В «Современных заметках» № 12 «Современника» за 1847 г., помещенных в настоящем томе, эти слова Гоголя пародировались в стихотворении *Нового поэта*, написанном, очевидно, самим Некрасовым (наст. кн., с. 228).

С. 134. *«Читали ли вы повесть такого-то. ∾ О, этот писатель подает большие надежды! ∾ его очень хвалят в глаза, даже немножко захваливают...* — Ср. аналогичный фрагмент в повести Некрасова «В тот же день часов в одиннадцать утра...» (наст. изд., т. VIII, с. 433—434).

С. 134. *Как он глубоко и верно смотрит на жизнь! ∾ какой верный взгляд на все...* — Ср. в рецензии Некрасова на сборник «На сон грядущий», т. 2. СПб., 1843: «Все эти рассказы отличаются талантом безошибочно понимать жизнь и современную действительность, — умным, глубоко проницательным взглядом, бросаемым на вседневные житейские случаи и мелочи, которые автор исключительно развивает в своих созданиях...» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 105).

С. 136. *...уж лучше остановиться даже на трех повестях...* — Очевидно, намек на книгу Н. Ф. Павлова «Три повести» (М., 1835), ставшую значительным литературно-общественным событием. Вторая его книга «Новые повести» (СПб., 1839) успеха не имела. В 1840—1860-х гг. Павлов ограничил свою литературную деятельность критико-публицистическими статьями, изданием газет, все более отходя от демократических убеждений, отчетливо проявившихся в раннем творчестве.

С. 136. *Au ciel, un soir ∾ avant sa chute.* — Цитата из стихотворения П.-Ж. Беранже «Прощайте, песни!» («Adieu, chansons!», 1836).

С. 136. *Таланты второстепенные...* — Ср. первоначальное название статьи Некрасова «Русские второстепенные поэты»: «Статья о Тютчеве. Русские второстепенные таланты» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 32).

С. 136. *«История двух калош».* — Повесть В. А. Соллогуба напечатана в № 1 «Отечественных записок» за 1839 г.

С. 136. *«Да, искусство находит отголосок в душах неиспорченных, а я начинал в ней сомневаться».* — Неточная цитата из повести Соллогуба «История двух калош». У Соллогуба: «...я принимаю ваш подарок ⟨...⟩ как залог того, что искусство находит еще отклик в душах неиспорченных. Эта мысль для меня утешительна, а я начинал в ней сомневаться» (ОЗ, 1839, № 1, отд. III, с. 119).

С. 137. *Другая повесть называлась «Аптекарша».* — Повесть Соллогуба «Аптекарша» опубликована: Русская беседа, т. 2. СПб., 1841.

С. 137. *...первые семь глав «Тарантаса»...* — В № 10 «Отечественных записок» за 1840 г. помещены «Семь глав из „Тарантаса"» («Встреча», «Отъезд», «Начало путевых впечатлений», «Чиновники», «Гостиница», «Цыгане», «Перстень»).

С. 137. *«Тарантас» не роман, не повесть, не очерк, не трактат; но это произведение ∾ необыкновенно замечательное.* — Ср. в рецензии Некрасова на «„Тарантас"» (1845): «Это не роман, не повесть, даже не путевые впечатления, но тут есть всего понемножку — и романа, и повести, и путевых впечатлений, и даже того, что называется журнальной статьей...» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 199). Ср. также в рецензии Белинского: «„Тарантас" — художественное произведение в современном значении этого слова. ⟨...⟩ Оттого оно — не роман, не повесть, не очерк, не трактат, не исследование, но то и другое и третье вместе» (т. IX, с. 78).

С. 137. *Кто-то и когда-то назвал героя «Тарантаса» ∾ второстепенным героем нашего времени...* — Цитата из рецензии В. Г. Белинского «„Тарантас". Путевые впечатления. Сочинение В. А. Соллогуба» (ОЗ, 1845, № 6, отд. V, с. 31; т. IX, с. 79—80).

С. 138. *...то вдруг превращающийся в льва дурного тона...* — Здесь, очевидно, обыгрывается название повести В. А. Соллогуба «Лев», напечатанный в № 4 «Отечественных записок» за 1840 г.

С. 138. *«Иван Васильевич — один из тех червячков ∾ и голова его никак не может мирить противоположностей в одном и том же предмете».* — Цитата из той же рецензии Белинского (т. IX, с. 82—83).

С. 139. *Это лицо, нередко встречаемое нами и так хорошо знакомое нам, как, например, лицо Ноздрева Гоголя, — этот Иван Васильевич...* — Сопоставление с героями Гоголя встречается и в рецензии Белинского на «Тарантас»: «В нравственном отношении между Иваном Васильевичем и Василием Ивановичем существовала такая же противоположность, как и между героями известной повести Гоголя: у одного голова похожа на редьку хвостом вниз, у другого — на редьку хвостом вверх» (т. IX, с. 85).

С. 139. *...написал несколько повестей и очерков: «Большой свет», «Лев», «Медведь», «Приключение на железной дороге», «Неоконченные повести».* — Эти произведения Соллогуба напечатаны в следующих изданиях: «Большой свет» — ОЗ, 1840, № 3; «Медведь» — Утренняя заря. Альманах на 1843 год. СПб., 1842; «Приключение на железной дороге» — Утренняя заря. Альманах на 1842 год. СПб., 1842; «Неоконченные повести» — *Соллогуб В. А.* На сон грядущий, т. 2. СПб., 1843.

С. 139. *...и до графа писались на русском языке повести, в которых изображались княгини и графини...* — Очевидно, намек на творчество Н. Ф. Павлова — выходца из крепостного сословия. Ср. примечание к пародийной «драматической пословице» *Нового поэта*

«Откровенность за откровенность»: «Типом для создания характеров княгини и графа служили герои повестей Н. Ф. Павлова, изданных в 1839 г. и напечатанных в Гуттенберговой типографии. Телодвижения, наряды и вообще все наружные и внутренние психологические тонкости и внешняя обстановка заимствована оттуда же» (С, 1851, № 9, отд. VI, с. 50—51). Портрет героини — княгини описан так: «...волосы ее с золотистым отливом, глаза цвета морской волны перед бурей, с фосфорическим блеском; нос несколько вздернутый — отличительный признак остроумия; брови высоко приподняты над глазами; косвенный взгляд княгини обнаруживает много европейского ума; рост отмеченный умеренностию; вообще все существо ее правильно: не слишком рвется к небу и не припадает к земле; ножка маленькая, узенькая и ядовитая. Княгиня принадлежит к типу самых тонких, прозрачных и неуловимых кокеток: движения ее исполнены невообразимой неги и необъяснимой грации...» Первая сцена «пословицы» открывается «живописной» картинкой: «Княгиня одна в будуаре. Она полусидя, полулежа, покоится на оттомане. Шея ее обернута голубым газом; на ней какой-то капот, чудесно вышитый; ⟨...⟩ На лбу у нее утренняя звезда из брильянтов; на коленях букет из анемонов; одна рука разметалась, другая, притронувшись к щеке, сквозится сквозь упавшую тесьму волос» (там же, с. 50—51). Молодой Некрасов и сам отдал дань распространенному в 1830—1840-х гг. жанру светской повести. Сюжет цитированной «пословицы» пародийно сходен с содержанием первой главы его повести «Певица» (1840).

С. 140. *«Какой шепот любви ∾ Кто понял ее жизнь, ее силу, душу?..»* — Неточная цитата из повести Соллогуба «Медведь».

С. 140. *...кроме небольшой повести «Княгиня»...* — Эта повесть была напечатана в № 3 «Отечественных записок» за 1846 г. (отд. I, с. 3—43).

С. 140. *Причислял ли он себя к той даровитой, но усталой литературе, которая, по словам его, Ивана Васильевича, «показывается в люди редко, смиренно, иногда с улыбкою на лице, чаще с тяжкою грустью в сердце?»* — Перефразируется и цитируется отрывок из гл. X «Нечто о словесности» повести Соллогуба «Тарантас» (СПб., 1845, с. 111). У Соллогуба: «Одна даровитая, но усталая, которая показывается в люди редко, смиренно, иногда с улыбкою на лице, а всего чаще с тяжкою грустию на сердце. Другая наша литература, напротив, кричит на всех перекрестках, чтоб только ее приняли за настоящую русскую литературу и не узнали про настоящую». Ср. с критическим отзывом по поводу этих «рассуждений о литературе» героя книги Соллогуба в рецензии Некрасова на «Тарантас»: «...нам не совсем нравятся рассуждения о литературе не совсем бедные фразами...» (см. там же полемическое письмо неизвестного «читателя» — ЛГ, 1845, 3 мая, № 16, с. 288; наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 200).

С. 141. *...променять произведения искусства на игрушки — на «Цветобесие», на «Мыльные пузыри».* — Имеются в виду водевили Соллогуба «Букеты, или Петербургское цветобесие» (СПб., 1845) и «Мыльные пузыри» (СПб., 1846).

С. 141. *...повесть под названием «Старушка»...* — Эта повесть была напечатана в № 4, 5 «Отечественных записок» за 1850 г.

С. 141. *Это драматическая пословица, потому что теперь с легкой руки г. Альфреда де Мюссе все принялись у нас писать драматические пословицы.* — Ср. эпизод из «Сотрудников...» Соллогуба (д. 1, явл. 16): «Итак, господа, мы приступим к делу. Мы сочиним для именин жены моей пьеску. Вам, конечно, известны пословицы

Альфреда Мюссе?» Драматические пословицы отличались изяществом формы и незначительностью содержания. «Современник» выступал против подражания этому жанру, в частности, в творчестве А. Н. Островского. Об этом свидетельствует, например, «драматический этюд» *Нового поэта* «Расстегаи» — пародия на «драматический и психологический этюд» Островского «Неожиданный случай», напечатанный в альманахе «Комета» (М., 1851) и провозглашенный «Москвитянином» образцом «художественности и искренности» в искусстве — С, 1851, № 6, отд. VI, с. 142—151. Еще об одной драматической пословице *Нового поэта* «Откровенность за откровенность» см. выше.

С. 141. *Содержание драматической пословицы уже рассказано иногородним подписчиком (в письме его во 2 № «Современника», «Смесь», стр. 248)* ∾ *Иногороднему подписчику она очень нравится, он в ней находит даже характеры! О вкусах спорить нельзя.* — В письме XXIII обозрения *Иногороднего подписчика* — А. В. Дружинина так оценивалась комедия В. А. Соллогуба, первоначально печатавшаяся в январских номерах «С.-Петербургских ведомостей»: «По моему мнению, из всех сценических вещиц автора „Большого света“ эта вещица самая живая; она хороша в чтении, хороша в домашнем театре, хороша даже в раздробленном виде по фельетонам. ⟨...⟩ Характер Олеговича — лучший во всей пьесе. Трудно придумать что-нибудь повеселее и оригинальнее его первого появления на сцену». Судя по отзыву, Дружинин, по-видимому, угадал пародийность «Сотрудников...».

С. 141. *...под этим благословенным небом, где уже, может быть, находится в сию минуту граф Соллогуб, под этим небом, которое вдохновляло Пушкина и Лермонтова...* — Имеется в виду Кавказ, где в 1851 г. служил Соллогуб.

1852

РАУТ НА 1852 ГОД. ИЗДАНИЕ Н. В. СУШКОВА

(С. 142)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С., 1852, № 4 (ценз. разр. 6 апр. 1852 г.), отд. IV, с. 70—81, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова предположительно установлено А. Я. Максимовичем (ПСС, т. IX, с. 821) на следующих основаниях: связь с рецензией Некрасова на предыдущий выпуск «Раута» (см.: наст. изд. т. XI, кн. 2, с. 66), принадлежность Некрасову включенных в комментируемую рецензию пародий на стихотворения Ф. Н. Глинки. Дополнительным аргументом в пользу авторства Некрасова являются характерное для него внимание к стихотворениям Ф. И. Тютчева и использование образов Гоголя в тексте рецензии. Об альманахе Н. В. Сушкова см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 66 и 326.

С. 142. *...в нем есть даже отрывок из водевиля!* — Имеется в виду «Отрывок из картины-водевиля „Вся Москва на бале"» П. Н. Арапова (1796—1861) — писателя, драматурга, составителя «Летописи русского театра» (СПб., 1861).

С. 142. *По примеру первого выпуска и второй издан с благотворительною целию.* — О благотворительной цели издания сообщалось на титульном листе каждого выпуска сборника. «Раут» 1851 г. издавался в пользу Александринского детского приюта. «Раут на 1852 год» — с подзаголовком «Исторический и литературный сборник в пользу учебного заведения для благородных девиц ведомства дамского попечительства о бедных в Москве».

С. 142. *...есть тут даже отрывок из фантазии графини Ростопчиной...* — «Раут на 1852 год» открывался «Отрывком из „Одаренной", драматической фантазии, взятой из волшебных сказок XVII в., в 5 картинках, с прологом, вольными стихами» Е. П. Ростопчиной.

С. 142. *...статью г-жи Авериной «Воспоминания об П. И. Аверине».* — Речь идет о Н. П. Авериной, племяннице губернатора волынского и бессарабского П. И. Аверина (1775—1849).

С. 142. *...«Храповицкий и Сердюков», статья издателя...* — Храповицкий (1758—1819) — поэт и переводчик, автор сатиры «Разговор уездных дворян о выборах в судьи» (М., 1790) и «Слова похвального императрице Екатерине II» (СПб., 1802). М. В. Сердюков — новгородский купец, строитель Вышневолоцкой системы каналов, дед издателя «Раута» Н. В. Сушкова.

С. 142. *...упомянем еще о письмах имеретинского царя Арчила к боярину Ф. А. Головину.* — Арчил II (1647—1713) — грузинский царь из династии Сассанидов; умер в Москве, где жил с 1699 г., занимаясь литературной деятельностью. В «Рауте на 1852 год» опубликовано 13 его писем к боярину Ф. А. Головину (1650—1706), государственному деятелю петровской эпохи.

С. 143. *...длинная комедия самого издателя под заглавием «Мизогин» ∾ г. Сушков уже не один раз печатно извещал о ней.* — Отрывки из комедии Н. В. Сушкова «Мизогин» публиковались дважды: в «Драматическом альбоме», изданном П. Н. Араповым и А. Роппольтом (М., 1850), и в «Рауте на 1851 год» (в обоих случаях под заглавием «Отрывки из комедии „Ненавистник женщин"»). В авторском предисловии, предпосланном первой публикации, сказано: «Вот уже 29 лет, как мой бедный „Ненавистник женщин" остается под спудом...».

С. 143. *...г. Сушков желал создать так называемую высокую комедию, и Мольер постоянно был пред его глазами.* — Насмешливое сравнение Н. В. Сушкова с Мольером, возможно, связано с автобиографическим эпизодом. В рецензии В. С. Межевича (за подписью «Л. Л.») на водевиль Некрасова «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь» Некрасов сравнивался с Мольером (см.: СП, 1841, 20 мая, № 108, с. 450). Этот эпизод упоминается в отрывке из статьи «Обзор прошедшего театрального года и новости наступающего» (ЛГ, 1842, 26 апр., № 16; наст. изд., т. XII, кн. 1) и в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—1848; наст. изд., т. VIII, с. 176, 186).

С. 143. *...он брал какую-нибудь человеческую страсть и с гениальным талантом исследовал ее во всех даже мельчайших ее проявлениях. Так изобразил он ненависть к людям в Мизантропе, лицемерство в Тартюфе, скупость в Гарпагоне.* — Имеются в виду комедии Мольера «Мизантроп» (1665), «Тартюф» (1669) и «Скупой» (1668).

Ср. суждение А. С. Пушкина о Шекспире и Мольере в «Table-Talk»: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков ⟨...⟩ У Мольера скупой скуп — и только; у Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера лицемер волочится за женою своего благодетеля, лицемеря; принимает имение под сохранение, лицемеря; спрашивает стакан воды, лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславной строгостью, но справедливо» (Пушкин, т. XII, с. 159—160). Оно могло быть известно Некрасову по книге П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина», входившей в состав т. I Сочинений Пушкина (СПб., 1855, с. 136).

С. 144. *...раскрой историю: что бед, вреда и зла от них произошло на свет!..* — Цитируется монолог Анапцова из пьесы Н. В. Сушкова (д. 1, явл. 2) с разночтением в первой строке. У Сушкова: «...раскрой историю: что бед, что зла от этих жен произошло на свет!..» (с. 61).

С. 145. *Ничуть не девушка и не вдова...* — Здесь и далее цитируются реплики героев «Мизогина» Н. В. Сушкова (Раут на 1852 год, с. 63, 64, 88, 154, 159).

С. 145. *...той грации, образчики которой публика уже видела в прежней комедии г. Сушкова, где действующими лицами были графиня Бабе и какая-то княгиня еще с более милым названием.* — Речь идет о пьесе Н. В. Сушкова «Комедия без свадьбы» (М, 1849, № 23, дек., кн. 1), среди действующих лиц которой действительно есть графиня Бабе и княгиня Адель.

С. 146. *...«Любовь 15-летней девушки» г. Петерсона...* — К. А. Петерсон (1811—1890) — поэт и драматург.

С. 146. *...отзыв самого издателя ∾ этот рассказ написан «мило и благородно».* — Цитируется примечание Н. В. Сушкова (Раут на 1852 год, с. 362).

С. 146. *...Мы подозреваем ∾ повесть принадлежит Манилову.* — Ссылаясь на Манилова — героя «Мертвых душ», Некрасов хотел дать представление о сентиментальном стиле повести К. А. Петерсона.

С. 147. *...одна из них принадлежит г. И. Б. ∾ Первая под заглавием «Кой-что из заветной тетради»...* — Под статьей подпись: «И. Б...ий» (в списке опечаток, приложенных к «Рауту на 1852 год»: И.....й). Подпись принадлежит И. Е. Бецкому (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 329).

С. 147. *...«Кой-что из заветной тетради» ∾ по-видимому, она составляет отрывок из неизданных мемуаров Кифы Мокиевича, философа «Мертвых душ» ∾ какого объема потребна была бы для этого яйца кора.* — Ироническое отношение Некрасова к статье И. Е. Бецкого усиливается свободным пересказом эпизода из заключительной, одиннадцатой главы тома I «Мертвых душ». У Гоголя: «...Кифа Мокиевич, человек нрава кроткого, проводивший жизнь халатным образом ⟨...⟩ существование его было обращено более в умозрительную сторону и занято следующим, как он называл, философическим вопросом: „Вот, например, зверь, — говорил он, ходя по комнате; — зверь родится нагишом. Почему именно нагишом? Почему не так, как птица, почему не вылупливается из яйца? Как, право того: совсем не поймешь натуры, как побольше в нее углубишься! ⟨...⟩„ Ну, а если б слон родился в яйце, ведь скорлупа, чай, сильно бы толста была, пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрельное орудие выдумать“» (т. VI, с. 244—245).

С. 147. *Если бы Шекспир ожил ∾ в прежние времена пел весь народ, пел каждый человек от полноты душевной жизни.* — Приведенные строки — близкий к тексту пересказ статьи И. Е. Бецкого (с. 168, 165).

С. 147. *Приволье было бы тогда г. Бергу, который, как известно, поет песни всего земного мира и в «Рауте» является с песнью малороссийскою.* — Переводы Н. В. Берга с двадцати восьми языков вскоре были изданы под названием «Песни разных народов» (М., 1854); в «Рауте на 1852 год» был опубликован его перевод украинской песни «Разлука» (с. 335).

С. 147. *...«Картины русского быта в старину», — заглавие заманчивое, тем более заманчивое, что предисловие к ней дышит отменно важным тоном. Точь-в-точь первая глава Саллюстия в его истории Катилины...* — Некрасов иронически сравнивает предисловие Н. В. Сушкова к статье «Картины русского быта в старину» с главой 1-й «Заговора Катилины» Гая Криспа Саллюстия (86—35 до н. э.) — римского историка, слог которого отличался торжественностью, энергией и краткостью. Цитату из Саллюстия («Люди — это все те, кто стремится превосходить прочих животных») Некрасов мог заимствовать из статьи И. О. Бабста «О Саллюстие и его сочинениях», опубликованной в «Пропилеях» (1851, кн. 1, с. 223—256). О переводах из Саллюстия упоминается также в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (наст. изд., т. VIII, с. 123—134).

С. 148. *...сожаления «Северной пчелы», «Москвитянина» (не того «Москвитянина», что издается теперь, а прежнего) ∾ преимущественно направлены на порчу чистоты русского языка.* — Речь идет о выступлениях в 1840-х гг. «Северной пчелы» Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча и «Москвитянина» М. П. Погодина (до появления «молодой редакции» в 1851 г.) в защиту русского языка от иностранных заимствований. В свое время Белинский неоднократно иронизировал по поводу этих пуританских устремлений. См. его «Речь о критике...» (ОЗ, 1842, № 9—11; Белинский, т. VI, с. 332).

С. 148. *Всегда можно переводить иностранные слова, — говорит г. Сушков, — стоит только подумать.* — Пересказывается близко к тексту статья Н. В. Сушкова «Картины русского быта в старину» (Раут на 1852 год, с. 479—480). У Сушкова: «...я люблю переводить иностранные слова и уверен, что это всегда возможно — стоит только хорошенько подумать...»

С. 149. *Пословица Ал. Мюссе «Un caprice» будет называться в русском переводе «Привередничество» ∾ стоило только подумать.* — Некрасов иронизирует по поводу предложенного Н. В. Сушковым употребления русских слов: «причуды, прихоть, привередничество, затеи (каприз, в каком угодно смысле)» (Раут на 1852 год, с. 481). Имеется в виду пьеса Альфреда де Мюссе (1810—1857) «Un caprice» («Каприз»), переведенная с французского на русский язык журналистом, поэтом, переводчиком А. Н. Очкиным (1791—1865); с 1838 г. шла в этом переводе на сцене Александринского театра под заглавием «Женский ум лучше всяких дум» (см. о ней: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 260—261).

С. 149. *Упомянем еще о водевиле кн. Львова, принадлежащем к лучшим статьям альманаха...* — Имеется в виду «Железная дорога», шутка-водевиль В. В. Львова (1804—1856) — автора нескольких повестей и сказок для детей.

С. 149. *...эти новые стихотворения г. Ф. Тютчева никак не могут идти в сравнение с теми, которые принадлежат к лучшей*

поре его поэтической деятельности и с которыми впервые познакомил публику Пушкин в своем «Современнике». — Стихотворениям Тютчева, опубликованным в пушкинском «Современнике», посвящена статья Некрасова «Русские второстепенные поэты» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 32, 315). В «Рауте на 1852 год», кроме двух перепечатанных в комментируемой рецензии, были впервые опубликованы следующие стихотворения Тютчева: «Графине Е. П. Ростопчиной (в ответ на ее письмо)» (1850); «Kennst du das Land..?» («Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...») (1851?) — перевод песни Миньоны из романа Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера»; «Первый лист» (1851).

С. 149. *Ночь в дороге.* — Стихотворение Тютчева цитируется по первой публикации (Раут на 1852 год, с. 201).

С. 149. *...извещает публику, что в нынешнем году «будет издано полное собрание стихотворений г. Тютчева».* — Цитируется примечание издателя к публикуемым стихотворениям Ф. И. Тютчева (Раут на 1852 год, с. 201). Издание, о котором говорит Сушков, не было осуществлено; материалы, собранные при его подготовке, были впоследствии использованы для издания 1854 г., предпринятого редакцией Некрасовского «Современника».

С. 150. *Волна и дума.* — Стихотворение Тютчева цитируется по первой публикации (Раут на 1852 год, с. 202).

С. 150. *...о стихотворениях «Раута», названных «Очерки» и подписанных буквами И. К.* — Автора цитируемых стихотворений, скрывавшегося за этой подписью, установить не удалось.

С. 151. *Г-н Долин, которого удивительное стихотворение «Амур-игрок» недавно помещено было в одном петербургском журнале и не совсем благосклонно встречено в другом...* — «Долин» — псевдоним издателя «Раута» Н. В. Сушкова, помещавшего свои стихи в сборнике и под полным именем (комедия «Мизогин»). Его стихотворение «Амур-игрок» было опубликовано в «Библиотеке для чтения» (1852, № 1, отд. I, с. 115—116) и неблагосклонно встречено в «Пантеоне» (1852, № 3, Петербургский вестник, с. 19—20).

С. 151. *Все здесь — пустое! ∾ Слезы — вода!..; Старость — не радость ∾ Очень мила!»* — Цитируется стихотворение Сушкова «С досады» (Раут на 1852 год, с. 288—289).

С. 152. *Отменно тонко и умно, // Что ныне несколько смешно...* — Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. VIII, строфа XXIV).

С. 152. *Вообще философский элемент преобладает не только в прозаических, но даже и в стихотворных произведениях «Раута», что увидим сейчас, при разборе стихотворений г. Глинки.* — Об ироническом отношении к стихотворениям Ф. Н. Глинки см.: наст. кн., с. 77.

С. 152. *На гроши, на гроши, на гроши ∾ Побужденья и страсти земные!* — Пародия Некрасова на стихотворения Ф. Н. Глинки, опубликованные в «Рауте на 1852 год».

С. 152. *Покори, покори, покори ∾ Нас любовию нежною!* — Цитируется стихотворение Ф. Н. Глинки «Воззвание» (Раут на 1852 год, с. 439).

С. 153. *Принеси, принеси, принеси мне стаканчик водицы, водицы...* — Здесь и далее Некрасов пародирует стихотворение Ф. Н. Глинки «Воззвание».

С. 153. *Не стало у людей поэзии! ∾ Живут и пишут головой...!* — Цитируется первая и четвертая строфы стихотворения Ф. Н. Глинки

«Не стало у людей поэзии» (Раут на 1852 год, с. 423). Первая строфа также цитируется по памяти в рецензии на «Московский сборник» (см. с. 164).

С. 153. *О чудесах акустики ∾ «Возьмешь и сам, кащей!...Пусть люди головастики ∾ Не будет он поэт!* — Пародии Некрасова на стихотворения Ф. Н. Глинки.

МОСКОВСКИЙ СБОРНИК. ТОМ ПЕРВЫЙ

(С. 154)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1852, № 5 (ценз. разр. 30 апреля 1852 г.), отд. IV, с. 9—21, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова устанавливается предположительно на основании совпадения упоминавшегося в комментируемой рецензии сюжета о публикации И. С. Аксаковым своих стихотворений в «Московских сборниках» («...нам помнится, что г. Аксаков нигде не печатал своих стихотворений, кроме „Московских сборников"...», с. 161) с аналогичным эпизодом, содержащимся в письме Некрасова к Тургеневу от 15—17 июня 1856 г., в котором Некрасов, имея в виду один из сборников «Для легкого чтения», издававшихся в 1854—1857 гг., просил своего адресата: «...если будешь писать к Ивану Аксакову, спроси его, не хочет ли он дозволить мне перепечатать из разных московских сборников его стихотворения?» В ответном письме из Спасского от 10(22) июля 1856 г. никаких упоминаний о стихотворениях Ивана Аксакова нет, возможно потому, что последний с весны по декабрь 1856 г. находился на юге России в составе Серпуховского ополчения и Следственной комиссии по делу о злоупотреблениях интендантства во время Крымской войны, а в начале 1857 г. отправился в длительное заграничное путешествие. Ясно одно: и автору комментируемой рецензии, и Некрасову — автору письма к Тургеневу стихотворения И. С. Аксакова были известны только по «Московским сборникам».

В сборнике «Для легкого чтения» стихотворения И. С. Аксакова не появились. Возможно и потому, что еще в 1846 г. молодой поэт отказался от намерения напечатать свои стихотворения отдельной книгой, считая их незначительными.

Строгий критик своих произведений И. С. Аксаков в 1840—1850 гг. публиковался не часто и преимущественно в следующих изданиях славянофильской ориентации: Московский литературный и ученый сборник. М., 1846, Московский литературный и ученый сборник на 1847 год (три стихотворения), Московский сборник, т. 1. М., 1852 (стихотворение «Могучим юности призывам...» и несколько отрывков из 1-й части поэмы «Бродяга» общим объемом около 990 строк).

Хотя стихотворения молодого поэта печатались и в других изданиях (в частности, в № 2 «Москвитянина» за 1845 г. (с. 64) было опубликовано его стихотворение «Христофор Колумб с приятелями»;

в № 11 «Современника», издаваемого П. А. Плетневым (ценз. разр. 1 июля 1846 г.), — два стихотворения: «Бывает» и «Совет» (226—227, 231); в сборнике «Киевлянин» (кн. 3. М., 1850, с. 189, 211), издаваемом М. А. Максимовичем — «Поэту-художнику» и «Свой строгий суд остановив...» под названием «К NN»; в кн. 5 «Киевлянина» (М., 1850, с. 190) — стихотворение «Отдых»), автору комментируемой рецензии, так же как и Некрасову в 1856 г., они могли быть неизвестны или не представлялись существенными. Дополнительным аргументом авторства Некрасова является и сходство высокой оценки поэтического дарования И. С. Аксакова в комментируемой рецензии («поэт с несомненным дарованием, в его стихах всегда есть мысль, и это главное их достоинство» ⟨...⟩ «поэт с истинным дарованием...», с. 161) с аналогичным суждением в «Заметках о журналах за апрель 1856 года» по поводу стихотворений И. Аксакова «Усталых сил я долго не жалел...» (1850), «Добро б мечты, добро бы страсти...» (1853): «Давно не слышалось в русской литературе такого благородного, строгого и сильного голоса» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 256).

В пользу авторства Некрасова косвенно свидетельствуют также обильные цитаты из поэмы И. С. Аксакова «Бродяга» в комментируемой рецензии. Очевидно, что будущему автору «Кому на Руси жить хорошо» были близки и интересны и тема странствий по России героя поэмы (по словам Аксакова, замысел поэмы «дает ⟨...⟩ возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах»), и поиски И. С. Аксаковым своеобразных стиховых средств при написании поэмы, его обращение к «складу русской песни» (см.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844—1849. М., 1988, с. 507, 442).

С. 154. *«Московский сборник» начинается статьею «Несколько слов о Гоголе», к сожалению, весьма бедною фактами...* — Редакционная статья «Несколько слов о Гоголе» принадлежала И. С. Аксакову. В ней речь шла о Гоголе — «великом писателе», «метко и неумолимо каравшем человеческое ничтожество», «пошлость и ничтожество современного общества» (с. X, VIII). Статья была опубликована (ценз. разр. сборника — 17 марта 1852 г.) в период, когда имя Гоголя было под запретом. Известно, что Тургенев был арестован за публикацию в «Московских ведомостях» (1852, 13 марта, № 32) «Письма из Петербурга» (о смерти Гоголя), запрещенного С.-Петербургским цензурным комитетом. «Московский сборник» вызвал недовольство «бутурлинского комитета», Л. В. Дубельта и П. А. Ширинского-Шихматова. Статья И. С. Аксакова была признана неблагонамеренною на том основании, что в ней «расточаются безмерные и вредные похвалы Гоголю» (см.: *Сухомлинов М. И.* Из литературы сороковых и пятидесятых годов. (Появление в печати сочинений Гоголя). — ИВ, 1881, № 2, с. 350; *Дементьев А. Г., Пирожкова Т. Ф.* И. С. Аксаков и его письма к родным. — В кн.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844—1849. М., 1988, с. 521—522).

Ср. одобрительный отзыв А. Д. Галахова о статье И. С. Аксакова в ненапечатанной, возможно запрещенной цензурой, рецензии на «Московский сборник», предназначавшейся для № 8 «Отечественных записок» за 1852 г. (см.: *Егоров Б. Ф.* Неопубликованная рецензия А. Д. Галахова на «Московский сборник» 1852 года. — Науч. труды Куйбышевск. пед. ин-та, 1974, т. 136, с. 34), и М. П. Погодина, который писал в запрещенной цензурой рецензии: «Жаль, что крат-

кость статьи помешала автору выразиться яснее и отчетливее» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XII. СПб., 1897, с. 112).

С. 154. *«Но корень образованности России живет еще в ее народе ∾ какое может ей сообщить образованность западная».* — Цитируется статья И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» (Московский сборник, т. 1, с. 66—67).

С. 155. *«Русская земля была изначала наименее патриархальная ∾ (именно общинная) земля».* — Цитируется статья К. С. Аксакова «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)» (Московский сборник, с. 139).

С. 155. *Переходим с удовольствием к статье под названием «Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку» А. Кошелева. ∾ первое место между статьями, появившимися на русском языке по поводу Всемирной выставки.* — Первая Всемирная промышленная выставка была организована в Лондоне в 1851 г. См. о ней статью А. Де Валона «Прогулка вокруг света в здании Лондонской выставки» (С, 1851, № 8, отд. VI, с. 136—154; № 9, отд. VI, с. 13—33).

С. 156. *«Сегодня я решился не посещать выставки ∾ но ничего в нем не было сделано собственно с этой целью».* — Цитируется статья А. И. Кошелева (Московский сборник, т. 1, с. 191—197).

С. 158. *«Псков и Ливония» — новое произведение писателя, стоящего во главе современных деятелей по русской истории. Читатели «Современника» хорошо знакомы с талантом г. Соловьева...* — В «Современнике» публиковались следующие труды С. М. Соловьева: «Даниил Романович, король Галицкий» (1847, № 2, отд. II, с. 109—124), «Обзор событий русской истории от кончины царя Феодора Иоанновича до вступления на престол дома Романовых» (1848, № 1—4, отд. II; 1849, № 1—3, 11—12, отд. II; 1851, № 9, отд. II); «Обзор царствования Михаила Феодоровича Романова» (1852, № 1, отд. II, с. 1—50; № 2, отд. II, с. 79—122). Здесь часто печатались и рецензии на его книги. См., например: История России с древнейших времен. Соч. С. Соловьева, т. 1. М., 1851. — С, 1851, № 10, отд. V, с. 61; *Афанасьев А. Н.* История России с древнейших времен. Соч. С. Соловьева. — С, 1852, № 10, отд. III, с. 17—36 и др. Ср. высказывание Некрасова о трудах С. М. Соловьева в письме к А. Н. Афанасьеву от 5—6 декабря 1849 г. в связи с частью «Обозрения русской литературы за 1849 г.», написанной Афанасьевым: «Упомяните о Соловьеве да и вообще о журнальных статьях по истории в науках и в критике. ⟨...⟩ Мне кажется, что работы по русской истории есть самое лучшее, самое главное и самое характерное в нашей литературе последних двух или трех лет».

С. 158. *Народным песням предпослано предисловие, написанное г. Хомяковым ∾ «Конечно, — говорит автор ∾ вполне бесполезные для бытового человека».* — Здесь и далее цитируется «Предисловие» А. С. Хомякова к публикации четырех народных песен (Московский сборник, т. 1, с. 319—320, 323—324).

С. 159. *...об историческом достоинстве произведений народной поэзии, собранных трудолюбием таких людей, как Фориель...* — К.-Ш. Фориель (1772—1844) — французский историк, филолог и критик, автор посмертно изданной книги «Histoire de la poésie provençale (т. I—III. Paris, 1846).

С. 161. *...нам помнится, что г. Аксаков нигде не печатал своих стихотворений, кроме «Московских сборников»...* — См. с. 348.

С. 161. *Лучшим местом в отрывках из «Бродяги» мы почитаем следующие две строфы, характеризующие шоссе и проселок.* —Далее цитируются «Отрывки из 1 части „Бродяги“, очерка в стихах» И. С. Аксакова (так озаглавлена 1 часть поэмы, впервые опубликованная в «Московском сборнике», т. I).

Замысел поэмы относится к 1844 г. Первая ее часть была закончена в 1848 г., затем совершенствовалась и дополнялась. Поэма вызвала большой интерес современников еще до ее публикации. Она читалась автором в разных аудиториях, распространялась в списках. Публикация поэмы в «Московском сборнике» вызвала недовольство цензуры. В числе «Вопросов, предложенных И. С. Аксакову III Отделением» в марте 1849 г. во время его ареста, был вопрос, почему он избрал «беглого человека предметом сочинения?» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844—1849. М., 1988, с. 507). Отрывки из продолжения поэмы опубликованы в газете «Парус», 1859, 10 янв., № 2 (см.: *Калмановский Е. С.* Примечания к поэме «Бродяга». — *Аксаков И.* Стихотворения и поэмы. Л., 1960, с. 282—288; *Аксаков И. С.* Письма И. С. Аксакова к родным. 1844—1849. М., 1988, с. 382, 401, 406, 408, 442, 462).

С. 164. *С какой-то пресностью магнезии...* — Неточно воспроизведенные строки из стихотворения Ф. Н. Глинки «Не стало у людей поэзии», процитированного также в рецензии на «Раут на 1852 год» — см. с. 153.

С. 164. *Заключим наш краткий обзор «Московского сборника» стихотворением г. Хомякова «Мы род избранный» ∾ та же самая мысль развита в известном стихотворении г. Хомякова «Гордись! тебе льстецы сказали»...* — Стихотворение А. С. Хомякова «Мы род избранный» было опубликовано в «Московском сборнике» впервые. Стихотворение «Гордись! тебе льстецы сказали» появилось сначала в «С.-Петербургских ведомостях» (1839, 8 окт., № 230, с. 1042) под заглавием «Отчизна», затем в «Отечественных записках» (1839, № 10, отд. III, с. 143, без заглавия) и в сборнике стихотворений (М., 1844, с. 26—29) под названием «Россия» (см. также: *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969, с. 557—558).

ПОВЕСТИ ГРАФИНИ АРБУВИЛЬ

(С. 165)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1852, № 9 (ценз. разр. 31 авг. 1852 г.), отд. IV, с. 8—9, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова предположительно установлено В. Э. Боградом на основании связи со статьей Некрасова «Современные заметки» (С, 1847, № 7, отд. IV, с. 29—70; см. наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 252): в комментируемой рецензии почти текстуально повторяется данная там оценка повести Арбувиль «Деревенский доктор» (Боград Совр., с. 203 и 512—513) с точной ссылкой на прежний отзыв (№ журнала

и страницы). Не исключая того, что отзыв Некрасова из «Современных заметок» мог текстуально близко пересказать и переписать любой сотрудник журнала, следует признать наиболее вероятным авторство Некрасова.

О графине Арбувиль см.: наст. том, кн. 1, с. 461.

1853

ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ. ПОВЕСТЬ В СТИХАХ Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ

(С. 167)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1854, № 1 (ценз. разр. 31 дек. 1853 г.), отд. IV, с. 7—10, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова предположительно установлено А. Н. Пыпиным (см.: Пыпин, с. 236) на основании совпадения некоторых положений комментируемой рецензии (например, о «легких стихах», о «народной стихии») с суждениями в других статьях Некрасова. Л. А. Евстигнеева, кроме того, обратила внимание на близость оценки творчества Н. Д. Хвощинской, с одной стороны, в комментируемой рецензии, а с другой — в рецензии на «Дамский альбом» и в «Заметках о журналах за март 1856 года». В издании Собр. соч. 1965—1967 (т. VII, с. 462) рецензия на «Деревенский случай» без достаточных оснований включена в основной корпус статей Некрасова. Однако вопрос об авторстве рецензии не может считаться окончательно решенным.

С. 167. *...уже неоднократно было сказано до нас, что дело прозы — анализ, дело поэзии — синтезис.* — Комментируемое высказывание восходит к одному из положений эстетики Гегеля, согласно которому «поэзия была самой универсальной и всеобъемлющей наставницей рода человеческого и еще продолжает быть ею ⟨...⟩ Прозаическое сознание изучает как общие законы, так научается различать, упорядочивать и истолковывать также пестрый мир отдельных явлений; поэтому ⟨...⟩ и ставится вопрос об общем отличии прозаического и поэтического способа представлений при таком возможном тождестве содержания» (*Гегель.* Лекции по эстетике, кн. 3. — В кн.: *Гегель.* Соч., т. XIV. М., 1958, с. 169). Ср. с суждениями Некрасова о поэзии и прозе в статье «Русские второстепенные поэты» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 32—35).

С. 168. *...«в безбрежном океане природы»...* — Возможно, перефразированная цитата из стихотворения Тютчева «Весна» (1838). У Тютчева:

Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

С. 169. *Вспомним Обермана Сенанкура — лицо, могущее служить типом всех бесчисленных лиц в его роде, наводнивших каждую словесность...* — Оберман — герой романа «Оберман. Письма, изданные г. Сенанкуром» (1804) французского писателя Э. П. де Сенанкура (1770—1846). Роман — одна из первых в мировой литературе «исповедей души» — сначала не получил читательского признания. Изданный вторично в 1833 г. стал настольной книгой писателей-романтиков. По определению Тургенева в письме к В. Рольстону от 19 ноября (1 декабря) 1868 г., «это помесь Вертера с Ж. Ж. Руссо. По времени его появления это одно из первых произведений романтического и сентиментального направления. ⟨...⟩ о нем вспомнили вновь лет пятнадцать тому назад» (Тургенев, Письма, т. VII, с. 246). Некрасов обращается к «Оберману» Сенанкура, высказывая критическое отношение к вычурности и претенциозности в изображении природы эпигонами-романтиками.

С. 169. *...автор «Деревенского случая» ∾ остался между небом и землею... французы выражают это положение другою поговоркою.* — Имеется в виду французская поговорка «Entre chien et loup», употребляемая в значении: ни то, ни сё.

С. 170. *...мы так понимаем ее сознание, что она в «Деревенском случае» намерена подражать Пушкину.* — Очевидно, Некрасов имеет в виду следующие фрагменты повести, навеянные «Евгением Онегиным»:

Но каюсь и прошу прощенья
За многословье, — хоть не раз,
Я знаю, эти отступленья
Еще растянут мой рассказ;
Великим сладко подражанье! (с. 10).

Уж тут приличия оковы,
Каких нет хуже. Их поднять
Был должен Николай; как новый
Онегин, он не мог бежать
Чрез заднее крыльцо... (с. 51).

1855

1854 ГОД. *СТИХОТВОРЕНИЯ* А. Н. МАЙКОВА

(С. 171)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 3 (ценз. разр. 28 февр. 1855 г.), отд. IV, с. 1—5, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IX, отд. «Коллективное».

Автограф неизвестен.

В собственноручном списке статей Н. Г. Чернышевского, составленном им в начале 1861 г., значится и эта рецензия. К названию в скобках Чернышевским прибавлено: «первые строки статьи писаны Некрасовым» (Чернышевский, т. XVI, с. 636). Со ссылкой на это указание Чернышевского рецензия на «1854 год» Майкова помещена в основном корпусе академического собрания его сочинений (там же, т. II, с. 643—647; 865, 910).

А. Н. Пыпин, составлявший список трудов Чернышевского для «Материалов к словарю писателей» П. П. Пекарского, пометил рядом с названием рецензии на «1854 год»: «пополам с Некрасовым» (Боград Совр., с. 522). Известно другое свидетельство об авторе комментируемой статьи, принадлежащее А. Н. Майкову: «Статью эту писал сам Некрасов» (там же, с. 522). Некрасову приписывал эту рецензию и первый биограф Майкова (*Златковский М. Л.* А. Н. Майков. СПб., 1898, с. 39—41).

Включая данную рецензию в издание на правах «коллективного», редакция настоящего тома не находит возможным определить точные границы участия Некрасова в коллективной (с Н. Г. Чернышевским) работе над статьей.

В рецензии цитируются включенные в сборник «1854 год» стихотворения: «Бывало, уловить из жизни миг случайный...»; «Послание в лагерь»; «Москве»; «Памяти Державина»; «Пастух».

С. 171. *В этих немногих строках находится полное объяснение того направления, которое в последнее время приняла муза г. Майкова...* — Иронически-скептическое отношение Некрасова к перемене «направления» в творчестве Майкова периода Крымской войны (1853—1856) выражено также в стихотворном «Послании к поэту-старожилу», включенном в одну из его рецензий 1855 г. (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 114); «Заметках о журналах за март 1856 года» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 239) и в рецензии 1861 г. на поэму Э. Тегнера «Аксель» (наст. кн., с. 176).

С. 171. *...как, например, в «Двух судьбах»...* — «Две судьбы», поэма А. Н. Майкова, вышедшая отдельным изданием в 1845 г.

С. 175. *...о художественной стороне новых стихотворений г. Майкова мы предоставляем себе впоследствии поговорить подробнее.* — Это обещание не было выполнено.

1861

АКСЕЛЬ
ПОВЕСТЬ ИСАИИ ТЕГНЕРА

(С. 176)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 8 (ценз. разр. 31 авг. 1861 г.), отд. II, с. 309—312, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

На основании сохранившейся гонорарной ведомости «Современника» за 1861 г. В. Э. Боград атрибутировал рецензию М. Л. Михайлову, которому был выплачен гонорар за этот материал (Боград Совр., с. 402, 512).

Помещенная в настоящем издании вводная часть рецензии атрибутирована (НЖ, с. 163—164) Некрасову на основании автоцитации и автоотсылки к более ранним юмористическим стихам Некрасова. В работе над этим текстом, очевидно, принял участие и М. Л. Михайлов, которому принадлежит вторая, основная часть рецензии, содержащая профессиональный анализ перевода и не включенная в настоящее издание.

«Аксель» — «байроническая» поэма (1822) шведского поэта И. Тегнера (1782—1846) из эпохи Карла XII. Перевод на русский язык был осуществлен русским поэтом и переводчиком Д. П. Ознобишиным (1804—1877).

С. 176. *...стихами его украшались ∾ «Отечественные записки» ∾ и Белинский отзывался о некоторых из них ∾ благосклонно...* — В 1839—1842 гг. Ознобишин часто печатал свои стихи в «Отечественных записках». В. Г. Белинский не оставил ни одной развернутой характеристики поэзии Ознобишина, включая его, как правило, в ряд молодых и второстепенных поэтов (см., напр.: Белинский, т. VI, с. 493; т. VIII, с. 215, 223).

С. 176. *Галахов поместил одну из пьес г. Ознобишина в своей ∾ «Хрестоматии»...* — Имеется в виду издание: «Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Составил А. Галахов. Две части» (М., 1843). В «Хрестоматии» А. Д. Галахова, ежегодно переиздававшейся до середины 1850-х гг., было помещено стихотворение Ознобишина «Кювье», впервые напечатанное в № 2 «Отечественных записок» 1842 г. Ниже в тексте рецензии критик цитирует отдельные строки этого стихотворения.

С. 176. *Кювье* — Жорж Кювье (1769—1832), зоолог, историк естественных наук.

С. 177. *Ознобишин ∾ перенес свои поэтические симпатии на современную историю и в приснопамятные дни Крымской войны вздумал быть одним из воинственных Тиртеев, предводимых во храм бессмертия г. Аполлоном Майковым.* — Оценка стихов А. Н. Майкова (1821—1897), посвященных событиям Крымской войны (1853—1856), дана Некрасовым и Н. Г. Чернышевским в рецензии на поэтический сборник «1854 год» (наст. кн., с. 171). Д. П. Ознобишин принял участие в патриотических сборниках, вызванных к жизни теми же событиями: «С нами бог! Вперед! Ура! Собрание стихотворений на нынешнюю войну» (М., 1854); «Сборник патриотических стихов русских поэтов про турок, англичан и французов» (М., 1854); «Собрание патриотических стихотворений, написанных разными авторами по случаю военных действий и побед, одержанных победоносным российским воинством» (М., 1854). Тиртей — древнегреческий поэт второй половины VII в. до н. э., в элегиях которого восхвалялись подвиги спартанских воинов.

С. 177. *Подолинский, Туманский ∾ вдруг оказались не только живыми, но и пламенеющими военным жаром.* — Ср. в рецензии Н. А. Добролюбова на двухтомное издание «Сочинений» А. И. Подолинского (1860): «Кто не собирал и не издавал своих сочинений в последние годы! Люди, которых все до того забыли, что уже никто

о них понятия не имеет, вдруг являются с полным собранием своих сочинений... Теперь недостает, кажется, только полного собрания творений барона Розена, Федора Кони, Грекова, Ознобишина и г-жи Каролины Павловой» (Добролюбов, т. VI, с. 178).

С. 177. *Пегас* — в древнегреческой мифологии конь, открывающий для поэтов источники вдохновения.

С. 177. *Он ∾ шпоры вонзает в крутые бока ∾ Но панцырь тяжелый его утопил.* — Цитата из стихотворения В. А. Жуковского «Мщение» (1816).

С. 177. *Шлем г. Майкова до сих пор носят волны, прибивая его то к тому, то к другому берегу.* — Ср. замечание Некрасова в «Заметках о журналах» за март 1856 г. о таланте Майкова, который порою принимал «направление, ему не свойственное» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 243). Способность А. Н. Майкова — поэта с репутацией сторонника «чистого искусства» писать ультрапатриотические стихи, стихи верноподданнические («Коляска», 1854) и участвовать в либеральных литературных чтениях 1860-х гг. вызывала постоянные насмешки некрасовского «Современника» (см., например: Чернышевский, т. VII, с. 467, 950—951; т. X, с. 71).

С. 177. *...г. Ознобишина ∾ мы вписали в поэтический синодик наш, начинающийся стихами: «Как жаль, что нет теперь поэтов...»* — Напечатан Некрасовым в составе его рецензии на «Дамский альбом» 1854 г. (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 101). Строки, посвященные Ознобишину, не входили в текст этой публикации.

ПУБЛИЦИСТИКА

1840

ВАЖНАЯ НОВОСТЬ

(С. 181)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1840, 21 авг., № 67, «Разные разности», стб. 1516—1517.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Приписывается Некрасову на основании близости ряда мотивов «Важной новости» и примыкающего к нему «Письма к издателю „Литер⟨атурной⟩ газеты“» другим некрасовским произведениям.

В середине августа 1840 г. «Литературная газета» переходит от А. А. Краевского к Ф. А. Кони; с 17 августа газета выходит без указания фамилии редактора, 23 августа «Северная пчела» (№ 189, с. 753—754) сообщает, что с 1841 г. редактором «Литературной газеты»

«вместо г. Краевского будет г. Кони...», и, наконец, 25 сентября в «Литературной газете» (№ 77, стб. 1756—1757) публикуется «Объявление» Краевского о том, что «главное заведывание редакциею» газеты «принял на себя Ф. А. Кони, в распоряжение которого она и поступает со дня этого объявления». Перемена редактора сказалась и на обязательном для каждого номера «Литературной газеты» разделе «Разные разности» («Смесь. Разные внутренние и заграничные известия о замечательнейших явлениях всякого рода; анекдоты, литературные отметки и проч.» — так характеризовался этот раздел в объявлении о подписке на «Литературную газету» на 1840 год. — ЛПРИ, 1839, т. II, 23 дек., № 25, с. 503), где начинают появляться сатирически-пародийные сообщения о новостях в литературном мире и шуточные подписи: «маркиз Команвупортеву» (от французского «Comment vous portez-vous?» — «Как поживаете?») (21 авг., № 67), «литературной биржи маклер Назар Вымочкин» в «Новостях с литературной биржи» (26 окт., № 86), «литературный надзиратель Одолжаев» в статье «Журналистика» (25 дек., № 103). Автором сатирических известий в № 67 и 86 был, очевидно, Некрасов, привлеченный в «Литературную газету» Кони, у которого он сотрудничал в «Пантеоне русского и всех европейских театров».

«Важная новость», содержащая известие о «новом писателе» («яркой звезде» «на мрачном горизонте нашей драматической словесности»), извлечения из его «пиесы» и обещание «время от времени ⟨...⟩ помещать ⟨...⟩ куплеты и даже целые явления в стихах и прозе из оной трилогии», близка сатирическому повествованию о молодом бездарном поэте Иване Ивановиче Грибовникове в рассказе «Без вести пропавший пиита» (П, 1840, кн. 9), авторе множества произведений в различных жанрах, в том числе и трагедии «Федотыч». Рассказ этот также заканчивался обещанием «короче познакомить публику с талантом Ивана Ивановича и по временам ⟨...⟩ печатать в журналах» его сочинения (см.: наст. изд., т. VII, с. 69), вслед за чем в следующей книжке «Пантеона» действительно публикуется еще одно стихотворение Грибовникова (см.: наст. изд., т. I, с. 341).

Тенденция создания продолжающегося цикла публикаций от имени сатирически изображенного персонажа присутствует у Некрасова ранее в «Провинциальном подьячем в Петербурге» (П, 1840, № 2, 3, 7), позднее в «Новостях с литературной биржи» (1840, 1845), возможно, задуманных как цикл, «Хронике петербургского жителя» и «Записках Пружинина» (1844—1845). Существенную роль в творчестве Некрасова 1840-х гг. играет и пародия, которая может как печататься отдельно, так и включаться в рассказ, фельетон, рецензию (см.: *Гин М. М.* Некрасов-пародист. — О Некр., вып. II, с. 65—67).

В «Важной новости» и «Письме к издателю „Литер⟨атурной⟩ газеты“» могут быть отмечены и некоторые другие параллели с некрасовскими произведениями: упоминание о «*сем* и *этом* книгопечатании» («Важная новость», с. 181) и литераторе, «писавшем за и против того-этого, сего и оного», в «Новостях с литературной биржи» (с. 185); одна и та же цитата из «Ревизора» в «Письме...» (с. 183) и стихотворном фельетоне «Новости» (см. комментарий); преувеличенные похвалы в адрес нового драматурга («яркая звезда» — с. 181) и писателя-«анекдотиста» («талант, и талант решительный» — с. 183) с ироническими комплиментами в адрес Грибовникова в «Без вести пропавшем пиите» («Вы поэт ⟨...⟩ оригинальный, самостоятельный, каких еще не являлось у нас; вы бы могли прозвести переворот в литературе...» — наст. изд., т. VII, с. 59); одно и то же ироническое

замечание: «Таланты равносильны» — в отношении «двух анекдотистов» в «Письме...» (с. 184) и при сопоставлении Грибовникова с Пушкиным (наст. изд., т. VII, с. 57). См. также ниже.

С. 181. *Водевиль «Фебус, или Публичный писец», удачно ∾ переведенный г-м Коровкиным...* — Комедия-водевиль Ж.-Ф.-А. Баяра и Бьевиля (Э. Денуайе) «Phoebus ou L'écrivain public» (1839) в переводе Н. А. Коровкина (премьера: 15 сент. 1839 г.; опубл.: РРТ, 1839, т. II, кн. 11).

С. 181. *...благодаря превосходной игре г-на Сосницкого, имел в свое время успех на сцене.* — В рецензии В. С. Межевича отмечалось: «В Париже эта пьеска имела успех огромный, и немудрено: в ней очень верно схвачен парижский быт и парижские нравы; у нас она, вероятно, продержится на сцене до тех пор, пока г. Сосницкий будет играть Фебуса...» (*Л. Л.* Театр. — ЛПРИ, 1839, т. II, 21 окт., № 16, с. 314). «Г-н Сосницкий в роли Фебуса был превосходен, — говорилось в анонимном обзоре «Репертуара русского театра». — Надобно видеть его в этой роли, чтоб вполне постигнуть совершенство его разнообразного таланта» (Хроника Александринского театра за второе полугодие (с 16 августа). — РРТ, 1839, т. II, кн. 12, отд. V, с. 4). В сезон 1839/1840 г. «Фебус» выдержал 7 представлений, в следующий сезон — два. См. также: наст. изд., т. I, с. 283, 667.

С. 181. *В непродолжительном времени ∾ появится на мрачном горизонте нашей драматической словесности яркая звезда...* — Ср. предисловие к стихотворной пародии на Бенедиктова «К чудной деве»: «Скоро на горизонте русской литературы ⟨...⟩ взойдет величаво новая блестящая звезда, появится новый могучий поэтический талант ⟨...⟩ Но пусть о таланте нового поэта ⟨...⟩ судят сами читатели по прилагаемым у сего стихам...» (ОЗ, 1843, № 1, отд. VIII, с. 53) — и предисловие к драматической пародии «Лирик Петров»: «В непродолжительном времени появится в свет драматическая повесть в трех действиях и в шести отделениях под заглавием „Лирик Петров, или Поэт и люди" ⟨...⟩ Поздравляем заранее обожателей *высоко чувствительного и прекрасного* с новым блестящим драматическим талантом...» (ОЗ, 1843, № 4, отд. VIII, с. 122). По мнению Б. В. Мельгунова, литературные пародии в № 1 и 4 «Отечественных записок» за 1843 г. создавались в соавторстве И. И. Панаева, Некрасова и Белинского (см.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов, Панаев — Новый поэт (К истории создания журнальной маски). — РЛ, 1986, № 3, с. 159—166).

С. 181. *...и сего и этого книгопечатания...* — См. комментарий к «Новостям с литературной биржи»(1840) — с. 363—364.

С. 181. *...персонально-пользительного...* — Имеется в виду «коммерческая» («торговая», «промышленная», «биржевая») ориентация в литературе и книгоиздательстве. См. «Новости с литературной биржи» (1840) и комментарий к ним (с. 184 и 363).

С. 181. *...странствующего рыцаря-фельетониста!* — Намек на легкость, с которой беспринципный журналист переходит из одного печатного органа в другой, меняя позиции в погоне за собственной выгодой. Возможно, что здесь имеется в виду и конкретное лицо — В. С. Межевич, незадолго до того сотрудничавший в изданиях Краевского и перешедший в «Северную пчелу» (см. комментарий к с. 185).

С. 181. *...в произведении нового драматического писателя Писец также играет важную роль ∾ обещает много и очень много нравоучительного.* — Сопоставление пьесы явно не блещущего талантом «нового писателя» с «комедией-водевилем» Н. А. Коровкина иронично

по отношению к «Репертуару русского театра» и «Северной пчеле», положительно оценивавшим многочисленные водевили Коровкина и подчеркивавшим их достоинства в своих выпадах против Ф. А. Кони — редактора «Пантеона...», конкурировавшего с «Репертуаром...» И. П. Песоцкого. Резкость полемики была обоюдной. Так, на заметки Коровкина о Ярославском театре, опубликованные в «Северной пчеле» (1840, 12 июня, № 130; 22 июля, № 163), последовал отклик в «Пантеоне...», осуждавший менторский тон столичного драматурга, решившего «наставить на путь истинный» артистов-провинциалов: «...не думайте, ради бога, что Ярославская труппа так глупа, как выставил ее в „Сев⟨ерной⟩ пчеле“ *некий Коровкин,* которого мы плохо что-то знаем и в литературе и в искусстве и который говорит о себе так *крупно.* В Ярославском театре есть люди, истинно образованные и умные, которые умеют отличать *птицу по полету* ⟨...⟩ могут ли они прийти в замешательство от присутствия какого-нибудь, хотя бы даже и *Петербургского водевилиста,* у которого даже и ус еще не пробивался?..» (*Майков Ф.* Ярославский театр. — П, 1840, кн. 7, с. 109). На эту реплику немедленно последовал ответ в «Северной пчеле»: «Как вы, г. Коровкин, вздумали и осмелились писать водевили, когда еще у вас целы все волосы на голове?..» И далее шли весьма прозрачные намеки на биографию самого Кони: «Можете ли вы быть *открытым драматическим писателем,* когда не пробыли лет семи в каком-нибудь университете, переходя из одного факультета в другой, то готовясь быть медиком, то юристом, то филологом? ⟨...⟩ Положим, с таким образом ученья вы не успеете в науках, оставаясь на всю жизнь недоучившимся студентом ⟨...⟩ Что нужды? По крайней мере, вы будете верны своему призванию, вы воспитаетесь на водевилях, водевилями и для водевилей...» (Литературные заметки. — СП, 1840, 12 авг., № 180, с. 717). Содержат намек на «Северную пчелу» и утверждение о том, что содержание новой пьесы «не занято у француза», и обещание «нравоучительности», напоминавшие о требованиях «народности» и «нравственности» в литературно-критических оценках Булгарина.

С. 181. *«Несчастный писец, или Глухой тетерев и двухлапчатые гуси».* — По-видимому, пьеса «нового писателя» должна была быть посвящена незадачливой судьбе начинающего литератора («писец» — писатель), которому угрожают и «ястребиные когти промышленников», и враждебные выпады конкурирующих собратьев по перу. Упоминаемые в заглавии и приведенном куплете «тетерев» и «гуси» содержат — в переносном, поговорочном значении — указания на типы характеров: «глухая тетеря ⟨...⟩ тупой, глупый, бестолковый человек» (Даль, т. IV, с. 403); «гусь лапчатый — человек себе на уме» (там же, т. I, с. 410).

С. 181—182. *Большая трилогия* ∾ (*Действие у Черта на куличках*). — Пародийная контаминация ремарок водевиля («танцы», «куплеты») и романтической драмы (быстрый перенос места действия, вплоть до фантастики — небес или преисподней). Можно предположить, что в перечне мест действия «трилогии» пародируется отчасти пьеса А. А. Шаховского «Финн. Волшебная трилогия в трех частях, с прологом и интермедиею. Заимствовано из поэмы Пушкина „Руслан и Людмила“» (1824), опубликованная в кн. 5 «Пантеона...» за 1840 г. — в том же номере, что и некрасовские произведения (стихотворение «Офелия» и рассказ «Макар Осипович Случайный»). У Шаховского, например: «Пролог, в разномерных стихах, с песнями, хорами, языческими образами финского народа, хороводами, играми ⟨...⟩ Действие на Финском берегу»; «Часть 1. Пастух», «Часть 2. Герой. Интермедия»,

«Часть 3. Колдун. Театр представляет совершенно мрачную пещеру...». Сходный пародийный характер носят и ремарки трагедии Грибовникова «Федотыч» в «Без вести пропавшем пиите»: «Действие частию в деревне Прохоровке, Симбирской губернии, Самарского уезда, частию в волчьей яме и земском суде» (наст. изд., т. VII, с. 53). Так же, как и пьеса Шаховского, трагедия Грибовникова — «с принадлежащим к ней прологом и интермедиею» (там же).

С. 182. ...*«Жинка руда! дитки руды!»*... — Украинская народная песня «Дид рудый, баба руда...» (см.: *Едличка А. В.* Собрание малороссийских народных песен, ч. II. М., 1885, с. 20—21).

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «ЛИТЕР⟨АТУРНОЙ⟩ ГАЗЕТЫ»

(С. 183)

Печатается по тексту первой публикации с исправлением:
с. 184. «Александринского театра» вместо «Александрийского театра» (по смыслу и цит. тексту РРТ — см. комментарий).

Впервые опубликовано: ЛГ, 1840, 21 авг., № 67, «Разные разности», стб. 1517—1518.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Приписывается Некрасову на основании близости ряда мотивов «Письма...» и непосредственно предшествующей ему «Важной новости» другим некрасовским произведениям (см. выше, с. 357—358).

Пародия направлена против «Репертуара русского театра» и «Северной пчелы», заявлявшей о преимуществах «Репертуара...» по сравнению с его конкурентом и якобы подражателем «Пантеоном...» (например: «Успех „Репертуара русского театра“, с которым вздумал было соперничать „Пантеон русского и всех европейских театров“, пробудил, очень понятную впрочем, зависть в сем последнем...» и т. д. — СП, 1840, 12 авг., № 180, с. 717) и усиленно нападавшей на редактора «Пантеона...» Ф. А. Кони (см. комментарий к с. 181). Непосредственным объектом пародии послужили опубликованные в «Репертуаре...» «анекдоты» В. С. Межевича, сотрудника «Репертуара...» и «Северной пчелы», на авторство которого позднее было указано в «Литературной газете» (см. ниже).

С. 183. ...*у него тут... так много, много! по выражению Гоголя.* — Перефразируются слова Бобчинского о Хлестакове в «Ревизоре» (д. I, явл. 3); см.: наст. изд., т. I, с. 577. Это же выражение приводится и в стихотворном фельетоне «Новости» (см.: наст. изд., т. I, с. 29) и в приписывающемся Некрасову стихотворении «Взирает он на жизнь сурово, строго...» (см. там же, с. 457). Возможно, что цитата из «Ревизора» в «Письме...» является откликом на выпад «Северной пчелы» против Ф. А. Кони в «Литературных заметках», вероятно, принадлежащих В. С. Межевичу, где эти же слова были использованы для иронической характеристики Кони: «Остроумный до самого нельзя водевилист наш, Ф. А. Кони, пишет, как слышно, водевиль „Петербургские квартиры“, который, по своему благородному и нравственному направлению, станет наряду с его знаменитым „Иваном Савельичем“. В этом мы не сомневаемся: Ф. А. Кони такой остроумный

писатель; у него, как говорит Гоголь, такие важные поступки, и так здесь много, много всего... Видно, что наукам учился» (СП, 1840, 12 авг., № 180, с. 717).

С. 183. *...в известном знаменитом издании, в котором подобные вещи печатаются наподхват.* — Имеется в виду «Репертуар русского театра» (см. ниже).

С. 183. *...парочка анекдотов другого гениального писателя ∾ которые ∾ будто были уже напечатаны...* — Далее — в рубрике «Уже напечатанные кое-где» — приводятся анекдоты «Хамелеон» и «Александрийские стихи», опубликованные в разделе «Театральные анекдоты и смесь» «Репертуара...» (1840, кн. 3, с. 40) без подписи. Позднее в «Литературной газете», в том же отделе «Разные разности», где ранее были напечатаны сообщения «маркиза Команвупортеву», появилось еще одно сатирическое известие, из которого следовало, кроме прочего, что анонимные анекдоты в «Репертуаре...» принадлежат драматургу и фельетонисту, печатающемуся под псевдонимом Л. Л., т. е. В. С. Межевичу: «...носятся слухи, что г. Л. Л., творец водевиля „Иван·Выжигин", замечательного по своему особенному успеху, от которого многим не поздоровилось (пьеса Межевича «Выжигин, или Всем кум и брат» выдержала лишь одно представление — 3 сент. 1840 г. — *Ред.*), пишет, как мы слышали, новый водевиль: „Петр Выжигин" и делает комедию из „Путешествия Ф. В. Булгарина по Финляндии"... Говорят, что сей знаменитый писатель принял намерение представить нам всего г. Булгарина в драматическом виде и тем доказать, что одни и те же творения, при одинаковом условии действий и талантов, могут составить известность двум сочинителям. Нельзя не порадоваться этому усилию г-на Л. Л., пишущего ныне в „Северной пчеле" милые, замысловатые выходки „Журнальной мозаики" и остроумные анекдоты, постоянно украшающие „Репертуар русского театра", издаваемый г. Песоцким» (ЛГ, 1840, 30 окт., № 87, стб. 1994). О Межевиче см. также комментарии к «Новостям с литературной биржи» (1840) — с. 363.

С. 184. *Чтобы заслужить название умного, деятельного, предприимчивого, расторопного издателя и писателя, от которого книжное дело должно ожидать много хорошего!* — Перефразируется характеристика издателя «Репертуара...» И. П. Песоцкого, данная Межевичем в «Северной пчеле»: «Деятельный и расторопный издатель „Репертуара русского театра", И. П. Песоцкий, приступает к печатанию „Русских сказок и повестей" Н. А. Полевого, в трех частях ⟨...⟩ Дай бог, чтобы русские люди могли сказать и автору и издателю русское спасибо от души!» (*Л. Л.* Литературные вести. — СП, 1840, 30 июля, № 170, с. 677).

НОВОСТИ С ЛИТЕРАТУРНОЙ БИРЖИ
⟨1840⟩

(С. 184)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: ЛГ, 1840, 26 окт., № 86, стб. 1960—1962.
В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Приписывается Некрасову на основании того, что данный текст позднее был перепечатан с дополнениями в № 5 «Литературной газеты» от 1 февраля 1845 г., в отделе «Дагерротип», заполнявшемся в то время произведениями Некрасова, о чем он упоминал впоследствии в своих автобиографических заметках 1872 г. (см. комментарий к «Новостям с литературной биржи» 1845 г. — с. 383).

С переходом «Литературной газеты» от Краевского к Ф. А. Кони (сообщение о том, что «главное заведование редакциею ⟨...⟩ принял на себя» Кони, появилось в № 77 «Литературной газеты» от 25 сентября 1840 г., однако уже с 21 августа газета выходила без указания фамилии Краевского как редактора) ощутимее сказываются в ней полемические, сатирически-пародийные тенденции, появляются и шуточные псевдонимы. Так, в № 67 от 21 августа 1840 г. печатаются за подписью «Маркиз Команвупортеву» сообщения о двух молодых начинающих сочинителях — авторах не обладающих художественными достоинствами произведений (отрывки из них приводились тут же), но убежденных тем не менее в своем праве на известность, поскольку написанное ими ни в чем не уступает опубликованным уже сочинениям других авторов; в № 86 от 26 октября появляются «Новости...» «литературной биржи маклера Назара Вымочкина», по своей форме (краткие сатирические заметки, прозрачно намекающие на факты и имена, но не называющие их прямо), возможно, явившиеся откликом на анонимные «Отрывки из сатирической газеты», опубликованные в «Северной пчеле» от 27 сентября 1840 г. (№ 218), в которых содержался, в частности, выпад против «фельетонного поэта» — Кони; в № 103 от 25 декабря — направленная против «Северной пчелы» статья за подписью «Литературный надзиратель Одолжаев», принадлежащая, по-видимому, Кони.

Некрасов, публиковавший в 1840 г. в редактировавшемся Кони «Пантеоне русского и всех европейских театров» свои стихотворения и рассказы, вскоре после перехода к Кони «Литературной газеты» становится и ее участником. Здесь он дебютирует в печати в нескольких новых для себя жанрах: стихотворной сказки («Баба-Яга» (отрывок) — 1840, 19 окт.), водевиля («Утро в редакции» — 1841, 4 и 6 февр.), литературной рецензии. В литературно-полемическом выступлении «Новости с литературной биржи» используется прием создания образа персонажа-вестовщика, примененный Некрасовым ранее в «Провинциальном подьячем в Петербурге» и присутствующий в ряде его более поздних произведений («Говорун», «Хроника петербургского жителя», «Записки Пружинина» и др.). Продолжая выступления «Отечественных записок» и «Литературной газеты» против «Северной пчелы», «Сына отечества» и «Репертуара русского театра», автор «Новостей...» обращался к нравам деятелей «торгового» направления в журналистике. Имя и фамилия «литературной биржи маклера Назара Вымочкина», по-видимому, также должны были подчеркивать сатирическую направленность «Новостей...». *Вымочка* в ярославских говорах означает заболоченное низкое место на пашне, где застаивается вода и зерно не всходит (см.: *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь... Т. I. Ярославль, 1961, с. 47; Ярославский областной словарь. ⟨Вып. 3.⟩ Ярославль, 1984, с. 54, 48). Фамилия персонажа указывает, таким образом, на застой и бесплодие той среды, к которой он принадлежит. Иронический оттенок придается и контрастным по отношению к занятиям персонажа именем Назар, означавшим в древнееврейском: «посвятивший себя богу».

С. 184. *Новости с литературной биржи.* — Все большее внедрение товарных отношений в издательское дело и литературный труд находило отражение в многочисленных суждениях о «промышленном», «коммерческом» характере современной литературы, сравнениях ее с рынком. «Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок», — писал Пушкин М. П. Погодину в апреле 1834 г. (Пушкин, т. XV, с. 124). В это же время Сенковский замечал: «...теперь книги производятся как рожь и соль, — для продажи по прейскуранту. Всякий из нас знает, сколько дают за его сочинения на книжной бирже, и может рассчитывать вперед, что́ для него выгоднее, — сочинить роман в двух частях или взять акции в новой компании, — написать повесть или снять подряд на доставку дров» (БдЧ, 1834, т. III, «Критика», с. 25).

С. 184. *Книгами тихо.* — Ср. в письме Белинского к В. П. Боткину от 31 октября 1840 г.: «Журнал поглотил теперь у нас всю литературу — публика не хочет книг — хочет журналов — и в журналах печатаются целиком драмы и романы, а книжки журналов — каждая в пуд весом» (Белинский, т. XI, с. 566).

С. 184. *Книжки об истреблении клопов требуются.* — Ходячее выражение, обозначавшее утилитарную литературу, находящую устойчивый спрос на рынке. Так, И. В. Киреевский в статье «Обозрение русской словесности 1829 года» ставил популярный у невзыскательного читателя «нравственно-сатирический» роман Булгарина «Иван Выжигин» рядом с «Сонником» и книгой «О клопах», которые также «раскупаются во всех лавках» (*Киреевский И. В.* Избранные статьи. М., 1984, с. 59). Герой очерка И. И. Панаева «Петербургский фельетонист» (1841) «за бесценок»,переводит «брошюрку» *«о наивернейшем средстве истреблять клопов* и проч. ⟨...⟩ Такого рода сочинения, говорят, у нас очень расходятся...» (*Панаев И. И.* Избранные произведения. М., 1962, с. 157). В ноябре 1847 г. Белинский писал В. П. Боткину о том, какой изнурительной была его работа у Краевского, который вынуждал его рецензировать груды книг, не имевших никакого художественного значения: «...я писал даже об азбуках, песенниках, гадательных книжках, поздравительных стихах швейцаров клубов (право!), о книгах о клопах...» (Белинский, т. XII, с. 415).

С. 185. *Сотрудник* ~ *писавший за и против того-этого, сего и оного, попеременно и в одно и то же время...* — Сатирическая характеристика беспринципного журналиста содержит намек и на конкретное лицо: только что изгнанного из «Литературной газеты» В. С. Межевича, редактора газеты и сотрудника «Отечественных записок», до конца августа 1840 г. совмещавшего тайком работу в этих изданиях с участием в органе противоположного направления — «Северной пчеле». Отвечая на нападки Межевича, выступившего со статьей «Шекспир, русские переводчики и русская критика» в № 1 «Репертуара русского театра» за 1841 г., Белинский писал: «...он постоянно нападал на гг. Греча, Булгарина и Полевого, да еще как нападал — ужас! ⟨...⟩ он видел в их произведениях бездарность, недобросовестность и прочие неблестящие качества ⟨...⟩ а теперь он вдруг начал стоять за всех их грудью!» (ЛГ, 1841, 27 февр., № 24; Белинский, т. IV, с. 84). О двуличном поведении Межевича см. также: наст. изд., т. VIII, с. 742—743; ЛН, т. 56, с. 142—144.

«Тот-этот» и «сей и оный» здесь обозначают противоположные литературные лагери. Иронические упоминания старославянских местоимений сей и оный и противопоставления им русских этот, тот, частые во второй половине 1830-х—1840-х гг., связаны с журнальной

полемикой, начатой статьей Сенковского «Резолюция на челобитную сего, оного ⟨...⟩ и других причастных к оной челобитной, по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из русского языка» (БдЧ, 1835, т. VIII, кн. 1, «Литературная летопись», с. 26—34). Выступление Сенковского, гонителя церковнославянизмов, послужило поводом не только для различных суждений о роли архаичной лексики в современном литературном языке, но и для новых нападок на редактора «Библиотеки для чтения», среди оппонентов которого были как противники «коммерческого» направления журнала Сенковского — Гоголь, Белинский, так и конкурировавшие с ним издатели — Булгарин, Греч (см.: Гоголь, т. VIII, с. 175; Пушкин, т. XII, с. 96; *Греч Н. И.* 1) Литературные пояснения. СПб., 1838; 2) Чтения о русском языке. СПб., 1840, ч. II, с. 211—212; Белинский, т. II, с. 365—366, 544, 546—548). Летом 1839 г. в Александринском театре шел анонимный водевиль «Сей и оный» (СПб., 1839), направленный против Сенковского (см.: *Каверин В.* Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966, с. 224—225, а также 94, 98, 105—106, 222, 232). В 1844 г. П. А. Плетнев, редактор не пользовавшегося успехом «Современника», с раздражением замечал, что «Библиотека для чтения» «не утвердила в России ни одной идеи, кроме того, что вместо *сей* лучше писать *этот*, что известно было не дуракам и до нее» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 2. СПб., 1896, с. 284). Ср. также: наст. изд., т. VIII, с. 94, 732—733.

С. 185. *...за смертию некоторых богатых биржевых журналов...* — По-видимому, имеется в виду уменьшение популярности издававшихся А. Ф. Смирдиным «Сына отечества» и «Библиотеки для чтения». Ср. в письме Белинского к В. П. Боткину в апреле 1840 г.: «„Библиотека для чтения“ падает, См⟨ирдин⟩ ее продает с публичного торгу ⟨...⟩ „Сын отечества“ во всеобщем презрении и позоре...» (Белинский; т. XI, с. 505).

С. 185. *...одно и то же перо будет писать в десяти журналах...* — В начале 1840-х гг. консервативная журналистика пыталась укрепить свои позиции. Хотя с 1836 г. существовал запрет на выпуск новых общественно-литературных и научно-литературных журналов, было дано разрешение на издание с 1840 г. «Маяка современного просвещения и образованности» под редакцией П. А. Корсакова и С. А. Бурачка, с 1841 г. — «Москвитянина» под редакцией М. П. Погодина и «Русского вестника» под редакцией Н. И. Греча при участии Н. А. Полевого и Н. В. Кукольника (объявление об издании «Русского вестника» появилось в «Северной пчеле» 6 ноября 1840 г.). Таким образом, между изданиями реакционного направления происходил обмен сотрудниками: Греч, продолжая редактировать совместно с Булгариным «Северную пчелу», становился во главе «Русского вестника»; Полевой переходил из «Сына отечества» в «Русский вестник»; Кукольник, участвовавший в «Сыне отечества» и «Библиотеке для чтения», оказывался ведущим сотрудником и «Русского вестника»; Булгарин, редактируя по-прежнему «Северную пчелу», с 1841 г. становился редактором нового журнала «Эконом»; редактор «Библиотеки для чтения» Сенковский с 1841 г. — соредактор (вместе с А. В. Никитенко) «Сына отечества»; Межевич, редактировавший «Репертуар русского театра» (где появлялись также статьи Полевого, Греча, Булгарина), был в то же время и сотрудником «Северной пчелы», и т. д. В связи с началом издания «Русского вестника» и «Эконома» Белинский писал в обзоре «Русская литература в 1840 году»: «...жур-

налов стало у нас больше прежнего; но это только видимый выигрыш со стороны литературы, а в сущности дело остается все тем же, чем и было ⟨...⟩ если один и тот же человек издает хоть десять журналов — эти десять равны единице, разделенной на десять частей и в десять раз разделившей силы и деятельность редактора. Одно и то же направление, один и тот же образ мыслей и взгляд на вещи только надоедают, если повторяются в нескольких изданиях» (Белинский, т. IV, с. 444).

С. 185. ...*«Библиотека для чтения»* ∾ *объявлением о том, что все журналы стараются копировать ее.* — В сентябрьской книжке «Библиотеки для чтения» за 1840 г. (ценз. разр. — 30 сент., вышла в середине октября) Сенковский, которому Смирдин передавал редактирование пришедшего в упадок «Сына отечества» (см. выше), писал: «„Сын отечества" сбирается подвергнуться коренному преобразованию на будущий год. Было время, когда почти все русские журналы, увлеченные духом неосновательной зависти, силились и надеялись уронить „Библиотеку для чтения", и, приписывая необычайный успех ее необычайной толщине книжек, каждый из них дулся из всех сил и набивал себя всякою всячиною, чтоб быть как можно толще. Приемы, тон, даже разделение и наружная форма „Библиотеки для чтения" были с точностью скопированы. Вместо самостоятельных журналов публика, из этого неуместного соперничества, получила только два или три подражания „Библиотеке для чтения" ⟨...⟩ В пылу этих затей ремесленного соперничества „Сын отечества", например, вместо того, чтобы улучшить свое содержание занимательностью, разнообразием, современностью предметов, хорошим слогом, умным выбором статей, уважением к себе и к другим, сохраняя прежнюю форму (еженедельника. — *Ред.*), которая была превосходна, предпочел, напротив, раздуться вдоль и поперек, чтоб придать себе важный вид толстой ежемесячной книжки ⟨...⟩ Отказавшись от пагубных вражд, он, конечно, исполнит нынче, и исполнит со славою то, чтó, при меньшей пылкости страстей и большем благоразумии, легко мог исполнить назад тому три года к общему удовольствию всех русских читателей» (БдЧ, 1840, № 9, «Литературная летопись», с. 15—16).

Противники Сенковского были уязвлены утверждением о приоритете «Библиотеки для чтения». «Северная пчела» поспешила выступить с семью пунктами возражений, где отрицалось «падение» «Сына отечества» и, в частности, говорилось: «...форма и разделение „Библ⟨иотеки⟩ для чт⟨ения⟩" вовсе не были самобытным изобретением ее редактора, но точно так же делились гораздо прежде ее ⟨...⟩ (на «Науки и искусства», «Словесность», «Критику», «Библиографию», «Смесь», и проч.), „Вестник Европы" в 1810 году, „Московский телеграф" в 1825 году, а потом „Московский вестник", „Атеней", и проч. и проч. — Где же тут подражание *форме* и *разделению* „Библ⟨иотеки⟩ для чт⟨ения⟩"?» (*Барон Орфейгеус.* ⟨Н. И. Греч?⟩ Скромная заметка на нескромную выходку. — СП, 1840, 29 окт., № 245, с. 977—978).

1841

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

(С. 186)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1841, 24 апр., № 44, с. 176, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Атрибутировано Некрасову по следующим данным: в январе—июле 1841 г. Некрасов единолично освещал в «Литературной газете» деятельность Александринского театра (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1), которой посвящены и комментируемые заметки; другой возможный автор этих заметок — Ф. А. Кони, редактор «Литературной газеты» — в это время жил в Москве (Белинский, т. XIII, с. 36). Некрасов лично был заинтересован как дебютант на драматическом поприще — автор водевиля «Шила в мешке не утаишь...» — в привлечении внимания петербургской публики к спектаклю 24 апреля 1841 г.

Бенефис А. М. Максимова анонсировался Некрасовым в заметке «Новости русского театра», напечатанной в № 2 «Пантеона» 1841 г. (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 7, 380). Все названные в комментируемых заметках драматические произведения были рецензированы Некрасовым в его «Летописи Александринского театра» за апрель и май 1841 г. (наст, изд., т. XI, кн. 1, с. 261—270) и в первой статье его «Обозрения новых пиес, представленных на Александринском театре» (там же, с. 283—289).

С. 186. *В музыкальном магазине Гольца...* — Музыкальный магазин К. Ф. Гольца находился в доме Имзена на углу Невского проспекта и Екатерининского канала у Казанского моста.

С. 186. *...сочинение Д. Ю. Струйского на слова барона Е. Ф. Розена...* — Дмитрий Юрьевич Струйский (1806—1856) — поэт, выступавший в печати под псевдонимом *Трилунный*, композитор и музыкальный критик. Барон Егор Федорович Розен (1800—1860) — поэт, драматург, критик.

С. 186. *Нам предстоит ∾ концерт ∾ Оле-Буля.* — О.-Л. Д. Буль (1810—1880), норвежский скрипач-виртуоз.

С. 186. *Паганини* — Никколо Паганини (1782—1840) — итальянский композитор, скрипач-виртуоз.

С. 187. *...сооружение на Смоленском кладбище надгробного памятника В. Н. Асенковой.* — Популярнейшая актриса Александринского театра Варвара Николаевна Асенкова (10 апреля 1817 — 19 апреля 1841). О ее болезни и предполагавшемся бенефисе Некрасов писал в заметке «Новости русского театра», напечатанной в № 2 «Пантеона» 1841 г. (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 7). Памятник Асенковой по рисунку И. И. Сосницкого был выполнен скульптором И. П. Витали.

С. 187. *...адресоваться к ∾ Н. И. Куликову.* — Н. И. Куликов (1812—1891), режиссер Александринского театра, осуществлявший постановку водевилей Некрасова, драматург, поэт, издававший вместе с Некрасовым «Статейки в стихах, без картинок» (СПб., 1843).

С. 187. *Между множеством ценителей ее таланта ∾ мы заметили многих литераторов.* — Среди участников похорон В. Н. Асенковой был и Некрасов, написавший впоследствии стихотворение «Памяти ⟨Асенков⟩ой». В собственном комментарии к этому стихотворению на полях своего экземпляра «Стихотворений» 1873 г. Некрасов, в частности, писал: «Бывал я у нее (Асенковой. — *Ред.*); помню похороны, — похожи, говорили тогда, на похороны Пушкина: теперь таких вообще не бывает» (наст. изд., т. I, с. 625).

1843

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

(С. 188)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1843, № 1 (ценз. разр. 31 дек. 1842 г.), отд. VIII, с. 53—54, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Атрибутировано Некрасову: НЖ, с. 159—161.

Юмористические «Литературные и журнальные заметки» (другое название — «Журнальные и литературные заметки») печатались в «Отечественных записках» 1842—1843 гг. при ведущем участии В. Г. Белинского. Открывая эту рубрику в июльском номере журнала 1842 г., критик писал: «...время от времени попадаются в журналах вещи курьезно поучительные, по поводу которых иногда невольно раздумаешься о том и о сем. Так как теперь большая часть наших журналов ⟨...⟩ известна публике только разве по именам, ⟨...⟩ то мы и приняли благое намерение, если не сохранить для потомства, то хоть сделать известными для современников редкости и драгоценности, которые, как оазисы в пустыне, попадаются в мало известных периодических изданиях. ⟨...⟩ Все такое мы намерены или пересказывать или просто выписывать с собственными заметками, когда дело требует пояснения, или и без заметок, когда дело красноречиво говорит само за себя. Будучи уверены в занимательности подобных заметок для читателей, мы намерены сделать из них род постоянной статьи, время от времени помещаемой в отделе „Смеси“ „Отечественных записок“. Так как наши заметки не имеют ничего общего ни с осами, ни с шмелями, ни с трутнями, ни с комарами, ни с другими животными, то мы их называем просто „журнальными и литературными заметками“» (Белинский, т. VI, с. 236—237).

Заметки этой рубрики, помещавшиеся в течение 1842 г., высмеивали отдельные высказывания и публикации «Северной пчелы», «Москвитянина», «Сына отечества» с точной цитацией и указанием источников «курьезно поучительных» текстов.

С начала 1843 г. к полемически-сатирическим миниатюрам Белинского под рубрикой «Литературные и журнальные заметки» прибавились сатирические литературные мистификации и пародии других сотрудников «Отечественных записок». Мистификации и

пародии, помещенные в январском номере журнала, обрамлены полемическими заметками Белинского.

Графически выделенные в общем составе «Литературных и журнальных заметок», имеющие особое «редакционное» предисловие (см. начало комментируемого текста) и собственную нумерацию главок (I—IV), эти заметки принадлежат разным авторам. Четвертая главка «Журнальный мирлифлёр и Жорж Занд» принадлежит Белинскому.

Первая главка мистифицированно-пародийных заметок посвящена «новой блестящей звезде», «новому могучему поэтическому таланту, в стихах которого сила и светская щеголеватость, яркость и радужность, внешняя художественность формы и кокетливость выражения — доведены до изумительного совершенства» (ОЗ, 1843, № 1, отд. VIII, с. 53). Имя нового поэта автор решил не открывать, «покуда он не пожелает этого сам». Здесь же помещено стихотворение нового «поэтического таланта» «К чудной деве» («Красоты ее мятежной...») с обещанием «со временем» ознакомить читателей с другими стихотворениями *Нового поэта*. Это стихотворение, включавшееся впоследствии в «Собрание стихотворений Нового поэта» (СПб., 1855, с. 67) и «Первое Полное собрание сочинений И. И. Панаева» (т. VI, СПб., 1889, с. 44—45), очевидно, вместе с цитированной заметкой принадлежит Панаеву.

I и IV главки мистифицированно-пародийной части «Литературных и журнальных заметок», принадлежащие Панаеву и Белинскому, в комментируемый текст не включаются.

Под маской *Нового поэта* в «Отечественных записках», а затем в «Современнике» выступали Панаев и Некрасов — как авторы стихотворных пародий, фельетонов и рецензий (*Ямпольский И.* Поэты и прозаики. Л., 1986, с. 43—45; *Бухштаб Б. Я.* Некрасов в стихах «Нового поэта». — Некр. сб., II, с. 434—444; НЖ, с. 153—169; *Мельгунов Б. В.* Некрасов— участник публицистического отдела «Современника». — Некр. сб., IX, с. 22—53).[1] Первый фельетон *Нового поэта* в «Современнике» «„Теория бильярдной игры“ и Новый поэт» написан одним Некрасовым (см. наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 273).

Гротескно-сатирический тип поэта-эпигона и графомана, предопределивший основные черты и формы литературного бытования журнального персонажа *Нового поэта*, был создан молодым Некрасовым еще в 1840 г., в его рассказе «Без вести пропавший пиита», напечатанном в № 9 «Пантеона» под псевдонимом *Н. А. Перепельского*. Необычайная плодовитость «пииты» — Ивана Ивановича Грибовникова, «колоссальные» размеры его «творений», простодушное честолюбие и комическая выспренность — все эти черты позднее были унаследованы *Новым поэтом*.

Сатирический образ Грибовникова с самого начала был задуман Некрасовым как постоянный персонаж его журнальных выступлений (наст. изд., т. VII, с. 69, 544—545, 547; т. VI, с. 65). Элементы «поэтики» фельетонов и рецензий *Нового поэта* встречаются и в ранних рецензиях Некрасова, в частности в рецензиях 1842 г. на книги «Русский патриот» и «Пять стихотворений Н. Ступина» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 39—43).

В 1843 г. Некрасов стал постоянным сотрудником «Отечественных записок». К этому же времени относится его сближение с Панаевым

---

[1] Маской *Нового поэта* впоследствии пользовались и другие постоянные сотрудники «Современника»: А. В. Дружинин, В. П. Гаевский, М. Н. Лонгинов, П. М. Ковалевский.

и Белинским. «В 1843 году, — вспоминал П. В. Анненков о Некрасове, — я видел, как принялся за него Белинский, раскрывая ему сущность его собственной натуры и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: „Белинский производит меня из литературного бродяги в дворяне“» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. III. СПб., 1912, с. 352). Уже в апреле 1843 г. Белинский и Некрасов задумали вдвоем «смастерить популярную мифологию» (Белинский, т. XII, с. 154). Белинский, очевидно, привлек Некрасова и Панаева и к участию в «Литературных и журнальных заметках» «Отечественных записок».

Вторая главка «заметок» возрождает в читательском сознании тип литератора, подобный Грибовникову, и принадлежит, очевидно, Некрасову. Гиперболическая плодовитость обоих персонажей этой главки, «тематика» их творчества и жанровая всеядность, стремительный взлет юного драматурга и переводчика — логическое развитие литературного бытования сатирического образа «пииты».

Автономность двух стихотворных пародий («К чудной деве» Панаева — в первой главке, и «К друзьям» — в четвертой главке), повидимому, не случайна и указывает на их принадлежность разным пародистам.

«К друзьям» — пародия на стихотворение Н. М. Языкова «Прощальная песня» (1829), опубликованное впервые с именем автора в его «Стихотворениях» (СПб., 1833). Идейно-тематически и стилистически пародия близка некрасовским пародиям на Языкова «Послание к соседу» (1844) и «Послание к другу (из-за границы)» (1845). «К друзьям» включалось в «Первое Полное собрание сочинений» И. И. Панаева (т. VI СПб., 1889, с. 17). На этом основании пародия традиционно приписывалась Панаеву и в советских изданиях (Мнимая поэзия. Л., 1931, с. 244; *Языков Н. М.* Полн. собр. стих. М.-Л., 1934, с. 700; Русская стихотворная пародия. Л., 1960, с. 763; Поэты 1840—1850-х годов. Л., 1972, с. 513). Эта атрибуция основывается на том, что «К друзьям» входило в состав «Собрания стихотворений Нового поэта» (СПб., 1855, с. 6). Однако из множества стихотворений *Нового поэта*, написанных Некрасовым, некоторые также перепечатаны в этом сборнике («Они молчали оба...», «Ревность», «Мое разочарование») и впоследствии вместе с некрасовским «В один трактир они оба ходили прилежно...» были ошибочно включены в «Первое Полное собрание сочинений» Панаева.

«Пародии» Панаева чаще всего — имитации, иронические подражания тому или иному автору «гладких и звучных» посредственных стихотворений, которые, как говорил Панаев — *Новый поэт*, «после Пушкина и Лермонтова» писать «немудрено» (С, 1851, № 1, отд. VI, с. 80; ср.: там же, № 4, отд. VI, с. 224; Собр. стихотворений Нового поэта. СПб., 1855, с. IX). Типично панаевскими можно считать стихотворения *Нового поэта* «Густолиственных кленов аллея...», «К чудной деве», «К азиатке». Пародии Некрасова несравненно более остры и определенны, в них мастерски обыгрываются слабые, смешные стороны пародируемых стихов, конкретные неудачные строки. Главная же особенность Некрасова-пародиста (этим он резко отличается от Панаева) заключается в его «пристрастии». Он пародирует не любые слабые стихи, а произведения идейно чуждых или враждебных ему авторов. Типично некрасовские пародии — «Послание к другу (из-за границы)», «Ревность», «Мое разочарование». Большая часть стихотворений Некрасова — *Нового поэта* не является пародиями («О вы, герои биллиарда...», «Беседа журналиста с подписчиком», «Взирает он на жизнь...»

и др.). Однако все они имеют остро сатирический, полемический характер.

«К друзьям» — типично некрасовская пародия. В пользу его авторства говорит и юмористическое предисловие к стихотворению, по содержанию (мотив пробуждения романтической поэзии), интонации и способу включения стихов в текст фельетона перекликающемуся с его фельетонным стихотворением 1856 г. «Послание к поэту-старожилу» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 114).

«Редакционное» вступление к «Литературным и журнальным заметкам» составлялось, очевидно, всеми тремя участниками этого фельетона — Белинским, Некрасовым и Панаевым.

В одной из своих «Журнальных заметок» фельетонист «Северной пчелы», скрывающийся под криптонимом С. Т., иронически цитировал «любопытное известие и стишки истинно образцовые» — всю третью главку заметок со следующим комментарием к ним: «Самая студенческая поэзия и приличное ей место в Отечественных записках!» (СП, 1843, 8 марта, № 52, с. 207).

В «Литературных и журнальных заметках» апрельского номера «Отечественных записок» 1843 г. Белинский писал о «Северной пчеле»: «Как понимает или как хочет понимать она все, касающееся до „От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩“, — видно из того, что смешную пародию на пьяно-студентские стихи, напечатанную в „Смеси“ Отечеств⟨енных⟩ записок, приняла она за настоящие стихи!.. Впрочем, может быть, она сделала это и без умысла, в простоте ума и сердца: ведь не всякому же дано понимать иронию, и есть много людей, которые все понимают только в буквальном смысле, даже если их уверяют, что они необыкновенно умны...» (Белинский, т. VII, с. 43).

С. 188. *Говорят, что деятельность наших писателей жалка и ничтожна в сравнении с французскими и германскими...* — О «бедности» современной русской литературы особенно часто писала булгаринская «Северная пчела», противопоставлявшая «дагерротипическое» — гоголевское ее направление литературе времен Державина, Карамзина, Жуковского и Пушкина. В одном из фельетонов 1842 г. «Журнальная всякая всячина» современная русская литература называлась «омертвелой» и противопоставлялась французской (СП, 1842, 10 окт., № 227, с. 907). Ср. иронический отклик Белинского на эту характеристику в его «Литературных и журнальных заметках» ноябрьского номера «Отечественных записок» (Белинский, т. VI, с. 450—451). В другом фельетоне под этой рубрикой содержится следующий призыв: «Господа драматурги, оживите русскую сцену, а вы, господа романисты, — русскую изящную словесность — и Пчела низко вам поклонится!» (СП, 1842, 26 сент., № 215, с. 859. Ср.: там же, 2 сент., № 195, с. 780; 3 окт., № 221, с. 883).

Белинский по-своему был недоволен состоянием русской литературы начала 1840 гг. В «Литературных и журнальных заметках» сентябрьского номера «Отечественных записок» 1842 г. он писал: «Все согласны, что русская литература довольно небогата, так что охотникам до русских книг просто нечего читать, если они хотят читать только одно хорошее. В 1840 году вышел „Герой нашего времени“, а в 1842 году вышли „Мертвые души“. Если включить сюда пять—шесть повестей в журналах и альманахах — вот и все по части прозы... Кто будет спорить, что для прочтения всего этого немного нужно времени? В 1840 году вышли стихотворения Лермонтова, а в 1841—42 году, от дня смерти поэта почти до настоящей минуты,

напечатаны в „Отечественных записках“, кроме небольших пьес, отрывки из „Демона“ и поэма „Боярин Орша“; если включить сюда вышедшие в нынешнем году стихотворения г. Майкова да еще пять—шесть стихотворных пиес, рассеянных по журналам и альманахам, вот и все, что явилось примечательного по части стихов в последние два года!.. Опять никто не будет спорить, что для прочтения всего этого нужно слишком мало времени... Репертуар русской сцены — эта арена гг. Кукольника, Полевого, Ободовского, Коровкина, Соколова и многих других — репертуар русской сцены представляет собою то засохшее поле, на котором ни былинки, то после долгих проливных дождей покрытую грибами и дождевиками поляну...» (Белинский, т. VI, с. 372—373). Ср. также начало фельетона Некрасова «Отчеты по поводу Нового года» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 196).

С. 188. *Один молодой русский сочинитель, не более как год назад сидевший еще на школьной скамье...* — Прототипом этого сатирического персонажа является, очевидно, драматург, поэт, прозаик и журналист В. Р. Зотов (1821—1896), окончивший в 1841 г. Царскосельский лицей. В 1840 г. «Северная пчела» напечатала его первое произведение — оду «На торжественный въезд высоконареченной невесты его императорского высочества государя наследника цесаревича ее королевского высочества принцессы Марии Дармштадтской» с подписью: «воспитанник Императорского Царскосельского лицея Владимир Зотов» (СП, 1840, 9 окт., № 228, с. 909—910). Эта публикация стала началом активного сотрудничества плодовитого писателя в «Северной пчеле», «Маяке», «Репертуаре и Пантеоне» и других изданиях. Литературную известность В. Р. Зотову принесли напечатанные им в 1841 г. поэмы «Две колонны» и «Последний Хеак». Вторая из них — «плод вдохновения молодого пылкого поэта» — была высоко оценена «Северной пчелой». «Молодой поэт, — писала газета, — 〈...〉 дарит любителей поэзии литературным произведением, взлелеянным чистейшими мечтами юного воображения... Считаем нужным присовокупить к тому, что поэма г-на Зотова написана звучными, стройными стихами, а не безобразною прозою» (СП, 1842, 14 сент., № 204, с. 813).

В 1841—1842 гг. В. Р. Зотов написал ряд оригинальных и переводных драматических произведений в стихах и в прозе: драмы «Клитемнестра», «Король Энцо», «Святослав»; водевиль «Учитель». Все эти произведения печатались в журналах «Пантеон русского и Репертуар всех европейских театров» и «Маяк» и ставились на сцене Александринского театра в Петербурге. В рецензии на постановку в этом театре водевиля «Учитель», подписанного криптонимом «В. З.», журнал И. П. Песоцкого писал: «...комедия „Учитель“, несмотря на недостатки свои, изобличает дарование неподдельное, которому недостает только опытности и знания сцены, чтобы развернуться в полном блеске. Публика аплодировала многим куплетам и некоторым сценам, набросанным живо и бойко» (РиП, 1842, № 15, с. 32).

На сцене Александринского театра В. Р. Зотов — сын бывшего заведующего репертуарной частью императорских театров, влиятельного в театральных кругах Р. М. Зотова — был, несомненно, одним из соперников Некрасова, именно в эти годы активно работавшего на театральном поприще.

С. 188. *Другой русский писатель из знаменитых, беспрестанно печатающий свои романы и повести...* — Имеется в виду Н. А. Полевой (1796—1846) — журналист, прозаик, драматург, историк, «Драматические сочинения и переводы» которого в четырех частях вы-

ходили из печати в конце 1842—1843 гг. (см. рецензию Некрасова на это издание — наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 61—67, 84).

Выделенное автором выражение *«из знаменитых»* — намек на рекламную заметку Булгарина о постоянном сотрудничестве Полевого в «Северной пчеле», причем его имя интригующе не называлось: «Редакция „Северной пчелы“ честь имеет известить своих читателей, что в будущем 1843 году заниматься в ней библиографиею и критикою, в числе других сотрудников, будет известный и всеми уважаемый литератор, которого критические статьи в „Московском телеграфе“, „Библиотеке для чтения“, „Сыне отечества“ и „Русском вестнике“ составляли неоспоримое достоинство этих журналов и которому отдельное сочинение о русской словесности доставило почетное место между европейскими критиками. По принятым редакциею мерам критика тихая, спокойная, справедливая, беспристрастная будет теперь еженедельно появляться в „Северной пчеле“ для содействия успехам словесности и для удовлетворения требованиям публики» (СП, 1842, 30 дек., № 292, с. 1165).

С начала 1843 г. Н. А. Полевой печатался в «Северной пчеле» под криптонимом Z. Z. В «Литературных и журнальных заметках» декабрьского номера «Отечественных записок» 1843 г. Белинский, полемизируя с «великим незнакомцем», скрывающимся под криптонимом Z. Z., иронически упоминал и приведенную выше рекламную заметку Булгарина о новом сотруднике — «знаменитом русском литераторе» (Белинский, т. VIII, с. 36).

Еще один намек на этот возобновившийся союз Полевого с Булгариным содержится в статье Некрасова «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году»: «В приговорах о последних произведениях г. Полевого решительно все журналы сходятся, кроме одной газеты, которая то хвалит г. Полевого, то не хвалит, смотря по обстоятельствам, и в которой с некоторого времени так называемая „критика“ сочиняется г. Z. Z.» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 160).

С. 189. *К друзьям.* — См. выше, с 368..

ЖУРНАЛЬНАЯ АМАЛЬГАМА
⟨24 января 1843⟩

(С. 189)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1843, 24 янв., № 4, с. 82—83, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Предположение о принадлежности фельетона Некрасову высказано: НЖ, с. 16, где был сопоставлен фрагмент о книге Н. М. Витвицкого со свидетельством Д. В. Григоровича. Вспоминая о начале своего знакомства с Некрасовым, относящемся к 1842 г., Григорович писал: «Денежные обстоятельства Некрасова должны были быть тогда весьма незавидны. Я не раз заставал его за рукописью, порученною ему каким-то стариком для исправления в ней языка; рукопись трактовала о различных способах ухода за пчелами» (*Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1987, с. 73). Если мемуарист имеет в виду Н. М. Витвицкого — единственного в эту пору русского автора трудов

по пчеловодству, то анонс и реклама еще не напечатанной книги Витвицкого в «Литературной газете» могли принадлежать только Некрасову — литературному редактору труда Витвицкого и постоянному критику газеты, для которой анонсы такого рода не характерны. Под слегка измененным названием «Стеклянный улей, или Чудные явления в жизни пчел. Сочинение Витвицкого. С картинками» (СПб., 1843) книга вышла в свет через месяц после анонса «Литературной газеты». В № 10 этого издания была напечатана хвалебная рецензия, наиболее вероятным автором которой также является Некрасов. В настоящем издании печатается и атрибутируется Некрасову только первая половина («литературная» часть) фельетона «Журнальная амальгама». Вторая его часть, графически отделенная от первой, составлена, очевидно, редактором газеты Ф. А. Кони из информаций в иностранной периодике и посвящена европейскому театру.

С. 189. *Г-н Загоскин описывает нам Москву и москвичей, а г. Вистингоф дает «Очерк московской жизни».* — Имеются в виду первая часть книги М. Н. Загоскина «Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского» (М., 1842) и книга П. Ф. Вистенгофа «Очерки московской жизни» (М., 1842).

С. 190. *...вышли и «Сочинения Николая Гоголя»...* — Ср. отзыв Некрасова об этом издании в статье второй его «Взгляда на главнейшие явления русской литературы в 1843 году» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 150).

С. 191. *В Москве начнут доказывать, что Гоголь — Гомер, Аристофан и Теренций нынешнего века...* — полемический отклик на брошюру К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души"» (М., 1842), в которой утверждалось, что «только у Гомера и Шекспира можем мы встретить такую полноту создания, как у Гоголя; только Гомер, Шекспир и Гоголь обладают великою, одною и тою же тайною искусства» (с. 16). Это сопоставление было жестоко высмеяно В. Г. Белинским, которого задело также пренебрежительное замечание автора брошюры о «петербургских журналистах» (Белинский, т. VI, с. 253—259; ср.: там же, т. XI, с. 435).

С. 191. *Другие будут опровергать это и покажут только, что до и после Гоголя не было и не будет русской литературы...* — Ироническая интерпретация мнения В. Г. Белинского, выраженного в его рецензии на отдельное издание поэмы Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (М., 1842), где критик, в частности, писал: «Нашей литературе вследствие ее искусственного начала и неестественного развития суждено представлять из себя зрелище отрывочных и самых противоречивых явлений. Мы уже не раз говорили, что не верим существованию русской литературы как выражению народного сознания в слове, исторически развившегося; но видим в ней прекрасное начало великого будущего, ряд отрывочных проблесков, ярких, как молния, широких и размашистых, как русская душа, но не более как *проблесков*» (Белинский, т. VI, с. 216).

С. 191. *...третьи станут придираться к опечаткам и неправильным оборотам языка...* — Намек на статью О. И. Сенковского о «Мертвых душах» (БдЧ. 1842, № 8, отд. VI, с. 24—54), в которой Гоголь обвинялся в нарушении языковых норм и отсутствии эстетического чувства.

С. 191. *...грамматик г. Греча...* — Имеются в виду «Практическая русская грамматика» (1826), «Пространная русская грамматика»

(1827), «Учебная книга русской словесности» Н. И. Греча (1787—1867), многократно переиздававшиеся и официально утвержденные в качестве пособий для учебных заведений разного уровня. Ср. помещенную в наст. книге рецензию на «Учебную книгу...» 1844 г. (с. 44).

С. 191. *...четвертые станут доказывать, что Гоголь совершенно бездарный человек, которого приятели прославляют за тем, чтоб уронить других сатирических писателей...* — Такою была рецензия Н. И. Греча на «Мертвые души» в «Северной пчеле» (1842, 22 июня, № 137).

С. 192. *...перед нами новые «Записки для городских и сельских хозяев», соч. К. А., в которых ∾ все есть, кроме птичьего молока...* — Полное название этой книги: «Записки для городских и сельских хозяев, содержащие в себе опытные правила о скотоводстве, огородничестве и разных хозяйственных предметах, как то: мытье, белении, чищении, приготовлении домашних снадобьев и проч. Собраны сочинительницею ручной книги опытной русской хозяйки К. А.» (СПб., 1842).

С. 193. *«Практическое пчеловодство».* — Этот труд Н. М. Витвицкого (1764—1853) печатался частями: части I и II напечатаны в 1835 г., части III и IV — в 1842, часть V (последняя) — в 1845.

1844

ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

(С. 194)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: вступительная заметка и заметки I, II — ЛГ, 1844, 24 февр., № 8, с. 156; заметка ⟨III⟩ — там же, 23 марта, № 12, с. 219—220, без номера; заметки XII—XIII — там же, 20 июля, № 28, с. 484. Все заметки — без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Включенная в последнюю (XIII) заметку рубрики «Падающие звезды» пародия на стихотворение Н. М. Языкова «М. П. Погодину» под названием «Послание к соседу» давно атрибутирована Некрасову (ПССт. 1927, с. 417, 525; наст. изд., т. I, с. 436, 634). Предположение о принадлежности Некрасову всего текста заметок XII—XIII высказано впервые: ПССт. 1967, т. I, с. 670.

Б. В. Мельгунов обосновал принадлежность Некрасову всего текста заметок XII—XIII и высказал предположение об авторстве Некрасова в других заметках этой рубрики (НЖ, с. 98).

Помещаемые в настоящей книге вступительная заметка и заметки I—III, XII—XIII «Падающих звезд» атрибутируются Некрасову — негласному редактору «Литературной газеты» 1844 г. и ее основному критику и фельетонисту по связи с его «Литературными и журнальными заметками» (1843) статьей «Взгляд на главнейшие явления

русской литературы в 1843 году», рецензией на «Стихотворения Николая Молчанова» (1843) и другими его произведениями (подробнее см. реальный комментарий).

Под рубрикой «Падающие звезды (Метеорологические наблюдения над русскою литературою)» в «Литературной газете» 1844 г. периодически (с февраля по июль, в № 8, 12, 22, 24, 28) печатались сатирические миниатюры, продолжавшие традицию «Литературных и журнальных заметок» в «Отечественных записках» 1842—1843 гг. Перенос сатирической фельетонной рубрики (с изменением названия) из «Отечественных записок» в «Литературную газету» был связан, очевидно, с возвращением газеты с начала 1844 г. (юридически) от. Ф. А. Кони под редакцию А. А. Краевского — редактора «Отечественных записок», который за 6000 рублей перепоручил фактическое руководство газетой Некрасову (ПСС, т. 12, с. 13). Став снова «отголоском мнений» «Отечественных записок», как это было до передачи Краевским «Литературной газеты» в руки Ф. А. Кони осенью 1840 г., «Литературная газета» как издание более оперативное, чем ежемесячный журнал, взяла на себя тактическую сферу журнальной борьбы. Под общей рубрикой «Падающие звезды» помещали свои полемически-сатирические заметки основные сотрудники как «Литературной газеты», так и «Отечественных записок». Так, заметка под номером IV (в № 12 газеты от 23 марта 1844 г.) — иронический ответ на неуклюжие уколы «Сына отечества» в адрес приложения к газете «Записки для хозяев», принадлежит, по всей вероятности, официальному редактору этого приложения А. П. Заблоцкому или его основному сотруднику В. Ф. Одоевскому. Заметки V, XI, в которых «Отечественные записки» защищаются от нападок «Библиотеки для чтения» и писателя-графомана Н. Демьянова, могли быть написаны самим Белинским. Не исключено, что Некрасову принадлежат еще какие-то из заметок «Падающих звезд», однако для доказательства этого предположения нет достаточных оснований.

После прекращения «метеорологических наблюдений» в «Литературной газете» в октябрьском номере «Отечественных записок» 1844 г. были возобновлены «Литературные и журнальные заметки».

С. 194. *Часто приходится слышать жалобы на бедность русской литературы хорошими произведениями и замечательными талантами...* — характерный для Некрасова, почти всегда иронический зачин. Ср. начало «Отчетов по поводу Нового года»: «Не верьте, милостивые государи, тем жестокосердым людям, которые утверждают, что русская литература в прошлом году мало произвела чего-нибудь замечательного и совершенно ничего не произвела великого!.. Клевета, решительная клевета!» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 196). Сходным образом начинается и некрасовская главка «Литературных и журнальных заметок» 1843 г. (наст. кн., с. 188; ср. также с. 101, 369).

С. 195. *В лето от сотворения мира 7352, от рождества Христова 1844-е...* — Этим зачином открывается следующая, II заметка «Падающих звезд». Еще ранее он встречается (в усеченной форме) в рецензии Некрасова на «Стихотворения Николая Молчанова» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 68.).

С. 195. *...мы уже извещали читателей, что у нас есть журнал «Маяк»...* — Возможно, имеется в виду следующее юмористическое «известие», напечатанное в «Смеси» № 1 «Литературной газеты» 1844 г.: «Разнеслись было слухи и даже печатались в „Прибавлениях“ к „Санктпетербургским ведомостям“, что „Маяк“ будет выходить с

„Сыном", а „Сын" с „Маяком", но теперь можно уже сказать утвердительно, что эти слухи не основательны: г. Масальский печатно уведомил публику, что „Сын" по-прежнему будет выходить без „Маяка", а „Маяк" без „Сына"» (ЛГ, 1844, 1 янв., № 1, с. 22).

С. 195. *Но как бы все эти нерешенные дела* ∾ *переучивать заново...* — Фрагмент из послесловия С. Бурачка к «Письму из Гродно к И. П. Боричевскому об историко-критических исследованиях Н. В. Савельева» инспектора Гродненской гимназии магистра прав В. В. Игнатовича (Маяк, 1844, № 2, отд. IV, с. 139).

С. 196. *...у него, как он сам уведомляет, многие статьи из Петербурга...* — К заглавию первой рецензии в отделе «Критика» февральского номера «Москвитянина» 1844 г. сделано примечание редакции: «Все следующие рецензии доставлены из Петербурга» (М, 1844, № 2, с. 567).

С. 196. *...стихи г. Мих. Дмитриева...* — Цитируемое далее стихотворение М. А. Дмитриева (1796—1866) озаглавлено «К. К. П‹авло›—вой» с датой под текстом: «6 ноября 1843».

С. 196. *В тетрадке, которою, наконец, вместо первого января, пятнадцатого марта разрешился «Сын отечества» после стольких великолепных программ...* — «Сын отечества» — исторический, политический и литературный журнал (1812—1844, 1847—1852), издававшийся в Петербурге. В 1842—1844 гг. редактором журнала был К. П. Масальский, которого постоянно преследовали неудачи на этом поприще; не додав подписчикам 1843 г. двух месячных номеров журнала, редактор «Сына отечества» в специально изданной листовке объявил о преобразовании его с 1844 г. в иллюстрированный еженедельник. «Точность выхода в назначенный день, — заявил Масальский, — немедленная рассылка и верность доставки тетрадей принимаются неизменным правилом, для чего приняты редактором особые меры».

Юмористическое освещение деятельности редакции «Сына отечества» и других недружественных «Отечественным запискам» журналов также перешло в «Падающие звезды» из «Литературных и журнальных заметок». См., например, «информацию» Белинского в «Литературных и журнальных заметках» № 1 «Отечественных записок» 1843 г.: «Из журнальных новостей самые свежие — следующие: „Сын отечества" за 1842 год недодал только *четырех* книжек, „Русский вестник", опоздавший в 1841 году *двумя* книжками, в нынешнем опоздал всего *шестью* книжками (т. е. целым полугодием), а „Москвитянин" только *одною* книжкою» (Белинский, т. VI, с. 580).

Первый номер «Сына отечества» 1844 г. вышел в марте. В течение года было выпущено 16 еженедельных номеров за март—июнь, после чего «Сын отечества» прекратил существование до 1847 г. Ср. также замечание Некрасова о «Сыне отечества» в его «Отчетах по поводу Нового года» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 197), а также юмористическое примечание Белинского об этом журнале в статье «Русская литература в 1844 году» (Белинский, т. VIII, с. 475—476).

С. 196. *...статья под названием «Критика»...* — Эта анонимная статья помещена на с. 25—32 первого номера «Сына отечества» 1844 г.

С. 196. *«Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году»* — статья Некрасова (см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 134—166). Жанр юмористической «антикритики», в котором написана комментируемая III заметка «Падающих звезд», не оставляет сомнения в том, что «Сыну отечества» отвечал сам автор «Взгляда на главнейшие явления...»

С. 197. *Статья, в которой говорилось, между прочим, о разных литературных промахах, крепко не понравилась «Сыну отечества»...* — Намек автора на то, что редакция «Сына отечества» узнала себя в той категории деятелей литературы, «смотрящей на вещи глазами доброго старого времени, проповедующей старые идеи по поводу новых фактов и с ожесточением, тем более горестным, что оно нередко искренно, предающей анафеме все новое и лучшее» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 137).

С. 197. *Выписав первые четыре стиха ∾ «Сын отечества» принимается очень остроумно трунить над словами «роется» и «чернея на черной».* — После цитации первого четверостишия стихотворения Лермонтова «Тамара», впервые опубликованного в «Отечественных записках» 1843 г. и названного Некрасовым «художественно прекрасным» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 143), критик «Сына отечества» писал: «Вы тотчас слышите, что это уже не Державину чета. В глубокой теснине, где *роется* Терек во мгле, стояла башня, *чернея на черной* скале. — Река *роется* во мгле — воля ваша! Это выражение нас не радует нисколько и не изумляет. Кабан или червяк имеет право рыться во мгле и при дневном свете в стихах и прозе, но Терек вовсе не похож ни на червяка, ни на кабана. Если можно изумиться и обрадоваться стиху *чернея на черной*, то должно прийти в совершенный восторг, если кто-нибудь напишет *краснея на красной, желтея на желтой* и *зеленея на зеленой...*» (СО, 1844, № 1, с. 26).

С. 198. «*Вся литература, сидящая на гамбсовых креслах ∾ Литература, которая ездит в своем экипаже...*» — Здесь критик «Сына отечества» иронически использует характеристику *промышленной* литературы, данную Некрасовым в статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году»: «...она знакома с утонченным комфортом жизни и хочет во что бы ни стало ездить в своем экипаже, сидеть на гамбсовых креслах, пить шампанское и играть в преферанс по большой» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 135).

С. 200. *Это — «стакан стихов», поднесенный г. Н. Языковым «М. П. Погодину»...* — Стихотворное послание Н. М. Языкова (1803—1846) «М. П. Погодину» помещено в № 6 «Москвитянина» 1844 г. (с. 190) с пометой под текстом: «Апреля 23 дня 1844. Москва».

С. 202. *Вот, кстати, стихотворение, присланное нам из провинции...* — Вторая (XIII) заметка цикла «Падающие звезды» с пародией Некрасова, помещенная в № 28 «Литературной газеты» 1844 г., занимает правый столбец 484-й страницы и расположена симметрично с языковским посланием (на той же странице) и сопровождающим его текстом. В качестве опорных стихов в пародии (комментарий к этому стихотворению Некрасова см.: наст. изд., т. I, с. 694—695) использованы те самые строки, которые в стихотворении Языкова фельетонист выделил курсивом. Таким образом, есть все основания считать Некрасова автором всего текста обеих (XII и XIII) заметок, посвященных Языкову. Фельетоны-«письма» (с пародийными стихами и без них), «присланные из провинции», — излюбленная форма некрасовских выступлений в «Литературной газете» 1840—1845 гг. Журнальная маска *Маркиза Команвупортеву*, разбитного хроникера *Белопяткина, Неизвестно кого* (в «Литературных и журнальных заметках» «Отечественных записок» 1843 г.), провинциального стихотворца — «автора» «Послания к соседу» — сменяется другой маской «петербургского жителя» И. А. Пружинина (см. помещенные в кн. 1 наст. тома фельетоны 1844 г.).

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТМЕТКИ
⟨31 декабря 1844 г.⟩

(С. 202)

Печатается по тексту первой публикации с исправлением явных опечаток (описок) при цитировании или упоминании вышедших книг:

С. 207. «Портретов людей и изображений вещей» вместо «портретов людей и изображений людей» (по цит. кн. Ж. Араго).

С. 207. «Многоостровий океанических» вместо «на юго-островиях океанических» (по цит. кн. Ж. Араго).

С. 207. «Звезда моя озарила меня» вместо «звезда моя озарила так» (по цит. кн. Ж. Араго).

С. 208. «Леди Анна, или Сирота» вместо «Леди Лила, или Сирота» (по смыслу; см. комментарий).

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 31 дек., № 295, с. 1177—1179.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова впервые установлено Б. Я. Бухштабом, указавшим на «сходство» и «пря́мые текстовые совпадения» суждений об увлечении петербуржцев полькой в данном фельетоне с высказываниями на ту же тему в «Отчетах по поводу Нового года» (ЛГ, 1845, 25 янв., № 4) и в главе 11 книги «Полька в Париже и в Петербурге» (СПб., 1845) (см.: *Бухштаб Б. Я.* Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид». Библиографическое разыскание. — Труды Ленингр. гос. библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской, т. V. Л., 1959, с. 330—332; то же в кн.: *Бухштаб Б. Я.* Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966, с. 67—68).

Ср.: «На всех балах, раутах, вечерах, пикниках не танцуют более кадрилей и ⟨...⟩ мазурок: все забыто для польки...» (с. 203) — «...в каждом семействе танцуют польку в ущерб кадрилям, мазуркам и други́м танцам, господствовавшим до польки» («Отчеты...» — наст. том, кн. 1, с. 209).

«...которая в своем роде какая-то европейская тарантелла, или, лучше сказать, эпидемия» (с. 203) — «...полька производит на них (молодых людей. — *Ред.*) такое же действие, как тарантелла на итальянцев: они решительно готовы затанцеваться до смерти...» («Отчеты...» — наст. том, кн. 1, с. 209).

«Встретив на улице приятеля, не осведомляются теперь о его здоровье, а спрашивают: танцует ли он польку или, по крайней мере, видел ли, ка́к танцуют...» (с. 203) — «Теперь молодые чиновники, желая угодить столоначальнику, не осведомляются более у него о ходе дел, предписаний, здоровья, а спрашивают только — танцует ли он польку или, по крайней мере, видел ли он, как ее танцуют?» («Полька...» — наст. том, кн. 1, с. 213).

«...самые заклятые антитанцоры и враги Терпсихоры не могли устоять против обольстительных аттитюдов польки ⟨...⟩ и с горем пополам предаются неистовым его (модного танца. — *Ред.*) требованиям...» (с. 203) — «Самые заклятые антитанцоры не могли остаться равнодушными пред обольстительными аттитюдами польки и хотя с горем пополам, но все-таки предаются капризным ее требованиям» («Отчеты...» — наст. том, кн. 1, с. 209).

«Отцы семейства ⟨...⟩ без всякого сожаления платят теперь танцмейстеру за уроки польки: они, вероятно ⟨...⟩ ясно видят, что полька

способствует очаровыванию равнодушной молодежи, а следовательно, и доставлению дочке хорошей партии» (с. 204) — «В каждый дом, где есть барышни, непременно ходит учитель польки ⟨...⟩ Маменьки вообще находят, что полька необыкновенно способствует к развитию физических способностей дочерей, к усилению ловкости и грации и придает им в глазах молодых людей, годных в женихи, новые нравственные достоинства» («Отчеты...» — наст. том, кн. 1, с. 210).

С. 202. *«Уж на что ∾ головоломна обязанность здешнего градоначальника!» — говорит в «Ревизоре» Антон Антонович Сквозник-Дмухановский г-ну Хлестакову.* — Реплика городничего из «Ревизора» Гоголя (д. III, явл. 5).

С. 203 *...даже с помощию диогенова фонаря.* — Другими словами, упорно, но тщетно разыскивая. Выражение восходит к рассказу Диогена Лаэртского о греческом философе Диогене Синопском, который «среди бела дня ⟨...⟩ бродил с фонарем в руках, объясняя: „Ищу человека"» (*Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979, с. 246—247). Широкоизвестный источник употребленного выражения, возможно, подчеркивает здесь ничтожность «новостей», обычно занимающих внимание публики.

С. 203. *Новость эта — полька!* — Ср. очерк «Полька в Петербурге» (наст. том, кн. 1, с. 211—213).

С. 204. *...затанцевать жителей ее до смерти, как сделали они это с несчастным Флёри в балете «Жизель»...* — Имеется в виду сцена 10 во 2-м действии балета А.-Ш. Адана «Жизель, или Виллисы» (1841), где виллисы, духи умерших накануне свадьбы невест, вовлекают в свой ночной хоровод повстречавшегося им путника — лесничего Иллариона — и кружат его в танце до тех пор, пока тот не падает замертво. В постановке «Жизели» на сцене петербургского Большого театра роль Иллариона (в русском варианте либретто переименованного в Ганса) исполнял французский танцовщик-буфф Флёри (Бернар Нове), служивший в России в 1832—1845 гг. Ср. наст. том, кн. 1, с. 209).

С. 204. *...так сильно восхищавшем публику и теперь — увы! — уже забытом...* — Премьера «Жизели» в Петербурге состоялась 18 декабря 1842 г. В сезон 1842—1843 гг. прошло 12 спектаклей, в следующем сезоне — 5, в 1844—1845 гг. — ни одного. См. также: наст. изд., т. I, с. 392, 681.

С. 204. *...в английском магазине, у Гибера, в нюрембергских лавках...* — Перечисляются магазины, выходившие на Невский проспект: Английский магазин — на углу Большой Морской и Невского; модный магазин Гибера — в доме Голландской церкви (Невский пр., 20); так называемые Нюрнбергские лавки, где торговали голландским полотном и галантереей, — напротив Гостиного двора, в доме Екатерининского костела (Невский пр., 32—34).

С. 204. *...окончанием дворца ∾ великой княгини Марии Николаевны...* — Мариинский дворец на Исаакиевской площади в Петербурге, предназначавшийся для дочери Николая I Марии, был выстроен по проекту А. И. Штакеншнейдера в 1839—1844 гг. «Главным достоинством дворца, по мнению знатоков тех лет, было изящество и „богатое разнообразие" его отделки», в котором сочетались различные стили: классицизм, «помпейский» стиль, рококо и пр. (см.: *Петрова Т. А.* Андрей Штакеншнейдер. Л., 1978, с. 34—42).

С. 205. *Исаакиевский собор получил окончательную наружную отделку...* — Строительство Исаакиевского собора в Петербурге по про-

екту О. Монферрана продожалось около сорока лет: было начато в 1819 и завершено в 1858 г.

С. 205. *...место, до сего времени занимаемое мутным каналом, обратилось в великолепнейший бульвар...* — В связи со строительством постоянного моста через Неву Адмиралтейский канал на участке от Сенатской площади до Крюкова канала был в 1842 г. заключен в подземную трубу, и на его месте позднее был разбит бульвар с четырьмя рядами деревьев и дорожками между ними, получивший название Конногвардейского.

С. 205. *...новый Исакиевский мост уже готовится выступить из лона вод...* — Имеется в виду строительство первого постоянного чугунного моста через Неву (на месте наплавного Исаакиевского) по проекту С. В. Кербедза, начавшееся в 1843 г. Мост был открыт в 1850 г. и получил название Благовещенского (с 1855 г. — Николаевского).

С. 205. *...Эрмитаж также достроивается на славу.* — В 1842—1851 гг. возводилось по проекту Л. Кленце здание так называемого Нового Эрмитажа — на углу наб. Зимней канавки и Миллионной улицы.

С. 205. *В Соединенном обществе...* — См. наст. изд., т. VII, с. 571—572.

С. 205. *...танцевали всего два раза ∾ бывшем третьего дня.* — Имеются в виду «большие балы» в клубе Соединенного общества 20 ноября и 29 декабря 1844 г. (см.: СПбВ, 1844, 16 ноября, № 263, с. 2652; 22 дек., № 292, с. 2938). Ср. в фельетоне Булгарина: «Дворянские балы еще не начинались, о больших частных балах в городе вовсе не слышно, итак, где же веселятся? В клубе Соединенного общества! Тут каждую пятницу бал, танцуют до последних сил и веселятся добродушно, как в семейном кругу. Клуб этот, с некоторого времени, принял совершенно другое направление, и теперь это настоящий чиновничий клуб — так его и называют в городе ⟨...⟩ Теперь чиновник, этот труженик общего благоустройства, имеет место, где отдохнуть, где провесть свободное время, потанцевать и повеселиться» (*Ф. Б.* Журнальная всякая всячина. — СП, 1844, 16 дек., № 286, с. 1142).

С. 205. *...обязаны они этим итальянцам...* — Имеются в виду артисты итальянской оперы. Ср. «Отчеты по поводу Нового года» (наст. том, кн. 1, с. 201—207).

С. 205. *...о «Преферансе» и «Складчине».* — Упоминаются водевили П. И. Григорьева «Герои преферанса, или Душа общества» (1844) и «Складчина на ложу в итальянские оперы» (1843).

С. 205. *...львы, онагры...* — См. комментарий к «Отчетам по поводу Нового года» (наст. том, кн. 1, с. 443).

С. 206. *...перевод повести Гофмана «Принцесса Брамбилла»...* — Принцесса Брамбилла. Фантастическая повесть Э. Т. А. Гоффманна. С политипажными рисунками. СПб., 1844 (ценз. разр. — 23 ноября 1844 г.).

С. 206. *...о котором мы уже говорили в «Библиографии».* — Имеется в виду обзор «Библиография» в «Русском инвалиде» от 21 декабря 1844 г. (№ 288, с. 1149—1150), посвященный выходу русского перевода «Принцессы Брамбиллы». В нем приводился почти целиком текст 1-й главы повести, сопровожденный следующей характеристикой: «Это одна из интереснейших фантастических сказок Гофманна, которую очень приятно встретить в русском переводе ⟨...⟩ Вероятно, много найдется любителей фантастических сказок, которые с удовольствием прочтут эту прекрасную повесть. Жаль только, что бумага, на которой она напечатана, недостаточно хороша, и вообще издание не слишком великолепное».

С. 206. *Кто не порадуется, получив средство прочесть одно из лучших его творений?* — Среди откликов на выход повести Гофмана в русском переводе были и отрицательные. Так, в анонимной рецензии «Отечественных записок» (1845, № 1), принадлежащей, по всей вероятности, В. Г. Белинскому, утверждалось: «...для людей, которые искусство тесно связывают в своем понятии с жизнию и хотят видеть в нем верное выражение не прихотливых мечтаний поэтов, но прогресс истории и общества ⟨...⟩ „Принцесса Брамбилла“ покажется довольно пустою и весьма скучною сказкою, тем более что она переведена тяжело, сухо и нескладно» (Белинский, т. VIII, с. 233—234). Аналогичным был отзыв в «Литературной газете» (1845, 25 янв., № 4, с. 73), автор которого настаивал на том, чтобы «фантазия была проникнута действительностью». Отрицательными были отзывы в «Маяке» (1845, № 2, с. 42): «сумбурно ⟨...⟩ без всякой мысли», и П. А. Плетнева в «Современнике» (1845, № 3, с. 324), недовольного качеством перевода.

С. 206. *...как говорит один из его биографов, П. Кристиан ∾ аббата Прево.* — Цитируется конец очерка П. Кристиана (псевдоним Кристиана Питуа) «Гофман» в подготовленном Кристианом сборнике «Фантастических сказок» Гофмана на французском языке: Contes fantastiques de Hoffmann. Traduction nouvelle; précédés de souvenirs intimes sur la vie de l'auteur par P. Christian. Paris, 1843, p. XIX.

С. 206. *«Путешествие вокруг света Жака Араго» ∾ замечательна в типографическом отношении столько же, сколько и в литературном.* — Речь идет о следующем издании: Воспоминания слепого. Путешествие вокруг света Жака Араго. Пер. П. А. Корсакова и др. Изд. В. Межевича и И. Песоцкого, украшенное пятьюдесятью картинками, рисованными и литографированными в Париже, т. I. СПб., 1844 (т. II—1845). В «Журнальных отметках» «Русского инвалида» от 11 января 1845 г. (№ 7) автор обзора, рекомендуя читателям книгу Араго (и ссылаясь на упоминание о «Путешествии» в предыдущем фельетоне «Русского инвалида» от 31 декабря 1844 г.: «...о котором мы успели уже сказать вам несколько слов»), особо подчеркивает в ней изображение жестокости рабовладения: «Взглянем вместе с ним (Араго. — *Ред.*) на бразильских барышень, которые, для удовольствия, тоненькими бечевками секут голого невольника до крови ⟨...⟩ Пойдемте вместе с ним на говорящий рынок, да, на „говорящий рынок“, где товар — люди... ⟨...⟩ С каким благородным, исполненным пылкого негодования одушевлением говорит путешественник о жалком состоянии негров в Бразилии, стонущих под гнетом самого бесчеловечного тиранства!» (с. 25—26). В «Журнальных отметках» «Русского инвалида» от 24 января 1845 г. (№ 18) вновь упоминались «Воспоминания слепого» — среди «очень хорошего» «в нынешней нашей литературе» (с. 69). Высокую оценку книге Араго дал и Белинский в «Отечественных записках» (1845, № 1), приводивший в своей рецензии те отрывки (они же упоминались в «Русском инвалиде»), где речь шла об «ужасной жестокости» рабовладельцев (см.: Белинский, т. VIII, с. 491—500).

С. 206—207. *«Найдется ль человек ∾ смело кидаюсь в будущее».* — Цитируется с небольшими неточностями «Предисловие автора» по вышеупомянутому изданию (с. XVII—XVIII).

С. 208. *...«Леди Анна, или Сирота»...* — Леди Анна, или Сирота. Детская повесть. С английского. С картинками, рисован⟨ными⟩ Р. Жуковским. СПб., 1845 (ценз. разр. — 29 ноября 1844 г.). Белинский отмечал искусственность («точь-в-точь, как бывает это ... в детских кни-

гах!») «счастливого» конца повести, где сполна вознаграждается добродетель главной героини, но в целом охарактеризовал «Леди Анну» как «роман, не лишенный занимательности», и заметил, кроме того, что книга «переведена порядочно, издана недурно» (ОЗ, 1845, № 2; Белинский, т. VIII, с. 603—605).

С. 208. ...*«Друг детей», в котором изложена биография* ∾ *Ломоносова.* — Имеется в виду: Сын рыбака. Михаил Васильевич Ломоносов. Повесть для детей. Сочинил и украсил 8 картинками П. Фурманн. СПб., 1844 (на шмуцтитуле: Друг детей. 2; первым выпуском были «Записки Петра Ивановича» П. Р. Фурманна, изданные в 1843 г.). Белинский дал резко отрицательный отзыв («как бедно и жалко составлена книжка г. Фурмана! ⟨...⟩ вялый и мертвый набор слов») на 2-е издание «Сын рыбака», вышедшее в 1847 г. (С, 1847, № 3; Белинский, т. X, С. 143).

С. 208. *Обе книжки* ∾ *полезное чтение.* — Книги эти были отмечены и другими рецензентами. Так, рекламируя книжный магазин М. Д. Ольхина, Булгарин также обращал на них внимание. О «Сыне рыбака» он писал: «Это, без всякого сомнения, лучшая книга для детей в этом году»; о «Леди Анне»: «И занимательно, и поучительно» (*Ф. Б.* Журнальная всякая всячина. — СП, 1844, 23 дек., № 292, с. 1166—1167).

1845

РОМАН В ПИСЬМАХ

(С. 209)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, № 4 (от 25 янв.), отд. «Дагерротип», с. 71, без подписи.

В собрание сочинений включено впервые (в отдел «Dibia»): ПСС, т. V, с. 581—584.

Автограф не найден.

Приписывается Некрасову на основании свидетельства писателя об участии в «Дагерротипе» (см. наст. том, кн. 1, с. 361) и по связи с несомненно некрасовским фельетонным циклом «Достопримечательные письма» (1845—1846).

НОВОСТИ С ЛИТЕРАТУРНОЙ БИРЖИ ⟨1845⟩

(С. 213)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 1 февр., № 5, «Дагерротип», с. 97.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова устанавливается прежде всего на основании его собственного замечания (сделанного в 1872 г.) о том, что отдел «Дагерротип» в «Литературной газете» «исписывался» им «весь 〈...〉 и в стихах, и в прозе» (см., в частности, перечень некрасовских фельетонов в статье: *Выводцев Н. М.* Некрасов как критик и рецензент. — Собр. соч. 1930, т. III, с. 372; ср.: наст. изд., т. I, с. 695—697). «Новости с литературной биржи» 1845 г. представляют собой дополненную перепечатку фельетона 1840 г. (см. с. 184—185), что, по мнению М. М. Гина, является аргументом в пользу авторства Некрасова: «...автором обеих редакций фельетона должен быть такой постоянный сотрудник, который работал в газете и в 1840, и в 1845 гг. Таким сотрудником как раз и был Некрасов» (*Гин М. М.* Вопросы атрибуции текстов Некрасова. — Некр. сб., VI, с. 95; ср. также комментарий к редакции 1840 г. — с. 362 наст. книги).

Перепечатав с небольшими поправками стилистического характера текст 1840 г., автор ввел в него новые «сюжеты»; при этом в публикацию 1845 г. были включены фрагменты, относящиеся к событиям литературной жизни 1840 г., — возможно, тогда же и написанные: сообщения об учреждении «Гошпитального журнала», под которым подразумевался «Русский вестник», и о преобразовании «некоторого журнала» (имелся в виду «Сын отечества») «из *сего* 〈...〉 в *этот-то*» (см. комментарий).

С. 213. *Новости с литературной биржи ∾ ни наборщикам, ни читателям.* — См. комментарий к с. 184—185.

С. 214. *...биржевая компания на всякий случай намеревается учредить «Гошпитальный журнал» для призрения ∾ имеющего свойственные человеку слабости.* — Очевидно, имеется в виду возобновление «Русского вестника» (издававшегося С. Н. Глинкой в 1808—1820, 1824 гг.) под редакцией Н. И. Греча при участии Н. А. Полевого и Н. В. Кукольника (практическое руководство журналом фактически возлагалось на Полевого, переходившего из «Сына отечества»). Официальное объявление об издании нового журнала появилось в «Северной пчеле» 6 ноября 1840 г., а уже через неделю там же было опубликовано обширное «Письмо из провинции к издателям „Русского вестника“» (13 ноября, № 258, с. 1031—1032; 14 ноября, № 259, с. 1035—1036, — подпись: А. Б. В.), где давалась, по сути, развернутая программа нового консервативного издания. Ф. А. Кони, обращая внимание на удивительную быстроту появления отклика из провинции и его обстоятельность, намекал на то, что за буквами «А. Б. В.» скрываются сами организаторы журнала (см.: *Ф. К.* Журналистика. — ЛГ, 1840, 20 ноября, № 93, стб. 2127—2129; о возобновлении «Русского вестника» и первом годе его издания см. также: Белинский, т. IV, с. 443—444; т. V, с. 575—577). «Русский вестник» не имел успеха: не выходил в 1843 и окончательно прекратился в 1844 г. Однако консервативный лагерь вскоре пополнился новым печатным органом: в 1845 г. Кукольник, активный участник «Русского вестника», начал издавать «Иллюстрацию».

С. 214. *К литературным средствам будут присоединены и нелитературные ∾ отличающиеся большою тонкостию.* — По-видимому, имеются в виду прежде всего обвинения в политической неблагонадежности, к которым неоднократно прибегали журналисты реакционного лагеря, не гнушавшиеся доносов. Так, после появления

в «Литературной газете» (1840, 10 февр., № 12) рецензии Белинского на книгу Л. В. Бранта «Петербургские критики и русские писатели» тот обратился в Петербургский цензурный комитет с ходатайством о «защите его от оскорбительных нападок рецензентов ⟨...⟩ В связи с этим доносом С.-Петербургский цензурный комитет сделал замечание редактору «Литературной газеты» А. Краевскому (*Станько А. И.* Русские газеты первой половины XIX века. Ростов-на-Дону, 1969, с. 130). В № 9 «Маяка» за 1840 г. появилась статья С. А. Бурачка «Система философии „Отечественных записок“», где указывалось на отход от религиозных идеалов в статьях Белинского, что звучало в то время политическим обвинением. Белинский в письме к В. П. Боткину от 25 октября 1840 г. упоминал об этой публикации как о «доносе» на «Отечественные записки», а в декабре того же года замечал, что «Гречи и Булгарины заправляют всею литературою, помощию доносов...» (Белинский, т. XI, с. 565, 577). Позднее, в декабре 1843 г., Булгарин направил председателю Петербургского цензурного комитета письмо, где сообщал, что «Отечественные записки» принадлежат «партии мартинистов, положивших себе целью ниспровергнуть существующий порядок вещей» (см.: *Никитенко А. В.* Дневник, т. I. М., 1955, с. 274—276). В своем дневнике 1 октября 1844 г. А. В. Никитенко писал о незадолго до того вернувшемся из Москвы министре народного просвещения С. С. Уварове: «Он ужасно вооружен против „Отечественных записок“, говорит, что у них дурное направление, социализм, коммунизм и т. д. Очевидно, это навеяно московскими патриотами (прежде всего редакцией «Москвитянина». — *Ред.*), которым во что бы то ни стало хочется быть вождями времени. Министр желает не щадить „Отечественных записок“» (там же, с. 284).

С. 214. *...редакция одной газеты, обманутая в прошлом году обещаниями многих литераторов ∾ ни одной строчки....* — В объявлении о подписке на «Северную пчелу» на 1844 г. сообщалось: «...издатели „Северной пчелы“ обратились к лучшим современным русским повествователям М. Н. Загоскину, Н. А. Полевому, В. И. Далю и Н. В. Кукольнику, и сии талантливые писатели ⟨...⟩ согласились писать нарочно для „Сев⟨ерной⟩ пчелы“ *повести* и *рассказы*, сообразно с ее духом...» (СП, 1843, 9 окт., № 226, с. 903). В конце следующего года редакции пришлось оправдываться: «...поместили статьи в „Северной пчеле“: В. И. Даль и Н. А. Полевой. — Н. В. Кукольник дал в „Пчелу“ маленький роман: „Невский проспект“, но взял его для поправок и до сих пор не возвращал, обещая, однако же, отдать в полное наше распоряжение. Сами издатели „Пчелы“ делали, что могли, и делают, что могут. Итак, почитаем несправедливым упрек ⟨...⟩ в том, будто мы не держим слово ⟨...⟩ каждый может отвечать только за себя и вовсе не грешит, если объявляет, что ему обещано» (СП, 1844, 30 дек., № 295, с. 1178).

С. 214. *...в судьбе некоторого журнала готовятся важные перемены ∾ из сего обратится он в этот-то.* — Имеется в виду основанный Гречем и редактировавшийся им до 1838 г. «Сын отечества», который в конце 1840 г. перешел от Полевого, негласного редактора, к Сенковскому. В № 9 «Библиотеки для чтения» за 1840 г. Сенковский сообщал, что «Сын отечества» «сбирается подвергнуться коренному преобразованию на будущий год» (см. комментарий к с. 185), а 6 ноября повилось объявление Сенковского о переходе «Сына отечества» к «новому распорядителю» — Барону Брамбеусу, который «намерен употребить все свои средства и все свое известное искусство для совершенного перерождения этого издания с целию доставить читаю-

щей публике нечто совершенно новое, разнообразное, полезное, занимательное» (СПбВ, 1840, 6 ноября, № 252, с. 1143—1144). Таким образом, журнал переходил от защитника «сего и оного» Греча к их гонителю и приверженцу «того-этого» Сенковскому (о полемике вокруг «сего» и «оного» см. комментарий к с. 185). С. А. Бурачок, цитируя в ноябрьском номере «Маяка» объявление Сенковского с ироническими подчеркиваниями и замечаниями, писал: «К числу благодетельных метаморфозов „С⟨ына⟩ о⟨течества⟩“ надобно еще прибавить, что *сей* строжайший из наших журналов в будущем году явится *этим*, с новым блеском...» (*С. Б.* Русская журналистика накануне Нового года. — Маяк, 1840, № 11, отд. IV, с. 143). Сенковский редактировал «Сын отечества» в течение 1841 г., затем журнал перешел к К. П. Масальскому и, придя в полный упадок, прекратился в середине 1844 г.

С. 214—215. *...некоторый журнал старался обратить на себя внимание покупателей ∾ проходящие прошли мимо...* — Речь идет о «Библиотеке для чтения» (см. комментарий к с. 185). В перепечатке 1845 г. эта заметка могла приобрести дополнительный полемический оттенок после того, как в 1844 г. о своем приоритете в журналистике заявила и «Северная пчела», согласившаяся на этот раз в отличие от 1840 г. (см. комментарий к с. 185) поделить его с «Библиотекой для чтения»: «„Критика“, „Литературная летопись“ и „Смесь“ „Библиотеки для чтения“, более всего занимавшие так долго читающую публику, появляются везде в тех же формах. „Северная пчела“, изменявшись несколько раз в своем наружном и внутреннем составе, заставляла и другие листы изменяться по своему образу и подобию! ⟨...⟩ За что ни возьмись „Северная пчела“ и „Библиотека для чтения“, все возьмутся за то же!» (Указатель Петербурга по части фабричной и мануфактурной промышленности. — СП, 1844, 26 апр., № 93, с. 369; отд. «Смесь»).

С. 215. *...ни эти-то, ни этот-то, ни эта-то, ни это-то не помогают более...* — См. комментарий к с. 185.

С. 215. *...картинку из одной любопытной рукописи, приготовляющейся к печатанию ∾ припевает да прищелкивает.* — Имеется в виду одна из иллюстраций Г. Г. Гагарина к «Тарантасу» В. А. Соллогуба (*Соллогуб В. А.* Тарантас. Путевые впечатления. СПб., 1845, с. 112), выставленных в рекламных целях в ноябре 1844 г. в магазине А. И. Иванова, издателя «Тарантаса». В «Петербургской хронике» «Литературной газеты» Некрасов отмечал: «Кто видел некоторые рисунки к „Тарантасу“, выставленные в магазине г. Иванова, тот согласится, что ничего лучше и великолепнее в русских иллюстрированных изданиях еще не бывало» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 173); аналогичная оценка давалась и в «Журнальных отметках» «Русского инвалида» (РИ, 1844, 12 ноября, № 256, с. 1023). Рисунок Гагарина к 10-й главе «Тарантаса» — «Нечто о словесности», — изображавший «жалкого фигляра», который «коверкается и пляшет» «на толкучем рынке чужого ума», был карикатурой на Сенковского, о чем говорят и некоторое сходство «фигляра» с известным гравированным портретом Сенковского 1840-х гг. (воспроизведен в изд.: *Сенковский* (*Барон Брамбеус*). Собр. соч., т. I. СПб., 1858) и надписи на образующих подмостки книгах: «Жул Жанен. Балсак. Скрып. Думас. Сю», — искаженные имена французских писателей, которым Сенковский во многом подражал. Так, его «Незнакомка» была подражанием «Асмодею» Жюля Жанена, а «Большой выход у Сатаны» — «Дьявольской комедии» Бальзака (см.: *П⟨авли⟩щ⟨е⟩в Н.* Брамбеус и юная словесность. — Московский наблюдатель, 1835, ч. II, июнь, кн. 1

и 2), манера критических разборов напоминала прежде всего Ж. Жанена (см.: Белинский, т. VI, с. 352). В водевиле «Сей и оный» (1839; см. комментарий к с. 185) о Сенковском говорилось в таких выражениях:

Как сноровливый писака,
Не хватило своего,
То потреплет у Бальзака,
То у Виктора Гюго.
Жюль Жанену также место,
И потом, без дальних дум,
В фантастическое тесто
Запечет французский ум.

(СП, 1839, 11 июля, № 152, с. 607; ср. также: наст. изд., т. VIII, с. 94, 732). Об этом рисунке и его интерпретациях см. статью А. Кантора «Григорий Гагарин — иллюстратор „Тарантаса“» и примечания А. Немзера в приложении к факсимильному изданию: *Соллогуб В. А.* Тарантас. Изд. 2. М.: «Книга», 1986, с. 19, 37, 44, 51 отд. паг.

Некрасов, находивший многие страницы «Тарантаса» «превосходными», не был, однако (так же, как и Белинский), согласен со славянофильскими суждениями Соллогуба и замечал в рецензии на «Тарантас», что «в этом случае ⟨...⟩ картинка совершенно убила текст» (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 201; ср.: Белинский, т. IX, с. 110).

С. 215. *...партии могут существовать только между теми, которые защищают какое-либо мнение...* — Позднее в отделе «Дагерротип» «Литературной газеты» была помещена анонимная статья «О партиях в русской литературе», констатировавшая происшедшее уже в русской журналистике разделение на две противостоящие партии — «*движения* и *охранения существующих идей*»; в ней, в частности, говорилось: «...партия есть собрание лиц, имеющих одинаковое мнение о каком-либо предмете ⟨...⟩ литературная партия есть соединение людей, имеющих одинаковое мнение о цели и средствах литературы, имеющих свои определенные понятия об изящном, о поэзии, о духе времени и направлении, которому должно следовать для достижения возможного совершенства в своих произведениях. Значит, очень естественно, что писатели делятся на партии ⟨...⟩ Нет! не вреден дух литературных партий. Он есть признак размышления, признак движения умов, столь необходимого для всякой литературы, тем более для нашей, младенческой...» (ЛГ, 1845, 10 мая, № 17, с. 299—300).

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

(С. 215)

Печатается по тексту первой публикации с исправлением явных ошибок в перепечатке стихотворения Бенедиктова из «Финского вестника».

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 1 марта, № 8, отд. «Дагерротип», с. 148, без подписи.

В собрание сочинений включено впервые (в отдел «Dubia»): ПСС, т. 5, с. 586—587.

Автограф не найден.

Приписывается Некрасову на основании его свидетельства об участии в «Дагерротипе» и по пародийно-юмористическому характеру заметки, близкой к циклу заметок «Падающие звезды» и выступлениям Некрасова под маской *Нового поэта*.

Насмешками над вычурным стилем В. Г. Бенедиктова фельетон перекликается с известной статьей Белинского «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (1835).

С. 215. *В новом журнале «Финский вестник»...* — Журнал «Финский вестник» начал выходить в Петербурге с 1845 г. «Лестный отказ» В. Г. Бенедиктова напечатан в № 1 журнала, с. 14—15.

С. 217. *У нас также есть «Отказ», сочиненный одним молодым человеком, подающим большие надежды, который мы скоро представим читателям.* — Обещание, типичное для юмористических заметок Некрасова и фельетонов *Нового поэта*, писавшихся при участии Некрасова. Оно не было выполнено.

1846

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

(С. 218)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 1, отд. IV, с. 77—79, без подписи.

В собрание сочинений Некрасова включается впервые.

Автограф не найден.

Принадлежность этой части «Современных заметок» Некрасову обоснована (НЖ, с. 137—138) по следующим данным: 1) фрагмент о петербургских цирках (тема, к которой Некрасов обращался много раз как в прозаических, так и в стихотворных фельетонах), составляющий весь комментируемый текст, включает в себя часть стихотворного фельетона Некрасова «Новости» («Уныло мы проходим жизни путь...» — см.: наст. изд., т. I, с. 26, 577); 2) отношение к цирку автора данного фрагмента не совпадает с отношением к нему, выраженным в начале «Современных заметок», которое принадлежит другому автору (И. С. Тургеневу); 3) способ включения стихов в текст фельетона типично некрасовский (см. реальный комментарий).

1 (13) марта 1847 г. В. Г. Белинский писал И. С. Тургеневу: «Теперь фельетон поверен человеку порядочному, но это все — не Вы, мой бесценный Иван Сергеевич, уж такого фельетона, какой был в 1 № „Современника“, не дождаться нам раньше Вашего возврата в Питер» (Белинский, т. XII, с. 344—345). Это упоминание Белинского послужило основанием для включения значительной части «Современных заметок» январского номера «Современника» 1847 г. в число статей, приписываемых И. С. Тургеневу.

Степень участия Тургенева в «Современных заметках» этого номера журнала Некрасова определяется тургеневедами по-разному и весьма произвольно; в академических изданиях от них отсечены

известия о парижских театрах, о комиссионерской конторе Языкова и информация от редакции «Современника» (Тургенев 2, Соч., т. I, с. 281—290, 517). Известия от редакции, действительно лишь «механически присоединенные» к обозрению петербургской жизни (см.: Боград Совр., с. 478—479), помещаются в т. XIII наст. изд.

С. 218. *Упомянув об Лежаре и Гверре...* — Имеются в виду слова в начале фельетона «Теперь нас преимущественно занимают и волнуют цирки» — тезис, не получивший развитие в *тургеневской* части фельетона. Цирки французского антрепренера Лежара и испанца Чеферино Гверры (1815—1884) гастролировали в Петербурге в 1846—1847 гг. Рекламные статьи, посвященные этим циркам, см.: СП, 1846, 6 ноября, № 251; РИ, 1846, 23 ноября, № 262. Весной 1847 г. Ф. В. Булгарин в связи с приближавшимся окончанием гастролей Лежара напечатал в фельетоне «Журнальная всякая всячина» стихи собственного сочинения:

Цирколюбцы, плачьте с жаром
И прощайтеся с Лежаром!
Лишь наступит первый Май,
Он оставит русский край,
Нашу славную столицу,
И уедет за границу...

(СП, 1847, 29 марта, № 69, с. 275,
ср.: Белинский, т. X, с. 176)

С. 218. *Какой-то поэт, не печатающий своих стихов ∾ сказал об нас...* — Таким способом анонимной автоцитации Некрасов пользовался часто. Ср., например, введение им цитаты из «Говоруна» в фельетоне «Петербургские дачи и окрестности» (1844), где говорится о скачках труппы Сулье: «Вот как описывает прошлогоднее „чрезвычайное“ представление один петербургский старожил:

Как все, страстей игралище...» и т. д. (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 92), тот же прием — в фельетоне «Черты для характеристики петербургского народонаселения» (1844 — там же, с. 121).

С. 218. *Визиты, поздравления и...* — Последнее слово в этом стихе — «разводы» — в этой публикации было, очевидно, вычеркнуто цензором (наст. изд., т. I, с. 202, 584).

НОВЫЙ ПОЭТ

(С. 219)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № I (ценз. разр. 30 дек. 1846 г.), отд. IV, с. 64—71, без подписи.

В собрание сочинений Некрасова включается впервые.

Автограф не найден.

Фельетон и весь цикл опубликованных в нем стихотворений («Могила», «Серенада», «Прогресс», «К***», «Requiem», «Она стояла у окна...») — пародий на В. Г. Бенедиктова, Ф. А. Кони, Н. В. Кукольника, Н. М. Языкова и на многочисленные русские подражания поэзии Г. Гейне включены в посмертное «Первое Полное собрание

сочинений» И. И. Панаева (т. V. СПб., 1889). Участие Некрасова (вместе с Панаевым) в работе над журнальной маской *Нового поэта* и первой «декларацией» — автохарактеристикой этого постоянного персонажа коллективных и индивидуальных фельетонов и рецензий обоих редакторов «Современника» установлено: НЖ, с. 102—106. Основные аргументы в пользу соавторства Некрасова: причастность к созданию журнальной маски *Нового поэта* и его «литературному наследию», перекличка прозаической части фельетона с некрасовскими «Хроникой петербургского жителя» (1844) и позднейшими рецензиями (см. реальный комментарий). Стихотворения фельетона, не вызывающие сомнения в принадлежности Панаеву, в комментируемом тексте опускаются. На характере «автохарактеристики» *Нового поэта,* возможно, сказалось влияние фельетонного объявления Ф. М. Достоевского «Зубоскал» (1845), написанного по заказу Некрасова и, возможно, им редактированного.

С. 219. *Я ни умен, ни глуп ∾ с женатым я женат, с холостым — я холост.* — Ср. стихотворение Некрасова «Он у нас осьмое чудо...» (1845 — наст. изд., т. I, с. 33).

С. 220. *Индижестия* — пресыщение, несварение желудка (от. *франц. indigestion*).

С. 220. *...забегаю к Излеру...* — Имеется в виду кондитерская И. И. Излера (1811—1877), существовавшая с 1840 г. на Невском проспекте, против Гостиного двора. Посетитель этой кондитерской имел возможность ознакомиться со свежими газетами и журналами.

С. 221. *«Journal des Débats».* — Имеется в виду «Journal des Débats politiques et littéraires» — французская газета, правительственный орган, выходила в Париже с 1789 по 1864 г.

С. 221. *«Хвала! он ∾ жребий указал!»* — Слегка искаженная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Наполеон» (1821—1824):

Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал.

С. 221. *«Прошли те дни, как взмах его руки».* — Цитата из стихотворения В. Г. Бенедиктова «Ватерлоо» (1836).

С. 221. *Заговорили о французах — я тотчас: народ ∾ ветром подбитый...* — Реминисценция из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», где Чацкий говорит: «А Гильоме, француз, подбитый ветром?» (д. I, явл. 7).

С. 221. *...ругну Жорж Санд: сигарету курит, ходит в мужском костюме...* — Французская писательница Жорж Санд (псевд. Авроры Дюдеван, 1804—1876), поборница женских прав, отличалась экстравагантной манерой одеваться. Ср. в стихотворении Некрасова «Прекрасная партия» (1853):

И строго осуждал Жорж Санд,
Что носит панталоны...

(наст. изд., т. I, с. 107)

С. 221. *...вычитал их в субботних фельетонах «Северной пчелы»...* — Имеются в виду фельетоны редактора газеты «Северная пчела» Ф. В. Булгарина, печатавшиеся под рубрикой «Всякая всячина».

С. 222. *Сколько их! сколько их! От Бенедиктова, Языкова, Хомякова, Ростопчиной до Падерной и Шарша.* — Имеются в виду Н. М. Языков (1803—1846), А. С. Хомяков (1804—1860), Е. П. Ростопчина (1811—1858) и малоизвестные поэты 1830—1840-х годов М. Падерная и П. Шарш. Ср. юмористические укоризны *Новому поэту* — «неумолимому ценителю поэзии» и сожаление в стихотворном «плаче» Некрасова «Мне жаль, что нет теперь поэтов...», помещенном в его рецензии на «Дамский альбом» (1854):

Что нету госпожи Падерной,
У коей был талант примерный...

(наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 102).

В юмористическом стихотворении Некрасова «Послание к поэту-старожилу» из другой рецензии высказывается надежда, что

...может быть, проснется Шарш
И отзовется Печенегов!

(там же, с. 114)

С. 222. *...особенно любил я ∾ Кукольника...* — Н. В. Кукольник (1809—1868), поэт, беллетрист, автор ультраромантических «драматических фантазий», «драматических представлений», высмеивавшихся Белинским и Некрасовым.

С. 222. *Мне казалось, что не могу ни так чувствовать, как Бенедиктов, ни так предаваться разгулу, как Языков ∾ порывы ∾ злобы и ревности набегали не раз и на мою душу, — и между тем ничего похожего! Как у них все широко, глубоко, могущественно! А мы, мы люди темные, чувствуем просто, кутим просто; где нам до них!* — Ср. сокрушенное признание и угрызения «писательского» самолюбия героя некрасовской «Хроники петербургского жителя» (1844) Пружинина, пытавшегося освоить «высокий слог»: «Не рожден я ни к чему высокому, и Матрена Ивановна не рождена тоже: мы даже роста с ней низкого... Досадовал, крепко досадовал прежде... Отчего, думаю, один верзило такой ходит, задрав нос, и смотреть на тебя не хочет... а хочешь ты на него взглянуть, голову подними... а другой дрянь дрянью, не различишь от земли... даже самому гадко! Ведь такой же, думаешь, человек... И, бывало, так даже ропщешь на несправедливость судьбы...» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 55). Ср. также пародию Некрасова — *Нового поэта* «Ревность» (1846 — наст. изд., т. I, с. 446).

С. 222. *...и уже видел перед собою разрушающийся Альбион, слышал вопли и стенания униженной гордости, звон злата, погубившего преступных стяжателей, видел другую страну, возникающую, полную славы и чудес...* — Образы и картины «прорицательных», по выражению В. Г. Белинского (Белинский, т. VIII, с. 470), стихотворений А. С. Хомякова, входивших в его сборник «КЕ стихотворений А. С. Хомякова» (М., 1844).

С. 223. *«Прогресс».* — Формальной основой для пародии послужило стихотворение Н. М. Языкова «Малага». Напечатанное впервые в «Современнике» (1841, т. 24), оно вошло в сборник «56 стихотворений Н. М. Языкова» (М., 1844). «Рассказывая в удалых стихотворениях более всего о своих попойках, — писал В. Г. Белинский в рецензии на этот сборник, — г. Языков нередко рассуждал в них и о том, что пора уже ему охмелиться и приняться за дело. Это благое намерение,

или, лучше, эта охота говорить в стихах об этом благом намерении, сделалась новым источником для его вдохновения, обратилась у него в истинную манию и от частого повторения превратилась в общее реторическое место. Обещания эти продолжаются до сих пор; все давно знают, что наш поэт давно уже охмелился; публика узнала даже (из его же стихов), что он давно уже не может ничего пить, кроме рейнвейна и малаги; но дела до сих пор от него не видно!» (Белинский, т. VIII, с. 459).

Отрицательное мнение Белинского о стихотворном сборнике Языкова было поддержано в фельетоне «Русского инвалида», принадлежащем, очевидно, Некрасову (наст. кн., с. 423, № 44).

«Прогресс», так же как и «К друзьям» (наст. кн., с. 189), как идейно-тематически, так и стилистически сочетается с другими некрасовскими пародиями на Языкова: «Послание к соседу» (1844) и «Послание к другу (из-за границы)» (1845), в котором, кстати, пародируются отдельные строки из «Малаги» Языкова (наст. изд., т. I, с. 576). Вместе с тем злая пародия, несущая в себе и общественно-политический подтекст (НЖ, с. 34, 102—103), не характерна для И. И. Панаева, пародии которого, как правило, — всего лишь иронические подражания авторам слабых стихов.

С. 223. *Я человек нравственный...* — Форма сатирического саморазоблачения героя, которую Некрасов использовал еще раз в стихотворении «Нравственный человек» (1847).

С. 224. *...один литератор и притом весьма знаменитый уже внял ее голосу...* — Возможно, имеется в виду графиня Е. П. Ростопчина, публиковавшая свои стихи с пометами «Село Анна», «Вороново» и т. д.

С. 224. *А. Славин* — псевдоним писателя и актера А. П. Протопопова (1814—1867). В дальнейшем «Современник», упоминая «оригинальные сочинения» Славина, называл их «вовсе не относящимися к литературе, хотя они существуют в печати» (С, 1849, № 10, отд. III, с. 107; № 5, отд. III, с. 56).

С. 224. *А. Станкевич* — А. В. Станкевич (1821—1912). В мартовском номере «Современника» 1848 г. была напечатана его повесть «Ипохондрик».

С. 225. *...со времени «Воскресных посиделок» г. Бурнашева в русской литературе не запомнят такого явления.* — Ср. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 173, 419.

С. 226. *Больше ничего // Не выжмешь из рассказа моего.* — Заключительные строки поэмы А. С. Пушкина «Домик в Коломне» (1830).

1847

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

(С. 227)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 12 (вып. в свет 1 дек. 1847 г.), отд. IV, с. 187—194, 204—207, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Мнение о принадлежности Некрасову (при возможном участии И. И. Панаева) обосновано (НЖ, с. 113—118) по следующим данным: свидетельство самого Некрасова о своей причастности к «Письму Нового поэта...» в фельетоне и связь «Письма Нового поэта...» с фельетоном Некрасова «„Теория бильярдной игры“ и Новый поэт» (1847); перекличка фельетонов комментируемых «Современных заметок» с другими произведениями Некрасова (см. ниже).

Литературная часть «Современных заметок» декабрьского номера «Современника» 1847 г. составлена из пяти вполне самостоятельных фельетонов, названия которых даны в качестве подзаголовка к названию рубрики: «Письмо Нового поэта к издателям „Современника“. — Выбранные места из приятельских писем. — Литературные новости. — Театральные новости. — О журнальных объявлениях и обещаниях». «Выбранные места...», несомненно принадлежащие Некрасову, помещены в кн. 1 наст. тома (с. 279). Автором третьего и четвертого фельетонов мог быть только что вернувшийся из-за границы после лечения В. Г. Белинский (см. об этом: НЖ, с. 122). Последний из этих фельетонов — «О журнальных объявлениях...» носит редакционный характер и написан при несомненном участии Некрасова.

«Письмо Нового поэта...», которым открывается литературная часть «Современных заметок», — акт острейшей конкурентной борьбы нового «Современника» с «Отечественными записками» А. А. Краевского, утратившими с момента перехода в «Современник» Белинского, Некрасова, Панаева, А. В. Никитенко и ряда других сотрудников господство в русской журналистике.

16 сентября 1847 г. Краевский напечатал в газете «Московские ведомости» объявление об издании «Отечественных записок» на 1848 г., которое было повторено в той же газете от 16 октября и 22 ноября. Отпечатанное отдельной брошюрой, это же объявление было приложено к № 11 «Отечественных записок» 1847 г. Объявление изобиловало язвительными выпадами против «Современника» и его редакции, а данный в нем список участников издания свидетельствовал о том, что крупнейшие русские писатели и ученые (В. П. Боткин, А. Д. Галахов, И. А. Гончаров, В. И. Даль, Ф. М. Достоевский, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, И. С. Тургенев), сотрудничающие в «Современнике», не отказываются от участия в журнале Краевского.

В письме к Н. Х. Кетчеру от 4 ноября 1847 г. Некрасов писал: «Скажу тебе, любезный друг, что объявление в 11-м номере „Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исок⟩“ (где означены заготовленными статьи многих наших сотрудников самых капитальных и на которых основывался перевес нашего журнала) нас чрезвычайно сконфузило. Я еще понемногу креплюсь, но Белинский впал в совершенное уныние, которое в самом деле весьма основательно. Как ни смотри на дело, а „Совр⟨еменник⟩“ все-таки находится в соперничествующем отношении к „От⟨ечественным⟩ зап⟨искам⟩“».

5 ноября 1847 г. Белинский писал В. П. Боткину: «Вчера я увидел в „Отечественных записках“ страницу, наполненную обещанием статей для будущего года: она меня, что называется, положила в лоск. Кавелин и Грановский как будто уговорились с тобою губить „Современник“, отнимая у него своим участием в „Отечественных записках“ возможность стать твердо на ноги» (Белинский, т. XII, с. 405—406).

«Письмо Нового поэта...» в «Современных заметках» декабрьского номера «Современника» 1847 г. — ответ на объявление Краевского. Его содержание вызвало упреки по адресу Некрасова со стороны официального редактора «Современника» А. В. Никитенко. Отвечая на письмо Никитенко (текст его остается пока неизвестным), Некрасов писал 8 декабря 1847 г.: «1-е) Не мы начали, а Краевский. Уже четвертый месяц по всей России рассылается его объявление, наполненное самыми грубыми выходками и *клеветами* на нас. 2-е) Все, что у нас сказано о Краев⟨ском⟩ и его объявлении, *сущая истина*, которую вполне оправдает время, а что эта истина довольно тяжка — не наша вина; а что мы взялись ее раскрыть, тут, может быть, мы немного виноваты, но ведь он перед нами несравненно больше виноват, ибо имел своим объявлением нанести нам существенный вред и бросить на нас дурную тень».

В составлении фельетона «О журнальных объявлениях...», откровенно выражающего мнение редакции «Современника», помимо Некрасова могли участвовать Белинский и Панаев. Однако Некрасову — по свидетельству А. Н. Пыпина, неизменному автору и соавтору редакционных материалов, в которых велась полемика с конкурирующими периодическими изданиями (*Пыпин А. Н.* Н. А. Некрасов. СПб., 1905, с. 243), — принадлежит, очевидно, ведущая роль.

С. 227. *В прошлом месяце получили мы по городской почте небольшую статью о новой книге «Теория бильярдной игры»...* — См. фельетон Некрасова «„Теория бильярдной игры" и Новый поэт» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 273).

С. 227. *Несколько стихотворений моих и драма «Поэт Петров» были помещены в «Отечественных записках» 1843 года.* — Первая совместная публикация стихотворных пародий *Нового поэта* (Некрасова и Панаева) под рубрикой «Литературные и журнальные заметки» состоялась в № 1 «Отечественных записок» 1843 г. (см. наст. кн., с. 188 и 366; в комментируемом примечании в «Современнике» опечатка: вместо 1843 г. здесь 1845). *Драма «Поэт Петров»* — имеются в виду «два отрывка» из «драматической повести» «Лирик Петров, или Поэт и люди», напечатанные в № 4 «Отечественных записок» 1843 г. (отд. VIII, с. 122—129). Помимо И. И. Панаева, которому обычно приписывается это произведение, автором или соавтором «Петрова» мог быть и Некрасов (подробнее см.: НЖ, с. 95—96).

С. 228. *Я ∾ пишу вследствие «личной потребности внутреннего очищения»...* — Здесь пародийно использована формулировка Ю. Ф. Самарина, относящаяся к Н. В. Гоголю. В полемической статье «О мнениях „Современника" исторических и литературных» публицист «Москвитянина» следующим образом пытался объяснить тот факт, что Гоголь «первый дерзнул ввести изображение пошлого в область художества»: «С его стороны это было не одно счастливое внушение художественного инстинкта, но сознательный подвиг целой жизни, выражение личной потребности внутреннего очищения» (М, 1847, № 2, с. 193). В статьях «Ответ „Москвитянину"» (С, 1847, № 11) и «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (С, 1848, № 1) Белинский цитировал ту же формулировку и высмеивал ее (Белинский, т. X, с. 261, 288).

С. 228. *Г-н К., фельетонист «СПб. Ведомостей», слово «эрудиция» переводит словом «ученость» ∾ я никак не могу согласиться с ним, чтобы слово «ученость» вполне и всегда заменяло слово «эрудиция».* — Имеется в виду фельетон Ф. Ф. Корфа «Петербургская летопись»,

подписанный криптонимом «К», в котором автор, полемизируя с «Русским инвалидом», выступает против крайностей в идеях славянофилов и поклонников Запада. Возражая автору «Петербургской хроники» в № 231 «Русского инвалида» 1847 г., выражающему западнические идеи, фельетонист «Санктпетербургских ведомостей», в частности, писал: «Мы полагали доселе, что „область мышления“ у наших соотечественников по крайней мере равна области мышления народов Запада: что мы в массе отстали от Запада только в науках; а теперь узнаем, что мы, русские, сверх того и туповаты. Вероятно, не то хотел сказать автор фельетона, что у него сказалось. Иностранные слова необходимы, по мнению г. фельетониста, потому, что у нас не существует понятий, которые выражаются этими словами. Смеем думать, что это не совсем справедливо; полагаем, что всякий русский имеет полное понятие о каких-нибудь „началах“, и уверены, что заменение этого слова непонятным для русского „принципом“ не научит его решительно ничему. Полагаем, что „ученость“ скорее уложится в русской голове, нежели „эрудиция“...» (СПбВ, 1847, 16 ноября, № 263, с. 1191). В следующем номере «Современника» к полемике об употреблении в журнальных статьях иностранных слов, в частности слова «прогресс», вернулся В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (Белинский, т. X, с. 280—281, 460).

С. 228. *Вдохновение душит меня, исполинские, колоссальные образы восстают передо мною...* — Ср. аналогичный прием имитации экзальтированного состояния ультраромантического стихотворного «извержения» в рецензиях Некрасова на сборник «Русский патриот» и альманах «Новоселье» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 41, 242).

С. 228. *В груди моей и буря и смятенье* ∾ *И потому такая сила в нем.* — Стихотворная пародия на известное лирическое отступление из одиннадцатой главы т. 1 поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». У Гоголя: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприютно в тебе ⟨...⟩ Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? ⟨...⟩ Что зовет и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?...» (Гоголь, т. VI, с. 220—221). Пародийные выпады по поводу этого фрагмента произведения Гоголя встречаются у других представителей *натуральной школы* (см.: Белинский, т. VI, с. 280; т. X, с. 288; Достоевский, т. I, с. 129, 252, 349, 494; ср. также наст. кн., с. 134).

С. 228. *...как сказал некогда о себе один русский писатель: «Я знаю Русь — и Русь меня знает!»* — Имеются в виду слова Н. А. Полевого в авторском предисловии к изданному отдельной книгой роману «Клятва при гробе господнем»: «Я ⟨...⟩ Русь знаю, Русь люблю и ⟨...⟩ Русь меня знает и любит» (ч. 1. М., 1832, с. IX). Эта фраза Полевого часто вызывала насмешки писателей и критиков (см., например: Белинский, т. III, с. 500; т. IX, с. 295; Достоевский, т. V, с. 63).

С. 229. *Шармер* — модный петербургский портной.

С. 229. *Дюссо* ∾ *Дюме* — петербургские рестораторы.

С. 230. *...один ученый журналист, на глубокомысленном челе которого, кажется, начертано огненными буквами: «истина в науке, истина в искусстве, истина в жизни», единственный из журналистов, идущий по пути прямому, открытому...* — Имеется в виду

объявление А. А. Краевского «Об издании „Отечественных записок" в 1848 году», где, в частности, говорилось, что редактор этого журнала работает, «передавая читателям, по возможности, все, что только встречалось замечательного в науке, литературе, жизни общественной, и имея в виду одну мысль, одну цель — истину в науке, истину в искусстве, истину в жизни» (МВ, 1847, 16 окт., № 124, с. 938). В другом месте этого объявления Краевский, резюмируя «толки» «Современника» в течение года об уничтожении «Отечественных записок», писал: «К чему ⟨...⟩ повели такие хитросплетения? — К выгоде этих же самых „Отечественных записок"! Итак, да послужит этот случай спасительным уроком для тех, кто в журнальном деле предпочитает извилистый путь прямому и открытому» (там же, с. 937). Это высокопарное выражение на многие годы стало для редакторов «Современника» Некрасова и Панаева формулой, вызывающей в сознании читателей сатирический образ А. А. Краевского и редакции «Отечественных записок». Так, в фельетоне «Грезы и видения Нового поэта», помещенном в № 7 сатирического приложения к «Современнику» «Свисток» (С, 1861, № 1), *Новому поэту* «пригрезились», в частности, наиболее нескромные фрагменты из объявлений русских журналов о подписке на 1861 г. Появлению этих фрагментов в «сонном» сознании *Нового поэта* предшествуют «шум в ушах, какие-то неясные крики и отдельные слова; „журналистика, литература, искусство для искусства, истина в искусстве, истина в науке, истина в жизни, прогресс, цивилизация, современные вопросы..."» (Свисток, с. 208). В сатирическом фельетоне Некрасова «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности», открывавшем № 7 «Свистка», читателям «Современника» были обещаны, в частности, «Три лекции А. Украинского, которые будут читаны в зале Пассажа в пользу новозадуманного Общества для сдирания шкуры с живых и мертвых...». «Истина в науке»; «Истина в искусстве»; «Истина в жизни» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 349).

С. 230. *...забегал ко мне с просьбою удостоить его чести быть сотрудником его журнала в 1848 году.* — О подобных визитах к московским литераторам А. А. Краевского, пытавшегося опередить редактора «Современника», Некрасов рассказывал в письме к В. Г. Белинскому, И. С. Тургеневу и П. В. Анненкову от 24 июня 1847 г.

С. 230. *...закуривая регалию-«Казадорес»...* — Название табачной фирмы.

С. 230. *У вас сотрудников и без того много... Редакция ваша не изменилась, сотрудники все те же...* — Здесь иронический намек на слова Краевского в объявлении: «Теперь она (публика. — *Ред.*) сама может видеть, на чьей стороне была истина, сама может судить, утратилось ли хоть сколько-нибудь достоинство „Отечественных записок" в 1847 году, несмотря на то что, как старались уверить ее, они лишились главных своих сотрудников, — изменилось ли хоть сколько-нибудь направление журнала, ослабели ли редакция и главные ее сотрудники в своей деятельности, был ли недостаток в материалах и пр. и пр.» (МВ, 1847, 16 окт., № 124, с. 937).

С. 230. *Драма моя «Басманов, или И дым отечества нам сладок и приятен» почти совсем окончена, но эта драма продана мною...* — Впервые эта драма *Нового поэта* упоминается в «Современных заметках» Некрасова, напечатанных в № 7 «Современника» 1847 г. (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 259). Это «произведение» *Нового поэта* не было напечатано.

С. 230. *...журнал должен приобрести внимание публики скорее достоинствами своих статей, нежели именами авторов...* — Скрытая цитата из объявления о подписке на «Литературную газету» 1848 г., повторенная уже в виде фрагмента объявления в части фельетона «О журнальных объявлениях и обещаниях» (см. далее, с. 238).

С. 231. *Я и прошлый год объявил о двадцати статьях известнейших литераторов, а ∾ напечатаны только две...* — Некоторые обещанные Краевским подписчикам «Отечественных записок» на 1847 г. произведения не появились в этом журнале в связи с согласием их авторов участвовать в новом «Современнике». Так, роман А. И. Герцена «Кто виноват?», первая часть которого печаталась в «Отечественных записках» 1846 г., в полном объёме (две части) вышел в качестве приложения к январскому номеру «Современника» 1847 г.

С. 231. *Статьи, обещанные в объявлении, можно будет заменить, например, романчиком Дюма.* — В «Отечественных записках» 1847 г. печатался роман А. Дюма-отца (1803—1870) «Две Дианы» (1846—1847) (№ 3—12). Кроме этого, в течение года в этом журнале печатались переводы романа «Лукреция Флориани» (1846) Ж. Санд и «Домби и сын» (1847) Ч. Диккенса.

С. 232. *Один из них напечатал недавно, что г⟨оспода⟩ Мишле и Луи-Блан сошли с ума, а г. Ламартин написал свою «Историю жирондистов» единственно потому, что он весь в долгу и что ему нужны деньги.* — Имеется в виду Ф. Ф. Корф, автор «Петербургской летописи» в «Санктпетербургских ведомостях», подписавшийся криптонимом «К», который передавал содержание статьи парижской «Иллюстрации» от 27 сентября 1847 г. с описанием характера лекций французского историка Жюля Мишле (1798—1874) по истории французской революции. В них профессор «рассказывает ⟨...⟩ трогательную повесть о том, что он встал в 4 часа и думал о человечестве и сожалел, что на дворе холодно, приглашал слушателей идти на площади для изучения человеческого сердца...» (СПбВ, 1847, 5 окт., № 227, с. 1031). Поводом для замечания о французском поэте и общественном деятеле Альфонсе Ламартине (1790—1869) послужил, очевидно, другой фельетон «К», в котором он писал: «...с тех пор как литература на всем земном шаре обратилась в коммерческий оборот, то и нечего дивиться тому, что она приняла все привычки и ухватки торгашей. Какая, скажите, например, надобность читателям французского журнала „La presse“ знать, что редакция приобрела для фельетона сочинение Ламартина, заплатив за него 40 000 франков...» (СПбВ, 1847, 21 сент., № 215, с. 978).

С. 233. *Тонкое перо мое, помоченное в опиум чернил, разведенных слюною бешеной собаки...* — реминисценция эпиграммы А. С. Пушкина на М. Т. Каченовского (1824):

Охотник до журнальной драки
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюною бешеной собаки.

С. 233. *«Кто не может носить название современного человека по понятиям наших дородных журналистов ∾ Если вы не философствуете, то вы не современный человек».* — Цитата из фельетона «Петербургская летопись» в «Санктпетербургских ведомостях», подписанного криптонимом «К» (СПбВ, 1847, 2 ноября, № 251, с. 1137).

С. 234. *Меня более всего умиляет и трогает симпатия, связующая юного фельетониста ∾ с другим заслуженным петербургским фельетонистом, который с такою благородною горячностию ратует за искажение прекрасного и богатого русского языка и горой стоит за «правду».* — Имеется в виду Ф. В. Булгарин, который следующим образом выражал солидарность с фельетонистом «Санктпетербургских ведомостей»: «Теперь, к величайшему нашему удивлению, мы видим, что фельетон „Санктпетербургских ведомостей" должен был опровергать „доктрину" (натуральная школа полагает, что «учение» не так хорошо, как «доктрина»), проповедываемую в фельетоне „Русского инвалида", который гласит, будто бы русский язык, „недостаточен для выражения нынешних идей" и что надобно непременно ввести в русский язык новые слова из „гуманных элементов человечных сюжетов, индивидуальной единичности и субъективных интересов"! Пусть бы эти господа натуралисты бредили своею тарабарскою грамотою про себя и созидали противоязычие для домашнего обихода. Это было бы только смешно, но ⟨...⟩ они проповедуют свое учение (или «человечную доктрину») в фельетоне „Русского инвалида", в „Отечественных записках", в „Литературной газете", в „Современнике" и в „Московском городском листке", то есть, что они овладели большим пространством русской журналистики» (СП, 1847, 22 ноября, № 265, с. 1057).

С. 235. *В кратком и красноречивом предисловии к первому изданию поэмы г. Подолинского «Див и Пери» было между прочим сказано: «Это такой цветок ∾ не полюбовавшись».* — Имеется в виду подписанная В. И. Кречетовым, школьным учителем словесности, заметка «От издателя» к названной в комментируемом тексте книге, которая заканчивалась следующими словами: «...мне, некогда делившемуся с сочинителем моими скудными познаниями в российской словесности — да позволят читатели сказать, что поэма „Див и Пери" в расцветающем вертограде нашей поэзии есть такой цветок, мимо которого нельзя пройти, не полюбовавшись» (*Подолинский А.* Див и Пери. Повесть в стихах. СПб., 1827, с. 1).

В. И. Кречетов был наставником не только А. И. Подолинского (1806—1886), но и М. И. Глинки и И. И. Панаева. В «Литературных воспоминаниях» Панаева упоминается издание Кречетовым поэмы Подолинского с той же цитатой из заметки «От издателя» (*Панаев.* Литературные воспоминания, с. 31). Комментируемый фрагмент, очевидно, принадлежит И. И. Панаеву.

С. 235. *...мне не нравится, что у этих остроумных фельетонистов, пишущих вследствие «задушевных убеждений, которые есть плод долгих соображений духовной жизни» (см. фельетон «СПб. ведомостей» 16 ноября, № 263), с языка не сходят толстые журналы...* — Имеются в виду слова фельетониста «Санктпетербургских ведомостей»: «...мне не могло прийти в голову, что моим задушевным убеждениям может быть дан такой превратный смысл. А чем же нам и дорожить в свете, если не убеждениями нашими, плодом долгих соображений, нашею духовною жизнию?» (СПбВ, 1847, 16 ноября, № 263, с. 1192).

С. 236. *...Camaraderie! Camaraderie! батюшка...* — Намек на неоднократно использованный Белинским эпизод из литературной биографии Булгарина. Подробнее см.: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 447.

С. 236. *Смеяться не грешно над тем, что смешно.* — Неточная цитата из стихотворения Н. М. Карамзина «Послание к А. А. Плещееву» (1796). У Карамзина:

Смеяться, право, не грешно
Над всем, что кажется смешно.

С. 236. *«Северная пчела» обещает «только следовать прежним путем»...* — Цитата из объявления о подписке на «Северную пчелу» 1848 г. (СП, 1847, 9 ноября, № 228, с. 911).

С. 236. *«Многие журналы отдавали „Сыну отечества“ справедливость ∾ в выборе статей ∾ и беспристрастии критики его».* — Здесь и далее цитируется объявление о подписке на «Сына отечества» 1848 г. (см.: СПбВ, 1847, 16 дек., № 286, с. 1294).

С. 237. *...капитан Куттль! как славно устраиваете вы судьбу молодого Гея!... Но лукавый Джой не дремлет...* — Здесь использованы имена героев романа Ч. Диккенса «Домби и сын», переводы которого одновременно печатались в 1847 г. в «Современнике» и «Отечественных записках».

С. 237. *Будет давать ∾ сочинения самого редактора г-на Масальского и таких сочинений выдаст пять.* — В объявлении указаны следующие произведения К. П. Масальского, готовящиеся к публикации в «Сыне отечества»: «Первая любовь последнего в роде», повесть из времен Екатерины Второй; «Быль 1702 года», повесть из времен Петра Великого; «Роман на ледяных горах», современный рассказ; «Повесть о том, как три неузнанных гения сочиняли натуральную повесть»; «Сей и этот, или Вражда братьев», кукольная мелодрама с пением, хорами, танцами, сражениями, превращениями и великолепным спектаклем.

С. 237. *Следует перечень статей ∾ и тут опять два ∾ сочинения г-на Масальского.* — В объявлении названы статьи Масальского: «Жизнь и последние минуты кабинет-министра императрицы Анны Иоановны Артемия Петровича Волынского» и «Юридическое преследование дела об убиении Димитрия в Угличе».

С. 238. *Кроме сочинений г-на Масальского он обещает еще повесть г-жи Каминовой, роман г-на Фурмана; не забыта даже старая рукопись, доставленная г. Булгариным.* — Имеются в виду обещанные редакцией произведения: «Надежды и действительность», повесть Е. Каминовой; «Год величия — целая жизнь страданий», исторический роман П. Фурмана, и «Записки действительного тайного советника Ивана Владимировича Лопухина, служившего при императрице Екатерине II, императоре Павле I и императоре Александре I». «Доставлением этой любопытной рукописи, — говорится в объявлении, — редакция „Сына отечества“ обязана Ф. В. Булгарину».

С. 238. *...перехожу ∾ к «Литературной газете»...* — Далее цитируется объявление об издании этой газеты на 1848 г. (ЛГ, 1847, 23 окт., № 43, с. 688).

С. 238. *Издатели «Северной пчелы» ∾ почитают вовсе не излишним заманивать их пышными обещаниями ∾ и вывескою в программе имен писателей известных или с предполагаемой известностью.* — Цитата из редакционного объявления об издании «Северной пчелы» на 1848 г. (СП, 1847, 9 ноября, № 228, с. 911).

С. 239. *...обещать «все достопримечательные события в мире и все новое, любопытное, полезное и значительное», все лучшее, все, что касается в обширнейшем смысле науки, искусства и жизни, даже самую истину во всех возможных видах гораздо легче, чем обещать и действительно напечатать в своем журнале несколько романов, повестей и ученых статей известных публике авторов.* —

Имеются в виду цитированные выше слова объявления А. А. Краевского об издании «Отечественных записок» в 1848 г.

С. 239. *Из обещанных статей не напечатаны повесть и ученая статья г. Искандера, но вместо них помещена (№№ «Совр⟨еменника⟩» 10 и 11) статья того же автора, о которой ничего не было сказано в программе на 1847 год...* — В объявлении об издании «Современника» на 1847 г. были обещаны повесть Искандера (А. И. Герцена) «Сорока-воровка» и работа «Новые вариации на старые темы» (цикл «Капризы и раздумье»). Повесть была напечатана в № 2 «Современника» 1848 г. Статья первая «Новых вариаций...» помещена в № 3 «Современника» 1847 г. Публикация цикла «Капризы и раздумье» в «Современнике» прекратилась в связи с отъездом автора за границу. Комментируемый отчет редакции «Современника» был отчасти вызван язвительным замечанием Ф. В. Булгарина в фельетоне «Журнальная всякая всячина»: «В русской литературе не слышно ничего нового, а замечательнее всего доверчивость и добродушие журнальной публики, которую программы приманивают именами писателей и обещают *несуществующих* статей! ⟨...⟩ А где же обещанные „Современником“ ряд статей о Гоголе и Лермонтове?

Ах, когда ж это случится?
После дождичка в четверг!

Прозри, добрая русская публика и убедись! Вспомни русскую пословицу: не сули журавля в небе, дай синицу в руки» (СП, 1847, 20 ноября, № 271, с. 1083).

В № 10, 11 «Современника» 1847 г. напечатаны герценовские «Письма из „Avenue Marigny“».

С. 240. *Напечатаны не все из обещанных статей г. Тургенева, но напечатано семь рассказов г. Тургенева, необещанных.* — В «Современнике» 1847 г. остались ненапечатанными обещанные редакцией произведения И. С. Тургенева: «Кольцов и Бёрнс», статья; «Маскарад», рассказ в стихах; «Филиппо Стродзи», поэма. Вместо них напечатаны следующие рассказы Тургенева из цикла «Записки охотника»: «Ермолай и мельничиха»; «Мой сосед Радилов»; «Однодворец Овсянников»; «Льгов»; «Бурмистр»; «Контора». Обещанный редакцией рассказ Тургенева «Русак» был напечатан под заглавием «Петр Петрович Каратаев».

С. 240. *...не напечатаны повесть Панаева и роман г. Некрасова, но издатели «Современника» долгом считают уступать место в своем журнале трудам других литераторов.* — Имеются в виду обещанные редакцией «Современника» повесть И. И. Панаева «Супруги» и роман Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». Редактор «Сына отечества» К. П. Масальский, раздраженный насмешками над его журналом авторов «Современных записок» и объявлением о подписке на «Сына отечества» 1848 г., парировал «выходки» «Современника» в статье «Ответ „Современнику“ и „Отечественным записками“», использовав, в частности, комментируемые оправдания издателей «Современника»: «...господа Некрасов и Панаев из учтивости во весь 1847 год представляли страницы „Современника“ одним своим сотрудникам в полной уверенности, что публика оценит такую тонкую деликатность и великодушно простит неисполнение обещания, напечатанного крупными буквами в программе». И далее: «В заключение приходит невольная охота пропеть куплеты из остроумного водевиля „Натуральная школа“, недавно наделавшего много шума в Петербурге:

Тут не ученость нужна, а призванье,
Сила и воля души;
Если признал кто в себе дарованье,
Просто — садись и пиши!»

(СО, 1848, № 2, отд. VI, с. 7, 11).

1850

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Александрынский театр

(С. 241)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1850, № 1 (ценз. разр. 31 дек. 1849 г.), отд. VI («Смесь»), с. 115—116, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Авторство Некрасова установлено В. А. Громовым (Орловская правда, 1991, 10 июня, № 47) по содержанию. Дополнительными аргументами в пользу авторства Некрасова являются сходство оценок драматического комедийного мастерства Тургенева с аналогичными суждениями Некрасова в рецензии «Театральные новости. Сентябрь 1849» (С, 1848, № 11) по поводу комедии «Холостяк» (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 341—344), упомянутой в комментируемой рецензии («Холостяк» — комедия в высоком значении этого слова — см. с. 241); смысловые и текстуальные совпадения сравнений комедий «Завтрак у предводителя» и «Холостяк», а также рассуждений по поводу особенностей сценического воплощения комедии «Холостяк» и ее достоинств, «заметных в чтении» (см. наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 342, 344; см. также наст. кн., с. 242). Авторство Некрасова подтверждается также имеющейся в комментируемой рецензии ссылкой на принадлежащее Некрасову же упоминание о предстоящем появлении «Завтрака у предводителя» на Александринской сцене (С, 1849, № 11, отд. VI («Смесь»), с. 139; наст. изд. т. XI, кн. 1, с. 341). Кроме того, в рецензии упомянут подзаголовок «Завтрака у предводителя»: «уездная сцена» (с. 241; ср. с подзаголовком комедии: «Сцена из уездной жизни», сохранившимся в типографских гранках, набранных в сентябре 1849 г. для октябрьской книжки «Современника»), известный Некрасову по рукописи пьесы и ее цензурной истории (см. об этом в письмах Некрасова к Тургеневу от 14 сентября и 8 ноября 1849 г.; Тургенев, Соч., т. III, с. 386).

Комментируемая рецензия по содержанию примыкает к «Театральным новостям. Сентябрь 1849», являясь как бы их продолжением, и посвящена анализу драматургического мастерства Тургенева.

Сделанный в ней акцент на различии «между произведением для чтения и произведением для сцены» (см. с. 242) обусловлен, очевидно, тем, что Некрасов намеревался опубликовать «Завтрак у предводителя» в октябрьской книжке «Современника» за 1849 г. и, судя по письмам

к Тургеневу от 14 сентября и 8 октября 1849 г., был заинтересован в этой публикации.

Атрибутируемый Некрасову отзыв о «Завтраке у предводителя», поставленном в бенефис П. А. Каратыгина 9 декабря 1849 г. в Александринском театре в Петербурге, соотносится с театральной критикой Некрасова: «Александринский театр» (1841), «Обозрения новых пьес, представленных на Александринском театре» (1841), «Петербургские театры» (1842), «Петербургские театры» (1843) (см. наст. изд. т. XI, кн. 1, с. 249—321) — и дополняет известные в литературе одобрительные отклики о комедии Тургенева, принадлежащие, в частности, Ф. А. Кони (Пантеон и репертуар русской сцены, 1850, № 1, отд. Театральная летопись, с. 26—27), Р. М. Зотову (СП, 1849, 22 дек., № 185), рецензенту «Отечественных записок» (1850, № 1, отд. VIII, с, 47—55; подпись: Вл. Ч.).

С. 241. *Бенефис П. А. Каратыгина-2 заставил нас забыть о недостатках своих предшественников...* — Бенефису П. А. Каратыгина, состоявшемуся 9 декабря 1849 г. в Александринском театре в Петербурге, предшествовали бенефисы Е. И. Гусевой, А. А. Григорьева, В. В. Самойловой, А. М. Максимова.

С. 241. *Первое место в этом бенефисе занимает новая комедия г. Тургенева ∾ о которой было упомянуто в «Современнике».* – «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ» — под таким названием пьеса Тургенева шла на сценах в Москве и Петербурге. Набранная для октябрьской книжки «Современника» 1849 г. первая редакция пьесы Тургенева была задержана цензурой в корректурных листах. 11 октября 1849 г. пьеса была допущена театральной цензурой (Тургенев 2, Соч., т. II, с. 622). 8 ноября 1849 г. Некрасов писал Тургеневу по этому поводу: «Ваш „Завтрак у предводителя“ подвергался сомнению (ибо в нем действуют помещики), — но теперь его позволили для сцены, и, стало быть, он попадет в печать». В № 11 «Современника» за 1849 г. в рубрике «Театральные новости. Сентябрь 1849» Некрасов писал: «...кроме напечатанных уже и известных публике пиес „Где тонко, там и рвется“ и „Холостяк“ нам известны еще две комедии г. Тургенева, из которых одна, под названием „Завтрак у предводителя“, скоро будет дана, как мы слышали, на Александринском театре» (наст. изд., т. XI, кн. I, с. 341). «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ» был поставлен на петербургской сцене в один вечер с комедией-водевилем «Разбитая чашка» Вермона и Любиза, в переводе П. А. Каратыгина и комедией «Да или нет, или Роковое письмо» Боплана и Араго, в переводе П. А. Каратыгина (см. о них: С, 1850, № 1, отд. VI («Смесь»), с. 116—118). Под названием «Завтрак у предводителя» комедия впервые была напечатана в № 8 «Современника» за 1856 г.

⟨ИЗ ФЕЛЬЕТОННОГО ЦИКЛА «ВСЕГО ПОНЕМНОГУ»⟩

(С. 242)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1850, № 4 (ценз. разр. 31 марта 1850 г.), отд. VI, с. 213—218, без подписи; № 5 (ценз. разр. 7 мая 1850 г.), отд. VI, с. 137—142, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Приписывается Некрасову (с оговоркой о возможном участии И. И. Панаева) на следующих основаниях: 1) вместе с первым фельетоном «Всего понемногу» (С, 1850, № 2), принадлежащим Некрасову (см.: наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 302), комментируемые фельетоны составляют цикл с присущими этому образованию особенностями: преемственные связи между отдельными фельетонами, сквозные темы, стилистическое, интонационное единство. 2) Связь со статьей Некрасова «Русские второстепенные поэты» и другими редакционными материалами (см. реальный комментарий) в фрагменте о стихотворениях, присылаемых в редакцию «Современника» (составление и редактирование поэтического отдела журнала было исключительной обязанностью Некрасова). 3) Наличие ряда *редакционных* заметок в составе обоих комментируемых фельетонов (ответы читателям, информации, рекомендации, анонсы), авторами (соавторами) которых могут быть только Некрасов и Панаев. В составе апрельского и майского фельетонов «Всего понемногу» есть и другие материалы И. И. Панаева, здесь опускаемые: в апрельском — «Письмо Нового поэта к издателям „Современника“ и новые, еще не изданные его стихотворения»; в майском «Четыре новые стихотворения Нового поэта». Кроме *литературной* части, писавшейся Некрасовым и Панаевым, в составе фельетонов «Всего понемногу» помещены также отдельными фрагментами новости русской и зарубежной науки, написанные неустановленными авторами. В настоящем издании они также опускаются.

Типологически комментируемый цикл примыкает к ряду информативно-юмористических (с элементами пародии) фельетонных циклов Некрасова «Разные разности» (1840), «Что нового у нас?» (1841), «Литературные и журнальные заметки» (1843), «Падающие звезды» (1844). Печатаемые параллельно с многословными и пресными журнальными обозрениями А. В. Дружинина («Письма Иногороднего подписчика в редакцию „Современника“ о русской журналистике») фельетоны «Всего понемногу» заметно оживляли самый «журнальный» отдел «Современника» — «Смесь».

⟨Апрель 1850⟩

С. 243. *«Пользуясь отсутствием чумы в Египте ∾ представляю суду публики во второй части».* — Цитата из «Предуведомления от автора» (с. VI—VIII) к книге А. А. Уманца (1808—1877) «Поездка на Синай...»

С. 244. *В следующей книжке «Современника» мы дадим подробный отчет об этом приятном явлении в нашей литературе.* — Анонимная рецензия на книгу Уманца напечатана: С, 1850, № 8, отд. V, с. 41—44.

С. 244. *...мы скажем о нем со временем подробнее.* — Некрасов обратился к возобновленному «Пантеону» впервые в первом фельетоне «Всего понемногу» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 302) и продолжал эту тему в обоих комментируемых. Более подробный и серьезный анализ очередных номеров этого журнала за 1850 г. содержится в ежемесячных «Письмах Иногороднего подписчика...» А. В. Дружинина, которые печатались в том же отделе («Смесь») «Современника».

С. 244. *Жаль только, что бумага издания слишком сера...* — В первом фельетоне цикла «Всего понемногу» Некрасов цитировал объявление Ф. А. Кони о возобновлении «Пантеона» и, в частности, фрагмент: «Бумага для издания будет изготовляться нарочно на фабрике г. Печаткина...» (наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 302).

С. 244. *Все на свете колобродят ∾ Финтифлюшки, финтифлю.* — Последний из пяти нумерованных куплетов, напечатанных в № 1 «Пантеона» 1850 г. (отд. «Балагур», с. 2) под заголовком: «Финтифлюшки. Куплеты из нового водевиля „Сер Жак“ Ф. Анатолина» (*Ф. Анатолин* — псевдоним Ф. А. Кони). Далее в тексте фельетона выборочно перепечатаны тексты из раздела «Тридцать анекдотов, изречений, острых слов и забавных выходок» (П, 1850, № 1, отд. «Балагур», с. 4—10).

С. 246. *«Две дюжины анекдотов, острых слов, изречений, забавных случаев и шарад».* — Заголовок одного из разделов в № 2 «Пантеона» 1850 г. (отд. «Балагур», с. 1—10).

С. 246. *«Дюжина с небольшим анекдотов».* — Заголовок одного из разделов в № 3 «Пантеона» 1850 г. (отд. «Балагур», с. 1—10).

С. 246. *«Желать умереть — суета, не хотеть умереть — тоже суета».* — Одно из изречений, напечатанных под рубрикой «Летучие мысли» с подписью «Ф. Кони» в № 3 «Пантеона» 1850 г. (отд. «Балагур», с. 10).

С. 246. *«Калейдоскоп»* — рубрика в отделе «Балагур» № 2 «Пантеона» 1850 г.

С. 246. *«Юмористика»* — название постоянного беллетристического отдела в «Пантеоне» 1850 г.

С. 246. *...статья называется «Улыбка в пять рублей», и под ней подписано «Ваня Булочкин».* — Публикация, помещенная в отделе «Юмористика» № 3 «Пантеона» 1850 г. (с. 1—6).

С. 246. *«Аполлинарий Бонавентура».* — Под этим псевдонимом постоянную рубрику «Панорама иностранных театров» в «Пантеоне» 1859 г. вел А. П. Грек (1820—1875).

С. 247. *...роман «Денежный брак» печатается медленно и не в каждой книжке...* — Имеется в виду перевод А. И. Кронеберга романа французской писательницы А.-С. де Бавр (1773—1860) «Un mariage de finance, roman du XVIII-e siécle» (Bruxelles, 1847). (Указано Е. Г. Васильевой).

С. 247. *Роман Бульвера «Семейство Какстопов» окончен в подлиннике, и читатели наши, может быть, встретят перевод его в нашем журнале.* — Этот роман английского писателя Э. Бульвер-Литтона (1803—1873) в «Современнике» не печатался. В июньском «Письме Иногороднего подписчика...» А. В. Дружинина — знатока английской литературы — была дана отрицательная оценка этого нового произведения Бульвер-Литтона. В заключение своего анализа фельетонист «Современника» оповестил читателей: «Кстати здесь скажем, что „Семейство Какстопов“ не будет переведено в „Современнике“. Взамен его мы переведем другой роман» (С, 1850, № 6, отд. VI, с. 194).

С. 247. *Вторая и последняя часть повести А. И. Кронеберга «Скрипка» будет помещена в следующей книжке...* — Эта повесть А. И. Кронеберга (1815 или 1816—1855) печаталась в № 1 и 6 «Современника» 1850 г.

С. 247. *...редакция рекомендует своим читателям нового автора Дмитрия Сергеевича Чернышева, напечатавшего у нас свой «Дачный рассказ».* — Это единственное произведение Д. С. Чернышева, напечатанное в журнале Некрасова (С, 1850, № 5, отд. I, с. 5—62). В «Обозрении русской литературы за 1850 год», напечатанном в № 2 «Современника» 1851 г., повесть Чернышева оценивалась гораздо более сдержанно (ПСС, т. 12, с. 264).

С. 247. *В течение трехлетнего своего существования «Современник» имел удовольствие представить своим читателям уже несколько новых литераторов (Гончарова, Дружинина, Авдеева, Евгению Тур), которые были благосклонно приняты публикою.* — В «Современнике» 1847—1849 гг. были опубликованы: первое крупное произведение И. А. Гончарова (1812—1891) — роман «Обыкновенная история» (1847, № 3, 4); повесть А. В. Дружинина «Полинька Сакс» (1847, № 12); повесть М. А. Авдеева (1812—1876) «Варенька» (1849, № 9); повесть Е. В. Салиас де Турнемир (1815—1892), печатавшейся под псевдонимом *Евгения Тур*, «Ошибка» (1849, № 10).

С. 248. *...две первые книжки «Военного журнала» на нынешний год...* — «Военный журнал» издавался с 1827 по 1859 г. по шесть номеров в год.

С. 248. *...сочинение полковника Д. Милютина...* — О Д. А. Милютине см. наст. изд., т. II, с. 396.

С. 248. *...мы ∾ будем извещать наших читаталей о содержании каждой новой его книжки.* — Это обещание не было выполнено.

С. 248. *О главнейших статьях 1 и 2 нумеров «Военного журнала», вышедших отдельно, приготовляются статьи, которые читатели скоро прочтут в нашем журнале.* — В № 7 «Современника» 1850 г. (отд. V, с. 19—24) была напечатана анонимная рецензия на книгу: Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. Полковника Милютина. СПб., 1850.

С. 248. *В прошлой нашей книжке сказано было несколько слов о «Пантеоне» и об особенной манере остроумия, которым отличается это издание.* — Имеется в виду первый из двух комментируемых фельетонов «Всего понемногу» (см. с. 242).

С. 249. *«Письмо учителя арифметики к невесте»...* — Напечатано: П, 1850, № 4, отд. «Балагур», с. 6.

С. 249. *В следующем нумере скажем о ней подробнее.* — Рецензия А. В. Дружинина на «Греческие стихотворения» Н. Ф. Щербины (Одесса, 1850) напечатана в № 6 «Современника» 1850 г. (отд. III, с. 25—50).

С. 249. *С тех пор, как в нашем журнале сказано было несколько слов о стихотворениях, присылаемых в редакцию «Современника», и напечатаны некоторые из них...* — Имеется в виду статья Некрасова «Русские второстепенные поэты», напечатанная в № 1 «Современника» 1850 г., где были помещены некоторые из стихотворений, присланных в журнал Н. Спиглазовым, В. А. Солоницыным и Д. К. фон Лизандером (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 35—41). В февральском номере журнала Некрасов напечатал еще два стихотворения Спиглазова со следующим предисловием: «Г-н Сп-ов, автор двух прекрасных стихотворений 1) „Я все еще стараюсь как-нибудь...“, 2) „Как птичка весь день распевая...“, которые мы напечатали в прошлом нумере нашего журнала («Смесь», стр. 46), прислал нам еще два следующие стихотворения» (С, 1850, № 2, отд. VI, с. 207).

С. 249. *Лучшие из них принадлежат ∾ г-ну Чер-ву, приславшему нам стихотворение под названием «Современному поэту».* – Личность Чер-ва установить не удалось; названное здесь стихотворение в «Современнике» не напечатано.

С. 249. *...не далее, как в прошлом нумере «Современника» ∾ рассказана была женитьба Байрона и разрыв его с женою.* — Имеется в виду публикация П. И. Редкина «Жорж Гордон Байрон. Статья третья» (С, 1850, № 4, отд. II, с. 55—102).

С. 250. *Не можем также умолчать о г-не Б-м, приславшем нам следующее стихотворение...* — Личность Н. Б-го установить не удалось.

С. 251. *...поэты, которые, посылая свои стихи ∾ «надеются, что стихи их совершенно правильны в отношении стихосложения и языка». Но ∾ мы уже не раз говорили, что этого недостаточно!* – В статье «Русские второстепенные поэты» Некрасов писал: «Несколько лет тому назад при оценке литературного произведения прежде всего обращали внимание на слог, потому что хороший слог был явлением редким; теперь же почти не говорят о слоге, потому что все пишут более или менее хорошо. Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворную форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий, владеющий в некоторой степени механизмом языка; и потому гладкость и правильность стиха не составляют уже в наше время ни малейшего достоинства...» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 33).

Постоянным и последовательным «гонителем» посредственности и эпигонства в поэзии в некрасовском «Современнике» был *Новый поэт* (журнальная маска Н. А. Некрасова и И. И. Панаева), в рецензиях и фельетонах которого помещались стихотворные пародии на поэтические произведения такого рода. В анонимной рецензии на «Стихотворения Ф. Миллера. 1844—1848». (М., 1849) одна из пародий *Нового поэта* предварялась вопросом: «Скажите, неужели нужно иметь призвание быть поэтом, чтобы написать следующие строки:

Тиха была полночь и страшно темна,
Я в лес побродить удалился с печали, —
Древа разбудил я от сладкого сна,
Они мне уныло главой покачали!..

Чем же хуже этого четверостишия следующие стихи *Нового поэта...*» (С, 1849, № 10, отд. III, с. 82).

В другой анонимной рецензии на альманах «На Новый год» (М., 1850) критик «Современника» обращал ироническое внимание на помещенное в альманахе стихотворение Н. В. Берга «По возвращении с бала», «отличающееся ⟨...⟩ не столько поэзиею, сколько хорошим тоном». «Наш *Новый поэт,* — замечал рецензент, -- выслушав это стихотворение, продиктовал нам тотчас же свое стихотворение, вдохновленное звуками г. Берга, и очень желает знать, которое из двух более понравилось читателям» (С, 1850, № 2, отд. V, с. 103).

⟨ИЗ «ЗАМЕТОК НОВОГО ПОЭТА О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ»⟩
⟨Октябрь 1851⟩

(С. 253)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 11 (ценз. разр. 31 окт. 1851 г.), отд. VI, с. 81—86.

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Стихотворения «Отрывок» («Родился я в губернии...»), «К ней» («В суровой бедности, невежественно дикой...») и «Великий человек» («Огни зажигались вечерние...»), входящие в комментируемый фельетон, были впоследствии переработаны Некрасовым и включены в его собрание стихотворений. Первое он датировал 1841, а второе и третье — 1846 г. В последней прижизненной редакции эти стихотворения помещены в т. I настоящего издания (с. 55, 159, 419). Прозаический фрагмент, следующий в фельетоне за стихотворением «Отрывок», и фрагмент с оценкой стихотворения «К ней» давно атрибутированы Некрасову (наст. изд., т. I, с. 590, 686—687).

Вопрос о совместной работе Некрасова и И. И. Панаева над комментируемой частью фельетона поставлен: НЖ, с. 128—131. Размышления *Нового поэта* о современной поэзии и творчестве Щербины углубляют и конкретизируют некоторые мысли, высказанные Некрасовым в фельетоне «„Теория бильярдной игры“ и Новый поэт» (1847) и статье «Русские второстепенные поэты» (1850). В настоящем издании эта часть фельетона *Нового поэта* печатается как коллективная (Некрасов и Панаев). Панаеву, очевидно, принадлежат «отступления» от основной темы этой части фельетона о «даме-поэте» (со стихотворной пародией «Поэт») и о «лухмановских рисунках Рафаэля». Более полное и точное определение границ участия обоих авторов не представляется возможным.

С. 253. *Г-н Щербина при появлении своем возбудил надежды, встречен был самыми лестными отзывами журналов...* — Ср. мнение Некрасова, высказанное о Н. Ф. Щербине (1821—1869) в рецензии на «Дамский альбом» 1854 г. (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 100).

С. 253. *«Сколько у него чувства и простого здравого смыслу, облеченного в самые роскошные поэтические формы»...* — Цитата из рецензии на «Раут» Н. В. Сушкова (М, 1851; БдЧ, 1851, № 6, отд. VI, с. 76).

С. 253. *«Как бы возросшее под ясным небом Греции ∾ чтоб еще более показать нам всю вялость и пустоту наших обыденных стихотворцев».* — Цитата из рецензии А. В. Дружинина (см. его признание: С, 1851, № 2, отд. VI, с. 220) на книгу «Стихотворения Г. Г. Р.». Одесса, 1850 (ОЗ, 1850, № 7, отд. VI, с. 19). Под «обыденными стихотворцами» критик журнала А. А. Краевского имел в виду, очевидно, Некрасова и других поэтов «натуральной школы». Возможно, с этой завышенной оценкой поэзии Щербины журналом Краевского

связана пародия *Нового поэта* под названием «Греческое стихотворение»:

Я лежал в Марафонских полях,
А гекзаметр горел на устах.
Наяву иль во сне, но, поэзии полон,
Видел где-то я там, вдалеке при луне
Плеск эгейских серебряных волн —
И чудесный процесс совершался во мне...
и т. д.

(С, 1851, № 9, отд. VI, с. 42)

С. 253. *«Греческие стихотворения г. Щербины нам чрезвычайно понравились, и мы спешим поделиться нашим удовольствием с читателями».* — Цитата из рецензии А. В. Дружинина на первый поэтический сборник Н. Ф. Щербины «Греческие стихотворения». Одесса, 1850 (С, 1850, № 6, отд. III, с. 33).

С. 253. *...вопреки уверению некоторых, будто бы он с своим Новым поэтом преследует поэзию и поэтов...* — Наиболее болезненно реагировали на пародии Некрасова и Панаева под маской *Нового поэта* в «Современнике» «Отечественные записки» и «Москвитянин», журналы, к которым *Новый поэт* был особенно внимателен. «Нас всего более отталкивает неудержимая охота смеяться даже над такими литературными произведениями, — писали «Отечественные записки» о *Новом поэте,* — которые должны бы возбуждать наше уважение и благодарную память. В таких случаях мы не можем смеяться, а переходим к чувству, совершенно противоположному» (ОЗ, 1850, № 12, отд. VI, с. 136). В ответ на обвинения *Нового поэта,* пародировавшего стихи А. А. Фета и Н. П. Огарева, журнала «Москвитянин» в грубости вкуса и эстетической бестактности «Современник» писал: «Новый поэт твердо убежден, что он точно отличил бы отсутствие эстетического такта и грубость вкуса, если бы вздумал писать пародии на произведения таких талантов, как Пушкин и Лермонтов, или на истинно поэтические произведения и других второстепенных поэтов; такая нелепость никогда и не приходила ему в голову, потому что он слишком высоко ценит искусство и не позволит себе издеваться над ним. Он очень уважает таланты гг. Огарева и Фета, но в то же время находит, что у них, как и у всех второстепенных талантов, есть слабые стороны, что некоторые их стихотворения не выдержаны, а другие вовсе неудачны и слабы...» (С, 1851, № 4, отд. VI, с. 224).

С. 254. *...продолжительный и упорный спор о лухмановских картонах, приписываемых Рафаэлю...* — Известие о «картонах» с рисунками Рафаэля, принадлежащих русскому купцу А. Д. Лухманову, появилось в печати еще в 1842 г. (ЛГ, 1842, 20 дек., № 50, с. 1025—1026). На подлинности этих произведений наиболее активно настаивал «Москвитянин», и в частности С. П. Шевырев (М, 1851, № 12, с. 352—363; № 21, с. 81—84). «Современник» относился к этим «атрибуциям» Шевырева скептически (С, 1851, № 7, отд. VI, с. 45).

С. 254. *...отзыв английского критика в «Athenæum, August 23 1851»...* — «Athenaeum» («The Athenaeum journal of literature science and beaux-arts») — «Атеней, журнал литературы, наук и изящных искусств», — английский журнал, выходивший в Лондоне с 1828 г. периодичностью два раза в неделю.

С. 254. *...они становятся слабее и слабее ∾ даже то, которое напечатано в октябрьской книжке «Библиотеки для чтения»...* — В № 10 «Библиотеки для чтения» 1851 г. напечатано стихотворение Н. Ф. Щербины «Утро в горах» (отд. I, с. 137—138).

С. 255. *Талант господина Щербины может усовершенствоваться и развиваться с помощью труда ∾ по малоучености многих наших поэтов.* — Цитата из называвшейся выше рецензии А. В. Дружинина на «Греческие стихотворения» Щербины, с. 119.

С. 255. *...у второстепенных поэтов содержание всегда будет играть главную роль ∾ Я еще мог бы посоветовать г-ну Щербине, оставив древний мир, попробовать свой талант в сфере живой действительности ∾ никакие великолепные картины древнего мира не упрочат так скоро его известности, как поэтическое прикосновение к современной действительности. Таков уж человек: он прежде всего интересуется самим собою, а потом, — что поближе к нему...* — В слегка утрированной форме та же мысль звучит в одном из монологов *Нового поэта* в фельетоне Некрасова «„Теория бильярдной игры" и Новый поэт» (1847): «Возвышенные чувства! Великие личности! ⟨...⟩ Недаром я ходил в старину в школу: я знаю, что на свете много было разнородных героев, знаю даже, как зовут некоторых из них и что они сделали... да только я-то живу в мире купеческих сынков, губернских и разных секретарей, бильярдных игроков, самолюбивых сочинителей и актеров, промышленников и спекуляторов, зубных врачей и мазуриков. — Я сам и сочинитель и спекулятор ⟨...⟩ Какое же мне дело до великих личностей, до героев? Сказать ли правду, я даже перестал верить, что они существовали когда-нибудь... Чужды мне их нравы, взгляды и убеждения. Глух я на голос того чувства, которое вело их на опасность и явную смерть ⟨...⟩ какую пользу извлеку я из их примеров? Для чего стану передавать их деяния, никому не нужные?... Я простился с ними и никогда к ним не возвращусь:

Затем, что мне в трактире бьющий стекла
Купеческий сынок в пятнадцать лет
В сто тысяч раз важнее Фемистокла
И всех его торжественных побед!»

(наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 279)

С. 259. *В пределах дальней высоты ∾ Едва ли и возможно.* — Пародия на стихотворение «И будь отныне таково...» из главы 3-й романа К. К. Павловой «Двойная жизнь» (М., 1848). Включалось в «Собрание стихотворений Нового поэта» (СПб., 1855, с. 3) и посмертное «Первое полное собрание сочинений И. И. Панаева» (т. 5. СПб., 1889, с. 14).

С. 262. *...упал, говоря словами Пушкина, с высоты поэзии под лавку конторщика.* — Имеется в виду фраза из гл. II повести А. С. Пушкина «Египетские ночи» (1835): «Неприятно было Чарскому с высоты поэзии вдруг упасть под лавку конторщика...».

С. 262. *«Всякий талант неизъясним! ∾ Почему мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами ∾ однообразными стопами?* — слова Импровизатора из гл. II повести А. С. Пушкина «Египетские ночи».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАСКАРАД НАКАНУНЕ НОВОГО (1852) ГОДА. (ЗАМЕТКИ НОВОГО ПОЭТА)

(С. 262)

Печатается по тексту первой публикации.
Впервые опубликовано: С, 1852, № 1 (ценз. разр. 31 дек. 1851 г.), отд. VI, с. 153—173.
В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Коллективное авторство Некрасова и И. И. Панаева (создателей журнальной маски *Нового поэта* и основных составителей его фельетонов) установлено (НЖ, с. 131—133) по наличию в фельетоне известных стихов Некрасова и связи с другими коллективными и индивидуальными произведениями обоих руководителей «Современника».

Фельетон представляет собою своеобразную замену традиционному обозрению русской литературы за истекший год, помещавшемуся обычно в январском номере журнала. Это продиктовано, с одной стороны, неукомплектованностью отделов критики и библиографии «Современника» профессиональными критиками (см. подробнее с. 322), а с другой стороны — поисками новых журнальных форм. Эта журнальная новация Некрасова и Панаева имела читательский успех (ОЗ, 1853, № 1, отд. IV, с. 127 и след.). Сама идея литературного маскарада принадлежит, очевидно, Некрасову и была впервые опробована им в 1841 г. в обозрении «Летопись русского театра. Апрель, май» (наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 262—270).

С. 262. *...я преследую плохие и посредственные стишки и постоянно доказываю публике, что не нужно иметь ни малейшего поэтического таланта, чтобы писать звучные стихи без мысли.* — Ср. признание *Нового поэта*, сделанное годом ранее: «Вы, может быть, думаете, что ⟨...⟩ я не шутя считаю самого себя поэтом ... Вы ошибаетесь: я враг, непримиримый враг всех посредственных поэтов, — я смеюсь над этими поэтами и пишу на них пародии; все стихи мои не более как шутка, как желание доказать, что в наше время, после Жуковского, Батюшкова, Пушкина и Лермонтова писать звучные стихи ровно ничего не значит, что это только небольшой механический труд...» (С, 1851, № 4, отд. VI, с. 81).

С. 264. *il meurt, et la joie expire ∾ en plein vent!* — Начало стихотворения П.-Ж. Беранже «На смерть Тюрлюпена» («Oraison funèbre de Turlupin», 1828).

С. 265. *Один мой друг, петербургский Монте-Кристо...* — Этот образ, принадлежащий, очевидно, И. И. Панаеву, встречается еще в одном фельетоне *Нового поэта* «Русский Монте-Кристо. Рассказ дурного тона» (С, 1849, № 1, отд.V, с. 98—102), под названием «Петербургский Монте-Кристо (рассказ для взрослых)», он вошел в книгу «Очерки из петербургской жизни *Нового поэта*. Часть первая» (СПб., 1860).

С. 265. *...им теперь очень удобно можно приехать сюда по железной дороге...* — С 1852 г. было открыто движение по Николаевской железной дороге между Петербургом и Москвой.

С. 265. *...в страну, называемую Эльдорадо, так превосходно описанную одним знаменитым философом.* — Эльдорадо, от испанского *el dorado*, буквально — золоченый, золотой. Страна, богатая

золотом и драгоценностями, которую испанские завоеватели искали в XVI—XVII вв. в Южной Америке. Согласно легенде, правитель Эльдорадо каждое утро осыпался золотым песком и смывал его водой священного озера. Одно из известнейших описаний Эльдорадо — в гл. XVII философской повести Вольтера «Кандид» (1759).

С. 266. *И дым отечества нам сладок и приятен.* — Цитата из монолога Чацкого, действия I, явл. 7 комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

С. 267. *«О люди, люди!» — восклицаю я вслед за Шиллером.* — Первые слова монолога Карла Моора из сцены второй первого акта драмы Ф. Шиллера (1759—1805) «Разбойники».

С. 268. *...знаменитый Том-Пус ...* — Английский цирковой артист-карлик, пользовавшийся в 1840-х годах огромной популярностью в Европе и Америке. О нем см.: ЛГ, 1845, 22 ноября, № 45, с. 731—732.

С. 269. *Солитер* — крупный бриллиант (от *лат.* solitarius или *франц.* solitaire — единственный, одиночный).

С. 269. *«Мертвое озеро»* — роман Некрасова и А. Я. Панаевой, печатавшийся в «Современнике» (1851, № 1—10).

С. 269. *...огромная руина, представлявшая Старый Дом.* — Авантюрный роман В. Р. Зотова «Старый дом» печатался в «Отечественных записках» 1850—1851 гг. Его замысел возник у автора, очевидно, под влиянием «Трех стран света» Некрасова и Панаевой. В редакционных статьях «Современника» и в фельетонах *Нового поэта* и *Иногороднего подписчика* это обстоятельство обыгрывалось много раз (ПСС, т. 12, с. 147; С, 1851, № 1, отд. VI, с. 105; № 5, отд. VI, с. 66; № 8, отд. VI, с. 7—8).

С. 269. *«Комета, гостиница для проезжающих»* — «декорация», олицетворяющая издание: «Комета, учено-литературный альманах, изданный Николаем Щепкиным» (М., 1851). Рецензия на эту книгу, написанная при участии Некрасова (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 62), была помещена в «Современнике» (1851, № 5, отд. III, с. 1—32).

С. 270. *...человек с записною книгою под мышкой...* — Имеется в виду Д. В. Григорович (1822—1899), напечатавший в «Современнике» 1851 г. два рассказа «Светлое Христово Воскресенье. Простонародное поверие» (№ 1) и «Мать и дочь. Осенний рассказ» (№ 11).

С. 270. *...видите ли вы ∾ человека, сидящего на лугу, между крестьянскими ребятишками и середи их кажущегося исполином...* — Имеется в виду И. С. Тургенев (1818—1883), напечатавший в «Современнике» 1851 г. рассказы «Бежин луг» (№ 2) и «Касьян с Красивой Мечи» (№ 3) из цикла «Записки охотника».

С. 271. *...неужели вы не узнаете идеалиста Левина...* — Левин — герой повести А. В. Станкевича «Идеалист», помещенной в альманахе «Комета».

С. 272. *Далеко то время ∾ когда я думал, что вы, книги, дадите мне счастие и удовлетворение; но зачем не могу я, наконец, жить без вас...* — В этом монологе реализовано пожелание Некрасова, высказанное в его отзыве об «Идеалисте», вошедшем в коллективную рецензию на сборник «Комета»: «Признаться, мы даже не верим в его (Левина. — *Ред.*) глубокую ученость и думаем, что он читал только предисловия тех многочисленных и разнородных книг, которые у автора по временам адресуют к нему разные фразы, заискивая его внимания (что, мимоходом заметим, не совсем ловко; эта сцена могла бы выйти очень хороша наоборот, т. е. если б Левин обращался с речью к книгам, а не книги к нему» (наст. изд., т. XII, кн. 2, с. 64).

С. 273. *Идеалист ∾ закричал голосом Ляпунова на Александрынском театре...* — Ляпунов — герой драмы Н. В. Кукольника «Князь Скопин-Шуйский» (1834), роль которого на сцене Александринского театра в 1830—1840-х годах исполнял обычно В. А. Каратыгин.

С. 273. *Это была самая едкая и тонкая пародия на известного «Героя нашего времени», тот же Печорин, только с провинциальным оттенком, словом, г. Тамарин.* — Имеется в виду герой романа М. В. Авдеева «Тамарин», вышедшего отдельной книгой в начале 1852 г. Первая его часть «Варенька» напечатана в № 9 «Современника» 1849 г. Вторая и третья части печатались под заглавиями «Записки Тамарина» (С, 1851, № 1, 2) и «Иванов» (С, 1851, № 9). В одном из своих «Писем Иногороднего подписчика в редакцию „Современника“ о русской журналистике» А. В. Дружинин, в целом одобривший литературный дебют Авдеева, говорил о «Вареньке»; «...но я не могу одобрить основной идеи произведения, набросившей на всю повесть оттенок чужих и не вполне усвоенных идей. Влияние Лермонтова и „Героя нашего времени“ видно на каждой странице и просвечивает в каждом персонаже повести» (С, 1849, № 10, отд. IV, с. 316—317). Некрасов писал Авдееву о только что полученной рукописи «Записок Тамарина» в письме от 11 января 1850 г.: «Эта повесть настолько хороша, что можно ее напечатать в журнале с удовольствием; но сходство всей ее постройки и даже некоторых частностей слишком явно напоминает Лермонтова».

С. 274. *Тихо в воздухе, в сон погруженном ∾ Соловей как Щ⟨ерби⟩на поет.* — Наиболее вероятный автор этой эпиграммы на Н. Ф. Щербину — Некрасов. Ср. повторяющийся образ Щербины — «Соловья» в некрасовском «Послании к поэту-старожилу»:

И тот, кто равен соловью
Природу нам воспел, — Щербина!

(наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 114)

Нелицеприятная критика в адрес Щербины в коллективном фельетоне Некрасова и Панаева «Заметки и размышления Нового поэта о русской журналистике» из ноябрьского номера «Современника» 1851 г. (см. наст. кн., с. 253), стихотворные пародии на его «Греческие стихотворения» и эпиграмма сильно подействовали на Щербину. 22 февраля 1852 г. Д. В. Григорович писал В. П. Гаевскому: «Видел в Москве ⟨...⟩ Щербину. Щербина тоскует по-прежнему. „Современник“ уходил его нравственно» (цит. по изд.: *Панаев И. И.* Избранные произведения. М., 1962, с. 26).

С. 274. *Он увидел большого картонного орла ...* — Ср. в отзыве Некрасова об «Идеалисте» в коллективной рецензии на альманах «Комета»: «Сны, в которых орлы адресуют к Левину полные пророческого значения речи, нам кажутся ⟨...⟩ не более как порождением болезненного самолюбия Левина, и нам очень жаль, что и сам автор видит в этом что-то серьезное...» (наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 64).

С. 275. *Все заинтересовались участью «Племянницы»...* — Первая часть романа Е. Тур (псевдоним Е. С. Салиас де Турнемир) «Племянница» печаталась в № 1—4 «Современника» 1850 г. В альманахе «Комета» помещен большой эпизод этого романа под названием «Антонина». Анонимная краткая рецензия на полное издание романа в 4 частях (М., 1851) помещена в № 12 «Современника» 1851 г. (отд.

V, с. 45). Подробная рецензия И. С. Тургенева на роман «Племянница» — № 1 «Современника» 1852 г.

С. 275. *...какие-то господа Ильменев и Плетнеев беспрестанно заслоняли ее собой от зрителей...* — Персонажи романа «Племянница» Ильменев и Плетнеев, по мнению И. С. Тургенева — автора указанной выше рецензии на это произведение в «Современнике», — наиболее бесцветные фигуры в романе. «Особенно туманна середина ‹...› первой части («Племянницы». — *Ред.*), — писал Тургенев, — благодаря упорному пребыванию в ней Ильменева и Плетнеева — этих двух сиамских близнецов несчастной любви...» (Тургенев 2, Соч., т. IV, с. 480—481). Перекличка этих слов Тургенева и комментируемых строк «Литературного маскарада...» дали повод В. П. Боткину (в письме к Тургеневу от 16 января 1852 г.), а впоследствии и Н. В. Измайлову высказать предположение о принадлежности фрагмента о «Племяннице» в комментируемом фельетоне Тургеневу (там же, с. 662).

С. 275. *«Две сестры»* — повесть Е. Тур, помещенная в № 2 «Отечественных записок» 1851 г.

С. 275. *Вдова Вронская* — персонаж «сцен из светской жизни», «Первое апреля» Е. Тур, помещенных в «Комете».

С. 275. *Княжна Алина* — персонаж романа Е. Тур «Племянница».

С. 275. *Глашеньки, Сонички, Любочки* — Глашенька — возможно, имеется в виду Глафира — персонаж комедии Н. В. Сушкова «Ненавистник женщин», отрывок из которой был напечатан в сборнике Сушкова «Раут» (М., 1851). Соничка — персонаж повести Станкевича «Идеалист»; Любочка — очевидно, героиня романа В. Толбина «Любанька» (СПб., 1851). Отрицательная рецензия: С, 1851, № 7, отд. V, с. 21—22.

С. 275. *...кроме добродушного Адама Адамыча...* — Имеется в виду повесть М. Л. Михайлова «Адам Адамыч», напечатанная в № 18, 19 и 20 «Москвитянина» 1851 г. В «Заметках Нового поэта о русской журналистике» декабрьского номера «Современника» того же года эта повесть отнесена к лучшим произведениям, напечатанным в течение года в «Москвитянине». «Повесть „Адам Адамыч“, — писал *Новый поэт*, — принадлежит перу писателя, только что вступающего на литературное поприще, и обнаруживает в нем дарование несомненное. Жаль, что в некоторых местах своей повести автор уже слишком густо и грубо наложил краски и обнаружил слишком большое расположение к польдекоковским сценам» (С, 1851, № 12, отд. VI, с. 153). Упоминаемые ниже *Мельничиха* и *Закурдаев* — персонажи этой повести.

С. 275. *Дилетаев* — герой повести А. Ф. Писемского «Комик», напечатанной в № 21 «Москвитянина» 1851 г. В «Заметках Нового поэта о русской журналистике» декабрьского номера «Современника» фельетонист писал: «„Комик“, по моему мнению, если не лучшее произведение автора по богатству содержания и разнообразию характеров, то, конечно, самое оконченное и соразмерное в своих частях. ‹...› В „Комике“ уже ясно обнаруживается участие автора. Лица в этой повести очерчены с обыкновенным мастерством г. Писемского и отличаются поразительною верностию действительности... Отношение комика к его жене, провинциальный *дилетант* искусства *Дилетаев* (фимилия эта не совсем удачна), заносчивый трагик, наконец, даже лица, стоящие на втором плане, молодой франт из Петербурга и молодая дама — все это очень оригинально, живо и исполнено того простого комизма, который не сочиняется, а существует в окружающей нас действительности» (С, 1851, № 12, отд. VI, с. 153).

С. 275. *Рольери, который все носился со своим «Силуэтом»...* — Рольери — герой романа В. А. Вонлярлярского «Силуэт» (ОЗ, 1851, № 9—11). Карточный шулер и отъявленный негодяй, он шантажировал героиню романа Ольгу с помощью *силуэта* ее покойной матери.

С. 276. *Хор непризнанных сочинителей...* — В этом сатирическом стихотворении воспроизведена, по всей вероятности, история «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковского, вокруг которой группировались третьестепенные писатели и журналисты. Тема «непризнанных» бездарных сочинителей традиционна для фельетонов *Нового поэта*. См., например, «Страшный сон (Письмо Нового поэта к издателям «Современника»)» — С, 1851, № 1, отд. VI, с. 71—82.

С. 277. *Фауст.* — Имеется в виду герой книги: «Фауст. Полная трагедия Гете, вольнопереведенная по-русски А. Овчинниковым» (Рига, 1851). Подробнее об этом издании и его авторе, об отношении Некрасова и сотрудников «Современника» к творчеству А. М. Овчинникова см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 98—105. Далее в фельетоне пародийно используется лексика Овчинникова-переводчика, образы его «Фауста» (*Перекрики, закадычные холостяги, Уродко-Зоил*), ряд пародийных стихотворных фрагментов, весьма точно передающих характер «Фауста» Овчинникова.

С. 277. *Счастливая женщина* — маскарадное олицетворение *Марины Ненской,* героини повести Е. П. Ростопчиной «Счастливая женщина. Современная биография», начало которой напечатано в № 23 (декабрь) журнала «Москвитянин» за 1851 г.

С. 278. *...кухарка г. Лазаревского в венке из васильков и с распущенными косами...* — Здесь обыгрывается портрет героини повести В. М. Лазаревского «Мои старые знакомцы», напечатанный в мартовском номере «Отечественных записок»: «Месяц, пробившийся сквозь гребенку листьев, обводил тонкими чертами высокую, стройную ее фигуру. Глаза у нее светились как у притаившегося зверя. Исхудалое, но мило очерченное лицо казалось еще бледнее под густо-низко налегшими на виски черными волосами. Широкий узел косы разбился на скором ходу меж ветвей, и вязь его, перевитая зеленым листом и крупными, красными как кровь кистями рябины, рисовалась чудным венцом на ее маленькой головке» (ОЗ, 1851, № 3, отд. I, с. 113).

В мартовском «Письме Иногороднего подписчика в редакцию „Современника“ о русской журналистике» А. В. Дружинин писал: «„Мои старые знакомцы“ по временам возбуждают улыбку, которой не добивался автор, и располагают читателя к шуткам, от которых я удержусь. Будто предполагая, что содержание двух рассказов, ныне напечатанных, не в силах остановить на себе чужое внимание, господин Лазаревский налегает на описания и отступление с особенным рвением, не выгодным для произведения. В описаниях одна и та же картинность, в отступлениях — один и тот же лиризм. Если автору угодно, чтоб на его рассказы смотрели как на картину, то я скажу, что они совершенно походят на литографию, раскрашенную такими яркими красками, что они рябят в глазах и пестрят все произведение самым неприятным образом» (С, 1851, № 4, отд. VI, с. 216—217).

С. 280. *...говорят, все это из каких-то журналов и альманахов, но ведь дамы высшего света их не читают. ∾ Все это представляется горничным, для которых и сочинено ∾ Да и что такое все новейшие европейские сочинители и романисты в сравнении с нами! Диккенс — это талантливый и добросовестный, пожалуй, но и заблуждающийся коновод целых сотен бездарных производителей так называемой мещанской литературы...* — Ср. авторские сентенции в

«Счастливой женщине» Ростопчиной: «...мне всегда дико, жалко и больно, когда я вижу молодых женщин нашего времени, читающих усердно и жадно... Поль де Кока!... И только одного Поль де Кока или, пожалуй, еще разгульно-бойкие вымыслы Евгения Сю, Сулье, молодого Дюма, всей этой школы гуляк-весельчаков — да *Диккенса*, этого представителя *реализма*, то есть, осуществления в лицах всех пошлостей и ничтожностей дюжинного человека, Диккенса, талантливого и добросовестного, пожалуй, но заблуждающегося коновода целых сотен бездарных производителей так называемой новейшей *мещанской* литературы...» (М, 1851, № 23, с. 392—393).

С. 281. *Мильвуа* — Шарль Мильвуа (1782—1816), французский поэт.

С. 282. *Началась усобица в моем сердце...* — Четвертая глава повести «Счастливая женщина» называется «Усобица в женском сердце».

С. 282. *О том, о сем, а больше ни о чем...* — Этот стих перешел в фельетон из текста повести Ростопчиной «Счастливая женщина»: «О чем же они говорили?.. „О том, о сем, а больше ни об чем!“ как обыкновенно случается при первой встрече...» (М, 1851, № 23, с. 415). Парафраз следующих слов из монолога Фамусова в «Горе от ума» А. С. Грибоедова:

...придерутся
К тому к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят и разойдутся.

(д. II, явл. 5)

С. 282. *...около нас образовалась Сагара...* — В тексте повести: «...когда гостиная совсем опустела, когда беспрестанно отодвигаемые кресла уезжающих образовали Сагару около нас» (М, 1851, № 23, с. 416), т. е., очевидно, пустыню (Сахару).

С. 287. *«Вот вопрос!» — как говорит Гамлет...* — Слова из монолога Гамлета одноименной трагедии В. Шекспира «Быть или не быть...» (акт III, сцена 1). Ср. в сатире Некрасова «Балет» (1866):

Где бы денег занять? вот вопрос!
Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить...

(наст. изд., т. II, с. 233)

1855

«POST-SCRIPTUM» К СТАТЬЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «СОЧИНЕНИЯ ПУШКИНА»

(С. 288)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 2 (ценз. разр. 31 янв., выход в свет 9 февр. 1855 г.), отд. III, с. 54—58, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.
Автограф не найден.

Авторство Некрасова предположительно установлено М. Я. Блинчевской (см.: *Блинчевская М. Я.* К истории печатания в «Современнике» статей Чернышевского о Пушкине. — ВЛ, 1966, № 12, с. 238—240) на основании сходства оценок одних и тех же стихотворений Пушкина в комментируемом фрагменте и в «Заметках о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» (см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 220).

С. 288. *Выше сказано, что издание г. Анненкова обогащено несколькими новыми произведениями Пушкина ∾ в бумагах поэта.* — Имеется в виду статья 1 из цикла статей Н. Г. Чернышевского «Сочинения А. С. Пушкина, изд. П. В. Анненкова», опубликованного в «Современнике» в 1855 г. (№ 2, 3, 7, 8) (ср.: Чернышевский, т. II, с. 424—516). О Сочинениях А. С. Пушкина, изданных П. В. Анненковым (СПб., 1855—1857, т. 1—7), см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 219—221.

С. 288. *Мы украсили настоящую книжку «Современника» тремя пьесами Пушкина...* — В № 2 «Современника» за 1855 г. были перепечатаны стихотворения Пушкина «Наперсница волшебной старины...» (1821—1822), «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...», 1828), «Воспоминания в Царском Селе» (1828—1829).

С. 288. *Первая половина напечатана еще при жизни Пушкина.* — Стихотворение «Воспоминание» публиковалось при жизни поэта в альманахе «Северные цветы на 1829 год» (СПб., 1828, «Поэзия», с. 10) и в «Стихотворениях А. Пушкина» (СПб., 1829, ч. 2, с. 127—128).

С. 288. *Дополнительные октавы к повести «Домик в Коломне».* — Текст Пушкина цитируется по книге: *Пушкин.* Соч. Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855, т. I. Материалы для биографии А. С. Пушкина. Прилож. VII, с. 470—473.

С. 290. *Друг друга режут и друг друга губят...* — В издании Анненкова эта строка выглядит иначе: «Друг друга режут, друг друга губят...» (с. 472).

С. 291. *Монолог пьяного мужичка.* — Отрывок, условно названный Анненковым «Монологом пьяного мужичка» (в современных изданиях публикуется без заглавия: «Сват Иван, как пить мы станем...»), цитируется по книге: *Пушкин.* Соч. Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855, т. I. Материалы для биографии А. С. Пушкина, с. 155—156.

С. 292. *...отрывок в классическом роде, относящийся к поэту Петрову, уже в преклонной старости написавшему известную оду адмиралу Н. С. Мордвинову ...* — В. П. Петров (1736—1799) — придворный поэт. Его ода, адресованная адмиралу Н. С. Мордвинову (1754—1845), графу, государственному деятелю, датируется 1796 г.; о Петрове см.: наст. изд., т. VII, с. 592—593; т. VIII, с. 719, 734.

С. 292. *Под хламом старости угрюмо угасал ∾ Надеждам вещего Пиита!...* — Отрывок цитируется по книге: *Пушкин.* Соч. Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855, т. I. Материалы для биографии А. С. Пушкина, с. 355 с разночтением в строке 9-й: «Мордвинов! Не вотще Петров тебя любил...» вместо «М...! Не вотще Петров тебя любил...».

⟨ИЗ СТАТЬИ «ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ»⟩. ⟨Апрель 1856⟩

(С. 293)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 5 (ценз. разр. 30 апр. и 5 мая 1856 г.; вып. в свет 13 мая 1856 г.), отд. V, с. 118—119, без подписи.

В собрание сочинений включается впервые.

Авторство Некрасова предположительно установлено В. Э. Боградом (Боград Совр, с. 529) по содержанию (ссылка на строки о «Пантеоне» в «Заметках о журналах за март 1856 года» — см.: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 250—251). Эта атрибуция подтверждается также упоминанием «Сына отечества», журнала, на который Некрасов критически откликался в «Отчетах по поводу Нового года» (ЛГ, 1845, 11 янв., № 2, отд. «Дагерротип», с. 30—31), в статье «Журналистика» (С, 1849, № 9, отд. V, с. 165—172) и в фрагменте из фельетона «Всего понемногу» (С, 1850, № 2, отд. VI, с. 100) — см.: наст. том, кн. 1, с. 302.

Комментируемый фрагмент представляет собой заключительный абзац «Заметок о журналах за апрель 1856 года», следующий за частью статьи (в которой речь идет о «Русском вестнике» и об исследованиях Б. Н. Чичерина), принадлежащей Н. Г. Чернышевскому (С, 1856, № 5, отд. V, с. 109—118; перепечатана в издании: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1906, с. 363—370; ср.: Чернышевский, т. III, с. 642—650).

С. 293. *В последней книжке «Современника» мы говорили о возобновлении «Пантеона».* — Имеются в виду «Заметки о журналах за март 1856 года», опубликованные в № 4 «Современника» за 1856 г. Журнал «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров» с 1852 по 1856 г. выходил под названием «Пантеон». См. об этом: наст. изд., т. XI, кн. 2, с. 250—251, 394.

С. 293. *...журнал «Сын отечества» ∾ воскрес в новой форме — в форме опрятной и приличной еженедельной газеты ∾ редакция г. Старчевского ничего не сделала для русской публики в журнале «Библиотека для чтения»...* — «Сын отечества» издавался в Петербурге с 1812 г. под редакцией Н. И. Греча. В процессе издания журнал неоднократно реорганизовывался, менялись и его редакторы. С середины 1844 по 1846 г. «Сын отечества» не выходил, с 1847 по 1852 г. издавался К. Жернаковым под редакцией К. П. Масальского. В 1856 г. «Сын отечества» стал издаваться заново редактором-издателем А. В. Старчевским (1818—1891), бывшим до этого (с 1849 г.) редактором «Библиотеки для чтения» до прихода в этот журнал (в ноябре 1856 г.) А. В. Дружинина. Об ироническом отношении Некрасова к журнальной деятельности А. В. Старчевского см. в его письме А. В. Дружинину 25 января 1857 г.: «Не все же Старчевским да Краевским держать литературные вожжи, которые — что ни говори — у нас в руках журналистов», и в письме от 14 марта 1857 г. к тому же адресату. Еженедельной газетой «Сын отечества» стал позднее, в 1862 г.

С. 293. *...с заключением мира и с прекращением войны интерес политических событий не будет уже стоять на первом плане...* — Имеется в виду Крымская война 1853—1856 гг., которая была завершена Парижским мирным договором, подписанным 30 марта 1856 г.

1865

ПИСЬМА В ГЛУШЬ. ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

(С. 294)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1865, № 11—12 (ценз. разр. 23 ноября и 31 дек. 1865 г.), отд. II, с. 185—186, в составе письма четвертого с подписью в оглавлении журнала «Петербургский житель».

В собрание сочинений включается впервые.

Автограф не найден.

Принадлежность Некрасову стихотворения «Предмет любопытный для взора...» указал П. М. Ковалевский — основной автор цикла фельетонов «Письма в глушь»: «...один раз только редактор, и то с моего согласия, вставил свои собственные стихи по случаю поднесения Каткову чернильницы с тем, чтобы тот „макал в разум“» (*Ковалевский П. М.* Стихи и воспоминания. СПб., 1912, с. 294). На этом основании стихотворение включено в корпус поэтических произведений Некрасова (наст. изд., т. II, с. 205, 413). Участие Некрасова (совместно с П. М. Ковалевским) в составлении текста, сопровождающего стихотворную сатиру на М. Н. Каткова, обосновано: НЖ, с. 138—139. В пользу участия Некрасова в комментируемом прозаическом фрагменте фельетона говорит не только обычный для Некрасова способ включения своих фельетонных стихов в статью своего сотрудника, но и органическая связь стихотворения с сопровождающим его прозаическим текстом.

С. 294. *...зачем редакция заменила «Записки современника» моими «Письмами в глушь»...* — Два фельетона Ю. Г. Жуковского под рубрикой «Письма Современника» были напечатаны в № 8 и 9 «Современника» 1865 г.

С. 295. *...еще 23 декабря, как уверяет газета «Весть», № 32, 1865 г. ~ в магазине Сазикова можно было видеть как чернильницу, так и перо.* — В заметке, подписанной криптонимом С, под заголовком «Подарок М. Н. Каткову» дано описание чернильного прибора, заказанного московскому фабриканту Сазикову московским дворянством для поднесения редактору «Московских ведомостей» и уже выставленного в магазине Сазикова. «Пера еще нет, — писал в заключение корреспондент, — но известно, что оно будет золотое с известною древнею надписью: „макающему перо в разум“» (Весть, 1865, 23 дек. № 32, с. 3).

НЕНАЙДЕННЫЕ, НЕНАПИСАННЫЕ СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ НЕКРАСОВА

1841

1. Фельетон об Иматре.

В перечне материалов, подготовленных к публикации в «Литературной газете», который дан Некрасовым в письме к Ф. А. Кони от 18 июля 1841 г., назван «фельет⟨он⟩ (о Иматре)». В печати он не появился. Автограф неизвестен. См. также: наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 456.

2—3. Статьи «Ярославский театр» и «Ярославская литература» (1841).

25 ноября 1841 г. Некрасов сообщил Ф. А. Кони, что работает над статьями «Ярославский театр» и «Ярославская литература». Первая из этих статей, очевидно, была написана: она включена в оглавление «Текущего репертуара» 7-й книжки «Пантеона» за 1841 г. за подписью: «Н. П-го» (т. е. Н. Перепельского — псевдоним Некрасова), но, по-видимому, не была пропущена цензурой. В примечании к оглавлению указанной книжки «Пантеона» («Текущий репертуар» в «Пантеоне» имел свое оглавление) сказано: «Упомянутая в оглавлении седьмого нумера „Текущего репертуара“ статья „Ярославский театр“ не могла быть напечатана по не зависящим от редакции обстоятельствам». Не появилась и вторая из названных статей Некрасова.

1855

4. Статья о «Биографии Пушкина».

О намерении написать статью об анненковской «Биографии Пушкина» Некрасов писал П. В. Анненкову 12 января 1855 г. Это намерение не осуществилось.

1856

5. Статья «Десятилетие „Современника“».

В письме Н. Г. Чернышевского к Некрасову от 5 ноября 1856 г. сказано: «Присылайте Вашу статью „Десятилетие „Современника“». (Чернышевский, т. XIV, с. 328). Названная здесь статья не появилась и, по-видимому, не была написана.

1857

6. Статья о творчестве И. С. Тургенева.

В письме к Тургеневу от 26 марта (7 апреля) 1857 г. Некрасов сообщал: «Я читал недавно кое-что из твоих повестей. „Фауст“ точно хорош. Еще мне понравился весь „Яков Пасынков“ и многие страницы „Трех встреч“ ⟨...⟩ Мне надо написать статью о твоих повестях ⟨...⟩ я буду писать не для тебя, а для публики и, может быть, скажу что-нибудь, что тебе раскроет самого себя как писателя: это самое важное дело критики...». Этот замысел остался неосуществленным.

СТАТЬИ, ФЕЛЬЕТОНЫ И РЕЦЕНЗИИ, ПРИПИСЫВАВШИЕСЯ НЕКРАСОВУ БЕЗ ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ

1840

1. Ярославский театр, статья.

Впервые опубликовано: П, 1840, № 7, с. 197—198, с подписью «Ф. Майков». Предположение о принадлежности статьи Некрасову высказано Б. Л. Бессоновым (наст. изд., т. X, кн. 2, с. 259) и основано на следующих данных: Некрасов, постоянный сотрудник «Пантеона», вырос в Ярославле, хорошо знал местный театр и использовал это знание в романе «Мертвое озеро».

1842

2. Цветы музы. Стихотворения А. Градцова. СПб., 1842, рецензия.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1842, 18 янв., № 3, с. 52—54, без подписи. Приписано Некрасову В. А. Егоровым (Н. А. Некрасов и его время, вып. 3. Калининград, 1977, с. 142—150) на основании идейного содержания и переклички с произведениями Некрасова.

3. Солнечный луч, соч. И. Штевена, рецензия.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1842, 26 апр., № 16, с. 324—329. Предположение о принадлежности Некрасову высказано С. А. Рейсером (ПСС, т. XI, с. 418) в связи с просьбой Некрасова прислать книгу Штевена для рецензирования в «Литературной газете», содержащейся в письме к И. Т. Лисенкову от марта-апреля 1842 г.

4. Комары, соч. Ф. Булгарина, рецензия.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1842, 3 мая, № 18, с. 364—366. Предположение о принадлежности рецензии Некрасову высказано в кн.: *Ковалева М. М.* Некрасов-журналист (1841—1846). М., 1980, с. 20—23, на основании сходства стиля и переклички с текстом романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова».

5. Картинки русских нравов, кн. 3. СПб., 1842, И. П. Мятлева, рецензия.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1842, 4 окт., № 39, с. 799—801. Приписано Некрасову К. И. Чуковским (ПССт 1931, с. 641) на основании анализа стиля. Ср.: наст. изд., т. I, с. 706.

1843

6. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1843, 25 янв., № 17, с. 65—67. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании близости одного из фрагментов (сообщение об устройстве газового освещения в петербургском Гостином дворе) к стихотворному фельетону «Говорун» (1843) (доклад Т. С. Царьковой на XX Всесоюзной некрасовской конференции. — См.: РЛ, 1981, № 1, с. 251).

7. Амарантос, или Розы возрожденной Эллады, произведения народной поэзии нынешних эллинов, собранные, переведенные и изданные ⟨...⟩ Георгием Эвлампиосом. СПб., 1843, рецензия.

Впервые опубликовано: РИ, 1843, 27 янв., № 21, с. 81—82. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании отсылки в № 96 РИ за 1844 г. (см. № 26 данного перечня) (см.: Царькова. Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 г., с. 64).

8. Стеклянный улей ⟨...⟩ СПб., 1843, Н. М. Витвицкого, рецензия.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1843, 7 марта, № 10, с. 156—159. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. В. Мельгуновым (НЖ, с. 16) на основании свидетельства Д. В. Григоровича о редактировании Некрасовым в 1843 г. книги о пчелах.

9. Литературные и журнальные заметки, фельетон.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1843, № 4, отд. VIII, с. 122—129, без подписи. Предположение об участии Некрасова в составлении этого фельетона совместно с И. И. Панаевым высказано Б. В. Мельгуновым (НЖ, с. 96) на основании переклички отдельных мест фельетона с другими произведениями Некрасова этого времени.

10. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон. Впервые опубликовано: РИ, 1843, 9 мая, № 101, с. 401—403. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Н. С. Никитиной на основании близости отзыва о поэме Тургенева «Параша» к оценке, данной ей в статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году» (1844; наст. изд., т. XI, кн. 1, с. 145—146) (см.: Тургенев 2, Соч., т. I, с. 463).

11. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1843, 30 мая, № 118, с. 469—470. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании близости начала фельетона к стихотворению «Наш век» (1840) (доклад Т. С. Царьковой на XX Всесоюзной некрасовской конференции. — См.: РЛ, 1981, № 1, с. 251).

12. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1843, 27 июня, № 140, с. 557—559. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании близости начала фельетона к стихотворению «Наш век» (см. № 11 данного перечня) и фрагменту стихотворного фельетона «Говорун», посвященного выходу серии очерков «Наши, списанные с натуры русскими» (доклад Т. С. Царьковой на XX Всесоюзной некрасовской конференции. — См.: РЛ, 1981, № 1, с. 251).

13. Подземные ключи, кн. Н. Мансырева. М., 1843, рецензия.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1843, 7 ноября, № 44, с. 784—787, без подписи. Приписано Некрасову К. И. Чуковским (ПССт 1931, с. 449, 604) и включено в ПСС (т. IX, отдел «Dubia», с. 612) на том основании, что рецензия содержит стихотворные пародии.

1844

14. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 1 янв., № 1, с. 1—3. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании отсылки к фельетону в № 6 РИ за 1844 г. (см. № 15 данного перечня) и наличия стихотворного фрагмента со ссылкой на «знакомого поэта» (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 330).

15. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 9 янв., № 6, с. 21—23. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании присутствия в фельетоне похвал кулинарным «лекциям» доктора Пуфа (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 328).

16. Наль и Дамаянти, поэма В. А. Жуковского. СПб., 1843, рецензия.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 15 янв., № 3, с. 53, без подписи. На принадлежность рецензии Некрасову указывал К. И. Чуковский (Собр. соч. 1930, т. 3, с. 372; ПСС, т. I, с. 606), без мотивировки. В ответ на запрос М. М. Гина Чуковский в письме к нему от 28 июня 1949 г. сообщил, что сведения о принадлежности этой рецензии Некрасову были получены им от кого-то из знакомых Некрасова или библиографов, занимавшихся литературой XIX в.

17. Сенсации и замечания г-жи Курдюковой, И. П. Мятлева. СПб., 1843, рецензия.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 15 янв., № 3, с. 56, без подписи. Приписано Некрасову В. А. Егоровым (Н. А. Некрасов и его время, вып. V. Калининград, 1980, с. 93—103) в связи с наличием в тексте рецензии стихотворных пародий.

18. Журнальные отметки. Библиографические новости, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 16 янв., № 12, с. 45—46. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании отсылки к фельетону в № 6 РИ за 1844 г. (см. № 15 данного перечня) (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 330).

19. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 23 янв., № 18, с. 69—71. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании цитации в фельетоне восьми стихов из стихотворного фельетона «Говорун», а также присутствия шутливых восхвалений кулинарных «лекций» доктора Пуфа (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 328).

20. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 8 февр., № 29, с. 113—115. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании отсылки в № 70 РИ за 1844 г. (см. № 24 данного перечня) (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 330).

21. Юродивый мальчик в железном зеленом клобуке, соч. А. Анаевского. СПб., 1844, рецензия.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 2 марта, № 9, с. 168, без подписи. Приписано Некрасову Б. Я. Бухштабом (ПСС, т. V, с. 618) без какой-либо мотивировки.

22. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 5 марта, № 52, с. 205—206. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании тематической и текстуальной близости фельетона к статье «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году» (1844), а также присутствующей в фельетоне темы литературной эксплуатации, затрагиваемой в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (Царькова. Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 года, с. 62—63).

23. Литературный калейдоскоп, или Собрание мелких сочинений, П. Машкова. СПб., 1844, рецензия.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 16 марта, № 11, с. 200, без подписи. Включено в ПСС (т. IX, отд. «Dubia», с. 620) по наличию в тексте стихотворных пародий.

24. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 31 марта, № 70, с. 277—278. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании тематической близости к фельетону в «Литературной газете» от 6 апр. 1844 г. (см.: наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 34) (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 329).

25. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 23 апр., № 90, с. 357—359. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании тематической близости к фельетону «Петербургские дачи и окрестности» в «Литературной газете» от 4 мая 1844 г. (см.: наст. изд., т. XII, кн. 1, с. 87) (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 329).

26. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 30 апр., № 96, с. 381—383. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании тематической и текстуальной близости к фельетону «Петербургские дачи и окрестности» в «Литературной газете» от 4 мая 1844 г. (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 329).

27. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 7 мая, № 101, с. 401—403. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании близости одного из фрагментов («оговорка» об ошибке, допущенной в предыдущем фельетоне) к фельетону в № 96 РИ за 1844 г. (см. № 26 данного перечня) (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 329).

28. Молодик на 1844 год ⟨...⟩ СПб., 1844, рецензия.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 18 мая, № 109, с. 433—434. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании отсылки к фельетону в № 96 РИ за 1844 г. (см. № 26 данного перечня), а также текстуальной близости к рецензии в «Литературной газете» от 4 мая 1844 г. (Царькова. Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 года, с. 64).

29. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 21 мая, № 112, с. 445—447. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании тематических перекличек с фельетонами № 70, 96, 101 (см. № 24, 26, 27 данного перечня), а также текстуальной близости к рецензии на «Старинную сказку об Иванушке-дурачке» Н. А. Полевого в «Литературной газете» от 25 мая 1844 г. (Царькова. Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 года, с. 61—62, 64—65).

30. Журнальные отметки. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 6 июня, № 125, с. 497—499. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании отсылок к фельетонам в № 90, 96, 101 РИ за 1844 г. (см. № 25—27 данного перечня) (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 329).

31. Падающие звезды, фельетон.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 8 июня, № 22, с. 385—386, без подписи. Предположение о принадлежности Некрасову высказано

Б. В. Мельгуновым (НЖ, с. 96) на основании связи с другими материалами, приписанными Некрасову.

32. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 18 июня, № 136, с. 541—543. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании тематической близости к фельетонам в № 70, 90, 96, 187 РИ за 1844 г. (см. № 24—26, 35 данного перечня), а также текстуальных совпадений с фельетоном в «Литературной газете» от 7 сентября 1844 г. (Царькова. Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 года, с. 60—61).

33. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 30 июля, № 170, с. 677—678. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании тематической близости к фельетону «Черты из характеристики петербургского народонаселения» в «Литературной газете» от 10 и 17 августа 1844 г. (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 321—323).

34. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 13 авг., № 182, с. 725—726. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании связи с фельетоном в № 170 РИ за 1844 г. (см. № 33 данного перечня) (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 324—325).

35. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 20 авг., № 187, с. 745—746. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании имеющегося в фельетоне описания фейерверка «в саду, принадлежащем к 〈...〉 так называемой Спасской мызе», где в то время летом жил Некрасов (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 329).

36. Библиографические известия, фельетон.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1844, № 9, отд. VI, с. 34—35. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. В. Мельгуновым (НЖ, с. 31—32) на том основании, что в фельетоне содержится первая информация в периодике о подготовке некрасовской «Физиологии Петербурга».

37. Об отчете одного журнала, фельетон.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1844, 28 сент., № 38, с. 644—646, с подписью «Ф--й», под заголовком «Два письма из провинции», где второе «письмо» представляет собою фельетон Некрасова «О лекциях доктора Пуфа вообще и об артишоках в особенности». На этом основании Н. С. Ашукин приписал Некрасову оба фельетона (Ашукин, с. 55).

38. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 22 окт., № 238, с. 949—951. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании близости первой части фельетона — «Наблюдения над Петербургом во время прогулок» — к очерку «Петербургские углы» и «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (доклад Т. С. Царьковой на XX Всесоюзной некрасовской конференции. — См.: РЛ, 1981, № 1, с. 251).

39. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 5 ноября, № 250, с. 997—999. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании тематической связи одного из фрагментов (сооб-

щение о выходе «Принцессы Брамбиллы» Гофмана) с фельетоном в № 295 (см. с. 206) (Царькова. Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 года, с. 64).

40. Очерки Южной Франции и Ниццы ‹...› М. Жуковой. СПб., 1844, рецензия.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 9 ноября, № 253, с. 1009—1010. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании отсылки в фельетоне в № 256 РИ за 1844 г. (см. № 41 данного перечня) (Царькова. Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 года, с. 64).

41. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 12 ноября, № 256, с. 1021—1023. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании имеющегося в фельетоне перечня статей, приготовленных для альманаха «Физиология Петербурга» (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 326—327).

42. Принцесса Брамбилла. Фантастическая повесть Э. Т. А. Гофманна ‹...› СПб., 1844.

Впервые опубликовано: РИ, 1844, 21 дек., № 288, с. 1149—1150. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Т. С. Царьковой на основании отсылки в фельетоне в № 295 РИ за 1844 г. (см. с. 206) (Царькова. Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 года, с. 64).

1845

43. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1845, 11 янв., № 7, с. 25—26. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании тематической связи с фельетоном в № 295 РИ за 1844 г. (обширная цитация «Воспоминаний слепого» Ж. Араго, — см. с. 206), а также с рядом других некрасовских фельетонов этого времени (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 334).

44. Журнальные отметки, фельетон. Впервые опубликовано: РИ, 1845, 24 янв., № 18, с. 69—70. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании тематической связи с фельетоном в № 295 РИ за 1844 г. (упоминание «Воспоминаний слепого» Ж. Араго с высокой оценкой), а также с фельетоном в № 33 РИ за 1845 г. (см. № 47 данного перечня) (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 334).

45. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 1 февр., № 5, с. 101—102, без подписи. Приписано Некрасову Н. С. Ашукиным на том основании, что в фельетоне извещалось о выходе книги «Полька в Париже и в Петербурге», изданной Некрасовым (Ашукин, с. 58).

46. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1845, 1 февр., № 25, с. 97—99. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании тематической связи с фельетонами в № 18, 33 и 52 РИ за 1845 г. (см. № 44, 47 и 49 данного перечня), образующих цикл (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 334—335).

47. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1845, 11 февр., № 33, с. 129—131. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании тематической связи с фельетонами в № 18, 25, 52 РИ за 1845 г. (см. № 44, 46, 49 данного перечня), образующими цикл, а также упоминания и цитации некрасовских произведений (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 334—335).

48. Образчики китайского красноречия, фельетон.

Вперве опубликовано: ЛГ, 1845, 1 марта, № 8, отд. «Дагерротип», с. 147—148, с подписью «Чин-Чин». Включено в ПСС (т. V, отд. «Dubia», с. 584—586) на основании ошибочного свидетельства Некрасова о принадлежности ему всех материалов «Дагерротипа».

49. Журнальные отметки, фельетон.

Впервые опубликовано: РИ, 1845, 8 марта, № 52, с. 206—207. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Б. Я. Бухштабом на основании тематической связи с фельетонами в № 18, 25, 33 РИ за 1845 г. (см. № 44, 46, 47 данного перечня), образующими цикл (Бухштаб. Фельетоны Некрасова в газете «Русский инвалид», с. 334—335).

50. О партиях в литературе, фельетон.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 3 мая, № 17, с. 301. Приписано Некрасову Д. Гершензоном без какой-либо аргументации (Труды МИФЛИ, 1939, т. III. Творчество Некрасова, с. 244—253).

51. Петербургская хроника, фельетон.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 4 окт., № 38, с. 629—632, без подписи. Входящее в фельетон стихотворение «Пою, пою я подвиг оный...» включено К. И. Чуковским в ПССт 1931, с. 456 и ПССт 1934—1937, т. I, с. 493, как стихотворение из некрасовского фельетона, без какой-либо аргументации.

1846

52. Одно из тысячи средств нажить огромное состояние, фельетон.

Впервые опубликовано: ПА, с. 19—20, без подписи. Включено в ПСС (т. V, отд. «Dubia», с. 588, 643) по аналогии с «антиславянофильским» фельетоном Некрасова «Пушкин и ящерицы», помещенным в «Первом апреля».

53. Как один господин приобрел себе за бесценок дом в полтораста тысяч, фельетон.

Впервые опубликовано: ПА, с. 23—26, без подписи. Включено в ПСС (т. V, отд. «Dubia», с. 588—590, 643) по аналогии с «антиславянофильским» фельетоном Некрасова «Пушкин и ящерицы».

54. Дядюшка и племянник, фельетон.

Впервые опубликовано: ПА, С. 31—33, без подписи. Включено в ПСС (т. V, отд. «Dubia», с. 590—591) по аналогии с «антиславянофильским» фельетоном Некрасова «Пушкин и ящерицы».

55. Славянофил, фельетон.

Впервые опубликовано: ПА, с. 141—142, без подписи. Включено в ПСС (т. V, отд. «Dubia», с. 602) на основании свидетельства Ф. М. Достоевского о замысле Некрасова написать фельетон для альманаха «Зубоскал», в котором описывалось бы «последнее заседание славянофилов, где торжественно докажется, что Адам был славянин и жил в России, и по сему случаю покажется вся необыкновенная важность и польза разрешения такого великого социального вопроса для благоденствия и пользы всей русской нации» (Достоевский, т. XXVIII,

кн. 1, с. 114). Содержание фельетона «Славянофил» в «Первом апреля» не соответствует этому замыслу.

56. Анекдоты всех времен и народов. СПб., 1846, рецензия.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1846, № 5, отд. VI, с. 35—36, без подписи. Включено в ПСС (т. IX, отд. «Dubia», с. 636, 818) на основании документального свидетельства об участии Некрасова в критико-библиографическом отделе № 5 «Отечественных записок» 1846 г. и «фельетонно-беллетристического подхода» автора к теме.

57. Мияу! Похождения кота. СПб, 1846, рецензия.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1846, № 5, отд. VI, с. 39, без подписи. Включено в ПСС (т. IX, отд. «Dubia», с. 638, 818) на основании документального свидетельства об участии Некрасова в критико-библиографическом отделе № 5 «Отечественных записок» 1846 г. и «фельетонно-беллетристического подхода» автора к теме.

58. Новые анекдоты батюшки великого Суворова, собр. В. Ф. Потаповым. М., 1846; Вечный жид. Пародия. Соч. Василия Потапова. М., 1846, рецензия.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1846, № 5, отд. VI, с. 39—40, без подписи. Включено в ПСС (т. IX, отд. «Dubia», с. 638, 819) на основании документального свидетельства об участии Некрасова в критико-библиографическом отделе «Отечественных записок» 1846 г. и «фельетонно-беллетристического подхода» автора к теме.

1847

59. Смесь, фельетон.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 5, отд. IV, с. 109—133, без подписи. Предположение об авторстве Некрасова в кн.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50 гг. Л., 1934, с. 158, без какой-либо аргументации.

60. Моды, статья.

Впервые опубликовано: С, 1847, № 7, отд. V, с. 1—4. Предположение о принадлежности Некрасову или И. И. Панаеву высказано В. Э. Боградом (Боград Совр , с. 483) на основе анализа содержания статьи.

1848

61. Басни И. А. Крылова, в 9 книгах. СПб., 1848, рецензия.

Впервые опубликовано: С, 1848, № 7, отд. III, с. 40, без подписи. Приписано Некрасову А. М. Гаркави (Огонек, 1951, № 49, с. 21) на основании документа об участии Некрасова в отделе критики № 7 «Современника» 1848 г. и по тематике рецензии.

1849

62. Стихотворения Елизаветы Шаховой. 2 части. СПб., 1849, рецензия.

Впервые опубликовано: С, 1849, № 7, отд. III, с. 28—32, без подписи. Приписано Некрасову М. М. Гином (Гин, НЛК, с. 93) на основании переклички со статьей Некрасова «Русские второстепенные поэты».

1851

63. Обозрение русской литературы за 1850 год. Введение, статья.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 1, отд. III, с. 1—32, без подписи. Фрагменты статьи атрибутированы Некрасову С. А. Рейсером и включены в ПСС (т. XII, с. 260) на основании письма Некрасова к Д. В. Григоровичу. Атрибуция отведена В. Э. Боградом (Боград Совр., с. 505—507).

64. Заметки Нового поэта о русской журналистике. Апрель 1851, фельетон.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 5, отд. VI, с. 46—66. Предположение об участии Некрасова в работе над этим фельетоном высказано Б. В. Мельгуновым (НЖ, с. 218) на основании редакционного характера фельетона и связи его с другими выступлениями Некрасова в «Современнике».

65. Ярмарка тщеславия, роман В. Теккерея. СПб., 1851, рецензия.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 8, отд. V, с. 44—62, без подписи. Предположение об участии Некрасова в работе над этой рецензией, написанной в основном А. И. Кронебергом, высказано В. Э. Боградом (Боград Совр , с. 508). См. также: НЖ, с. 159.

1852

66. Из статьи «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики», апрель, 1852 (отрывок, посвященный смерти Жуковского).

Впервые опубликовано: С, 1852, № 5, отд. VI, с. 125—126. Предположение об авторстве Некрасова впервые высказано П. А. Плетневым (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III. СПб., 1886, с. 588), текст приписан Некрасову М. М. Гином, см.: *Гин М.* От факта к образу и сюжету. О поэзии Н. А. Некрасова. М., 1971, с. 173—175 и 288.

67. Несколько слов о Жуковском (отрывок литературного письма). СПб., 1852, рецензия.

Впервые опубликовано: С, 1852, № 10, отд. VI, с. 84—87, без подписи. Предположение о принадлежности Некрасову высказано Ф. Я. Приймой на научной конференции в ИРЛИ АН СССР, посвященной В. А. Жуковскому, 31 января 1983 г. Основание: близость и преемственность оценок творчества Жуковского в рецензии и в известных высказываниях Некрасова.

1855

68. Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики, фельетон.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 1, отд. V, с. 63—72. Предположение об участии Некрасова в прозаической части этого фельетона, содержащего стихи Некрасова, высказано Б. В. Мельгуновым (НЖ, с. 133) и основано на органической связи стихов с прозаическим текстом.

69. Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики. Март 1855, фельетон.

Впервые опубликовано: С, 1855, № 4, отд. V, с. 257—280. Предположение об участии Некрасова в работе над этим фельетоном вы-

сказано Б. В. Мельгуновым (НЖ, с. 135—136) и основано на перекличках стихотворных и прозаических фрагментов фельетона с другими произведениями Некрасова.

1859

70. Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта, фельетон.

Впервые опубликовано: С, 1859, № 3, отд. III, с. 173—208. Предположение об участии Некрасова в работе над этим фельетоном, содержащим стихи Некрасова и коллективный адрес А. Е. Мартынову с подписью Некрасова, высказано Б. В. Мельгуновым (НЖ, с. 139).

1866

71. Загадка, фрагмент фельетона.

Впервые опубликовано: С, 1866, № 4, отд. II, с. 312, в составе фельетона Л. И. Розанова «Действительность». Предположение о принадлежности Некрасову «Загадки» высказано Б. В. Мельгуновым (НЖ, с. 120) на основании связи ее с письмом Некрасова в редакцию неустановленного издания с протестом против нападок на «Современник» со стороны М. Н. Каткова.

1867

72. Подлиповцы, роман Ф. Решетникова. СПб., 1867, рецензия.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1868, № 1, отд. II, с. 81—85, без подписи. Предположение о принадлежности Некрасову высказано В. Б. Смирновым (Некрасов и его время, вып. IV. Калининград, 1979, с. 151—159) на основании анализа взаимоотношений Некрасова с Решетниковым.

СТАТЬИ, ФЕЛЬЕТОНЫ И РЕЦЕНЗИИ, ПРИПИСЫВАВШИЕСЯ НЕКРАСОВУ ОШИБОЧНО

1845

1. Остроумные подписи, фельетон.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 4 янв., № 1, отд. «Дагерротип», с. 13, без подписи. Включено в ПСС (т. V, отд. «Dubia», с. 578—579) на основании свидетельства Некрасова о принадлежности ему всех материалов «Дагерротипа». На ошибочность этой атрибуции и наиболее вероятную принадлежность фельетона Ф. А. Кони было указано в докладе Б. В. Мельгунова «Некрасов подлинный и мнимый», прочитанном в январе 1990 г. на XXV Некрасовской конференции в ИРЛИ (см.: РЛ, 1990, № 4, с. 243).

2. Провинциальные афиши, фельетон.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1845, 11 янв., № 2, отд. «Дагерротип», с. 31—32, без подписи. Включено в ПСС (т. V, отд. «Dubia», с. 579—581) на основании свидетельства Некрасова о принадлежности ему всех материалов «Дагерротипа». На ошибочность этой атрибуции и наиболее вероятную принадлежность фельетона Ф. А. Кони было указано в докладе Б. В. Мельгунова «Некрасов подлинный и мнимый» (см. выше, № 1 данного перечня).

1846

3. Два физиологических очерка (1. «Водевилист»; 2. «Непризнанный поэт»), фельетон.

Впервые опубликовано: ПА, с. 55—80, с подписью « — ин». Включено в ПСС (т. V, отд. «Dubia», с. 591—601). Ошибочность атрибуции и принадлежность фельетона А. Я. Кульчицкому указана М. М. Гином (см.: Евгеньев-Максимов, т. 2, с. 63; ср.: ПСС, т. XII, с. 519).

1848

4. Собрание стихотворений П. Витусова. СПб., 1848, рецензия.

Впервые опубликовано: С, 1848, № 7, отд. III, с. 43—44, без подписи. Приписано Некрасову А. М. Гаркави («Огонек», 1951, № 49, с. 21) и включено в ПСС (т. XII, с. 249) на основе анализа идейного содержания. Ошибочность атрибуции Гаркави и принадлежность рецензии И. И. Панаеву установлена: НЖ, с. 146.

1849

5. Мильда. Мифологическая кантата ⟨...⟩ СПб., 1849, рецензия.

Впервые опубликовано: С, 1849, № 5, отд. III, с. 35, без подписи. Приписано Некрасову А. М. Гаркави (сб. «Калининград». Калининград, 1959, вып. 4, с. 209) по связи с рецензией на «Собрание стихотворений П. Витусова». Ошибочность атрибуции Гаркави и принадлежность рецензии И. И. Панаеву установлена: НЖ, с. 146.

1850

6. Русские второстепенные поэты. III. А. Фет, статья.

Впервые опубликовано: С, 1850, № 2, отд. VI, с. 158—175, без подписи. Приписывалось Некрасову: *Аксаков И. С.* Биография Ф. И. Тютчева. М., 1886, с. 98; *Федина В. С.* А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике. Пг., 1915, с. 7, 9. См. также: *Банкалюк Л. В.* А. А. Фет в оценке современников. — В кн.: Эстетические позиции и художественное мастерство писателя. Кишинев, 1982, с. 32. Ошибочность указания Аксакова и принадлежность статьи П. Н. Кудрявцеву установлена: Боград Совр, с. 143, 502—503.

1851

7. Крымские стихотворения Гр. Данилевского. СПб., 1851, рецензия.

Впервые опубликовано: С, 1851, № 4, отд. V, с. 64—68, без подписи. Приписано Некрасову А. М. Гаркави (сб. «Калининград». Калининград, 1959, вып. 4, с. 209) по связи с рецензией на «Собрание стихотворений П. Витусова». Ошибочность атрибуции Гаркави и принадлежность рецензии И. И. Панаеву установлены: НЖ, с. 146.

1852

8. Заметки и размышления Нового поэта по поводу русского фельетона, фельетон.

Впервые опубликовано: С, 1852, № 9, отд. VI, с. 239—255. Приписано Некрасову В. П. Дерновой, включившей этот фельетон в библиографию сочинений Некрасова (Некрасовский сборник. Пг., 1918, с. 213) без каких-либо аргументов. Автор фельетона — И. И. Панаев (ЛН, т. 53/54. М., 1949, с. 453).

1854

9. «Раут» Н. В. Сушкова, кн. 3. М., 1854, рецензия.

Впервые опубликовано: С, 1854, № 4, отд. IV, с. 25—36, без подписи. Включено в ПСС (т. IX, отд. «Dubia», с. 674). Ошибочность этой атрибуции и принадлежность рецензии М. Н. Лонгинову установлены В. Э. Боградом (Боград Совр, с. 242, 519).

1856

10. Заметки о журналах. Май 1856 года, фельетон.

Впервые опубликовано: С, 1856, № 6, отд. V, с. 235—256, без подписи. Некрасову приписана часть фельетона, посвященная комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» (ЛН, т. 49/50, с. 231). Ошибочность этой атрибуции указана В. Э. Боградом (Боград Совр, с. 529).

1860

11. Господин Геннади, исправляющий Пушкина, фельетон.

Впервые опубликовано: С, 1860, № 12, «Свисток», № 6, с. 40—43, без подписи. Включено в ПСС (т. IX, отд.«Dubia», с. 592—595). Ошибочность этой атрибуции и принадлежность фельетона М. Л. Михайлову установлены В. Э. Боградом (Боград Совр, с. 390, 570).

12. В библиографическом указателе А. В. Мезьер «Русская словесность» (СПб., 1902, с. 639, а также 275, 291, 402, 423) Некрасову приписаны следующие не принадлежащие ему статьи: а) об Островском из «Атенея», 1859, № 8; б) о романе Тургенева «Накануне» из «Московских ведомостей», 1860, № 99; в) о драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» из «Московских ведомостей», 1860, № 119 и г) об А. К. Толстом из «Московских ведомостей», 1862, № 274. Авторами этих статей являются однофамильцы Н. А. Некрасова. Последняя была подписана в газете Ив. Некрасовым (по-видимому, историком древнерусской литературы И. С. Некрасовым). Остальные принадлежат московскому критику и публицисту, сотруднику «Атенея» и «Московских ведомостей» Е. Ф. Корша, впоследствии известному филологу-слависту Н. П. Некрасову (1828—1913). Последний мог при жизни Н. А. Некрасова смело пользоваться не только подписью «Н. П. Некрасов», но и «Н. Некрасов», ибо Н. А. Некрасов, как уже отмечалось, в качестве критика не был известен читающей публике: ни одна его статья не была подписана его полным именем.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ

Анненков — *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1983.

АСК — Архив села Карабахи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916.

Ашукин — *Ашукин Н. С.* Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М., 1935.

БдЧ — «Библиотека для чтения».

Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. I—XIII. М., 1953—1959.

Боград ОЗ — *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М.—Л., 1959.

Боград Совр — *Боград В. Э.* Журнал «Современник», 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959.

Бухштаб — *Бухштаб Б. Я.* Библиографические разыскания по русской литературе XIX в. М., 1966.

Ведомости СПб. полиции — «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции».

ВЛ — «Вопросы литературы».

Вольф — *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года, ч. 1—3. СПб., 1877—1884.

ГАЯО — Государственный архив Ярославской области.

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГИН, НЛК — *Гин М. М.* Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957.

Гоголь — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч., т. I—XIV. Л., 1937—1952.

Григорович — *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1987.

Даль — *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., 1978—1980.

Добролюбов — *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9-ти т. М.—Л., 1961—1964.

Достоевский — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1972—1990.

Евгеньев-Максимов — *Евгеньев-Максимов В. С.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I—III. М.—Л., 1947—1952.

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (С.-Петербург).
ЛГ — «Литературная газета».
ЛдСЛ — «Листок для светских людей».
ЛН — «Литературное наследство».
ЛПРИ — «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“».
М — «Москвитянин».
МВ — «Московские ведомости».
Некр. в восп. — Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971.
НЖ — *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист. (Малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989.
Никитенко — *Никитенко А. В.* Дневник в 3-х т. Л., 1955—1956.
ОЗ — «Отечественные записки».
О Некр. — О Некрасове, вып. I—IV. Ярославль, 1958, 1968, 1971, 1975.
П — «Пантеон русского и всех европейских театров».
ПА — Альманах «Первое апреля». СПб., 1846.
ПСС — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем, т. I—XII. М., 1948—1953.
ПССт 1927 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1927.
ПССт 1931 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. Изд. 6-е. М.—Л., 1931.
ПССт 1967 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений в 3-х т. Л., 1967 («Библиотека поэта». Большая серия. Изд. 2-е).
РБ — «Русская беседа».
РВ — «Русский вестник».
РИ — «Русский инвалид».
РиП — «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров».
РЛ — «Русская литература».
РРТ — «Репертуар русского театра».
С — «Современник».
Свисток — Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник» 1859—1863 гг. Изд. подг. А. А. Жук и А. А. Демченко. М., 1981.
Сев. обозр. — «Северное обозрение».
СО — «Сын отечества».
Собр. соч. 1930 — *Некрасов* [*Н. А.*] Собр. соч., т. I—V. М.—Л., 1930.
СП — «Северная пчела».
СПбВ — «Санкт-Петербургские ведомости».
Ст 1874 — Стихотворения Н. Некрасова, т. III, ч. 6. СПб., 1874.
Ст 1879 — Стихотворения Н. А. Некрасова, т. I—IV. Посмертное издание. СПб., 1879.
Ст 1920 — Стихотворения Н. А. Некрасова. Изд. испр. и доп. Пг., 1920.
ТЛ — «Театральная летопись» (1845) — приложение к журналу РиП.
Тургенев, Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.—Л., 1961—1968.

Тургенев, Соч. — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.—Л., 1960—1968.

Тургенев 2, Соч. — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч. в 12-ти т. Письма в 18-ти т. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1978—(издание продолжается).

ФВ — «Финский вестник».

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив (Москва).

Чернышевский — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. I—XVI. М., 1939—1953.

ИСПРАВЛЕНИЯ

В т. XI, кн. 1 (с. 467) и т. XII, кн. 1 (с. 474) наст. изд. обзоры театральной жизни за подписью Вл. Ч. в «Отечественных записках» ошибочно приписаны В. В. Чуйко. По предположению Н. В. Королевой, автором их был, по-видимому, А. И. Кронеберг, использовавший псевдоним «Владимир Чулков» (см.: Очерки истории русской театральной критики. Конец XVIII—первая половина XIX века. Л., 1975, с. 234—236).

В 1-й книге т. XII не указаны редакторы тома — Б. В. Мельгунов и Ф. Я. Прийма.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

---

* В данный вспомогательный указатель входят фамилии и инициалы реальных лиц, имена монархов и членов их семей, литературные и сценические псевдонимы в принадлежащих Некрасову и атрибутируемых ему текстах, а также в комментариях к ним кн. 1 и 2 тома XII. В указатель не введены упоминания фамилии самого Некрасова и его индивидуальных псевдонимов, имена литературных, мифологических и т. п. персонажей, в ряде случаев имена исторических лиц в заглавиях произведений. Цифры, указывающие страницы комментариев, набраны курсивом. При наличии развернутой справки о том или ином неоднократно упоминаемом в комментариях лице страница, на которой она находится, выделяется полужирным шрифтом. Перечисление страниц кн. 1 предваряется цифрой 1, кн. 2 — цифрой 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Коллективное и Dubia

Критика

Подготовка текста и комментарии

А. М. БЕРЕЗКИН, М. М. ГИН (при участии Н. Н. МОСТОВСКОЙ), Б. В. МЕЛЬГУНОВ, Ф. Я. ПРИЙМА (при участии Н. Н. МОСТОВСКОЙ)

Редакторы тома

Б. В. МЕЛЬГУНОВ, Ф. Я. ПРИЙМА

Контрольный рецензент тома

С. А. РЕЙСЕР

Николай Алексеевич Некрасов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 12

Книга II

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства *Е. А. Смирнова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Э. Г. Рабинович, А. Х. Салтанаева* и *С. И. Семиглазова*

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 19.07.93. Подписано к печати 18.07.95.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура школьная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24.4. Уч.-изд. л. 28.3. Тираж 2000 экз. Тип. зак. № 3430. С 1168.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034,Санкт-Петербург, 9 лин., 12